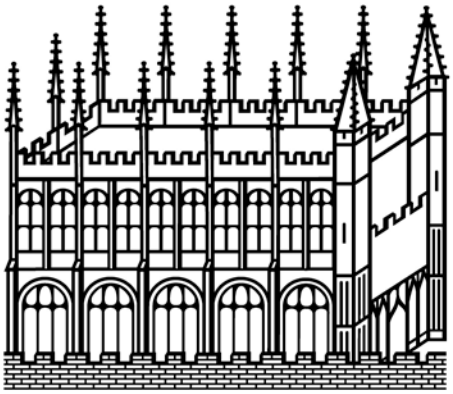


Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

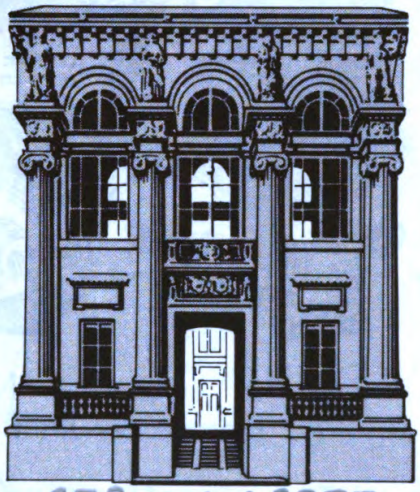
This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

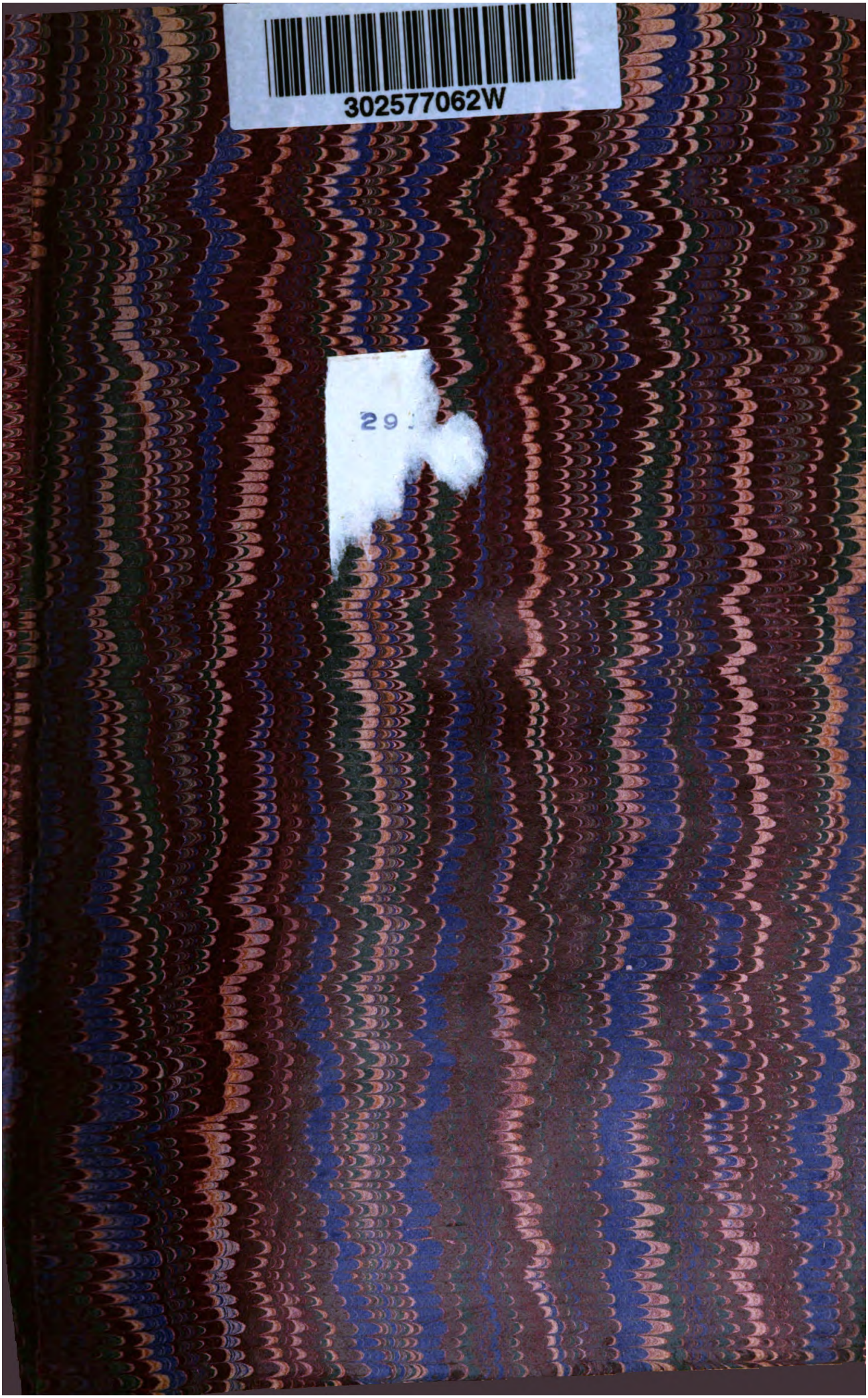
http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

TAYLOR
INSTITUTION
LIBRARY



REP SLAV 2982
ST. GILES · OXFORD
PG 3337. H4. A1. 1875 (1)


302577062W

702

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ТОМЪ I

Сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА (Искандера)

БЫЛОЕ И ДУМЫ. 4 тома. Лондонъ и Женева. 1861—1867.

ЕЩЕ РАЗЪ. (Сборникъ статей.) Женева, 1866.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. Третье изданіе. Лондонъ, 1858.

КТО ВИНОВАТЪ? Романъ въ двухъ частяхъ. Лондонское изданіе.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ. (1847—52.) Съ портретомъ автора. Лондонъ, 1858.

ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ. (Съ портрет. автора.) Лондонъ, 1857.

РУССКІЙ НАРОДЪ И СОЦІАЛИЗМЪ. Письмо къ И. Мишле. (Переводъ съ французскаго.)

СТАРЫЙ МІРЪ И РОССІЯ. Письма къ В. Линтону. (Переводъ съ французскаго.) Лондонъ, 1858.

СЪ ТОГО БЕРЕГА. Лондонъ, 1858.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА. (Съ портретомъ автора.) Лондонъ, 1858.

ФРАНЦІЯ ИЛИ АНГЛІЯ? (Переводъ съ французскаго.) Лондонъ.

CAMICIA ROSSA. La chemise rouge, Garibaldi à Londres, (en français) Bruxelles, 1865.

DE L'AUTRE RIVE, (en français). Genève, 1871.

DU DEVELOPPEMENT DES IDÉES RÉVOLUTIONNAIRES EN RUSSIE. Londres. 1853.

LA CONSPIRATION RUSSE DE 1825, suivie d'une Lettre sur l'émancipation des paysans en Russie. Londres, 1858.

LA FRANCE OU L'ANGLETERRE? Variations russes sur le thème de l'attentat du 14 Janvier 1858. Londres, 1858.

FRANCE OR ENGLAND? London, 1858.

LA MAZOURKA. Un article du *Kolokol*, dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet, (en français). Genève, 1869.

LE PEUPLE RUSSE ET LE SOCIALISME. Lettre à M. Michelet.

LES MÉMOIRES. Les volumes 1 à 3. Paris, 1860—62.

LETTRE adressée à l'empereur de Russie. Genève, 1866.

LETTRES SUR LA FRANCE ET L'ITALIE. Genève, 1871.

NOUVELLE PHASE DE LA LITTERATURE RUSSE. Bruxelles, 1868.

Соч. А. И. Герцена въ сотрудничествѣ съ Н. П. Огаревымъ и др.

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ. (1855—60). Соціальныя и политическія статьи Искандера и Н. Огарева. Лондонъ, 1860—61.

КОЛОКОЛЪ. 1857—68. Лондовъ и Женева.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА. (1857—1869.) Лондонъ и Женева.

СБОРНИКЪ ПОСМЕРТНЫХЪ СТАТЕЙ. 2-ое изд. Женева, 1874.

ŒUVRES D'ALEXANDRE HERZEN

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ТОМЪ I

ДНЕВНИКЪ
ДИЛЕТТАНТИЗМЪ ВЪ НАУКѢ
БУДДИЗМЪ ВЪ НАУКѢ

CANCELLE
RUSSIAN SEMINARY
OXFORD
303
LIBRARY

GENÈVE — BALE — LYON
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1875

Tous droits réservés.

Genève. — Imp. russe, A. TROUSSOFF, chemin de la Cluse, 12.

LIBRARY OF THE TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
OF OXFORD
- 7 JUN. 19
Transferred to the
Russian Language Library.

TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
19 FEB 1998
OF OXFORD
LIBRARY

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Предисловіе. VII

ДНЕВНИКЪ

1842. 1
1843. 70
1844. 159
1845. 259

ДИЛЕТТАНТИЗМЪ ВЪ НАУКѢ

I. Дилеттантизмъ въ наукѣ (1842) 279
II. Дилеттанты-Романтики (1842). 300
III. Дилеттанты и цехъ ученыхъ (1842) 324
IV. Буддизмъ въ наукѣ (1843). 351

ПРЕДИСЛОВІЕ

Прошло болѣе пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Герценъ. Эти пять лѣтъ, наполненныя грозными, міровыми событіями, разрушили европейское равновѣсіе, измѣнили до основанія общественный строй многихъ странъ; они уничтожили много надеждъ, породили много требованій, указали много новыхъ политическихъ условій, вызвали изъ глубины общественной жизни много сложныхъ и важныхъ задачъ. Вездѣ въ Европѣ старый порядокъ быстро рушится, вездѣ появляются еще неясныя очертанія новаго склада: во всѣхъ политическихъ партіяхъ, прежніе дѣятели обойдены, они уступаютъ свое мѣсто новымъ дѣятелямъ, приносящимъ иныя мысли, иныя чувства, иной темпераментъ. Въ такія эпохи переломовъ, быстрыхъ толчковъ впередъ, лучшіе люди прошедшаго скоро забываются, они быстро старѣютъ въ глазахъ обновленнаго общества и остаются развѣ лишь какъ историческія воспоминанія, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительностью.

Постигла ли эта участь, общая всѣмъ сходящимъ со сцены, и покойнаго Герцена? стоитъ ли онъ, съ своей блестящей прошедшей дѣятельностью, въ разрѣзъ съ настоящимъ и въ какой мѣрѣ примутъ будущія поколѣнія оставленное имъ литературное наслѣдство? Вопросы эти не могутъ имѣть ничего обиднаго ни для памяти Герцена, ни для его друзей и почитателей; они истекаютъ изъ необходимыхъ, непреложныхъ законовъ исторіи и должны быть рѣшены на заглавномъ листѣ настоящаго „Собранія."

Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ, очевидно, самый характеръ изданія. Если Герценъ пересталъ быть человѣкомъ современнымъ, если онъ настолько опереженъ событіями, что между его мыслью и мыслью окружающей среды образовалась уже разсѣлина, которую время, какъ это всегда бываетъ, будетъ все болѣе и болѣе углублять и расширять, то безполезно тратить и трудъ и матеріяльныя средства на воспроизведеніе всего того, что вышло изъ подъ его

пера. Такое собраніе имѣло бы развѣ характеръ изъявленія уваженія къ памяти умершаго, со стороны его семейства или его друзей, оно не имѣло бы для публики, для общества никакого серьезнаго значенія. Достаточно было бы выбрать то, что имѣетъ еще общій интересъ, оставляя все остальное въ видѣ библіографической рѣдкости, доступной не многимъ любопытнымъ и любознательнымъ.

Пишущій эти строки долго думалъ объ этомъ; онъ внимательно перечиталъ все, оставленное Герценомъ, онъ сравнилъ его съ тѣмъ, что теперь пишется по тѣмъ же вопросамъ, онъ взвѣсилъ достоинства и недостатки съ безпристрастіемъ, тѣмъ болѣе для него легкимъ, что онъ стоитъ на совершенно другой точкѣ зрѣнія, и пришелъ къ глубокому и искреннему убѣжденію, что возсозданіе творенія Герцена, во всѣхъ его подробностяхъ, будетъ услугой для его соотечественниковъ, не только въ смыслѣ обогащенія литературы систематическимъ собраніемъ произведній замѣчательнаго писателя, но и въ смыслѣ прямаго, непосредственнаго поученія.

На основаніи этого убѣжденія, которое раздѣляютъ всѣ тѣ, которые близко знаютъ труды покойнаго, предпринято настоящее изданіе. Оно будетъ заключать въ себѣ, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, все, что Герценъ напечаталъ или оставилъ послѣ себя въ рукописи, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ мелкихъ, отрывочныхъ статеекъ, появившихся въ *Колоколѣ* и имѣющихъ чисто личный и временной характеръ; въ послѣднемъ томѣ будетъ приложена имѣющаяся, впрочемъ немногочисленная, переписка. О самомъ способѣ изданія можно сказать не многое, такъ какъ способъ этотъ зависитъ отъ многихъ весьма измѣнчивыхъ и трудно опредѣлимыхъ условій.

Еслибъ въ рукахъ издателей были достаточныя средства, все изданіе, въ которое войдетъ вѣроятно болѣе 15 томовъ такого формата какъ настоящій томъ, могло бы выйдти въ теченіи полутора года. Но не таковы существующія условія. Изданіе, предпринятое семействомъ покойнаго, на свои собственныя средства и на средства пожертвованныя весьма не многими друзьями, должно подвигаться осторожно и слѣдовательно медленно: его быстрота будетъ зависѣть отъ успѣха первыхъ томовъ, а достаточный успѣхъ заграницей напечатанной русской книги можно ожидать и желать, на него нельзя разсчитывать. Конечно можно было прибѣгнуть къ подпи-

скѣ; это средство, весьма употребительное, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, игравшемъ видную роль, часто удается и издатели о немъ думали. Имъ казалось съ перваго взгляда, что собрать какіе нибудь 20,000 франковъ на такое дѣло, которое во всякомъ случаѣ окупитъ хоть часть издержекъ, очень возможно и даже не трудно; но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, они отказались отъ этого пути. Всякая подписка удается только при условіи значительной публичности; обращаться въ русскіе журналы конечно нечего было и думать — имя Герцена пугаетъ правительство, слѣдовательно оно запрещено; заграничныя періодическія изданія недостаточно распространены въ Россіи да и притомъ, надо сознаться, издателямъ показалось неловкимъ прибѣгать къ иностранной прессѣ для того, чтобы просить средства на печатаніе сочиненій Герцена. Это имя русское, оно вплетено во всѣ главныя событія современной Россіи — оно должно остаться цѣлымъ, нетронутымъ въ средѣ немногихъ русскихъ друзей до тѣхъ поръ, пока обстоятельства позволятъ ему вернуться прямо и свободно въ оставленное отечество и явиться на судъ ничѣмъ не стѣсненнаго общественнаго мнѣнія. Таковы причины, побудившія насъ начать изданіе и таковы его особенныя условія.

Но указать эти причины, высказать убѣжденіе, что полное собраніе сочиненій Герцена не анахронизмъ, намъ кажется недостаточнымъ. Убѣжденіе это, если оно не субъективный взглядъ, не увлеченіе родственной связи или дружбы, должно имѣть свое основаніе и быть способнымъ передаваться всякому безпристрастному, непредупрежденному человѣку. Читатель, надѣемся, позволитъ намъ объяснить наше убѣжденіе, оправдать нашъ взглядъ, опредѣлить нашу мысль. Съ этою цѣлью помѣщено предисловіе къ первому тому полнаго собранія сочиненій.

Чтобъ узнать человѣка и опредѣлить его значеніе нужно, разумѣется, прежде всего, знать его біографію, прослѣдить его жизнь съ возможной подробностью, и какъ частнаго человѣка и какъ общественнаго дѣятеля. Эта біографія существуетъ, и нѣтъ надобности ее здѣсь повторять. Она написана самимъ Герценомъ и взошла, подъ разными заглавіями, въ *Былое и Думы*, которыя обнимаютъ весь періодъ ранней молодости, университетской жизни, правительственныхъ преслѣдованій въ Россіи и заграничной жизни до шестидесятыхъ годовъ. Въ посмертныхъ сочиненіяхъ и нѣсколькихъ,

еще при жизни напечатанныхъ брошюрахъ (напр. „Camicia rossa“ и др. находятся очерки изъ лондонской жизни, т. е. изъ временъ блестящаго успѣха *Колокола* и *Полярной Звѣзды*. Конечно, все это отрывочно, во всемъ этомъ нѣтъ той послѣдовательности, которую мы привыкли встрѣчать въ біографіяхъ, потому что Герценъ описывалъ окружавшую его среду и знакомыхъ ему людей гораздо больше чѣмъ себя, но во всемъ что онъ о себѣ сообщаетъ, такая искренняя правда, такое неподражаемое сходство съ дѣйствительностью, которыя дѣлаютъ разсказъ его неизмѣримо интереснѣе всякаго систематическаго изложенія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ, о которыхъ не имѣется до сихъ поръ печатныхъ свѣдѣній. Послѣ окончанія польскаго возстанія, въ 1864 г., Герценъ покинулъ Лондонъ и переселился въ Женеву. *Колоколъ*, нѣкогда такъ грозно звонившій тризну умершему и благовѣсть оживающему, все еще выходилъ—но вліяніе его быстро уменьшалось; ясно было, что въ Россіи настала какая то новая эпоха, что погода перемѣнилась, что вѣтеръ изъ попутнаго сталъ противнымъ. Явились не только новое направленіе и новыя общественныя требованія, явились новые люди, которые скоро, гонимые правительствомъ, стали пріѣзжать изгнанниками на западъ. Съ ними Герценъ столкнулся въ Женевѣ—этомъ международномъ центрѣ политической эмиграціи. „Общее между нами было слишкомъ обще, писалъ онъ. Вмѣстѣ идти, служить, по французскому выраженію, вмѣстѣ что нибудь дѣлать—мы могли, но вмѣстѣ стоять и жить, сложа руки, было трудно“ *). Трудность эта была изъ тѣхъ, которыя должны неминуемо увеличиваться и усложняться обстоятельствами; разладъ, повторявшійся въ разныхъ формахъ каждодневно и происходившій отъ различія темпераментовъ, образованія, взглядовъ на вещи не могъ кончиться примиреніемъ.

Споры, изъ сферъ общихъ вопросовъ, перешли мало по малу въ область мелкихъ житейскихъ дрязгъ; молодые революціонеры стали сначала учить покровительственнымъ тономъ „отсталыхъ стариковъ,“ потомъ упрекать ихъ въ барствѣ, въ непослѣдовательности, наконецъ, просто обвинять ихъ въ неправильномъ присвоеніи себѣ чужихъ денегъ. По этой прогрессіи можно было, понятно, далеко уйдти.

*) *Сборникъ посмертныхъ статей:* „Общій Фондъ.“

Здѣсь необходимо сдѣлать ту оговорку, которую сдѣлалъ самъ Герценъ въ своей статьѣ: „Общій Фондъ.“ Я вовсе не желаю прямо или косвенно оскорбить молодую эмиграцію, принесшую изъ Россіи и свои убѣжденія и свои особые революціонные пріемы. Она была продуктомъ если не своего времени, то по краней мѣрѣ своей среды и тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, которыя развились въ Россіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Личности въ этомъ случаѣ исчезаютъ, онѣ не отвѣтственны, ихъ безполезно и безсмысленно осуждать, какъ безполезно и безсмысленно сѣтовать на горькіе плоды, растущіе на дикомъ деревѣ; но интересно, полезно и поучительно констатировать новое направленіе и изучать его.

Два года, проведенные Герценомъ въ Женевѣ, были для него тягостными годами. *Колоколъ* не расходился, мелкіе споры съ эмиграціей положительно отравляли жизнь. Въ началѣ 1867 года Герценъ уѣхалъ изъ Женевы и съ тѣхъ поръ пріѣзжалъ въ нее только на короткое время. Выборъ новаго мѣстожительства представлялъ не мало затрудненій: онъ хотѣлъ продолжать свою дѣятельность, продолжать *Колоколъ*, для этого надо было имѣть подъ рукой типографію, а ее не позволили бы ни во Франціи, ни въ Италіи, ни даже въ Бельгіи. Онъ рѣшился оставить редакцію свою въ Женевѣ и жить въ другомъ мѣстѣ. Остановившись нѣкоторое время въ Италіи, онъ провелъ двѣ зимы въ Ниццѣ, провелъ нѣкоторое время въ Брюсселѣ и мѣсяца за три до своей смерти пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ намѣревался окончательно остаться.

Колоколъ, выходившій съ 1-го Января 1868 года на французскомъ языкѣ, прекратилъ свое существованіе въ началѣ 1869 г. Время чисто политической пропаганды кончилось; не съ кѣмъ было говорить: одни не хотѣли или не могли слушать, другіе не хотѣли или не могли понимать. Но таланту Герцена оставалось еще обширное поприще. Обращенный на вопросы общіе, не стѣсняясь ни географическими границами, ни измѣнчивыми потребностями времени, онъ могъ повѣдать намъ еще многое изъ видѣннаго и надуманнаго — таково было ожиданіе всѣхъ друзей. Въ цвѣтѣ силъ, успокоенный, послѣ долгой и часто неблагодарной борьбы, окруженный той широкой умственной средой, которая въ Парижѣ такъ безпристрастна, такъ человѣчна, Герценъ, безъ всякаго сомнѣнія, занялся бы литературными работами,

которыя выходили у него такъ неподражаемо хороши. Обстоятельства сложились иначе.

Еще въ 1868 г. у Герцена открылся діабетъ, болѣзнь съ которой можно иногда очень долго жить, но которая не рѣдко оканчивается быстро смертью. Крѣпкое, здоровое тѣлосложеніе больнаго и во время принятыя мѣры скоро улучшили состояніе и можно было надѣяться на совершенное выздоровленіе; неожиданное обстоятельство разстроило эти надежды. Въ Январѣ 1870 г. Герценъ простудился и получилъ воспаленіе лѣваго легкаго. Всякій воспалительный процессъ при сахарной болѣзни въ высшей степени опасенъ и съ третьяго же дня стало ясно, что не оставалось никакого спасенія. Герценъ умеръ ночью съ 20 на 21 Января, на шестой день послѣ появленія первыхъ симптомовъ, сохранивъ память почти до послѣдней минуты и не подозрѣвая опасности своего положенія. Похороны его привлекли огромную толпу; почти вся французская республиканская партія была на лицо, много шло за гробомъ старыхъ дѣятелей, даже простыхъ работниковъ, знавшихъ Герцена въ 1848 году. Тѣло его перевезено въ Ниццу, гдѣ надъ могилой его скоро будетъ поставленъ монументъ, заказанный семействомъ на деньги, собранныя по подпискѣ.

Таковы главные факты послѣднихъ лѣтъ. Я сообщаю ихъ вкратцѣ, не вдаваясь въ подробности, потому что это предисловіе не имѣетъ характера біографіи — на него должно смотрѣть какъ на объясненіе литературной дѣятельности Герцена а не какъ на разсказъ различныхъ эпизодовъ его жизни.

Мнѣнія о Герценѣ существуютъ самыя разнообразныя, самыя противорѣчивыя. Одни, становясь на точку зрѣнія существующихъ государственныхъ понятій, весьма пламенной и искренней но и узкой любви отечества считаютъ его преступнымъ революціонеромъ, потому что онъ, не стѣсняясь никакими второстепенными соображеніями, бичевалъ старый порядокъ и измѣнникомъ своей родинѣ, потому что онъ покинулъ ее и раскрывалъ передъ глазами иностранцевъ ея уродства и болѣзни. Это мнѣніе *старыхъ*, консерваторовъ, принимая это слово въ смыслѣ личныхъ убѣжденій а не партіи, такъ какъ въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть никакихъ политическихъ партій. Другіе, исходя изъ западныхъ теорій революціи и соціализма, которыя, быть можетъ, нѣсколько преждевременны и „теплично" привились нѣкоторой части

русскаго общества, смотрятъ на него какъ на человѣка отсталаго, или скорѣе *недошедшаго*, лишеннаго той безграничной смѣлости мысли, которая позволяетъ доходить легко и свободно до самыхъ крайнихъ предѣловъ, какъ бы парадоксальны они ни были. Это мнѣніе молодыхъ, *новыхъ*, мечтающихъ быстро и насильственно перестроить складъ русскаго общества. Третіе наконецъ, люди уничтоженія крѣпостнаго права и слѣдовавшихъ за нимъ реформъ, люди усовершенствованій а не идеальнаго совершенства, почитаютъ его представителемъ либеральныхъ идей въ Россіи, лучшимъ выраженіемъ дѣйствительно прогрессивной политики, результатомъ которой было бы увеличеніе благосостоянія отечества. Въ одномъ всѣ согласны, и друзья и враги и русскіе и иностранцы: Герценъ былъ умный человѣкъ и замѣчательный писатель. Это, сколько мнѣ извѣстно, никто никогда не оспаривалъ.

Въ сущности, во всѣхъ этихъ несогласныхъ и противорѣчивыхъ отзывахъ есть и доля истины и доля несправедливости. Совершенно вѣрно и то, что Герценъ былъ революціонеромъ и то, что онъ не былъ анархистомъ, не ошибаются ни тѣ, которые осуждаютъ его въ крайности, ни тѣ, которые упрекаютъ его въ умѣренности, потому что между его мнѣніями, были мнѣнія крайнія и мнѣнія умѣренныя. Противники и почитатели ошибаются въ одномъ и, безъ сомнѣнія, весьма важномъ пунктѣ: они употребляютъ въ своихъ сужденіяхъ непригодную мѣрку, они всѣ исходятъ изъ ложной оцѣнки.

Герценъ вовсе не былъ политическимъ человѣкомъ. Ни по складу ума, ни по темпераменту, ни по характеру онъ не подходитъ подъ опредѣленіе практическаго дѣятеля на поприщѣ политическихъ вопросовъ. Я очень хорошо понимаю, что такой взглядъ можетъ показаться многимъ страннымъ, даже парадоксальнымъ. Съ раннихъ лѣтъ Герценъ подвергался политическимъ гоненіямъ; посаженный въ тюрьму, сосланный въ отдаленныя губерніи, лишенный впослѣдствіи всѣхъ правъ имущества и всѣхъ правъ состоянія, объявленный „государственнымъ преступникомъ,“ приговоренный чуть ли не на каторжную работу, ему кажется трудно отказать въ качествѣ политическаго человѣка. Можно къ этому, пожалуй, прибавить еще другія, болѣе основательныя соображенія. Развѣ *Колоколъ* не былъ дѣломъ чисто политической пропаганды? Развѣ среда, въ которой Герценъ жилъ

въ Лондонѣ, не была средой политическихъ изгнанниковъ всѣхъ государствъ и политическихъ конспираторовъ всѣхъ странъ? Развѣ не имѣлъ онъ прямыхъ и близкихъ сношеній съ людьми, которые такъ опрометчиво кинулись въ несчастное польское возстаніе? Все это безспорно, но все это ничего не доказываетъ. Мнѣнія правительства, въ особенности такого какимъ было русское правительство въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, не есть еще авторитетъ при оцѣнкѣ людей; и Пушкинъ былъ сосланъ, и Сильвіо Пелико сидѣлъ девять лѣтъ въ казематахъ. Правительство преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ считаетъ въ данную минуту для себя опасными а понятіе объ этой опасности весьма измѣнчивое, весьма смутное, и, слѣдуетъ прибавить, большею частью весьма странное.

Въ 1834 году двадцати двухъ лѣтняго Герцена арестуютъ, держатъ восемъ мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, допрашиваютъ и наконецъ торжественно приговариваютъ къ ссылкѣ за то, что пѣли какія то неблагонамѣренныя пѣсни на имянинномъ обѣдѣ, на которомъ онъ не присутствовалъ; въ 1849 году, безъ всякихъ поводовъ и объясненій, у Герцена конфискуютъ его состояніе и годъ спустя посылаютъ ему приказъ возвратиться въ Россію. Ни молодой человѣкъ, только что вышедшій изъ университета и ревностно занимавшійся тогда философіей, ни туристъ, ѣхавшій по его собственному выраженію „безъ всякаго опредѣленнаго плана, съ единственной цѣлью остаться до нельзя за границей,“ и не думали бунтовать противъ правительства — ихъ приняли за какихъ то заговорщиковъ, опасныхъ для русскаго самодержавія. Стоитъ прочесть появляющійся здѣсь въ первый разъ *Дневникъ*, чтобы убѣдиться, что Герценъ, уже возвратившійся изъ ссылки и собирающійся въ чужіе края, вовсе не былъ и не намѣревался быть политическимъ агитаторомъ. *Дневникъ* этотъ не предназначался для печати — это была просто записная книжка, въ которую вписывалось въ часы досуга то, что приходило на умъ, безъ всякаго опасенія цензурнаго или полицейскаго вмѣшательства; въ немъ первое мѣсто занимаютъ вопросы философскіе, историческіе, литературные и только изрѣдка появляются взгляды политическіе да и то чисто абстрактнаго, теоретическаго характера. Можно сказать навѣрное, что еслибъ Герцена не преслѣдовали, еслибъ дали его таланту свободно развиться, онъ продолжалъ бы идти по тому пути, на которомъ мы находимъ *Дилеттантизмъ въ*

наукъ, *Письма объ изученіи Природы*, и *Кто виноватъ?* Во всемъ этомъ есть смѣлыя, либеральныя мысли, во всемъ этомъ видѣнъ свободный умъ, не раздѣляющій предразсудковъ тогдашней среды, но нѣтъ и тѣни какихъ бы то ни было политическихъ замысловъ. Правительство, не смотря на свои гоненія, не могло конечно измѣнить склада ума и темперамента Герцена — онъ остался и послѣ ссылки, и во время своего хотя и добровольнаго, но необходимаго, изгнанія тѣмъ же художникомъ и мыслителемъ, какимъ былъ въ первые года своей литературной карьеры; оно могло только придать его дѣятельности другой характеръ. Такъ дѣйствительно и случилось, но случилось не вдругъ, а постепенно, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда важныхъ европейскихъ событій. До 1853 года, т. е. впродолженіе шестилѣтняго пребыванія заграницей, Герценъ въ своихъ сочиненіяхъ касался политики только съ общей, теоретической точки зрѣнія: *Съ того берега*, *Прерванные разсказы*, *Письма изъ Франціи и Италіи* произведенія чисто литературныя, въ которыхъ политическія событія играютъ конечно видную роль, но *цѣль* автора, его задача принадлежатъ художеству, а не политикѣ. Развѣ картина Мюллера, представляющая Шенье въ ожиданіи казни, не написана съ желаніемъ вселить въ зрителяхъ сочувствіе къ приговоренному поэту и отвращеніе къ терроризму? Однако никто не скажетъ что эта, во многихъ отношеніяхъ прекрасная картина, политическое произведеніе. Она, какъ и выше названныя сочиненія Герцена, не смотря на свой сюжетъ, остается произведеніемъ художественнымъ.

Съ 1855 года, съ выходомъ I-й части *Полярной звѣзды* начинается собственно *политическая* дѣятельность Герцена. Всѣ условія сложились, чтобы направить вниманіе русскаго на государственный строй Россіи. На западѣ реакція торжествовала: послѣ іюньскихъ дней и Кавеньяка, 2-ое декабря и Наполеонъ-президентъ, а потомъ Наполеонъ-императоръ, царство развратной буржуазіи, гоненія на все честное и живое; въ Россіи агонія Николаевской системы, война, исходъ которой не могъ быть сомнительнымъ и ожиданіе чего то другого, новаго, лучшаго. Если прибавить къ этому, что Герценъ, жившій въ Лондонѣ, былъ окруженъ обществомъ, тогда многочисленнымъ, изгнанниковъ и политическихъ людей всѣхъ странъ, въ которыхъ революція была убита, станетъ яснымъ, что онъ долженъ былъ мало по малу перейти на поприще политической пропаганды. Но и тутъ слѣдуетъ

сдѣлать оговорку. Я перечиталъ объявленіе о появленіи *Полярной звѣзды,* напечатанное въ первомъ ея томѣ; оно чрезвычайно мѣтко, въ немногихъ страницахъ обрисовываетъ положеніе Россіи на другой день послѣ смерти Николая, оно указываетъ на всѣ слабыя стороны правленія, начавшагося картечными выстрѣлами на дворцовой площади и кончившагося севастопольскимъ погромомъ, но въ немъ нѣтъ и тѣни того, что можно было бы назвать *политической программой.* „Не думайте, говоритъ Герценъ въ передовой статьѣ второй книжки *Полярной Звѣзды,* что мы намекаемъ на то, что у насъ программа; мы ее такъ же ищемъ, какъ вы, хотимъ искать вмѣстѣ.....“ это писано въ 1856 году. По немногу, однако, задача опредѣляется и уясняется. Новое царствованіе началось, съ нимъ явились новые люди и новые правительственные виды, желаніе радикальныхъ реформъ стало проникать въ высшія государственныя сферы. Появился *Колоколъ* (1857) съ эпиграфомъ **Vivos voco!** Что то живое, сильное пробуждалось, дѣйствительно, въ то время на крайнемъ сѣверѣ: на мѣсто общихъ, неясныхъ стремленій къ свободѣ, явился практическій и понятный вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. *Колоколъ* посвятилъ себя этому вопросу и развивалъ съ безпощадной логикой, съ неизмѣннымъ постоянствомъ въ большихъ статьяхъ и въ мелкихъ замѣткахъ свои три основныя начала: освобожденіе крестьянъ съ землею, земская воля, свобода Польши. Это, безъ всякаго сомнѣнія, политическая дѣятельность, но съ особымъ спеціальнымъ значеніемъ: она не истекала изъ темперамента Герцена, она истекала изъ необходимости. Въ то время въ Россіи всѣ сдѣлались вдругъ политическими людьми; поэты и философы, ученые и промышленники, духовенство и дворяне — всѣ были увлечены какой-то неудержимой силой въ область общественныхъ вопросовъ и государственныхъ реформъ. Принужденный жить заграницей, освобожденный волею правительства отъ требованій цензурнаго устава, Герценъ воспользовался своимъ положеніемъ и совершенно естественно сталъ не только представителемъ оппозиціи, но и центромъ, во кругъ котораго собирались самые радикальные ея элементы. Въ Лондонъ пріѣзжали за лозунгомъ люди всѣхъ сословій и чиновъ, тамъ было нѣчто въ родѣ пятаго, въ Петербургѣ несуществующаго, отдѣленія собственной е. в. канцеляріи, занимающагося изготовленіемъ и обсужденіемъ проэктовъ либеральныхъ мѣръ. Вліяніе Гер-

цена въ то время было огромно; его голосъ доходилъ до Зимняго дворца и проходя чрезъ его стѣны, шелъ дальше, въ глубь обширной страны русской, пробуждая вездѣ давно заснувшую мысль, призывая всѣхъ на великое дѣло освобожденія. Но вліяніе это продолжалось не долго, оно быстро и какъ бы вдругъ исчезло съ началомъ польскаго возстанія —лучшее доказательство, что Герценъ не былъ политическимъ человѣкомъ, что за нимъ не было партіи, что его дѣйствіе на русскую публику происходило отъ временнаго совпаденія его личныхъ симпатій съ настроеніемъ умовъ въ Россіи. Освободивъ крестьянъ и измѣнивъ судопроизводство, Россія остановилась — она исполнила задачу, лежавшую непосредственно передъ ней; для Герцена это былъ первый пунктъ программы, онъ продолжалъ идти далѣе, требовать большаго, не замѣчая, что идетъ одинъ, что требованій этихъ у общества вовсе нѣтъ. То, чего хотѣлъ Герценъ, совершенно раціонально съ точки зрѣнія современныхъ идей, оно логично съ точки зрѣнія здраваго пониманія исторіи, оно пожалуй необходимо для общественнаго благосостоянія, но въ этомъ и состоитъ разница между теоретическимъ изслѣдованіемъ и политическою дѣятельностью, что одно не стѣсняется временными, практическими условіями, а другая подчиняетъ научную логику минутной и часто случайной необходимости.

Я съ нѣкоторою подробностью остановился на этомъ вопросѣ о характерѣ дѣятельности Герцена, потому что вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ; для того, чтобы понять значеніе какого бы то ни было дѣятеля, для того, чтобъ оцѣнить его настоящее достоинство, его надобно мѣрить подходящей мѣркой. Герценъ былъ прямымъ, типичнымъ продуктомъ своего времени; онъ не былъ политическимъ человѣкомъ потому, что въ то время никакой политики въ Россіи не было и не могло быть. Послѣ минутной вспышки 1825 г., самодержавіе изъ неограниченнаго сдѣлалось необузданнымъ, оно, тяжелою рукой, закрыло всѣ выходы всякимъ политическимъ стремленіямъ и заставило общественную мысль обратиться на другое направленіе: въ Россіи начался тотъ періодъ критики и отрицанія, который, вѣкомъ прежде, съ такимъ блескомъ развился во Франціи. Славянофилы и западники, православные и гегельянцы объявили другъ другу войну; тутъ дѣло шло вовсе не о формѣ правленія — объ ней нечего было спорить — даже не о тѣхъ или другихъ госу-

дарственныхъ улучшеніяхъ, борьба была между старымъ и новымъ въ сферѣ науки, философіи, религіи и искусства.

Переходъ отъ одного историческаго фазиса къ другому, всегда такъ происходитъ: разложеніе начинается съ идей абстрактныхъ и мало по малу доходитъ до конкретныхъ фактовъ политики. Вспомнимъ вѣкъ Вольтера и его сподвижниковъ; тогда, какъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, о политической революціи не могло быть и рѣчи, всѣ силы шли на разрушеніе укоренившихся предразсудковъ, на освобожденіе мысли изъ подъ опеки религіозной неподвижности. Всякое явленіе, всякое событіе какъ бы мелко оно ни было, служило поводомъ нападокъ, которыя принимали всѣ возможныя формы, и форму ученыхъ сочиненій, и форму легкихъ журнальныхъ статей, и форму беллетристическихъ произведеній; при этомъ не было ни опредѣленной философіи, ни строгихъ критическихъ пріемовъ, употреблялись всѣ находившіеся подъ рукою средства, чтобъ прорвать плотину, мѣшавшую мысли двигаться далѣе. Сходство обѣихъ эпохъ поразительное, и разница ихъ заключается развѣ только въ народныхъ особенностяхъ и въ сравнительно высшей цивилизаціи XIX вѣка. Если взять съ одной стороны людей прошлаго столѣтія, Вольтера, Дидро, энциклопедистовъ, а съ другой, кружокъ дѣятелей, прославившихъ московскій университетъ и русскую литературу сороковыхъ годовъ, Грановскаго, Бѣлинскаго, Герцена, нельзя не увидать съ перваго же взгляда, что у нихъ были тѣ же замыслы, тотъ же темпераментъ, тѣ же цѣли, что они представляютъ собой, въ двухъ различныхъ средахъ, одинаковую степень общественнаго развитія.

Сравненія, конечно, ничего не доказываютъ, но онѣ часто многое объясняютъ, представляя для литературной оцѣнки новыя, дополнительныя мѣрила. Здѣсь сравненіе невольно напрашивается: Герцена, съ полнымъ правомъ, можно назвать русскимъ Вольтеромъ.

Двѣ черты характеризуютъ въ особенности великаго французскаго писателя: изумительная всеобщность таланта, способнаго быстро переходить отъ однаго предмета къ другому и совершенно своеобразная, безпощадная иронія. Эти двѣ особенности принадлежатъ Герцену въ высокой степени. Безъ сомнѣнія, въ его произведеніяхъ нѣтъ того разнообразія, той универсальности, которыя встрѣчаются въ твореніи Вольтера, онъ, быть можетъ, серьезнѣе глядѣлъ на обще-

ственную жизнь, но это зависѣло отъ того, что ему приходилось заниматься исключительно русскими, сравнительно не сложными и малочисленными вопросами и рѣшать ихъ сообразно требованіямъ не XVIII-го а XIX вѣка. Помимо этого различія въ объемѣ, если можно такъ выразиться, все схоже во фраицузскомъ и русскомъ писателѣ и сходство распростаняется не только на индивидуальныя свойства, но и на характеръ вліянія на окружающую общественную среду. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ, ни въ какой странѣ, послѣ Вольтера, не было человѣка, который, ставъ въ разрѣзъ со всѣмъ установленнымъ и принятымъ, однимъ своимъ перомъ имѣлъ такое необычайное вліяніе, какимъ было вліяніе Герцена на русскую публику. Его читали всѣ, и старые, и молодые, и люди офиціальные, и люди недовольные и на всѣхъ дѣйствовалъ онъ, ободряя однихъ, вселяя въ другихъ непреодолимый страхъ, онъ сдѣлался необходимымъ элементомъ, его мнѣніе стало нужной составной частью общественнаго мнѣнія.

Такой результатъ не достигается случайно, онъ не зависитъ отъ тѣхъ быстро проходящихъ капризовъ людей, которые возносятъ вдругъ на верхъ славы какого нибудь дѣятеля и бросаютъ его потомъ въ глубокую бездну забвенія; тутъ должна быть опредѣленная, разумная причина. Сила Вольтера — это часто повторяли на всѣ лады — состояла въ томъ, что онъ заключилъ союзъ съ королями противъ боговъ. Въ этомъ опредѣленіи, какъ во всѣхъ опредѣленіяхъ, имѣющихъ претензію резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ цѣлую жизнь и цѣлый общественный строй, много неточности и много преувеличенія, но въ немъ есть значительная доля правды. Вольтеръ ставилъ вопросы философскіе и нравственные выше вопросовъ политическихъ, вопросовъ о государственной формѣ, онъ имѣлъ слѣдовательно на своей сторонѣ всѣ слои общества, въ странѣ, въ которой скептицизмъ распростанился и въ дворянствѣ, и въ духовенствѣ. Лучшіе люди того времени принадлежали, по крайней мѣрѣ по рожденію и общественному положенію къ тѣмъ классамъ, которые принято называть „высшими,“ умственное движеніе должно было слѣдовательно идти сверху и не касаться слишкомъ глубоко правъ и преимуществъ привилегированныхъ сословій. Тонкій, аристократическій, въ хорошомъ смыслѣ этого слова, умъ Вольтера, былъ лучшимъ представителемъ этого движенія; онъ сосредоточилъ въ себѣ тѣ каче-

ства, которыя были общи всѣмъ безъ различія и не выходилъ изъ круга тѣхъ вопросовъ, съ которыми всѣ могли быть согласны. Совершенно подобную роль игралъ Герценъ въ Россіи. Онъ тоже, покрайней мѣрѣ въ блестящую эпоху своей дѣятельности, стоялъ на реальной почвѣ дѣйствительно *общихъ* интересовъ, онъ тоже не брезгалъ мнѣніемъ людей офиціальныхъ, потому что зналъ, что при русскомъ государственномъ строѣ безъ ихъ вмѣшательства нельзя ничего сдѣлать, онъ тоже писалъ царю и давалъ ему совѣты, онъ тоже не дотрогивался до формы правленія, которую никто не думалъ мѣнять, и довольствовался требованіемъ *нравственныхъ* улучшеній, которыхъ всѣ хотѣли. „Мы считаемъ первымъ необходимымъ, неотлагаемымъ шагомъ, писалъ онъ въ предисловіи къ первому номеру *Колокола:* освобожденіе слова—отъ цензуры, освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ, освобожденіе податнаго сословія — отъ побоевъ.“ Это требовала вся передовая часть общества, которая состояла вся, за немногими исключеніями, изъ либеральнаго дворянства, это допускало до нѣкоторой степени и правительство, смутно чувствовавшее, что нужно во что бы то ни стало выбиться изъ старой, опасной колеи. Всѣ предпринятыя реформы, всѣ исполненныя улучшенія, носились конечно въ воздухѣ, они лежали, безъ сомнѣнія, въ исторической необходимости, но сложныя общественныя событія, въ особенности въ странахъ политически неразвитыхъ, никогда не начинаются самопроизвольно, для ихъ наружнаго проявленія нужно вмѣшательство человѣка, который вложилъ бы въ свою дѣятельность крѣпкую волю и сильный умъ. Герценъ былъ для Россіи этимъ человѣкомъ, онъ формулировалъ ясно, мѣтко, опредѣленно то, что всѣ думали, то что всѣ чувствовали, то, что всѣ желали. Этимъ объясняется его вліяніе, этимъ опредѣляется его значеніе въ исторіи русской мысли.

Справедливость такой оцѣнки доказывается еще другимъ соображеніемъ. Въ извѣстный періодъ своей дѣятельности, увлеченный логикой, Герценъ переступилъ границу понятій, созрѣвшихъ въ русскомъ обществѣ, онъ коснулся важнаго вопроса внутренней политики, вопроса о Польшѣ и требовалъ его *справедливаго* рѣшенія. Справедливость въ политикѣ пустое слово, мертвая буква до тѣхъ поръ, пока понятіе о ней не сдѣлалось общимъ достояніемъ; относительно Польши въ Россіи не было этого понятія ни въ обществѣ, ни въ правительственныхъ сферахъ, слѣдовательно во

имя его нельзя было ничего сдѣлать и Герценъ ничего не сдѣлалъ. Онъ вышелъ изъ своей роли русскаго писателя, онъ сталъ говорить русскому обществу съ точки зрѣнія на западѣ созрѣвшихъ идей, и вліяніе его также быстро прекратилось, какъ быстро развилось оно въ первые годы *Колокола*. Эта ошибка, для которой не трудно найдти много и много смягчающихъ обстоятельствъ, но которую, быть можетъ, можно было избѣгнуть, даетъ намъ противоположеніе, позволяющее вѣрнѣе оцѣнить первую часть дѣятельности Герцена и съ полнымъ правомъ сказать, что въ ней онъ былъ русскимъ Вольтеромъ.

Теперь, намъ кажется, самъ собой рѣшается вопросъ о современности сочиненій Герцена, поставленный въ самомъ началѣ этого предисловія. Еслибъ въ его идеяхъ была какая нибудь опредѣленная доктрина, какая нибудь строго обособленная философія, можно бы было найдти, что онѣ опережены новыми доктринами, опровергнуты болѣе раціональной философіей. Но доктрины и философія въ нихъ на второмъ планѣ —их главный характеръ, характеръ отрицанія всего отжившаго, вреднаго въ Россіи, преслѣдованія всего мѣшающаго дальнѣйшему развитію. Старое, негодное еще далеко не разрушено; многое поколеблено, многое задавлено подъ ударами безпощадной сатиры, но многое стоитъ еще грознымъ препятствіемъ, черезъ которое трудно и опасно пробиваться всякой новой мысли. Мало того: изъ тѣхъ дикихъ, татарскихъ уродствъ, которыя казались убитыми перомъ Герцена, нѣкоторыя какимъ то чудомъ воскресли опять, доказывая лишній разъ странную живучесть всѣхъ осадковъ прошедшаго. Борьба съ ними не кончена, и для борьбы этой сочиненія Герцена представляютъ цѣлый припасъ орудій.

Послѣ смерти Герцена, русская заграничная литература приняла совершенно другой характеръ. Станки, печатавшіе *Полярную Звѣзду* и *Колокола*, стали печатать *Народное Дѣло*, революціонныя брошюры, двухнедѣльный и неперіодическій *Впередъ*. Сатира, направленная противъ „правящихъ" сословій, замѣнилась воззваніями къ безграмотному „народу" или къ несовершеннолѣтней молодежи, желаніе возможныхъ улучшеній сдѣлалось слишкомъ скромнымъ и уступило мѣсто громкимъ требованіямъ водворенія какого то золотаго вѣка, который долженъ будетъ развиваться подъ двойнымъ знаменемъ „революціи" и „соціализма." Читая эти произведенія „молодой Россіи" нельзя не сознаться,

что между ними и твореніями Герцена, кромѣ общаго желанія способствовать прогрессу, нѣтъ рѣшительно ничего общаго, невозможно даже сказать, чтобъ первыя были измѣненнымъ продолженіемъ или развитіемъ вторыхъ. Это двѣ совершенно разныя вещи, которыя вовсе не пополняютъ другъ друга и которыхъ судьба должна быть различна, какъ различно ихъ происхожденіе.

Герценъ резюмировалъ въ себѣ нѣсколько десятилѣтій умственной жизни Россіи, онъ представлялъ собой не какой нибудь слой или классъ людей, а русское современное ему общество безъ всякаго различія сословій. Въ немъ былъ и народный духъ и аристократическое чувство и художественное чутье и научное образованіе, въ него вошли уравновѣшиваясь и сливаясь всѣ элементы русской жизни, онъ былъ типомъ цѣльнымъ, на который нельзя смотрѣть съ какой нибудь спеціальной точки зрѣнія. Совсѣмъ другими являются новые заграничные русскіе дѣятели; они представляютъ собой болѣе или менѣе значительную дробь русской мысли, они выступаютъ защитниками теоретическихъ интересовъ болѣе или менѣе многочисленнаго класса русскаго общества. Соціально-революціонный переворотъ въ пользу крестьянскаго населенія — вотъ ихъ программа. Программу эту я не стану разбирать; разумна она или нѣтъ, продуктъ ли она отвлеченнаго, кабинетнаго мышленія или точнаго изученія общественныхъ условій—это мнѣ все равно; моя цѣль здѣсь не судить русскую революціонную литературу, а характеризовать ея особенности, по отношенію къ мыслямъ и задачамъ Герцена. Съ этой точки зрѣнія и, отвлекаясь отъ всякихъ субъективныхъ мнѣній и предвзятыхъ идей, нельзя не согласиться, что новая эмиграція гораздо менѣе представляетъ Россію; она высказала въ главномъ своемъ органѣ, что для нея „вопросъ національный долженъ совершенно исчезнуть передъ важными задачами соціальной борьбы" *(Впередъ № 1)*; въ ея глазахъ русская революція есть только частный случай общей, необходимой революціи, она, по своимъ убѣжденіямъ, международна, космополитична, она часть интернаціональнаго Союза рабочихъ — она не прямой, непосредственный плодъ земли русской, не смотря на то, что большинство членовъ ея вышло изъ глубокихъ слоевъ русскаго общества и проповѣдуетъ необходимость „идти въ народъ."

Герценъ, напротивъ того, былъ человѣкомъ русскимъ, со

всѣми достоинствами и недостатками, принадлежащими русскому человѣку; онъ изучалъ Россію не для того, чтобъ прилагать къ ея развитію соціальныя теоріи, выработанныя на западѣ, а для того, чтобы открыть въ ея нѣдрахъ условія ея самостоятельной жизни. Онъ въ этомъ направленіи шелъ очень далеко, онъ считалъ Россію единственной *свѣжей* страной и ставилъ ее въ примѣръ западу — это, быть можетъ, крайность, во всякомъ случаѣ это ясное доказательство того, что онъ смотрѣлъ на современную исторію и современную политику глазами русскаго.

Намъ могутъ сказать, что, подъ вліяніемъ быстро текущихъ событій, Россія измѣнилась въ послѣднее время, что она теперь не то, чѣмъ зналъ ее Герценъ, что въ ней развились другія потребности и другой темпераментъ, что, слѣдовательно, ей нужна другая умственная пища. Такое мнѣніе, странное для всякаго кто хоть немного вдумывался въ историческіе законы, часто приходится слышать. Понятія какъ и нравы народовъ мѣняются вѣками, постепенно и медленно, они не подвержены тѣмъ внезапнымъ метаморфозамъ, какія испытываютъ революціонныя теоріи меньшинства. Правда, что та часть молодаго поколѣнія, которую, по какому то странному злоупотребленію словъ, называютъ „умственнымъ пролетаріатомъ," бросилась въ совершенно своеобразныя крайнія идеи, но за этой горстью людей стоятъ неподвижно или туго подвигаясь, не только народныя массы, но и все остальное образованное сословіе. Если снять съ поверхности русскаго общества тонкую, едва замѣтную пленку, которую образуетъ „соціально-революціонная партія," мы найдемъ его такимъ, какимъ было оно тому назадъ десять лѣтъ: оно занято всецѣло детальной борьбой противъ мелкихъ препятствій и мелкихъ предразсудковъ, оно стираетъ съ себя понемногу пыль прошедшаго и вовсе не помышляетъ о какомъ бы то ни было насильственномъ переворотѣ.

Герценъ работалъ и писалъ для этого общества, слѣдовательно его трудъ не утратилъ свое значеніе. Мы предлагаемъ его на судъ читателей. съ полной увѣренностью, что дѣлаемъ полезное дѣло.

ДНЕВНИКЪ

Съ 25 Марта 1842 г.

Новгородъ.

25 Марта. — Тридцать лѣтъ! Половина жизни. Двѣнадцать лѣтъ ребячества, четыре школьничества, шесть юности и восемъ лѣтъ гоненій, преслѣдованій, ссылокъ. И хорошо и грустно смотрѣть назадъ. Дружба, любовь и внутренняя жизнь искупаютъ многое. Но признаюсь, безпрерывныя гоненія и оскорбленія нашли средство причинить ужасную боль и при словѣ 30 лѣтъ становится страшно, пора, пора отдохнуть. Я навѣрно отслужилъ свои 15 лѣтъ, могу идти въ безсрочно-отпускные. Даже и 25, если считать годы вдвое, какъ у моряковъ за кампанію.

26. — Вчера получилъ вѣсть о кончинѣ Михаила Ѳедоровича Орлова. Горе и пуще бездѣйственная кос-

ность подъѣдаетъ геркулесовскія силы, онъ вѣрно прожилъ бы еще лѣтъ 25 при другихъ обстоятельствахъ. Жаль его. Эта новость, пришедшая въ день моего рожденія aviso. Memento mori въ одномъ отношеніи и vivere memento въ другомъ. Примѣръ передъ глазами.

Я никогда не считалъ Михаила Ѳедоровича ни великимъ политикомъ, ни истинно опаснымъ демагогомъ, ни даже человѣкомъ тѣхъ огромныхъ способностей, какъ о немъ была fama. Но онъ имѣлъ въ себѣ много привлекательнаго, благороднаго, начиная съ наружности до обращенія и пр. Онъ былъ *человѣкъ*, между московскими аристократами, исполненный предразсудковъ, отсталый отъ новаго поколѣнія, упорно державшійся теоріи репрезентативности, какъ она была постановлена въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, и выдумывавшій свои теоріи, дивившія своей неосновательностью. Молодое поколѣніе кланялось ему, но шло мимо и онъ съ горестью замѣчалъ это. Я былъ лѣтъ 19, познакомившись съ нимъ. Тогда онъ былъ еще красавецъ: „чело какъ черепъ голый,“ античная голова, оживленныя черты и высокій ростъ придавали ему истинно что-то мощное. Именно съ такой наружностью можно увлекать людей. Возвращенный изъ ссылки, но не прощенный, онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи въ Москвѣ. Снѣдаемый самолюбіемъ и жаждой дѣятельности, онъ бытъ похожъ на льва, сидящаго въ клѣткѣ и не смѣвшаго даже рычать. Faute de mieux онъ окружилъ себя небольшимъ кругомъ знакомыхъ и проповѣдывалъ тамъ свои теоріи: главное лицо по талантамъ и странностямъ занималъ въ этомъ кругу Чаадаевъ. Подавленное честолюбіе, глубокая увѣренность, что онъ могъ бы дѣйствовать съ блескомъ на высшихъ правительственныхъ мѣстахъ и воспоминаніе прошедшаго,

желаніе сохранить его какъ нѣчто святое, ставило Орлова въ безпрерывное колебаніе. „Стереть прошедшее“ и явиться кающейся Магдалиной говорилъ одинъ голосъ, „не сходить съ величественнаго пьедестала, который данъ ему прошедшимъ интересомъ и оставаться окруженнымъ ореолой опозиціонности,“ говорилъ другой голосъ. Отъ этаго Орловъ дѣлалъ безпрерывныя ошибки. Вовсе безъ нужды и безъ пользы громогласно иной разъ унижался и пріобрѣталъ одинъ стыдъ. Ибо тѣ, передъ которыми онъ это дѣлалъ, не довѣряли ему, а тѣ, которые были свидѣтелями, теряли уваженіе. Правительство смотрѣло на него какъ на закоснѣлаго либерала и притомъ какъ на безхарактернаго человѣка, а либералы — какъ на измѣнника своимъ правиламъ; даже легкое наказаніе его въ сравненіи съ другими Декабристами не нравилось. И въ самомъ дѣлѣ, непріятно было видѣть на московскихъ гуляньяхъ и балахъ Михаила Ѳедоровича въ то время, какъ всѣ его товарищи ныли и уничтожались на каторгѣ. Орловъ не умѣлъ носить трауръ, который ему повелѣвала благопристойность высшая. При всемъ томъ, обѣ стороны судили его пристрастно, онъ отнюдь не былъ ни Мирабо, ни Сіэсъ для петербургской аутократіи, также не заслуживалъ насмѣшки либераловъ. Главная вина его *неловкость*. Въ сущности онъ сохранялъ много рыцарски доблестнаго до конца жизни, въ немъ было бездна гуманнаго, добраго. За это мы должны его простить. Въ 1834, я оставилъ его въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, моральныхъ и физическихъ. Пришелъ мой чередъ ссылки; возвратившись наконецъ въ 1840, я видѣлъ его мелькомъ въ 41 г., онъ на меня сдѣлалъ ужасное вліяніе: что-то руинное, убитое было въ немъ. Работавши 7 лѣтъ и все по пустому, чтобъ получить поприще, онъ убѣдился, что *тамъ* никогда не

простятъ, что ни дѣлай; ужасное обвиненіе—онъ смѣлъ думать о правахъ — анаѳема нестирающаяся. А юное поколѣніе далеко ушло и съ снисхожденіемъ (а не съ увлеченіемъ) смотрѣло на старика. Онъ все это чувствовалъ и глубоко мучился, занимался отдѣлкой дома, стеклянным заводомъ, чтобъ заглушить внутренній голосъ — но не выдержалъ. Съ моей стороны я посылаю за нимъ въ могилу искренній и горькій вздохъ; несчастное существованіе оттого только, что случай хотѣлъ, чтобъ онъ родился въ эту эпоху и въ этой странѣ. Аминь.

28. — Два удара піэтизму и католицизму. Архіерей Шартрскій возсталъ въ Парижѣ противъ Германской философіи, пугалъ паденіемъ католицизма etc., но правительство, созданное доктринерами, взяло сторону мысли противъ авторитета. И подобное же повторилось въ Стутгардѣ, гдѣ министръ въ камерѣ рѣшительно вышелъ лицомъ къ лицу сражаться съ католическимъ духовенствомъ. Въ Вяткѣ жилъ сосланный грузинскій князь, онъ не выдержалъ суроваго климата и впалъ въ злѣйшую чахотку, я посѣтилъ его за нѣсколько дней до смерти, онъ былъ едва живъ, но съ видомъ глубокаго убѣжденія сказалъ: „Лишь бы весной не было хуже, а то пожалуй сдѣлается чахотка.“ Вотъ какъ умирающіе не понимаютъ своего положенія; тоже о католицизмѣ и піэтизмѣ.

Временной налогъ Пиля дѣлаетъ эпоху.

АПРѢЛЬ МѢСЯЦЪ

2. — Получилъ вѣсть о кончинѣ Карла Ивановича Кало 27 марта въ университетской больницѣ. Ему легко было закрыть глаза, одинъ изъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ людей, не смотря на свое званіе. Онъ инстинктивно какъ-то любилъ меня, съ самаго дѣтства. Что это какъ быстро уноситъ могила прежнее поколѣніе. „И тебя уже не стало“!...

— Завтра подаю въ отставку. Одна четверть желаній исполнится; хоть волю употребленія времени пріобрѣту.

4. — Господи, какіе невыносимо тяжелые часы грусти разъѣдаютъ меня. Слабость ли это? или послѣдствіе того развитія, которое приняла душа моя или наконецъ мое законное право, образъ отраженія во мнѣ окружающаго. Неужели считать мою жизнь оконченною, неужели все волнующее, занимающее меня, всю готовность труда, всю необходимость обнаруженія схоронить, держать подъ тяжелымъ камнемъ пока пріучусь къ нѣмотѣ, пока заглохнутъ потребности — и тогда начать жизнь пустоты, роскоши. Да только послѣднее возможно, когда оно естественно течетъ изъ сущности извѣстнаго рода плоскости духа, въ этотъ міръ чужой не взойдетъ. Есть другая жизнь прекрасная и высокая, съ единой цѣлью внутренняго просвѣтленія — но я чувствую, что середь тихихъ занятій кабинета подчасъ является ужасная тоска. Я долженъ обнаруживаться — ну, пожалуй,

по той же необходимости, по которой пищитъ сверчекъ.

Гейне говоритъ:

Gut verloren — etwas verloren
Ehre verloren — viel verloren
Musst Ruhm gewinnen,
Da werden die Leute sich anders besinnen.
Muth verloren — alles verloren
Da wäre es besser nicht geboren.

Это величайшая истина и потому-то, когда я сознаю совершенную потерю духа, я паду. Но еще, кажется, я далекъ отъ этаго. Счастливы дѣтски-религіозные люди, имъ жить чрезвычайно легко. Но будто возможно изъ совершеннолѣтія перейти въ ребячество иначе какъ черезъ безуміе. Одна мать, потерявшая всѣхъ дѣтей своихъ, говорила мнѣ съ веселымъ видомъ, „я не жалѣю ихъ, я ихъ хорошо помѣстила,“ и она вставала по ночамъ къ заутрени, держала строгій постъ и была счастлива. Я даже завидовать не могу, хоть удивляюсь великой тайнѣ врачеванія безвыходнаго горя—субъективнымъ мечтательнымъ убѣжденіемъ. У ней несчастіе переполнило душу и обратилось въ безумное блаженство. Но мои плечи ломятся, но еще несутъ! И ужасная мысль, что еще годы надобно таскать эту тяжесть, разливаетъ мракъ и судорожное негодованіе щемитъ душу.

6. — Теперь всѣ пугаютъ меня ужасными послѣдствіями отставки, но такъ и быть, лучше годъ лишній ссылки, но спокойное употребленіе времени. Одинъ большой плутъ предлагаетъ выпутаться деньгами, быть можетъ оно и такъ, деньги у насъ всемогущи. Самодержавіе ограниченное взятками, такъ какъ во Франціи

была нѣкогда монархія limitée par des chansons. Вотъ состояніе! Одно желаніе—силы, силы перенесть еще.... сколько — ну навѣрное три года — этихъ свирѣпыхъ гоненій.

8. — Писалъ къ Дубельту, чтобъ увѣдомить его объ отставкѣ. Я не думаю, чтобъ онъ или Г. Бенкендорфъ имѣли что нибудь противъ меня лично, не думаю даже, чтобы тотъ или другой по охотѣ или по симпатіи дѣлали зло. Но боюсь всего отъ равнодушія; у насъ почти нѣтъ инквизиціи изъ убѣжденій, (развѣ таковъ былъ Мордвиновъ, предмѣстникъ Дубельта). Какъ бы то ни было, я далъ себѣ слово многое сдѣлать, во многомъ уступать, чтобъ добраться до свободы. Я склонилъ голову — тамъ нѣтъ борьбы гдѣ съ одной стороны никакихъ правъ, никакой силы. Понимаю, что подавая въ отставку, я отдалилъ нѣсколько счастливые шансы. Но жертвовать всѣмъ временемъ — это потеря существенная. Я считалъ годъ лишній удаленія за отставку и нахожу, что выгода перевѣшиваетъ.

Написавши такое письмо, я всякій разъ дѣлался боленъ: усталь, дрожь, безсиліе и волненіе. Вѣроятно это то самое чувство, которое испытываютъ публичныя женщины, первые раза продавая себя за деньги — хотя и защищаясь нуждой. Полнаго отпущенія сознательному грѣху нѣтъ. L'homme se sent flétri. Да, можетъ я этимъ спасу свою индивидуальность. А тутъ вопросъ—да нужна ли индивидуальность моя для чего бы то ни было, или нужна ли на что нибудь индивидуальность, спасаемая такимъ образомъ? Гдѣ же внутренная жизнь, если человѣкъ не можетъ покориться обстоятельствамъ, какъ бы они скверны ни были, съ гордымъ сознаніемъ правоты. Эгмонтъ и Оранскій! Эгмонтъ рыцарской до-

блестью купилъ плаху. Но надобно *быть Оранскимъ*, чтобъ стяжать право поступать какъ онъ. Спасая себя хитрыми уступками, онъ спасалъ страну. А я спасая себя? Но неужели моя жизнь кончена, неужели все это вздоръ. Nein, das sind keine leere Träume!

Я не могу долго пробыть въ моемъ положеніи, я задохнусь и какъ бы ни вынырнуть — вынырнуть.

12. — Вотъ что значитъ подать въ отставку. Мнѣ стало какъ то легче; явились свѣжія силы и туманъ нѣсколько разсѣяли. Изъ двухъ чудовищъ, стоящихъ подлѣ меня съ вѣчно поднятой дубиной, одно изчезло. И какъ будто съ выходомъ въ отставку я обязанъ работать — ибо досугъ мой, время мое. И буду работать. А между тѣмъ еще не знаю, чѣмъ разрѣшится, какія послѣдствія принесетъ этотъ шагъ.

Хочется написать пропедевтическое слово желающимъ приняться за философію, но сбивающимся въ цѣли, правѣ, средствѣ науки. По дорогѣ тутъ слѣдуетъ указать весь вредъ добрыхъ людей, *любящихъ* пофилософствовать. Враги науки не такъ опасны какъ всѣ полу-піэтисты, полураціоналисты. Началъ; что будетъ, не знаю.

13. — Продолжаю въ свободное время лекціи Вильмена. И это мнѣ очень полезно, мы забыли XVIII вѣкъ, тутъ онъ оживаетъ, переносимся снова въ тѣ времена Вольтера, Бюффона — и что ни говори великіе имена. Замѣчательно слѣдить какъ въ началѣ своей карьеры Вольтеръ дивитъ, поражаетъ смѣлостью своихъ религіозныхъ мнѣній и черезъ два десятка лѣтъ Гольбахъ, Дидро; онъ отсталъ, матеріализмъ распахнулся во всей силѣ « Le patriarche ne veut pas se départir de son rémunérateur vengeur; il raisonne là dessus comme un enfant » пишетъ

Гриммъ. А также смѣло и дерзко выказываетъ свою голову и попираетъ ногами нравственность. Тутъ видишь das Werden 93 года; Дидро импровизируетъ:

Et mes mains ourdiraient les entrailles des prêtres
A dèfaut d'un cordon pour étrangler les rois.

При всемъ томъ, эта ступень развитія чрезвычайно важна и сдѣлала существенную пользу. Ошибка ихъ состояла въ томъ, что они поняли генезисъ духа во временномъ, конечномъ, приняли его за произведеніе матеріи, за матерію. Генезисъ отчасти вѣренъ у нихъ; даже если бы нѣсколько шаговъ они пробились бы дальше, то они сами поняли бы, что они со словомъ матерія сопрягаютъ еще что то обладающее ею, призывающее ее къ жизни, что то вѣчное, безпокойное, имѣющее цѣлью проявленіе и пр. аттрибуты, не идущіе страдательной матеріи. Такъ какъ Спиноза былъ истиненъ на той точкѣ, на которой стоялъ, и эта точка была необходимой степенью, такъ и ихъ. Что касается до атеизма, онъ послѣдовательнѣе нежели робкій деизмъ Вольтера и Руссо. Впрочемъ Руссо случайно натыкался на истинный путь Богопознанія, т. е. развитія духа своего до созерцанія Бога. Этотъ ихъ творецъ, геометръ des jenseits, неучаствующій, праздный, котораго мы не можемъ знать и передъ которымъ благоговѣемъ, не удовлетворяетъ ни горечь придыханія религіознаго ума, ни строгость логическаго. Отрицаніе бога было шагомъ къ истинному разумѣнію его, отрицаніе его какъ Іеговы, какъ Юпитера, какъ чуждаго земли, сидящаго гдѣ то, совлекало съ него послѣднюю конечность и послѣднюю абстракцію философіи, приданную религіозными представленіями. Для нихъ съ точки зрѣнія анализа и raison naturelle Богъ только су-

ществовалъ, какъ природа, какъ вселенная, какъ вѣчный міръ, о которомъ Плиній говоритъ: Æternus, immensus, totus in toto, immo vero ipse totum, тотальность дѣятельности замкнутой idemque rerum naturae opus et rerum pro *natura*. Надо оставить перебродить эту матерію творца и творенія вмѣстѣ, а она должна сама выработаться изъ Лукреціевской тенденціи въ направленіе современной духовной философіи. Это движеніе — склепъ разума. Это его феноменологія. Но уже послѣ Гольбаховъ, Дидро et Ce невозможно чувственно-католическое представленіе, вдохновлявшее глубокіе умы гораздо выше матеріялизма, потому что они умѣли оторваться (безсознательно) отъ буквы и переноситься въ сферы абсолютной спекуляціи — но служившіе идолопоклонствамъ массъ. Что за огромное зданіе воздвигнула философія XVIII вѣка, у одной двери котораго блестящій, язвительный Вольтеръ, какъ переходъ отъ двора Людовика XIV къ царству разума а у другой мрачный Руссо, полубезумный наконецъ, но полный любви, и остроты котораго не выражали ни остроумія рѣзкаго, ни родства съ grand siècle, а предсказывали остроты de la Montagne, С. Жюста и Робеспьера. Вольтеръ съ омерзеніемъ прочелъ въ Емилѣ: „И если сынъ короля полюбитъ истинно дочь палача, отецъ не долженъ ему препятствовать.“ Вотъ réhabilitation de l'homme чисто демократическая. Масса читала не такъ, какъ Вольтеръ.

Шутки, полуслова дѣйстуютъ — но гордый языкъ лицомъ къ лицу съ властью долженъ былъ поразить у Руссо. Мы привыкли.

И всѣ дѣятели того вѣка были люди жизни въ Англіи и во Франціи: Монтескье, Бюффонъ и пр. Германія выдвинула потомъ свою мысль, свое исскуство — обширное

и великое, но выращенное въ кабинетѣ. Біографію германскихъ читать нельзя. Первый человѣкъ у нихъ Шиллеръ, да развѣ Лессингъ еще. Чему же дивиться, что Фридрихъ II, человѣкъ практическій, не могъ сродниться съ своимъ отечественнымъ направленіемъ. Для того чтобы симпатизировать съ нимъ надобно было показать ему всю мощь свою (Гёте, Гегель).

15. — 2-го вышелъ указъ, дозволяющій помѣщикамъ дѣлать условія съ крестьянами, которые остаются при землѣ, но уже дѣлаются въ среднемъ положеніи между крѣпостнымъ и помѣщичьимъ подъ названіемъ обязанныхъ. Причина, сказано, чтобъ земли не выходили изъ дворянскихъ родовъ; но есть ли это ограниченіе права отпуска въ свободные хлѣбопашцы, ясно не видать. Силы обязательной указъ не имѣетъ, это предложеніе тѣмъ кто хотятъ. Побудительной причины хотѣть не предвидится. Состояніе крестьянъ мнимо улучшится. Это ex-attachés à la glèbe среднихъ вѣковъ, la gente corvéable et taillable. Замѣчателенъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, объявляющій, что въ этомъ указѣ (который давно былъ ожидаемъ) ничего новаго нѣтъ, что онъ относится къ желающимъ и чтобъ не смѣли *подразумѣвать* иной смыслъ, *мнимое* освобожденіе крестьянъ etc. etc. Ne réveillez pas le chat qui dort!

26. — Дней пять занимался статьей о „дилетантизмѣ въ наукѣ“ — я доволенъ, кажется удачно обрисована эта болѣзнь общая нашимъ pseudo-философамъ.

Крестилъ у Рейхеля.

29. — Урокъ отъ Германа. Я поступилъ не вовсе осторожно, однако очень извинительно, мнѣ отвѣчали письмомъ полнымъ если не дерзости, то желанія пока-

зать оскорбленіе и принести оскорбленіе. Мнѣ было больно. Старикъ, оказывающій мнѣ въ коротенькое знакомство учтивость и доброе расположеніе вдругъ поставилъ въ такое странное положеніе. Я писалъ и извинился, потому что считаю неосторожность виною; другой сатисфакціи не могло быть и полнѣе не могло. Но когда же люди перестанутъ быть китайцами, когда они не будутъ приводить въ зависимость отъ щепетильнаго самолюбія всѣ прекраснѣйшія отношенія. И какая готовность при тѣни не обиды а подозрѣнія въ забвеніи условнаго поклоненія, которымъ взаимно люди обманываютъ другъ друга — прервать всѣ связи, доставлявшіе удовольствіе etc. Тяжело убѣждаться, что записные эгоисты изобрѣли себѣ лучшій esprit de conduite. Надобно совершенную симпатію, единство образа мыслей, много сходнаго въ прошедшемъ и тогда еще нѣсколько лѣтъ близкаго знакомства, шпіонства другъ за другомъ, чтобы дерзнуть откровенно поступать. Я проученъ этими встрѣчами, въ которыхъ за тѣнь симпатіи я простиралъ откровенно объятія и оставался въ дуракахъ. Отъ этаго мнѣ тошно, грустно въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ никого близкаго; а этихъ любезныхъ незнакомцевъ хочется ежедневно мѣнять, они надоѣдаютъ.

— Теперь еще вопросъ, что онъ сдѣлаетъ, получивши мое письмо? Что скажетъ? Я съ полнымъ сознаніемъ что не хотѣлъ оскорбить — извинился. Ложный стыдъ можетъ заставить его поддержать и послѣ того мысль, что я поступилъ дурно. Но истинное благородство требуетъ не того.

30. — Самые жесткіе, неумолимые изъ всѣхъ людей, склонные къ ненависти, преслѣдованію за это, ультрарелигіозники — изъ нихъ вѣетъ святой герминдадой.

Оттого что они чрезвычайно внѣшнія натуры, глубина ихъ ложная, они *въ другую сторону* вышли вонъ изъ глубокой и прекрасной среды жизни, въ которой живетъ все благородное и доброе. Ихъ обуялъ формализмъ и сверхъ всего они поврежденные. Да сверхъ того они играютъ отчаянную игру въ XIX вѣкъ.

МАЙ МѢСЯЦЪ

4. — Странное сближеніе, читалъ на дняхъ *Прометея* Есхила и *Двое Фоскари* Байрона. Если сравнить Грековъ съ Іудеями, то удивительно на сколько греки *больше* люди, они не могли склониться ни подъ какое иго. Что за громкій, энергическій протестъ этотъ прикованный Титанъ, пренебрегающій Зевсомъ, ругающійся надъ нимъ, и этотъ хоръ океанидъ вѣрный Титану даже послѣ угрозъ. Сколько человѣчески прекраснаго въ молчаніи Прометея, когда его приковываютъ и въ отказѣ Юпитеру объяснить пророчество о низверженіи его съ престола. Э. Кине воспользовался этимъ пророчествомъ и на немъ основалъ поэму, прекрасно придуманную, но плохо и слабо выполненную, въ самомъ дѣлѣ post facto слова Прометея кажутся предсказаніемъ Христа. Гёте представилъ *того* Прометея, Есхилова. И эта пьеса давалась въ Аѳинахъ, а въ Парижѣ въ 1842 въ камерѣ депутатовъ какой-то глупецъ съ ужасомъ требовалъ закона, чтобъ отвратить на театрахъ появленіе лицъ въ платьяхъ католическаго духовенства. Народъ, побѣдившій Ксеркса, рукоплескалъ свободному

и гордому голосу Титана, не смотря, что этотъ голосъ направленъ противъ Зевса!

Два лица остаются глубоко впечатлѣнными въ душѣ послѣ чтенія Фоскари. Дожъ и Марина. Въ мрачныхъ, конвульсивныхъ созданіяхъ Байрона старикъ Фоскари святой, доблестный, спокойный и великій, а она южная по натурѣ, необузданная въ страстяхъ и сильная именно по южному. Отвѣты дожа предсѣдателю Десяти и вся послѣдняя сцена удивительно хороши. Какъ относится Есхиловъ Прометей къ Каину Байрона и его Аталантъ къ дѣвамъ? Тутъ измѣрить разстояніе и различіе Греціи и XIX вѣка.

9. — Вотъ и опять девятое мая. Но уже однаго изъ героевъ этаго дня нѣтъ. Бѣдный Астраковъ подъ сырой землей. Четыре года—да что это много времени или мало? Кажется все это было три недѣли, мѣсяцъ тому назадъ. А много прошло. Худшее это болѣзненное состояніе Наташи впродолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ. Вся жизнь ея до свадьбы было мученье; два года счастья и потомъ новыя мученья — физическія. Какже быть довольнымъ жизнію. Ея болѣзнь и преслѣдованія двѣ черныя нити глубоко вплетенныя въ нашу жизнь. Съ какимъ мучительнымъ чувствомъ я вижу послѣдовательное ослабленіе существа такъ молодаго лѣтами. И она много способствуетъ сама болѣзни, принимая всѣ впечатлѣнія съ чрезвычайной силой и скрывая часто дѣйствія ихъ. Хотѣлось бы скакать на югъ, на Европейскую почву — разсѣяніе, климатъ, люди помогли бы ей. А на ногахъ цѣпь. И тутъ становится досадно, зачѣмъ намъ на смѣхъ есть средства и не вѣлено пользоваться. Какую свѣтлую, прекрасную жизнь мы могли бы вести! Нѣтъ желанья роскоши, нѣтъ желанья знатности; симпатическій

кругъ людей, умственная, артистическая дѣятельность и свобода. Давно отказался я отъ другихъ мечтаній. Но будущее грозитъ худшимъ.

Есть благо, котораго власть отнять не можетъ—это воспоминанія, развѣ догадаются поить дурманомъ или наливать какой нибудь составъ въ мозгъ. Что это за свѣтлые дни были 8 и 9 мая 1838! Тутъ то раздается грудь и человѣкъ безконеченъ въ своемъ блаженствѣ. Но въ этой средѣ долго нельзя удерживаться, жизнь утягиваетъ въ свою прозаическую діалектику, хочетъ непремѣнно поставить изнанку возлѣ лицевой стороны. Будемъ нести изнанку за лицевую сторону—и съ богомъ въ дальнюю дорогу.

19.—Писалъ эти дни вторую статью о дилетантизмѣ. Мнѣ самому уясняется мысль писавши. Вѣроятно это скорѣе недостатокъ чѣмъ достоинство.

20.—Semper idem. Одно чувство всплываетъ надъ всѣмъ, тягостное и ужасное. Чувство моего положенія. Переписывался съ Денномъ о здоровьѣ жены. Деннъ — какъ и здравый смыслъ — совѣтуетъ ѣхать въ Москву, для основательнаго леченія подъ хорошимъ руководствомъ. И никакихъ средствъ. Ѣхать на недѣлю, на двѣ одной Н. врядъ будетъ ли полезно; надолго она меня не хочетъ оставить. Рѣчь идетъ о жизни человѣка, двоихъ дѣтей я уже лишился, по милости гоненій. Неужели правдоподобно это? Повѣрятъ ли счастливыя страны въ возможности такихъ насилій; черезъ сто лѣтъ здѣсь не повѣрятъ. И между тѣмъ это истина, я долженъ быть нѣмымъ зрителемъ, какъ слабѣетъ, разрушается быть можетъ это прекрасное существо, и не могу употребить такаго простаго средства, какъ ѣхать ле-

читься въ Москву, а уже что и думать о чужихъ краяхъ.

Да гдѣ же вина? Что сдѣлано мною?

Когда человѣкъ въ 30 лѣтъ смотритъ впередъ, какъ я и видитъ туманъ и мракъ, то онъ долженъ благословить судьбу, если она дала ему характеръ на столько свѣтлый, на столько независимый, что онъ не предается отчаянію. Начать новую жизнь поздно. Продолжать старую невозможно. Великій искусъ, надобно обречься на совершеннѣйшую ничтожность. Тогда, быть можетъ, оставятъ въ покоѣ.

Это моя великая надежда, ею я живу. У насъ ни въ чемъ нѣтъ многолѣтней послѣдовательности. Перестанутъ наконецъ гнать. И настанутъ годы—спокойной пустоты, тупой боли и пасивной бездѣятельности.

23. — Какъ невыносимо грустно и тягостно жить подъ часъ. Книга выпадаетъ изъ рукъ, перо тоже. Хочется жить, дѣятельности, движенія и одно..... одно нѣмое, тупое, глупое положеніе сосланнаго въ пустой городишко. Подъ часъ я изнѣмогаю. Стыдно дѣлается потомъ, но что же дѣлать, я человѣкъ, не плутарховскій герой, не лицо изъ житія святыхъ. Больно, унизительно, оскорбительно и существенно убійственно, если взять въ разсчетъ время. И умереть, быть можетъ, въ этомъ положеніи..... Фи!

ІЮНЬ МѢСЯЦЪ

10. — Сегодня уѣхалъ Огаревъ послѣ 11 дней. Прекрасно проведенные дни, дни жизни т. е. когда человѣкъ живетъ въ настоящемъ; хотя не со всѣхъ сторонъ свѣтло; но мы давно не встрѣчались такъ спокойны и

веселы. Онъ намѣренъ разойтись съ нею. Дай богъ, но врядъ ли найдетъ достаточно силы. Она хитростью, притворствомъ можетъ еще овладѣть его тихой и благородной душой. Можетъ еще и настанутъ свѣтлые дни со стороны частной жизни.

Онъ говорилъ и о другихъ надеждахъ; но я такъ отвыкъ отъ нихъ, что едва сердце бьется при словахъ; удивленіе похожее на то, когда бы мы увидѣли усопшаго намъ близкаго — а вѣры нѣтъ.

И такъ, онъ въ Римъ, въ Парижъ, а я — все здѣсь и съ цѣпью на ногахъ. Писалъ къ Дубельту; 1 іюля его серебряная свадьба. Я чувствую психическую необходимость ѣхать въ большой городъ; надобны люди, я вяну, во мнѣ бродитъ какая то неупотребленная масса возможностей, которая не находя истока, поднимаетъ со дна души всякую дрянь мелочи, нечистыя страсти.

Еслибъ можно было уловить и разсказать все, что проскользаетъ въ иную минуту бездѣйствія — какъ бы гадокъ, развратенъ показался человѣкъ.

Мнѣ одиночество въ кругу звѣрей вредно. Моя натура по превосходству соціабельная. Я назначенъ собственно для трибуны, форума, такъ какъ рыба для воды. Тихій уголокъ полный гармоніи и счастія семейной жизни не наполняетъ всего и именно въ ненаполненной доли души за неимѣніемъ другаго бродитъ цѣлый міръ — безплодно и какъ то судорожно.

11. — Онъ привезъ „Мертвыя души“ Гоголя, — удивительная книга, горькій упрекъ современной Руси, но не безнадежный. Тамъ, гдѣ взглядъ можетъ проникнуть сквозь туманъ нечистыхъ, навозныхъ испареній тамъ онъ видитъ удалую, полную силы національность. Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во

всей полнотѣ; не типы отвлеченные, а добрые люди, которыхъ каждый изъ насъ видѣлъ сто разъ. Грустно въ мірѣ Чичикова, такъ какъ грустно намъ въ самомъ дѣлѣ; и тамъ, и тутъ одно утѣшеніе въ вѣрѣ и упованіи на будущее Но вѣру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упованіе ins Blaue, а имѣетъ реалистическую основу, кровь какъ то хорошо обращается у русскаго въ груди. Я часто смотрю изъ окна, на бурлаковъ, особенно въ празднечный день, когда подгулявши съ бубнами и пѣньемъ они ѣдутъ на лодкѣ, крикъ, свистъ, шумъ. Нѣмцу во снѣ не пригрезится такаго гулянья; и потомъ въ бурю—какая дерзость, смѣлость, летитъ себѣ, а что будетъ, ни будетъ. Взглянулъ бы на тебя дитя—юношею, но мнѣ не дождаться, благословляю же тебя хоть изъ могилы. Но все это ни одной іотой не уменьшаетъ горечь жизни. Сверхъ всего повтореннаго много разъ, отдѣльность, несимпатія со всѣхъ сторонъ тягостна. Барству, чиновничеству мы не хотимъ протянуть руки, да и они на нашего брата смотрятъ, какъ на безумнаго, а православный народъ, которому, для котораго, за который всякій благородный человѣкъ готовъ богъ знаетъ, что сдѣлать, если не въ открытой войнѣ, въ которой онъ насъ опутываетъ сѣтью мошенничества, то онъ молчитъ и недовѣряетъ, нисколько недовѣряетъ — я это испытываю очень часто; когда онъ видитъ простой разсчетъ, дѣло другое, но когда не изъ разсчета а просто изъ доброжелательства что нибудь сдѣлать—онъ качаетъ головой и боится быть обманутымъ.

12.—Не у всѣхъ страсти тухнутъ съ лѣтами, съ обстоятельствами; есть организаціи, у которыхъ съ лѣтами и страсти окрѣпаютъ и принимаютъ какой то стран-

ный характеръ прочности. Вообще человѣкъ долженъ быть очень остороженъ, радуясь что онъ миновалъ бурный періодъ—онъ можетъ возвратиться къ нему вовсе нежданно. И тутъ рѣшается споръ: разумъ или сердце возьметъ верхъ. Выше, свободнѣе, нравственнѣе, когда разумъ; но въ самомъ огнѣ увлеченья есть прелесть, живешь въ десятеро. А послѣ, раскаяніе, упреки.

Я всегда проповѣдывалъ противъ Naturgewalt; но гуманность моя, идетъ до того, что я прощаю ей, если только въ силу этой Naturgewalt., не отрекается человѣкъ самъ отъ всего человѣческаго. Это рѣдко и бываетъ, почти только при помѣшательствѣ, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Ибо сама страсть влечетъ къ чему нибудь человѣческому, хотя часто и не лучшимъ путемъ. Наслажденіе напримѣръ, есть по превосходству право живущаго etc. etc. Все это рѣшительно недоступно піэтистамъ. Вообще въ піэтизмѣ нѣтъ ничего гуманнаго, не смотря на то, что христіанство по превосходству гуманно. Они, заморившіе въ себѣ все, называемое ими земное, не имѣютъ никакой снисходительности, они жестки, даже свирѣпы. Любви въ нихъ нѣтъ, ихъ любовь подлажена ein Sollen, по приказу. Нашъ братъ просто человѣкъ; напротивъ, чѣмъ ниже раздается его кругъ, тѣмъ больше отпущаетъ—да и то подъ часъ, кажется, не нужнымъ, потому что и отпускать нечего, (кромѣ уголовныхъ дѣлъ и то не всѣхъ).

16. — Продолжаю. Тотъ, кто нашелъ въ себѣ силу хранительскую и побѣдилъ распахнувшуюся страсть, не будетъ жестокъ въ осужденіи ближняго, не выдержавшаго напора, увлекшагося, отъ того, что онъ помнитъ, что ему стоила побѣда, какъ онъ изнеможенный, сломанный вышелъ изъ борьбы. Жестоки легко побѣждающіе

т. е. такіе, къ которымъ страсти едва притрогиваются, узкія натуры, эгоисты и абстрактно добродѣтельные люди. Но вотъ еще вопросъ, сюда же относящійся: Безспорно всякая побѣда есть освобожденіе отъ внѣшняго, но не приходится ли людямъ часто бороться съ фантомами ими придуманными. Чтобъ привести совершенно очевидный примѣръ, я не могу приписать достоинство особенно замѣчательное глупому человѣку, отказывающемуся при желаніи ѣсть отъ скоромной пищи въ постный день. Борьба нелѣпа, развѣ для упражненія себя въ самообузданіи. Оттого человѣкъ кажется рабомъ страстей болѣе нежели онъ есть, что его не выпускаютъ изъ смѣшнаго рабства sui generis предразсудки напр. монашескіе обѣты. Примѣръ передъ глазами. Огаревъ понимаетъ ясно, когда бракъ есть что нибудь, и когда онъ дѣлается нелѣпой формой, взаимнымъ рабствомъ, отвратительнымъ соединеніемъ гетерогеннаго; такой бракъ in facto уже распался, если нѣтъ дѣтей, онъ безслѣдно прошедшее. *Онъ* именно въ этомъ случаѣ — а не смѣетъ разойтись. Боится общественнаго мнѣнія, говоритъ онъ; но тутъ есть и другая боязнь отъ совѣсти timorée.

17. — Вчера гонецъ изъ Петербурга отъ Огарева. Дубельтъ не находитъ возможнымъ дѣлать представленіе, находя безполезнымъ, ибо по всѣмъ прочимъ обо мнѣ государь отказалъ (вѣроятно ли??!) и предлагаетъ послѣднее средство: писать Наташѣ къ императрицѣ и притомъ съ тѣмъ же нарочнымъ. Прислали черновую. Наташа переписала, подписала и отправили. Просьбу берется доставить Сологубъ, много хлопотавшій въ этомъ. И все вмѣстѣ оскорбительно до невѣроятной степени; достоинство моей человѣческой личности, а вмѣстѣ и всѣхъ личностей замято въ грязь этимъ безправіемъ.

20. — Чудеса! письмо отъ Дубельта и вновь отказъ. Для чего же просьба? Невѣроятно, невѣроятно! Неужели рѣшиться на совершенную пустоту жизни? Какъ ужасно искупается душа осмѣливающаяся, становиться выше толпы. Черезъ четыре дня будетъ 8 лѣтъ. Тутъ нѣтъ словъ. Лишь бы не надломились плечи подъ тяжестію креста.

— Проѣзжалъ Фроловъ съ больной сестрой вчера. Мнѣ благотворны всѣ эти проѣзды, я смываю провинціализмъ ими — набираю силы. Оттого я и хочу переѣхать въ Тверь, чтобъ быть опять на большой дорогѣ.

27. — Двѣ замѣчательныя случайности, нѣсколько противорѣчащія сказанному за двѣ страницы о простомъ народѣ. Мнѣ нужны были деньги, одинъ изъ здѣшнихъ купцовъ самъ мнѣ привезъ, далъ безъ росписки, и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ (и не взялъ) процентовъ. Казалось, что онъ радъ былъ, что могъ меня одолжить. Or donc, я никогда, положительно ничего для него не сдѣлалъ, а такъ какъ я теперь отставной, то вѣроятно и не могу впередъ ничего сдѣлать. Они оцѣнили разницу между мною и прочими чиновниками и за это спасибо. Второе. Буфетчикъ здѣшней гостинницы совѣщался со мною на счетъ своего сына, онъ третій годъ въ гимназіи. „Да ужъ мнѣ бы хотѣлось его послѣ въ университетъ, чтобъ былъ человѣкомъ.“ Мальчикъ приходилъ ко мнѣ, живой. Я ему далъ книгу и подстрекнулъ заниматься. Совѣтую итти по медицинскому факультету. Отецъ чей то вольно отпущенный. In potentia много въ русской душѣ. Недавно еще разсказывалъ инженеръ о Боровицкихъ лоцманахъ; что за удаль! что за безконечный stimulus, который развертываетъ въ нихъ эту потребность пѣсней, вина и удали!

28.—Вчера поздно вечеромъ или вѣрнѣе ночью, сидѣлъ я у окна съ Наташей, было тепло и чрезвычайно хорошо. Тишина мертвая. Волховъ сверкалъ; тихо и гладко текъ онъ, ни листокъ не шелохнется, весла шумѣли правильно, ритмомъ раздѣляя время, на другомъ берегу пѣлъ мужикъ какую то безконечную пѣсню — мы слушали его съ восторгомъ, какъ дай богъ, чтобъ слушали Росси и Пасту. Время шло, а онъ пѣлъ да пѣлъ—грустно, уныло. Что заставляетъ его пѣть? Вѣдь духъ вырывающійся на волю, изъ душной прозаической сферы пролетаріата, этой пѣснью онъ безсознательно входитъ въ царство Божіе, въ міръ безконечнаго, изящнаго. Духъ выработавшійся до человѣчности, звучитъ такъ, какъ цвѣтокъ благоухаетъ, но звучитъ и для себя; за трепетомъ жизни, за неопредѣленной радостью бытія животнаго, слѣдуетъ экспансивность человѣка, онъ наполняетъ своею пѣснью окружающее, единство его съ другими и удовлетворяетъ свою жажду. Если глубоко всмотрѣться въ жизнь, конечно, высшее благо есть само существованіе — какія бы внѣшнія обстановки ни были. Когда это поймутъ—поймутъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего глупѣе, какъ пренебрегать настоящимъ въ пользу грядущаго. Настоящее есть реальная сфера бытія. Каждую минуту, каждое наслажденіе должно ловить, душа безпрерывно должна быть раскрыта, наполняться, всасывать все окружающее и разливать въ него свое. Цѣль жизни —жизнь. Жизнь въ этой формѣ, въ томъ развитіи, въ которомъ поставлено существо т. е. цѣль человѣка—жизнь человѣческая. Читаю Лукреція: De rerum naturæ. Какой взрослый и въ многихъ отношеніяхъ здоровый взглядъ. (Разумѣется, надобно простить метафизическія ошибки, физическія etc). Да, древній міръ умѣлъ лучше даже нашего любить и цѣнить космосъ, великое Все, Природу.

ІЮЛЬ МѢСЯЦЪ

1. — Вчера была ужасная гроза и громъ ударилъ въ церковь, шаговъ сто отъ нашего сада. Мы сидѣли на терассѣ, ударъ былъ оглушителенъ. Стало какъ то неловко и страшно. Ну, если убьетъ меня, насъ! Гроза миновала, но мнѣ было грустно. Гдѣ время вѣры въ будущее, въ жизнь, въ ея необходимость, въ храненіе ее, въ ея важную связь съ всемірнымъ, съ всеобщимъ, съ человѣчествомъ. Knaben Gedanken! Когда тонулъ досчаникъ на Волгѣ, *) я твердо смотрѣлъ на опасность. Я вѣрилъ въ индивидуальность. И теперь думаю, что естественная смерть не придетъ, пока человѣкъ имѣетъ что нибудь выразить. Но случай внѣшній ударитъ и ни кому, ни чему и дѣла нѣтъ.

6. — Скажи фонтанъ Бакчи-Сарая.
Таковъ ли былъ я разцвѣтая?

Я съ страннымъ чувствомъ обращаюсь иногда назадъ, далеко назадъ, къ ребячеству. Какъ богато хотѣла развернуться душа, и что же вышло? какое то неудачное существованіе, переломленное при первомъ шагѣ. Но гдѣ же внутренняя сила, если внѣшнее могло ее сломить? Сталo и безъ внѣшняго не много бы вышло. А между тѣмъ, какъ всегда, грудь была полна чувствъ, голова — мыслей. Зачѣмъ? или что препятствуетъ ихъ проявленію?

*) Этотъ эпизодъ разсказанъ въ *Тюрьмѣ и Ссылкѣ.*

9. — Письмо отъ графа Бенкендорфа къ моей женѣ, извѣщаетъ о разрѣшеніи ѣхать въ Москву, съ тѣмъ, чтобъ я не пріѣзжалъ въ Петербургъ. Все сдѣлано графомъ Вельегорскимъ. Не даромъ, онъ магнетически какъ то понравился мнѣ при первой встрѣчѣ; и графъ Сологубъ много хлопоталъ. Оно не все—но лучше. Я нежданъ. Ровно 8 лѣтъ взятію Огарева 9 іюля 1834. Въ Москвѣ будутъ и непріятности, но не такъ заглохнешь. И опять фатумъ, фатумъ!

Москва.

25 іюля. Двѣнадцать дней какъ мы оставили Новгородъ. Но встрѣча съ Москвою не была вполнѣ радостна; изъ близкихъ людей почти никого нѣтъ. Отца я засталъ въ разрушающемся состояніи; онъ сталъ впадать въ какую то старческую апатію, занимается исключительно мелочами и пр. а потомъ онъ страдаетъ неизлѣчимой болѣзнью и вся обстановка становится lugubre. И самое положеніе не лишено непріятности, предписано имѣть надзоръ, опять шпіоны окружатъ, опять sur le qui vive. Два, три человѣка и средства заниматься искупаютъ съ другой стороны.

29. — Ничего не дѣлаю, а внутри сдѣлалось и дѣлается много. Я увлекался, не могъ остановиться — и послѣ ахнулъ. Но въ самомъ раскаяніи есть что то защищающее меня передо мною. Не тѣ ли единственно удерживаются, которые не имѣютъ сильныхъ увлеченій. И почему мое увлеченіе было полно упоенія, безумнаго bien être, на которое обращаясь, я не могу его проклясть. Подлъ не фактъ, подлъ обманъ, оскорбленіе —

обиды нѣтъ. Это я понимаю до ясности. Ригоризмъ не можетъ дать абсолюцію, да я и самъ далекъ оттого, чтобы дать ее себѣ, но человѣчественный судъ долженъ молчать, снисходить, реабилитировать. Въ этомъ великое призваніе нашего вѣка. Пусть положительное законодательство назначаетъ плети и цѣпи; мы не будемъ съ ними за одно, мы должны съ иной точки взглянуть на паденіе, на искушеніе. Христосъ не бросилъ камня.

—Много толковалъ о подобныхъ предметахъ съ Боткинымъ. Да, люди (т. е. развившіеся до современности) не хотятъ, чтобы что нибудь впередъ шло, безсознательныхъ уступокъ мнѣнію, положительному законодательству, преданію etc. Все хотятъ провести сквозь горнило сознанія, съ этимъ вмѣстѣ дѣтскія вѣрованія, готовыя понятія о добрѣ и злѣ уничтожаются. Человѣкъ ищетъ полной свободы не для своеволія, а для разумно нравственнаго бытія. Многое теперь сковываетъ людей, подобно какъ соблюденіе постовъ. Оскоромившагося угрызала совѣсть, онъ мучился проглоченнымъ кускомъ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что преступилъ вышнее велѣніе.

—Былъ у Чаадаева. Подробности о смерти Михаила Ѳедоровича. Онъ умеръ спокойно, величаво. Все путное въ Москвѣ показало участіе къ больному, даже не знакомые. Оцѣнили, поняли, благословили въ путь.

Толпа народу была на отпѣваніи и проводила его. Витали дѣлаетъ бюстъ. Послѣ его смерти полиція опечатала бумаги и отослала въ Петербургъ.

—Толки о мертвыхъ душахъ. Славянофилы и антиславянисты раздѣлились на партіи. Славянофилы № 1 говорятъ, что это апотеоза Руси, илліада наша, и хвалятъ слѣдовательно; другіе бѣсятся, говорятъ, что тутъ анаѳема Руси и за то ругаютъ. Обратно тоже раздво-

ились антиславянисты. Велико достоинство художественнаго произведенія, когда оно можетъ ускользать отъ всякаго односторонняго взгляда. Видѣть апотеозу смѣшно, видѣть одну анаѳему несправедливо. Есть слова примиренія, есть предчувствія и надежды будущаго полнаго и торжественнаго, но это не мѣшаетъ настоящему отражаться во всей отвратительной дѣйствительности. Тутъ переходъ отъ Собакевичей къ Плюшкинымъ, обдаетъ ужасъ, съ каждымъ шагомъ вязнете, тонете глубже, лирическое мѣсто вдругъ оживитъ, освѣтитъ и сейчасъ замѣняется опять картиной, напоминающей еще яснѣе въ какомъ *рвѣ* ада находимся и какъ Дантъ хотѣлъ бы перестать видѣть и слышать — а смѣшныя слова *веселаго* автора раздаются. Мертвыя души поэма глубоко выстраданная. Мертвыя души? Это заглавіе само носитъ въ себѣ, что то наводящее ужасъ. И иначе онъ не могъ назвать, не ревизскія — мертвыя души, а всѣ эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti — вотъ мертвыя души, и мы ихъ встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Гдѣ интересы общіе, живые, въ которыхъ живутъ всѣ вокругъ насъ дышащія мертвыя души? Не всѣ ли мы послѣ юности, такъ или иначе, ведемъ одну изъ жизней гоголевскихъ героевъ. Одинъ остается при Маниловской тупой мечтательности, другой буйствуетъ à la Ноздревъ, третій Плюшкинъ и пр. Одинъ дѣятельный человѣкъ Чичиковъ и тотъ ограниченный плутъ. Зачѣмъ онъ не встрѣтилъ нравственнаго помѣщика *добросерда—стародума*..... да откуда попался бы въ этомъ омутѣ человѣкъ столько абнормальный, и какъ онъ могъ бы быть типомъ? Пушкинъ въ Онѣгинѣ представилъ отрадное, человѣческое явленіе въ Владимірѣ Ленскомъ — да и пристрѣлилъ его, и за дѣло. Что ему оставалось еще, какъ не умереть, чтобы

остаться благороднымъ, прекраснымъ явленіемъ? Черезъ десять лѣтъ онъ отучнѣлъ бы, сталъ бы умнѣе, но все былъ бы Маниловъ. Да и въ самой жизни у насъ такъ. Все выходящее изъ обыкновеннаго порядка гибнетъ: Пушкинъ, Лермонтовъ впереди, а потомъ отъ A до Z многое множество, отъ того что они не дома въ мірѣ мертвыхъ душъ.

—Съ славянофилами столько же мало можно говорить, и они также нелѣпы и вредны, какъ піетисты. Рѣшительно нѣтъ мѣста рѣчи и слову. Религіозные люди напримѣръ, часто прибѣгаютъ къ уловкѣ: „да по разуму то такъ, да разумъ то спотыкается.“ Такъ и славянофилы: „да все это по европейски такъ, а по нашему нѣтъ.“ Вредные они до чрезвычайности. Причина очевидна. Marmier въ Москвѣ. Они принялись было его образовывать въ славянофильство, предложили ему изслѣдовать все превосходство православія надъ католицизмомъ (Marmier вѣроятно послѣ школы впервые услышалъ о важномъ преніи). Затаскали его до того, что ему наконецъ опротивѣли монахи, похвалы древняго быта и т. п. Православіе ихъ знамя.

—Въ Польшѣ молодые гегелисты отрекаются торжественно отъ всякой положительной религіи, сопряженной съ формализмомъ ритуаловъ etc.

АВГУСТЪ МѢСЯЦЪ

2. — Вчера былъ въ Перовѣ. Первый разъ посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ 8 мая 1838 встрѣтился съ Natalie и откуда мы поѣхали во Владиміръ. Съ той встрѣчи мы не разлучались и четыре года съ половиной, лучшую безъ

малѣйшей тѣни сторону моего бытія, составило это безпрерывное присутствіе существа благороднаго, высокаго и поэтическаго. Мало по малу все окружавшее меня сошло съ пьедесталовъ, на которые его подняло юношество въ увлеченіи. Но она осталась на своемъ, поднялась еще выше. Мы сидѣли въ той самой комнаткѣ, гдѣ ждали коляску и я чувствовалъ себя хорошо. Нѣтъ, отдѣльные факты паденій не состоятельны противъ истиннаго чувства, одно мимолетное состояніе души другой grundton ея.

— Дома печально. Состояніе отца ужасно. Къ существенной болѣзни у него, всегда мнительнаго, присоединяется раздраженное воображеніе о ея возможности. Онъ мучитъ себя, самъ мѣшаетъ всѣмъ пособіямъ и проводитъ дни въ какомъ-то страшномъ состояніи abattement. Морально онъ никогда такъ не падалъ. Онъ началъ на все смотрѣть съ какимъ-то полнѣйшимъ равнодушіемъ и заниматься только своей болѣзнью и мелочами. Можно ли желать, если его болѣзнь неизлечима, продолженіе такихъ страданій? Хотя большая часть ихъ воображаемая, но отъ этого не легче ему.

— Статья о Дилетантизмѣ нравится и очень нравится. Повѣсть нѣтъ. Повѣсть не мой удѣлъ; это я знаю и долженъ отказаться отъ повѣстей. Мнѣ трудно писать повѣсти, сцены (какъ Трензинской въ *Отеч. Зап.*) выйдутъ хороши, но цѣлое, но все не имѣетъ выдержанности. Въ такихъ статьяхъ какъ Дилетантизмъ я дома и пишу ихъ съ увлеченіемъи свободой.

13. — Наказаніе идетъ рядомъ съ проступкомъ, оно есть одно изъ естественныхъ послѣдствій, а у кого душа такъ свихнута, что проступокъ не развивается въ наказаніе, для него положительное законодательство

имѣетъ тюрьмы, штрафы etc., etc. Страшный судъ переѣхалъ вмѣстѣ со всѣмъ заприроднымъ на землю, онъ наше царство небесное внутри человѣка. Какія минуты ужаснѣйшихъ страданій я перенесъ нѣкогда за М! Какія угрызенія, униженія за послѣднюю глупость! а она глупость, увлеченіе мгновенное — а между тѣмъ я страдаю.

Съ жадностью пробѣжалъ я Horace G. Sand, великое произведеніе, вполнѣ художественное и глубокое по значенію. Горасъ лицо чисто современное намъ, жертва вѣка больше чѣмъ организаціи. Онъ всегда былъ бы тоже сильныхъ страстей, глубокихъ и непреходящихъ убѣжденій, всегда былъ бы мелокъ и эгоистъ. Но переходное время боренія двухъ міровъ, растравившее всѣ раны, провозгласившее всѣ права личности, указавши безконечную мощь и власть и дало эгоизму несравненно блистательнѣйшую арену и притомъ романическую. А потомъ скептическое состояніе умовъ, особенно во Франціи развило еще болѣе жажду сильныхъ потрясеній за дешевую цѣну. Таковъ Горасъ. Онъ не можетъ выйти изъ себя, онъ не способенъ къ сильной страсти, потому что не способенъ жить для другаго; въ другомъ, онъ натягиваетъ въ себѣ страсть для того, чтобъ упиться одуряющимъ, огненнымъ сокомъ ея, а между тѣмъ она не даетъ ему жданнаго блаженства, потому что il y a du louche là dedans. Эгоизмъ, одинъ онъ истиненъ. Кто его обвинитъ за увлеченіе Марты? Даже ревность, еслибъ она выражалась не такъ грубо, не такъ гадко, нашла бы отпущеніе. Нѣтъ, не тутъ, ни даже въ своей ничтожности, въ мелочахъ, въ придиркахъ къ ней, въ охлажденіи: во всей красѣ онъ является гигантомъ эгоизма, узнавши о беременности. Я дивлюсь всему снисхожденію La Ravinière.

А между тѣмъ многіе ли, сойдя въ глубину души, не найдутъ въ себѣ много горасовскаго. Хвастовство чувствами, которыхъ нѣтъ, страданіе для народа, желаніе сильныхъ страстей, громкихъ дѣлъ и полная несостоятельность, какъ дойдетъ до дѣла. А слабость раскаяваться, просить прощенія и на другой день впадать снова въ порокъ. Это я испыталъ на себѣ. Господи, какъ себя рядитъ въ герои человѣкъ, сидя въ кабинетѣ, и вотъ какъ герой втолкнутъ въ жизнь, кругомъ все кипитъ, несется, страсти раздуваются какъ паяльной трубкой, а онъ остается при своемъ удѣльномъ вѣсѣ. Горькія минуты разочарованія, но счастье тому, кто ихъ имѣлъ. Хуже всего, когда все окружающее догадается прежде самого.

15. — Deutsche Jahrbücher. Ими философія германская выступаетъ изъ аудиторіи въ жизнь, становится соціальна, революціонна, получаетъ плоть и слѣдовательно прямое дѣйствіе въ мірѣ событій. Тутъ видны, ясны большіе шаги въ политическомъ воспитаніи и нѣмцы дѣлаются почти свободны отъ обвиненій обыкновенно налагаемыхъ на нихъ. Въ статьѣ, въ которой они говорятъ объ отрѣченіи отъ положительной религіи со всѣмъ формализмомъ ея, благородство удивительное. „А что (въ концѣ статьи) сдѣлаетъ государство? Или оно оставитъ насъ въ покоѣ и признаетъ тогда церковь за общество сущее рядомъ и по одинаковому праву съ другимъ обществомъ. Или оно будетъ послѣдовательно характеру взятому имъ прежде, неразрывно съ церковью, и тогда оно въ правѣ насъ гнать. Тогда насъ ждетъ ссылка. И мы пойдемъ въ нее. И для того говоримъ, чтобъ предупредить слабыхъ, чтобъ они знали, что такой шагъ можетъ влечь за собой такія послѣдствія и остереглись бы. Сами мы не такъ думаемъ; кто отца или мать возлюбилъ

болѣе Христа, тотъ недостоенъ быть Христовъ.“ Давно ли нѣмцы стали говорить этимъ языкомъ, давно ли сердце забилось у нихъ отъ такихъ реальныхъ причинъ и не пророчитъ ли это многое въ будущемъ, то есть въ будущемъ близкомъ, которое мы увидимъ. Se muove, se muove!

— Одна изъ статей оканчивается прямо: надобно рѣшиться и однажды на всегда: „Христіанство и Монархія или Философія и Республика!!“ И вотъ Германія lancée въ эмансипацію политическую и съ своимъ характеромъ твердой мысли, глубины и притомъ піэтизма. Какъ противоположны характеры Германіи и Франціи въ дѣлѣ эмансипаціи ясно, слѣдя за Deutsche Jahrb. и Revue Indépendante. Въ Revue сколько жизни, огня, словъ такихъ, которыя сейчасъ соберутъ кружки на бульварахъ и притомъ какая плоскость пониманія истинъ независимо отъ современныхъ интересовъ. Философски-политическія статьи просто смѣшны; Франція двумя вѣками отстала въ спекуляціи отъ нѣмцевъ, такъ какъ нѣмцы пятью отъ французовъ въ приложеніи идеи права къ дѣйствительности.

21. — Безслѣдно не можетъ пролетѣть испытаніе, на которое тратилось души много, при которомъ были страданія и упоеніе, какъ бы впрочемъ для поверхностныхъ людей ничтожны сами факты ни показались.

23. — Странно и оскорбительно участіе большей части людей, даже любящихъ насъ. Человѣкъ палъ, потерялся, ищетъ выхода, страдаетъ и въ безсиліи обращается къ людямъ, увѣреннымъ въ любви къ нему и въ его любви. Они тотчасъ оскорбляютъ его, заставляютъ его привязать себя къ позорному столбу, разска-

зывая подробности, самымъ ужаснымъ образомъ (сожалѣя и прощая) выскажутъ глубину паденія, которую онъ зналъ. Они не могутъ удержаться отъ суда, ибо они любили не человѣка, а свой идеалъ. Потомъ начинается исторія помощи. Не спрашивая сообразно ли, нѣтъ ли съ характеромъ, съ настоящимъ болѣзненнымъ состояніемъ человѣка, даютъ совѣты и требуютъ исполненія такъ, какъ они хотятъ. А если онъ не можетъ такъ поступить — радуются его неудачамъ, упрекаютъ ими, терзаютъ. Себя, свою гордость, тѣнь того, что люди разумѣютъ подъ честью не компрометируютъ они для помощи, тутъ эгоизмъ развертывается съ тою же нахальностью, какъ когда у насъ проситъ знакомый помощи денежной. Мелкіе, мелкіе люди! А къ нимъ принадлежимъ больше или меньше и мы, говорящіе. Однако не совсѣмъ. Любовь и симпатія полная (напримѣръ въ исторіи Ог.) окружили его какой-то атмосферой — что-то глупо выразился — à la Selin. Что онъ ни дѣлалъ, онъ не могъ выйти изъ любви и дружбы, хотя и были произносимы слова жесткія etc., etc.

29. — Мое теперешнее состояніе похоже на похмѣлье, какое-то усталое, лѣнивое состояніе чего-то wüstes, неясная память дурачествъ сдѣланныхъ, на которыя тратилась энергія, энергія пьяная и глупая. Это хорошо, какъ средство смиренія, какъ memento слабости. А между тѣмъ я добровольно загрязнился.

СЕНТЯВРЬ МѢСЯЦЪ

2. — Случайно попалась на глаза Manon Lescaut Когда то я читалъ и съ большой любовью этотъ романъ. Причина очевидна, коллизія истинная, великая и полная глубокаго интереса и паѳоса. Легкій взглядъ XVIII столѣтія не умѣлъ разглядѣть во всю ширину и бездонность ужасъ любви къ такому существу какъ Manon, хотя понялъ трагическую сторону превосходно выразившуюся въ окончаніи. Я его оправдываю. Надобно вообще дойти до высокой степени разврата, чтобъ безъ любви, (какая бы она ни была), безъ увлеченія, холодно и разсчетливо заводить интриги, интриги мелкія, которыя при первомъ неудобствѣ бросаются и о которыхъ совсѣмъ не вспоминаютъ или вспоминаютъ такъ, какъ о вчерашнихъ котлетахъ. Для меня этотъ систематическій развратъ отвратителенъ. Въ публичномъ домѣ человѣкъ отрѣшается отъ своего достоинства и остается чисто животнымъ; но въ разсчетливой интригѣ онъ падаетъ ниже животнаго, именно потому что животный актъ убитъ человѣческимъ размышленіемъ, но человѣческимъ не сдѣлался. Однаго физическаго желанія мало для человѣка, онъ дѣлаетъ тотчасъ требованіе высшаго порядка — красоты. Эта нравящаяся красота должна его увлечь своимъ магнетизмомъ. Ну, какже повѣрить, чтобъ подъ этими изящными чертами крылся развратъ, обманъ, или и узнавши его, какъ не повѣрить, что весь этотъ обманъ, развратъ случай-

ное паденіе, отклоненіе отъ истинной благородной сущности бытія въ формѣ столь граціозной. Богатство души передаетъ свой избытокъ ей, заблудшейся, несчастной и между тѣмъ узы скрѣпляются самымъ обладаніемъ, близостью. Есть что то отвратительное въ томъ, чтобъ, раскрывая объятія женщины, не отдаться ей, презирать ее; въ такомъ случаѣ лучше ее не надобно, тутъ нѣтъ ни увлеченія ни огня. Быть обманутымъ лучше. Состояніе илотизма, въ которомъ держали женщинъ, произвело тотъ ужасный развратъ, который именно гадокъ по его скрытности, по обманчивости своей. Повѣсть о Manon будетъ всегда прекраснымъ произведеніемъ.

10.—Когда безъ всякаго внѣшняго побужденія, безъ всякой причины со дна души поднимается какая то давящая грусть, которая ростетъ, ростетъ и вдругъ сдѣлается нѣмая, жестокая боль и такъ станетъ ясно все дурное, трагическое нашей жизни; готовъ бы умереть кажется. Суета послѣдняго времени долго заглушала этотъ голосъ; пріѣздъ въ Москву, эпизодъ о торгѣ, досада на себя и матерьяльные хлопоты не давали ему мѣста. Лишь только стало поспокойнѣе и лучше, вѣчный голосъ скорби, вопль негодованія, вопль духа, рвущагося къ формѣ жизни полной, человѣческой, свободной—снова раздался. Судьба рѣшена; половина жизни прошла въ боли и борьбѣ, эта половина не замѣняема, вторая врядъ ли будетъ радостнѣе.

Споръ съ Чаадаевымъ о католицизмѣ и современности, при всемъ большомъ умѣ, при всей начитанности и ловкости въ изложеніи и развитіи своей мысли, онъ ужасно отсталъ. Даже мнѣ было жаль употреблять всѣ средства; въ немъ какъ то благородно воплотилась разумная сторона католицизма. Онъ въ ней

нашелъ примиреніе и отвѣтъ и притомъ не путемъ мистика и піэтиста, а соціально-политическимъ воззрѣніемъ. Но, тѣмъ не менѣе, и это голосъ изъ гроба, голосъ изъ страны смерти и уничтоженія. Намъ странненъ этотъ голосъ. Истиннаго оправданія нѣтъ имъ, что они не понимаютъ живаго голоса современности.

11.—Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ наши страданія почка, изъ которой разовьетя ихъ счастье. Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр.?....Отчего руки не поднимаются на большой трудъ? Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?..... О пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ, мы заслужили ихъ грусть! Была ли такая эпоха для какой либо страны: Римъ въ послѣдніе вѣка существонія и то нѣтъ. Тамъ были святы воспоминанія, было прошедшее, наконецъ оскорбленный состояніемъ родины могъ успокоиться въ лонѣ юной религіи, являвшейся во всей чистотѣ и поэзіи. Насъ убиваетъ пустота и безпорядокъ въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ, отсутствіе всякихъ общихъ интересовъ.

Правы утверждающіе, что наша исторія развивается самобытно; genus originale—надобно сознаться.

13.—Сцена какъ выразился кто то есть парламентъ литературы. Трибуна, пожалуй, церковь искусства и сознанія. Ею могутъ разрѣшаться живые вопросы современности, по крайней мѣрѣ обсуживаться, а *реальность* этаго обсуживанья, въ дѣйствіи, чрезвычайна. Это не лекція, не проповѣдь, а жизнь развернутая на самомъ

дѣлѣ со всѣми подробностями, съ всеобщимъ интересомъ и семейственностью, съ страстями и ежедневностью. На дняхъ испыталъ я это на себѣ. Небольшая драма заставила меня думать и думать. Юноша влюбился въ дѣвицу старѣе себя. Она его любитъ и они женились. Прошло пять лѣтъ, молодой человѣкъ влюбляется въ другую и начинается тотъ ужасный бой, который такъ удивительно выразилъ Гете въ Wahlverwandschaft. Мужъ, человѣкъ честный, благородный, онъ понимаетъ свою обязанность относительно жены, уважаетъ ея высокія достоинства, но не любитъ ее и скрываетъ. Жена необыкновенно благородное созданіе любитъ мужа до безумія, и все понимаетъ, въ страданіяхъ. Она рѣшается умертвиться. Мужъ въ отчаяніи. Проходитъ годъ, она осталась въ живыхъ, но ее считаютъ умершею и первый онъ убѣжденъ въ этомъ. Онъ женится на другой и встрѣчаетъ на дорогѣ свою первую жену. Женатый отъ живой жены! ему кажется, что онъ сдѣлалъ что то чудовищное. Жена (1-я) умираетъ, онъ хочетъ убить себя, но его другъ заставляетъ его жить для второй жены etc. Вотъ что тутъ ужасно: *всѣ правы.* Молодой человѣкъ откровенно поступилъ, женившись на дѣвушкѣ старше его — но это была неосторожность, въ ней заключалось адское сѣмя, изъ котораго должно, могло по крайней мѣрѣ, вырости то несчастіе, которое выросло. Но за неосторожность развитіе жизни наказываетъ его въ десятеро противъ всякаго уголовнаго преступника. А жена—добродѣтельная, отдававшаяся ему такъ самоотверженно и вовсе, что ей дѣлать? Отойти прочь, оставить его? Да гдѣ эти герои, гиганты или лучше эгоисты? Она и прежде могла бы *разсчесть.* Но богъ съ ними съ хорошими счетчиками, они не бываютъ несчастны—но и блаженство жизни и полнота ея не для

нихъ. Женщина убита, она ничего не имѣетъ внѣ мужа. Мужъ убитъ, онъ обезчестенъ въ своихъ глазахъ, онъ обманщикъ въ обѣ стороны, онъ рабъ. Они влекутъ быстро другъ друга къ могилѣ, слабѣйшій падетъ прежде, второй спасенъ. Не тутъ то было, угрызеніе совѣсти на вѣки стало набрасывать трауръ. Хозяинъ — безвыходность! Бракъ, когда отъ него отлетитъ духъ, позорнѣйшая и нелѣпѣйшая цѣпь. Какъ, на какихъ условіяхъ дозволяется ее бросить, трудный вопросъ, которому фактическое разрѣшеніе дадутъ грядущія поколѣнія, но я замѣчу вотъ что. Да неужели для человѣка только и дано въ удѣлъ, что *любиться* и развѣ одна любовь даетъ grundton всей жизни? на все есть время. Зачѣмъ этотъ человѣкъ не раскрылъ свою душу общимъ, человѣческимъ интересамъ, зачѣмъ онъ не доросъ до нихъ? Зачѣмъ и женщина эта построила весь храмъ своей жизни на такомъ песчаномъ грунтѣ? Какъ можно имѣть единымъ якоремъ спасенія индивидульность чью нибудь? Все оттого, что мы дѣти, дѣти и дѣти.

Древній міръ вовсе не зналъ той трагической стороны семейной жизни, которая развилась въ сѣни феодально-христіанскаго міра. Древній міръ былъ односторонень, онъ не призналъ права женщины; но мы можемъ перестать быть Вертерами и Тогенбургами, не впадая въ его односторонность. Какой фазисъ въ жизни занимаетъ любовь, потомъ семейство? Какой бы ни занимало, но исключительно человѣкъ не долженъ себя погружать въ одно индивидуальное чувство. У него якорь спасенія въ идеи, въ мірѣ общихъ интересовъ; духъ человѣка носится между этими двумя мірами. Пренебреги онъ сердцемъ индивидуальнымъ, онъ былъ бы уродъ — обратно тоже.

Встарь религіозные люди находили примиреніе и вы-

ходъ въ религіи, она тоже всеобща. Выходъ былъ мнимый — но врачевалъ.

22. — Высочайшее произведеніе русской живописи, разумѣется, *Послѣдній день Помпеи*. Странно, предметъ ея переходитъ черту трагическаго, самая борьба невозможна. Дикая, необузданная Naturgewalt съ одной стороны и безвыходно трагическая гибель всѣмъ предстоящимъ. Мало воображеніе дополняетъ и видитъ туже гибель за рамами картины. Что противъ этой силы сдѣлаетъ черноволосый Плиній? Что христіанинъ? Почему русскаго художника вдохновилъ именно этотъ предметъ?

На оборотъ. На фронтонѣ Исакіевской церкви будетъ барельефъ, представляющій Исакія Далматскаго, гордо не покоряющагося императору, бѣсящемуся и досадующему на него. Надобно думать, что ценсура не пропуститъ этотъ барельефъ!

Геройство консеквентности, самоотверженіе принятія послѣдствій такъ трудно, что величайшіе люди останавливались передъ очевидными результатами своихъ принциповъ. Таковъ Гегель, развитіе юнаго гегеліанизма, развитіе его началъ; но Гегель бы отрекся отъ нихъ, онъ любилъ, уважалъ das Bestehende, онъ видѣлъ, что онъ не вынесетъ удара, и не хотѣлъ ударить, ему казалось, на первый случай и того довольно, что онъ дошелъ до своихъ началъ. Юное поколѣніе съ нихъ начало, шагъ впередъ былъ именно тотъ ударъ, который долженъ былъ глубоко поразить das Bestehende. Гегель бы отрекся отъ нихъ; но вотъ въ чемъ дѣло, они *вѣрнѣе* были бы ему, нежели онъ самъ, т. е. ему мыслителю, отрѣшенному отъ его случайной личности, эпохи и пр. Шеллингъ живой примѣръ, какъ можно отстать отъ собственной своей мысли, когда мыслитель остановится

на половинной дорогѣ ея развитія, не имѣя, впрочемъ, силы остановить имъ же даннаго движенія. Положеніе Шеллинга истинно трагическое, какъ выразился Руге. Всякая остановка, половинность не годится, когда развитіе идетъ впередъ. Жиронда явнымъ образомъ положила голову на плаху, ставши между якобинцами и монархистами. Ежели бы королевская партія одолѣла, ихъ все бы казнили. Таково нынѣ положеніе правой стороны гегельянизма. Маргейнеке поступилъ съ доброй цѣлью для Бруно Бауера престранно, онъ хотѣлъ попасть въ juste milieu и попалъ между двухъ стульевъ на полъ. И прусское правительство и юная гегельянская школа его обругали.

Будь горячь или холоденъ! А главное будь консеквентенъ, умѣй subir истину во весь объемъ.

30. — Продолжая, вотъ еще, что слѣдуетъ замѣтить. Не должно обвинять Гегеля въ хитрости, въ лицемѣрствѣ. Новое воззрѣніе такъ далеко отрѣзывало отъ прежняго, что онъ не смѣлъ себѣ *признаться* во всѣхъ слѣдствіяхъ своихъ началъ, оттого неминуемое послѣдствіе *неясность* въ многихъ практическихъ выводахъ. Онъ хочетъ не истиннаго, естественнаго, само собою текущаго результата; но еще, чтобъ онъ былъ въ ладу съ существующимъ. Ему страшно было говорить такъ, какъ страшно бъ было другимъ слушать. Юная школа могла высказать больше, для нее не шло впередъ то уваженіе къ окружающему фактическому міру, которое было у Гегеля; но не должно забывать, что не шло именно потому, что Гегель поставилъ юное поколѣніе на высокую точку, съ которой оно могло разомъ увидѣть то, что онъ вырабатывалъ и что ему открывалось, какъ видъ входящему на гору. Когда онъ взошелъ, ему

не видать было больше горы, онъ испугался этаго, она слишкомъ была связана со всѣми испытаніями, судьбами, которыя онъ пережилъ. Таково всегда было развитіе во времена идеи. А потому величайшая справедливость должна быть въ приговорахъ дѣятелямъ. И Лютеръ, и Мирабо, и Платонъ были перейдены т. е. развиты.

— Критика дѣлается исполненною высокой страстности, она дѣлается религіозна наконецъ. Самое отрицаніе, конечно, вмѣстѣ и положеніе. Ее знаетъ свобода, такъ какъ знала философія самопознаніе. Свобода т. е. освобожденіе отъ внѣшняго, мертваго ограниченія, отъ цѣпей былаго, непризнаннаго за вѣчное самопознаніемъ, свобода дѣйствовать по разумѣнію, мышленію, изложеніе мысли etc.

Христіанство удивительно приготовило индивидуальность къ настоящему. Углубленіе въ себя, признаніе безконечности въ себѣ, очищенный и вмѣстѣ доведенный до высочайшей степени эгоизмъ и слѣдовательно развитіе собственнаго достоинства. А съ другой стороны, мысль самопожертвованія для всеобщаго, любовь и пр. Эта борьба сама по себѣ развила все богатство духа человѣческаго. А съ другой стороны, борьба съ матеріальнымъ, временнымъ. Эта *вѣчная ложь* феодальныхъ вѣковъ, говорящихъ объ уничтоженіи страстей, о пренебреженіи землей, и поступающихъ совсѣмъ иначе сколько должны были развить практическаго и теоретическаго. Современность ставящая реальнѣйшей сущностью государство, (именно царство божіе на землѣ, по религіозному выраженію) разомъ уничтожаетъ ложь, ибо государство имѣетъ и свою временную сторону и свою вѣчную, любовь и эгоизмъ, развитіе себя и отданіе себя, всеобщее въ каждомъ и каждый втекающій, въ всеобщее, которому царь Разумъ. Тутъ истинное

осуществленіе темно провидѣннаго христіанствомъ и всему отзывъ etc.

— Читалъ на дняхъ комедію Бомарше. Нѣтъ сомнѣнія, что *Свадьба Фигаро* геніальное произведеніе и единственное на французской сценѣ. Въ ней все живо трепещетъ, пышетъ огнемъ, умомъ, критикой и слѣдовательно опозиціей. Мысль его ясна въ Фигаро, хотя отъ этаго само лицо не пріобрѣло особенной дѣйствительности; для меня chef d'œuvre его Сусанна, Херубимъ и графиня.

Вопросъ о семейной жизни, объ отношеніяхъ брака его очень занимали; это главная тема почти всѣхъ комедій его. Въ La mère coupable онъ взялся лицомъ къ лицу съ своей задачей. Пьеса немного резонерствующая, писанная въ его старости, но онъ самъ говоритъ, что она для него результатъ долгихъ медитацій и что до нее онъ доходилъ *Севильскимъ Цирюльникомъ* и *Свадьбой Фигаро*. Тема глубока. Графъ Альмавива, бѣсившійся нѣсколько лѣтъ отъ ревности, ненавидящій сына своего по подозрѣнію, что онъ не отъ него родился, добивается доказательствъ и между тѣмъ беретъ мѣры уничтожить имѣнья, передать ихъ. Наконецъ, доказательства пришли. Онъ сынъ Херубима. Графъ жестоко, свирѣпо упрекаетъ жену. Ангельское, самоотверженное существо, павшее давно, случайно, будучи оставлена мужемъ, увлеченная безумной страстью Херубима, она проводила время свое въ глубокомъ раскаяніи. Упреки ей приняты какъ наказаніе, но подъ тяжестію ихъ она ломится. Человѣческое чувство побѣждаетъ въ графѣ романтизмъ ревности. Онъ проситъ прощенія у жены, отъ души обнимаетъ, признаетъ Леона, такъ какъ его жена еще прежде признала его побочную дочь, и гармоническое счастіе водворяется на мѣсто дикаго боренія страстей, которыми, быть можетъ, слишкомъ искупи-

лись невинная вина графини и легкомысліе (несравненно виновнѣйшаго) графа. Дѣйствіе пьесы хорошо, человѣчески примиряющее. Радуешься видя графа, выходящаго изъ заколдованнаго круга предразсудковъ и фанатизма.

Мысль реабилитаціи женщины одна изъ любимыхъ и ярко прорѣзывается вездѣ у Бомарше рядомъ съ негодованіемъ, насмѣшкой противъ аристократіи и тогдашняго состоянія. Уже въ *Barbier de Séville'* притѣсненная Розина имѣетъ всѣ его симпатіи и онъ заставляетъ ее сказать, когда Бартоло говоритъ, что мужъ имѣетъ право читать письма жены. Mais pourquoi lui donnerait-on la préférence d'une indignité qu'on ne fait à personne? (Acte II. Scène XV.) Въ *Свадьбѣ Фигаро* женщина торжествуетъ безусловно; во первыхъ въ этой неуловимой, острой, милой Сусаннѣ, которая побѣдила самаго Фигаро, побѣдила торжественно, потому что и въ немъ выражалась тиранская натура мужчины; во вторыхъ въ графинѣ. Мужъ волокита смѣетъ, имѣетъ право (и доселѣ) тѣснить жену ревностью, онъ ее мучитъ за взглядъ, шутки; онъ ее готовъ опозорить, предать общественному порицанію за поступокъ, который онъ сейчасъ готовъ былъ совершить, и который, еслибъ совершилъ, извлекъ бы улыбку у всѣхъ, кромѣ Фигаро. Эту *неправду,* эту дикую неправду и выставилъ Бомарше и онъ конечно былъ изъ первыхъ, понявшихъ плотское состояніе женщины.

— И всѣ эти бѣшеныя страсти ревности, мщенія еще казались такъ справедливо текущими изъ самыхъ естественныхъ отношеній мужа и жены. А между тѣмъ, глядя имъ въ глаза прямо и трезво, видишь что это все привидѣнія, не имѣющія дѣйствительности. А сколько слезъ, сколько крови пролилось во имя ихъ!

ОКТЯВРЬ МѢСЯЦЪ

7. — De la Prusse par un inconnu. 1842. Авторъ выдается за француза. Католикъ à la mode, то есть съ демократическими выходками; но книга исполнена интереса, не смотря на односторонность. Пруссія должна была, если не вся, то правительствомъ, покраснѣть до ушей. Скрытный, обманчивый, безэнергичный и тупой деспотизмъ, облеченный въ формы германо-quasi-европейскія. Какъ страшно сдѣлается на душѣ, когда видишь все бѣдное развитіе права гдѣ нибудь въ Пруссіи, вдругъ взглянешь домой — и Пруссія покажется раемъ земнымъ.

16. — Пересматривалъ и поправлялъ статью „Grübe'n по поводу одной драмы“ т. е. развитіе мысли, записанной послѣ бенефиса Самойлова *(8 лѣтъ старше)*, статья вышла не дурна. Она назначается въ *Альманахъ* Грановскаго вмѣсто „Дилетантизма,“ отнятаго для *Отеч. Зап.* A propos, въ послѣднемъ № повѣсть извѣстнаго графа Ѳ. В. Ростопчина. Много юмора, остротъ и меткаго взгляда.

22. — День рожденія Наташи — 25 лѣтъ. Страшно идетъ время. Вчера я смотрѣлъ долго на два портрета мои Витберговой работы. Одинъ дѣланъ въ концѣ 1835, другой въ половинѣ 1836, оба были похожи, особенно первый. И мнѣ стало грустно, первый разъ я испыталъ чувство человѣка не токмо вышедшаго изъ юности, но

и отдалившагося отъ нее. Гдѣ эти черты, гдѣ это выраженіе, гдѣ мягкость, нѣжность, грація? Семь лѣтъ и какая перемѣна! Я перенесся въ то время. Это былъ періодъ романтизма въ моей жизни: мистическій идеализмъ полный поэзіи, любовь, всепоглощающее и всенаправлявшее чувство. Одиночество, первый годъ ссылки, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ тюрьмы. Это былъ періодъ der Gemüthlichkeit, но у меня никогда не было жизни такъ сосредоточенной въ личныхъ отношеніяхъ, чтобъ хоть на время забыть всеобщіе интересы. Напротивъ, я со всѣмъ огнемъ любви жилъ въ сферѣ общечеловѣческихъ, современныхъ вопросовъ, придавши имъ субъективно-мечтательный цвѣтъ. Наконецъ, въ 1838 г., жизнь достигла до той высшей степени цѣлаго развитія, далѣе которой идти нельзя. Надобно объяснить. Съ 1838 года шелъ ли я назадъ или впередъ? Сомнѣнья нѣтъ, что впередъ: взглядъ сталъ шире, основательнѣе, ближе къ истинѣ, я отдѣлался отъ тысячи предразсудковъ съ тѣхъ поръ, много занимался etc. Но для меня, какъ для лица, лучшаго, полнѣйшаго періода жизни не можетъ быть какъ половина 1838 до половины 1839. Сторона мысли, разума взяла верхъ надъ страстностью (и должна была); но съ тѣмъ вмѣстѣ потухло множество наслажденій. Тотъ годъ тѣмъ важенъ, что тогда все было уравновѣшено и развернуто въ пышный цвѣтъ, стройный, согласный концертъ всѣхъ элементовъ. Такой періодъ въ исторіи человѣчества — была греческая жизнь. Человѣчество гораздо дальше двинулось въ христіанскомъ и современномъ мірѣ, но того юношескаго, стройнаго согласія внутренняго и внѣшняго нѣтъ, одна сторона пожертвована другой. Тотъ годъ былъ лучшимъ годомъ для нашихъ индивидуальностей. Испивъ всю чашу наслажденія индивидуальнаго бытія, надобно продолжать

службу роду человѣческому, хотя бы она была и не легка. Да зачѣмъ же переживается такой прекрасный періодъ, зачѣмъ онъ такъ скоро проходитъ? Онъ не проходитъ, а измѣняется. Да и сверхъ того все индидуальное подчинено времени, хотя съ другой стороны полнота наслажденія внѣ всякаго времени, она заключаетъ безконечность въ настоящемъ и есть достойная цѣль индивидуальнаго бытія. A propos. Часто говорятъ, земной шаръ какъ индивидуумъ, имѣющій органическое развитіе, имѣлъ (какое бы оно ни было) временное начало и слѣдовательно будетъ имѣть конецъ, (недавно еще говорилъ мнѣ объ этомъ M. Gros philosophe franco-germanique) а съ нимъ и человѣчество; словомъ, судьба планеты, судьба индивидуальнаго. Для чего все развитіе, къчему и проч. Вопросъ трудный. Физически не знаю, какъ отвѣчать на самую гипотезу гибели планеты. Но этимъ, если хотятъ (какъ Gros) доказать личность Бога или безсмертіе души, немного возьмутъ. Да самое развитіе ist Lohn der reichlich lohnet — вѣчность не въ числѣ лѣтъ отъ рожденія до безконечности, а въ развитіи въ себѣ божественнаго духа, неимѣющаго зависимости отъ времени.

26. — Вчера въ восьмомъ часу утра умеръ Вадимъ. Онъ былъ болѣнъ съ мѣсяцъ. Послѣднюю ночь я провелъ у его кровати и онъ скончался при мнѣ. Мы послѣдніе годы волею и неволею видались рѣдко. Онъ жилъ въ южныхъ губерніяхъ, я въ сѣверныхъ, онъ въ Москвѣ, я въ Петербургѣ; къ этому присоединялась разница въ образѣ воззрѣнія на предметъ слишкомъ яркій, чтобъ можно было примириться, забывъ ее, и не достаточно развитая, чтобъ именно по самой противоположности мнѣній найти другъ въ другѣ особый интересъ. Онъ

отъ славянофильства дошелъ до ортодоксности и даже до ненависти къ Западу; такимъ образомъ ему пришлось отвергнуть все историческое развитіе человѣчества, всю науку, философію, всю мысль нашего вѣка—на это силъ не было, осталось das vornehme ignoriren и защита мѣста, тутъ надобно дойти до безумія, чтобъ сдѣлаться интереснымъ, т. е. какъ Морошкинъ. Но при всемъ этомъ и не смотря на другія личныя отношенія, я цѣнилъ въ этомъ человѣкѣ всегда высокое благородство души, чистоту жизни, съ которой онъ проламывался сквозь ужасныя несчастія и недостатки. Годъ тому назадъ, онъ еще былъ полонъ силъ, предпріятій, даже когда я пріѣхалъ въ Москву въ іюнѣ, онъ былъ здоровъ или жаловался на общее разстройство; въ августѣ и именно 26, въ имянины Наташи, онъ былъ у меня и говорилъ, что простуженъ, что надобно поберечься. Потомъ я его съ мѣсяцъ не видалъ, онъ жилъ на дачѣ; пріѣхавши, я засталъ его очень похудѣвшимъ, въ ипохондріи; въ началѣ октября развилась чахотка, и вчера я присутствовалъ при великой тайнѣ смерти, и вся эта вся потенція, энергія, какъ угодно, — исчезла, уничтожилась, оставя послѣ себя слѣдъ на веществѣ уже гніющемъ и на костяхъ, которыя долго не сгніютъ, но сгніютъ же. Дней пять передъ смертью меня ужаснула не худоба его, не кашель, а замѣтная тупость умственныхъ способностей и чрезвычайная ограниченность даже, это потуханье интеллектуальной стороны шло возростая, за день до смерти, за два онъ только занимался болѣзнію, говорилъ о лекарствахъ, о ихъ дѣйствіяхъ. Въ два часа ночи (съ 24 на 25) онъ проснулся, ему было по легче, однако жена догадалась, что не передъ добромъ, привела дѣтей, онъ улыбнулся. Жена сказала ему, чтобъ перекрестилъ ихъ, онъ сдѣлалъ видъ, что самъ хочетъ,

потомъ закрылъ глаза и уснулъ. Прислали за мной Я пришелъ въ началѣ четвертаго, онъ спалъ спокойно· изрѣдка только издавая легкій стонъ, и не просыпаясь' не раскрывая глазъ, не взойдя ни на минуту въ сознаніе, умеръ. Въ 7 часовъ утра дыханіе стало рѣже, прерывистѣе, онъ раза два продолжительно застоналъ и въ туже минуту глаза его приняли спокойный видъ и дыханіе прекратилось. Черезъ два часа, мы его уже переносили на столъ, а еще черезъ два часа мальчикъ отъ Кампіони снималъ маску, заливши алебастромъ лице. Тайна и грозная, страшная тайна! А какъ наглазно видно тутъ, что jenseits мечта, что духъ безъ тѣла невозможенъ, что онъ только въ немъ и съ нимъ что нибудь! — „Мы увидимся, скоро увидимся," говорила жена; теплое, облегчающее вѣрованіе, мое послѣднее вѣрованіе, за которое я держался всѣми силами. Нѣтъ и тебя я принесъ на жертву истинѣ! А горько разставаться съ тобою было, романтическое упованіе новой жизни.

Когда я вышелъ изъ ихъ дома, чтобъ послать имъ людей и сдѣлать часть распоряженій, солнце свѣтило, морозный день былъ сѣверно хорошъ, на улицѣ движенье, жизнь. Жизнь вѣчна, жизнь идетъ своимъ чередомъ, она производитъ для себя и уничтожаетъ, испортивши, износивши формы, не жалѣя объ нихъ. Я пріѣхалъ къ Кампіони. Никого нѣтъ въ первой залѣ, я въ другую: статуи, картины, раскошныя, граціозныя формы жизни поразили меня послѣ того, какъ я такъ пристально вглядѣлся въ угловатыя, ужасныя формы смерти. А въ другой комнатѣ, дѣвочка лѣтъ 15, пѣла веселую итальянскую пѣсню.

Говоря объ этомъ днѣ, я не долженъ пропустить лицо, поразившее меня изяществомъ всего существа своего.

Черткова (Елизавета Григорьевна, урожденная графиня Чернышева, т. е. Чернышевыхъ въ самомъ дѣлѣ, а не военнаго министра), сначала, она поразила меня удивительно благородной и выразительной наружностью; въ ней видна аристократическая кровь, это одна изъ героинь Вальтеръ Скотта, высокая, худая, не въ первой молодости, грандіозная и hehr, какъ говорятъ нѣмцы. Но потомъ она меня удивила образомъ участія; ни слезъ безпрерывныхъ, ни банальныхъ утѣшеній, ни перешептыванья, ни жестовъ, ничего — спокойное, глубокое участіе, безъ словъ, но ясно звучащее въ этой группѣ, составленной изъ мертвеца и его пріятелей, хлопочущихъ около него, и жены въ отчаяніи, и дѣтей испуганныхъ. Эта женщина была похожа на тѣ явленные образа богородицы, которые видѣлись прежними святыми и которые сходили примирительной голубицей между Богомъ и человѣкомъ. Эта женщина была артистическая необходимость въ этой группѣ — безъ нее картина была бы surchargée чернымъ и безнадежнымъ. Вотъ и моя дань аристократіи, въ ней именно важнѣйшую долю изящной формы и изящныхъ формъ надо отнести чистой, благородной крови и правамъ истинной аристократіи. Проведя весь этотъ день и всѣ сутки въ натянуто напряженномъ состояніи, въ которомъ одно сильное чувство смѣнялось другимъ, скорбь, тяжкія мысли и проч. Когда я вечеромъ поздно остался дома, одинъ съ Наташей, возлѣ спалъ малютка-тишина — тогда мнѣ стало чрезвычайно легко, я взошелъ опять въ среду истинной жизни, ибо судорожныя экстатическія минуты составляютъ крайность.

А давно ли Вадимъ, только что выпущенный изъ университета кандидатомъ, въ преизбыткѣ силъ, съ необузданнымъ самолюбіемъ, съ русской удалью дѣлилъ всѣ мечты, всѣ увлеченія наши? Это было въ концѣ

1831, до начала 1834. Одинадцать лѣтъ впрочемъ! Послѣ женидьбы онъ много измѣнился; а можетъ не онъ, а мы двинулись впередъ, а онъ остался на старомъ мѣстѣ. Попавши въ Славянизмъ, онъ даже и на старомъ мѣстѣ не остался, а пошелъ инымъ путемъ назадъ; всѣ общіе человѣческіе интересы, всѣ современные вопросы занимали его только по мѣрѣ ихъ причастности къ славянскому міру, а тутъ надобно замѣтить, что именно имъ то они вовсе и не занимаются. Мы разстались довольно холодно. Въ 1840 году мы встрѣтились въ Петербургѣ, разстояніе между нами было не переходимое; но я тогда въ немъ оцѣнилъ прекраснаго семейнаго человѣка и мы сблизились опять и такъ остались до его кончины. Въ послѣднее время его финансовое положеніе начало было поправляться; но несчастье за несчастьемъ лишили возможности улучшить жизнь; работой онъ былъ заваленъ, можетъ онъ касался, наконецъ, до спокойствія въ матерьяльномъ отношеніи — но жизнь порвалась.

И она давно ли кажется жила у насъ въ домѣ, пріѣзжая изъ Корчевы, Темира, дѣвица безаботная и un peu pédante. А теперь вдова, въ крайности, съ двумя дѣтьми и съ третьимъ неродившимся. Будущность ея ужасна, не представляется ни пристанища, ни куска хлѣба. Конечно, найдутся люди; но хлѣбъ милостыни, что ни говори, съ пескомъ. Вотъ еще семейство въ счетъ Астраковыхъ, Медвѣдевыхъ, Витберга и многихъ многихъ. Страшно вспомнить, всѣмъ помочь силъ нѣтъ. А кого же обойти?

29. — Вчера схоронили Вадима въ Симоновѣ. Похороны были торжественны по истинному участію людей, окружавшихъ гробъ. Жена твердо шла за гробомъ,

стояла возлѣ и, когда привинтили крышку, она облокотилась на гробъ. Никто не смѣлъ ни двинуть гробъ, ни прервать этой нѣмой горести. Она долго стояла, слезъ не было, но взглядъ ея былъ невыносимъ ; кругомъ все рыдало; въ ея взглядѣ было видно что то безпредѣльно отчаянное и убитое, и вмѣстѣ недоумѣніе, вопросъ, упрекъ. Въ Симоновѣ покойника встрѣтилъ самъ архимандритъ, (Мельхиседекъ) бывшій пріятелемъ съ Вадимомъ, и эта дань уваженія была хороша. Жена стала возлѣ могилы, ее уже закапывали, также страшно молча и безъ слезъ. Архимаидритъ подошелъ къ ней и сказалъ : „Довольно, это не наше, въ церковь за мной, молиться Богу.“ И мы взошли въ церковь уже безъ покойника, уже онъ сталъ совершенно прошедшее. Вотъ гдѣ крѣпость религіи; въ эти минуты человѣкъ готовъ все сдѣлать, чтобъ найти выходъ и примиреніе. Религія врачуетъ все. Когда мыслитель, гражданинъ говоритъ о подчиненіи индивидуальнаго всеобщему, на нихъ смотрятъ, какъ на людей безъ сердца; когда художникъ или ученый скажетъ, что звукъ его лиры, его кисть утѣшительница въ его горести — назовутъ эгоистомъ. А когда религія рѣзко говоритъ: „оставь, это мое, идемъ молиться, покоряйся безропотно,“ тогда все покоряется и склоняетъ колѣна, безъ разсужденій, повинуясь слѣпо.

НОЯВРЬ МѢСЯЦЪ

1. — Духъ человѣческій роетъ себѣ да роетъ внутри, онъ дѣлаетъ свое какъ въ родѣ такъ и въ лицѣ. Жена Вадима, которая первые дни своего несчастія была въ

полнѣйшей вѣрѣ, вдругъ со вчерашняго дня начинаетъ сомнѣваться и безпрестанно колеблется между дѣтскимъ признаніемъ и полнымъ отрицаніемъ. Она называетъ это паденіемъ, молится о подкрѣпленіи, но молитва не исполняется; тутъ ясно видно благородное, человѣческое направленіе, не дозволяющее обольщать себя и съ другой стороны видно, какъ слабо дѣйствуетъ при современномъ состояніи развитія духа религіозная положительность.

2. — Письмо отъ Сатина изъ Ганау. Огаревъ опять надѣлалъ глупости въ отношеніи къ женѣ, снова сошелся съ нею, поступалъ слабо, обманывалъ, унижался и опять сошелся, послѣ всего бывшаго. Вотъ что я писалъ къ Огареву: „Бѣдный, бѣдный Огаревъ, я грущу о твоемъ положеніи, но ни слова, когда дружба истощила безуспѣшно все, чтобъ предупредить, отвратить; ея дѣло остаться вѣрною въ любви. Дай руку, какъ бы ты ни поступилъ, не хочу быть судьей твоимъ, хочу быть твоимъ другомъ; я отворачиваюсь отъ темной стороны твоей жизни и знаю всю полноту прекраснаго и высокаго, заключеннаго въ ней. У тебя широкія ворота для выхода изъ личныхъ отношеній — искусство, міръ всеобщаго; я хочу не знать жалкой борьбы, отъ которой раны, конечно, будутъ не на груди.“

Я откровенно дѣлю съ нимъ его несчастіе, понимаю его слабость (какъ его, ибо во мнѣ есть возможность паденій, увлеченій, но такой слабости нѣтъ и тѣни), не могу простить его поступка, но далекъ и отъ жесткаго приговора. У К. сильная способность любить, но онъ жестокъ, на словахъ, скоръ въ приговорахъ, это его недостатокъ, его ограниченность. Для хладнокровнаго наблюдателя это психологическій феноменъ, достойный

изученія. Чѣмъ эта ограниченная, неблагородная, некрасивая, наконецъ, женщина, противоположная ему во всѣхъ смыслахъ, держитъ его въ илотизмѣ? Любовью? онъ не любитъ ее, даже не уважаетъ; абстрактной идеей брака? онъ давно не признаетъ власть его. Чѣмъ же? Отталкивающее ея существо такъ сильно, что все, приближавшееся къ ней, ненавидитъ ее; вездѣ, на Кавказѣ, въ Москвѣ, въ Неаполѣ, Парижѣ она возбуждала смѣхъ и негодованіе. Сожалѣніе и слабость, безпредѣльная слабость, вотъ что затягиваетъ цѣпь, которую должно было сбросить, такъ далеко зашелъ ея эгоистическій, дерзкій нравъ. Такая ли будущность ждала Огарева? И въ такомъ то омутѣ теряетъ онъ силы на глупую борьбу, теряетъ здоровье, жизнь. Это ужасно! Но теперь то ему и нужна дружба!

6.— Отвратительная тяжесть нашей эпохи тѣмъ ужаснѣе, что людямъ мыслящимъ приходится бороться не съ одними людьми силы и власти, а еще съ долею литераторовъ. Славянофильство приноситъ ежедневно пышные плоды; открытая ненависть къ западу есть открытая ненависть ко всему процессу развитія рода человѣческаго, ибо западъ, какъ преемникъ древняго міра, какъ результатъ всего движенія и всѣхъ движеній, все прошлое и настоящее человѣчество (ибо не ариѳметическая цифра, счетъ племенъ или людей—человѣчество). Or donc вмѣстѣ съ ненавистью и пренебреженіемъ къ западу— ненависть и пренебреженіе къ свободѣ мысли, къ праву, ко всѣмъ гарантіямъ, ко всей цивилизаціи. Такимъ образомъ Славянофилы само собою становятся со стороны правительства, и на этомъ не останавливаются, идутъ далѣе: правительство тѣснитъ безсмысленно, оно имѣетъ шпіоновъ, которые доносятъ вздоръ, оно за вздоръ бьетъ

казнями и ссылками; но нѣтъ на столько образованныхъ шпіоновъ, чтобъ указывать всякую мысль, сказанную изъ свободной души, чтобъ понимать въ ученой статьѣ направленіе и пр. Славянофилы взялись за это. Отвратительные доносы Булгарина не оскорбляли, потому что отъ Булгарина нечего ждать другаго, но доносы *Москвитянина* повергаютъ въ тоску. Булгаринъ работаетъ изъ одного гроша, а эти господа? Изъ убѣжденія! Каково же убѣжденіе, дозволяющее прямо дѣлать доносы на лица, подвергая ихъ всѣмъ бѣдствіямъ деспотическаго наказанія? Правительство, по счастію, безграмотно, не читаетъ журналы. И что за дикія мнѣнія проповѣдуются ими! А возражать нельзя. Москва центръ всѣхъ этихъ скопищъ. Горько и подчасъ нельзя не сознаться, что Петербургъ какъ бы то ни было, а выше Москвы. Цензура здѣсь вдесятеро строже, привязчива, подла, притѣснительна, а между тѣмъ цензоръ Крыловъ — профессоръ съ либеральной renommée. То, что въ *Отеч Зап.* печатается, то здѣсь страшно говорить при многихъ. Слава Петру, отрекшемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней зимующіе корни узкой народности, которая будетъ противодѣйствовать европеизму и стараться снова отторгнуть Русь отъ человѣчества.

Для Пашкова *Альманаха* я изготовилъ было свою статью „Къ характеристикѣ Неоромантизма.“ Да, помилуйте, этаго цензура не пропуститъ, это будетъ обидно для піэтистовъ, надо такъ измѣнить, такъ скрыть мысль. Боже праведный! Въ образованныхъ государствахъ каждый, чувствующій призваніе писать, старается раскрыть свою мысль, употребляя на то талантъ свой, у насъ весь талантъ долженъ быть употребленъ на то, чтобъ закрыть свою мысль подъ рабски вымышленными условными словами и оборотами. И какую мысль? Пусть

бы революціонную, возмутительную. Нѣтъ, мысль теоретическую, которая до пошлости повторялась въ Пруссіи и въ другихъ монархіяхъ. Можетъ, правительство и промолчало бы, патріоты укажутъ, растолкуютъ, перетолкуютъ! Ужасное, безвыходное состояніе!

Анекдотъ съ графомъ Про....., котораго выслали за границу, напомнилъ, между прочимъ, разговоръ Конарскаго съ кн. Долгорукимъ за часъ до смертной казни.

10. — Вчера сосѣдъ мой въ театрѣ разсказывалъ, что оперу Россини *Вильгельмъ Телль* даютъ у насъ подъ названіемъ *Карлъ Смѣлый*. Я еще этой глупости не зналъ, и смѣшно, и досадно, и отвратительно.

14. — Scène de la vie privée — горькое объясненіе съ отцомъ. Странное дѣло, какъ живущъ эгоизмъ и какъ онъ ростетъ съ лѣтами, до какой безчувственности доводитъ онъ. Послѣ смерти Льва Алек. онъ былъ испуганъ, пораженъ, и съ годъ явно былъ кротче, но теперь съ каждымъ мѣсяцемъ я вижу, что онъ глубже и глубже падаетъ въ какую то жизнь скупца и эгоиста, для котораго въ мірѣ ничего не существуетъ, кромѣ капризовъ. Странно видѣть человѣка 74 лѣтъ вблизи, ведущаго такую жизнь отрѣшенную отъ всѣхъ человѣческихъ интересовъ, и страшно то, что нѣтъ возможности поставить себя такъ, чтобъ или молча быть зрителемъ, или удерживаться въ границахъ при всякомъ оскорбленіи. Я безъ хвастовства могу сказать, что я прожилъ собственнымъ опытомъ и до дна всѣ фазы семейной жизни и увидѣлъ всю непрочность связей крови; они крѣпки, когда ихъ поддерживаетъ духовная связь (то есть, когда ихъ не нужно), а безъ нихъ держутся до перваго толчка. Vanitas! Vanitas!

Письмо отъ Бѣлинскаго. Фанатикъ, человѣкъ экстремы, но всегда открытый, сильный, энергичный. Его можно любить или ненавидѣть, середины нѣтъ. Я истинно его люблю. Типъ этой породы людей — Робеспьеръ. Человѣкъ для нихъ ничего, убѣжденіе все.

18. — А. И. Тургеневъ милый болтунъ, весело видѣть, какъ онъ, не смотря на сѣдую голову и лѣта, горячо интересуется всѣмъ человѣческимъ, сколько жизни и дѣятельности. А потомъ пріятно слушать его всесвѣтные разсказы, знакомства со всѣми знаменитостями Европы. Тургеневъ — европейская кумушка, человѣкъ au courant всѣхъ сплетней разныхъ земель и странъ, и все разсказываетъ, и все описываетъ, остритъ, хохочетъ, пишетъ письма, ѣздитъ спать на вечера et faire l'aimable вездѣ.

— Былъ на дняхъ у Елагиной, матери если не Гракховъ то Киреевскихъ. Видѣлъ втораго Киреевскаго. Мать чрезвычайно умная женщина, безъ *цитатъ*, просто и свободно. Она груститъ о славянобѣсіи сыновей. Между тѣмъ оно ростетъ въ Москвѣ. Чѣмъ кончится это безумное направленіе, становящееся костью, въ теченіи образованія. Оно принимаетъ видъ фанатизма мрачнаго, нетерпимаго. Можетъ хорошо, что возможность такихъ убѣжденій обнаруживается, а съ ними вмѣстѣ обнаруживается вся нелѣпость ихъ.

„Можетъ ли, имѣетъ ли право человѣкъ мѣнять краеугольныя убѣжденія свои. Если можетъ, гдѣ же незыблемыя основы нравственнаго и умственнаго бытія человѣка?“ Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда кажется, что то странное, пустое въ душѣ человѣка, мѣняющаго свои убѣжденія. Но это не правда. (Здѣсь не идетъ рѣчь о тѣхъ плоско-импресіонабельныхъ натурахъ, ко-

торыя бѣзъ причины бросаютъ свои мнѣнія.) Человѣкъ развивается, истина раскрывается, на сколько онъ вмѣщаетъ ее въ себя въ концѣ развитія, а не съ самаго начала, она имѣетъ свои степени развитія, на которыхъ она иначе понимается подъ извѣстнымъ угломъ — но человѣкъ не долженъ останавливаться на абстракціи. Человѣчество достигаетъ истины, краеугольныя основы его бытія нравственнаго лежатъ въ немъ (an sich), но ясны ему могутъ быть на концѣ развитія, а не при началѣ, не въ прошедшемъ. Всею истиной прошедшее никогда не обладало. Да и это фундаментальное, истинное есть всеобщее, идея, Богъ и притомъ богъ понятой не jenseitlich, не фантастически образно, а въ имманенціи и присущей ей трансценденіи (міръ мышленія, нравственности, идеи уничтожающей, снимающей все временное какъ трансценденція самой природы и человѣка). Важно не слово, а понятіе, смыслъ. Конечно добродѣтель вѣчна и всегда должна была быть нормою дѣйствованій. Но какъ опредѣлилась и понималась добродѣтель въ данныя эпохи? Міръ Эллинскій, Юдаическій, Христіанскій разумѣли совсѣмъ розное. Все течетъ и текуче, но бояться нечего, человѣкъ идетъ къ фундаментальному, идетъ къ объективной идеи, къ абсолютному, къ полному самопознанію, знанію истины и дѣйствованію сообразному знанію, то есть къ божественному разуму и божественной волѣ. Выдерживать свое частное мнѣніе противъ истины — ограниченность, эгоизмъ, гордость. Случай когда лице правѣе вѣка, почти невозможенъ или возможенъ при эксцентрическихъ обстоятельствахъ.

— Розенкранца статья о жизни Гегеля въ Пруццовомъ *Альманахъ* на 1842. Вотъ что тамъ очень хорошо. « Der Gedanken aus welchem sein (Hegels) ganzes System emporkeimte war das der Liebe. Die Anschauung aber, an welcher

er sich als Charakter orientirte war der des Gottmenschen· Schon in der Tübinger Periode sprach er die Analogie der Liebe mit der Vernunft aus und stellte sie—ob wohl sie nur ein empirisches Prinzip sei — unendlich hoch. Die Bewegung der Liebe aus sich in ein Bruder als in sich selbst unterzugehen, in den Bruder bei sich zu sein und sich nur zurückzukehren um sich seiner von Neuem zu entaüssern, wurde ihm der Weg zu seiner dialektischen Welt.» Хотя Розенкранцъ вообще очень недалекій понимателъ и формалистъ большой руки, но это не мѣшаетъ отдать ему справедливость, что единственно такъ надобно умѣть понимать Гегеля; и тогда сдѣлается смѣшно отъ глупыхъ сентенцій о сухости ума, объ импосибельности его и проч.

Тамъ же: «Glauben ist die Art wie das, wodurch eine Antinomievereinigt ist, in unserer Vorstellung vorhanden ist. Die Vereinigung ist die Thätigkeit. Diese Thätigkeit reflectirt als Object ist das geglaubte» (Гегель. Теологическое разсужденіе писанное въ 1794 г.).

Понятіе любви къ женщинѣ согласное съ вызсказываемымъ нынче лѣвой стороной; онъ заставляетъ рыцаря разсказывать о своей нѣжной страсти Аристиду.

23.—Вчера провелъ вечеръ у Елагиной. Были оба Киреевскіе, Дмитріевъ и вздоръ. Иванъ Киреевскій конечно замѣчательный человѣкъ; онъ фанатикъ своего убѣжденія такъ какъ Бѣлинскій своего. Такихъ людей нельзя не уважать, хотя бы съ ними и былъ діаметрально противоположенъ въ воззрѣніи; ненавистны тѣ люди, которые не умѣютъ рѣзко стоять въ своей системѣ, которые хитро отступаютъ, боятся высказаться, стыдятся своего убѣжденія и остаются при немъ. Киреевскій cœur et âme свое убѣжденіе, онъ нетерпящъ, онъ

грубо и дерзко возражаетъ, вѣренъ своимъ началамъ и разумѣется одностороненъ. Человѣкъ этотъ глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе—разрѣшеніе нелѣпое, однако не такъ отвратительное какъ піэтическій оптимизмъ Аксакова. Онъ вѣритъ въ славянскій міръ—но знаетъ гнусность настоящаго. Онъ страдаетъ — и знаетъ, что страдаетъ и хочетъ страдать, не считая въ правѣ снять крестъ тяжелый и черный, положенный фатумомъ на него. Таковъ онъ показался мнѣ: натура сильная и держащаяся всегда въ какой то экзальтаціи, которая, полагаю, должна быть неразрывна съ фанатической односторонностію. Въ такихъ убѣжденіяхъ, страсти учавствуютъ на равнѣ съ разумомъ, а страсти не даютъ величаваго спокойствія мысли. М. Дмитріевъ—другаго рода человѣкъ; во первыхъ какъ родной братъ похожъ на Краевскаго, умѣренно либералъ, умѣренно остеръ, романтикъ à la Casimir Delavigne, говорунъ и оберъ-прокуроръ. Толкуетъ о Европѣ, о жандармахъ и полиціи и печатаетъ доносы въ стихахъ.

Дошла рѣчь до *Отечественныхъ Записокъ*, и до Бѣлинскаго. Киреевскій, отозвался съ негодующимъ презрѣніемъ. Дмитріевъ съ остротою. Рѣчь шла о какой то неважной статьѣ; я вдругъ бросилъ имъ свое мнѣніе также рѣзко въ пользу *Отеч. Зап.* Сдѣлалось молчаніе, Перемѣнили разговоръ тотчасъ. Елагина была съ моей стороны. А смѣшно Дмитріевъ бранитъ (съ умѣренностью) все — и недоволенъ, что Бѣлинскій не имѣетъ достаточнаго уваженія къ тому, къ чему онъ самъ не имѣетъ уваженія.

— Былъ у графа С. Г. Строгонова и провелъ у него часа два. Можетъ я ошибаюсь, можетъ онъ имѣетъ особый даръ fasciner людей — но я ужаваю и люблю его.

Доселѣ изъ всѣхъ аристократовъ извѣстныхъ мнѣ, я въ немъ одномъ встрѣтилъ много человѣческаго. Говорили съ нимъ опять о современномъ состояніи науки въ Германіи. „Да, замѣтилъ графъ, борьба великая и рѣшительная; и страшное положеніе людей критики, они должны были принести на жертву всѣ святѣйшія убѣжденія, всѣ вѣрованія, все облегчающее нашу жизнь и для чего?“ — Для истины, для истины — сказалъ я. „Истина ихъ не для насъ, мы не на той степени развитія, зачѣмъ намъ забѣгать?“ — Въ этомъ нельзя не согласиться; но что дѣлать тѣмъ, которые развились до современности? — „Несчастіе для нихъ, но, конечно, нельзя идти назадъ. Впрочемъ можно заниматься инымъ, полезнѣйшимъ, своевременнѣйшимъ.“ Строгоновъ отзывается объ Бѣлинскомъ съ признаніемъ его достоинства (вотъ насколько онъ выше славянофиловъ). Онъ понимаетъ значеніе *Отеч. Зап.*, понимаетъ единство ихъ духа. Бранилъ Францію и *Москвитянина* и кончилъ тѣмъ, что самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ приходить къ нему по вечерамъ, поспорить и потолковать. Много неосновательности въ томъ, что онъ говоритъ, но, во первыхъ, онъ *не всю* свою мысль высказываетъ, во вторыхъ, не надобно забывать, что есть уже значительная разница въ лѣтахъ и что онъ провелъ свою жизнь въ военномъ станѣ и въ высшей аристократіи нашей, которая не отличается особенной современностью образованія.

Анекдотъ. Пасторъ Зедергольмъ, ограниченный человѣкъ и вовсе незнающій философіи, хотя и занимается ею лѣтъ тридцать, вздумалъ за деньги прочесть нѣсколько лекцій хорошо знакомымъ людямъ. На второй лекціи кто то вздумалъ подшутить надъ Зедергольмомъ dans le genre russe. Является нѣкто, вызываетъ пастора въ другую комнату и увѣдомляетъ его, что eine hohe

Person предупреждаетъ его, чтобъ онъ прекратилъ свои лекціи подъ опасеніемъ великихъ непріятностей. Ужасъ овладѣваетъ гостями и пасторомъ. Жена его въ отчаяніи, гости бѣгутъ въ смятеніи и пасторъ уничтоженный, убитый, мученикъ науки доселѣ не можетъ прійти въ себя. Шутка была глупа, негуманна. А положеніе въ которомъ такая шутка можетъ такъ удасться еще въ тысячу разъ глупѣе и негуманнѣе.

29. — Писалъ статью о спеціализмѣ въ наукѣ. Рядъ этихъ статей идетъ удачно.

Въ *альманахъ* Пруца между разными выписками изъ Гегелевскихъ бумагъ замѣчательна нота его о смертной казни. Онъ начинаетъ съ замѣчанія Монтескье, что жестокія и частыя казни ожесточаютъ народъ и дѣлаютъ равнодушнѣе и къ наказанію и къ преступленію. Гегель дѣлаетъ вопросъ, почему ожесточаетъ зрѣлище казней? если привыкаютъ видѣть смерть, то войско видитъ и въ десятеро болѣе. Что же въ казни поражаетъ насъ? Ein wehrloser Mensch ist es, der uns in die Augen fällt, der gebunden, von einer zahlreichen Mänge umgeben, von ehrlosen Henkersknechten gehalten hinausgeführt und der ganz wehrlos, unter dem Zuruf und Gebet der geistlichen, die der Missthäter nachschauet, um das Bewusstsein des gegenwärtigen Augenblicks zu übertäuben. So stirbt er. Солдатъ, сраженный пулей, не производитъ того страшнаго чувства, онъ имѣетъ право защиты, были шансы въ его пользу, у преступника отнято право защиты. Die empörende Empfindung einen Wehrlosen von einer, noch dazu überlegenen Anzahl Bewaffneter hinrichten zu sehen, wird bei den Zuschauern nur dadurch nicht in Muth verwandelt, dass ihnen der Ausprach des Gesetzes heilig ist. Wenn die Henker schon Diener der Gerechtigkeit sind, so hat doch diese blosse Verstel-

lung die allgemeine Empfindung nicht zu unterdrücken vermocht, welche das Handwerk oder den Stand dieser Menschen, die hier in Augensicht des ganzen Volkes mit kalten Blick einen Wehrlosen tödten können, die hier ganz als blinde Werkzeuge, so wie die wilden Thiere, denen man ehemals die Verbrecher vorwarf, ihren Dienst verrichten, mit dem Brandmal der Ehrlosigkeit stempelt.

Далѣе онъ замѣчаетъ, что палачи всегда бываютъ очень тихіе и скромные люди, желая спасти свою личность отъ позора званія и проч.

А въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой цензуры при III отдѣленіи; было прежде только для театра, теперь для всѣхъ литературныхъ произведеній, вѣроятно. Еще шагъ! — Боже, Боже—неужели нѣтъ предѣла? На дняхъ было *17 лѣтъ* этой мрачной, страшной страницѣ нашей исторіи.

Въ Барселонѣ провозгласили республику.

ДЕКАВРЬ МѢСЯЦЪ

9. — Какъ будто въ этотъ промежутокъ ничего и не было. Все по прежнему. Саша бѣгаетъ, шумитъ, Natalie въ своей комнатѣ. Я за писменнымъ столомъ. А между тѣмъ мрачная, гадкая страница прожита нами. Въ ночь съ 29 на 30 родился малютка, вечеромъ 5 умеръ. — Третій. Какой non sens, какая оскорбительная власть случайности. Дитя родилось легко, здоровое, потомъ утромъ 30 начались судороги и всѣ пособія оказались ничтожными, шесть дней оно страдало, мучилось, на

седьмой остался изнуренный трупъ. Пятаго ему стало легче, надежды явились не токмо у меня, но у самаго Рихтера— отъ этаго вѣсть о его смерти ударила больно. Прежде я не надѣялся. А бѣдная мать, третій разъ обманутая, удивленная, такъ сказать, наглостью безпорядка, задавленная горемъ. Мнѣ пришло въ голову — хорошо что мы Persönlichkeit Gottes, übergerifende Sübjectivität принимаемъ не въ томъ смыслѣ, какъ добрые люди, а то признаться не въ похвалу лицу были бы эти безсмысленные удары.

Кетчеръ, благородный Кетчеръ жилъ у насъ всѣ эти дни, не спалъ ночи, самъ пеленалъ, помогалъ купать, смотрѣлъ за всѣмъ, касающемся больныхъ, утѣшалъ, хлопоталъ и въ самомъ дѣлѣ успѣлъ; половину тягости онъ снялъ на свою грудь съ нашей.

М. В. Рихтеръ замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ видѣнныхъ мною докторовъ; онъ идетъ къ дѣлу съ обширнымъ взглядомъ, съ обдуманностью и занимается, какъ фактомъ науки, больнымъ, съ усердіемъ и глубокомысліемъ. Когда малютка умеръ, онъ предложилъ мнѣ разрѣшить аутопсію, польза была очевидна, ибо третій подобный случай заставилъ употребить всѣ средства для дознанія истинной причины. Я согласился. Однако страшно щемящее чувство душило меня все время аутопсіи; я было отворилъ дверь, взошелъ въ комнату, гдѣ производилась она, но мнѣ было очень не хорошо и я тотчасъ ушелъ. Есть какой то Pietät къ близко-умершему и какая то профанація въ разоблаченіи тайнъ. Вотъ результатъ. Часть мозга слишкомъ мягка, другая груба, вода въ мозгу, неправильно сильная оссификація. И такъ причина смерти hydrocephalus и отъ абнормальнаго состоянія мозга зависѣли всѣ нервныя явленія, спазмы, конвульсіи etc. Осталь-

ное образовано хорошо. Но тутъ то медицина и въ жалкомъ положеніи, она не умѣетъ отвѣчать на вопросъ: какъ предотвратить въ фётальномъ состояніи hydrocephalus? еще менѣе въ какой зависимости и отъ какихъ причинъ; третій разъ отъ довольно здоровыхъ родителей родятся дѣти съ такой болѣзнью, въ то время какъ первый ребенокъ, предшествовавшій, былъ совершенно здоровъ? Они ссылаются на слабые нервы жены, на ея нѣжное сложеніе вообще, однако эта слабость далека отъ обмороковъ и другихъ признаковъ болѣзненнаго разслабленія нервовъ; говорятъ (и это мое собственное убѣжденіе), что въ первомъ случаѣ бывшемъ въ Петербургѣ, испугъ, причиненный присылкою за мной изъ тайной полиціи (belli frutti!) обусловилъ болѣзнь младенца. А второй, а третій случаи? —да натура взяла pli—да почему же она взяла pli? —chi lo sa?

Рихтеръ совѣтуетъ ѣхать въ теплый край, брать морскія ванны. Хорошо, очень хорошо было бы. Да куда? въ чужіе края—пустятъ ли? Опять chi lo sa. Тяжкое, не представляющее выхода состояніе. Несчастіе съ одной стороны, гоненія съ другой, даже отношенія къ отцу столь же тяжелы, какъ и гоненія, все вмѣстѣ давитъ свинцовыми ногами въ грудь.

13.—Иногда такая злоба наполняетъ всю душу мою, что я готовъ кусать себя. И частное и общее всё глупо, досадно. Я мучился, когда стонало бѣдное дитя, теперь хотѣлъ бы еще слушать этотъ стонъ. Стонъ все же бытіе. А это тупое, нѣмое молчаніе трупа, могилы. Я мучился прежде, что не имѣю права ѣздить въ Москву— а теперь тѣмъ, что въ Москвѣ. Этотъ городъ мнѣ противенъ. Я въ послѣднее время не могъ ни разу взойти въ старый домъ безъ судорожнаго щемленія. Видъ, жизнь

отца приводятъ меня въ ужасъ, онъ мало по малу утратилъ всѣ слѣды благородныхъ чувствъ, съ каждымъ днемъ ростетъ въ немъ мелочная скупость, привязчивость и страшный холодъ и безучастіе ко всему близкому и дальнему. Не могу вѣрить, чтобъ всякій старецъ оканчивалъ такъ страшно свою жизнь. Нѣтъ, это горькое наказаніе за жизнь. Да зачѣмъ я то поставленъ зрителемъ и судьею? О жизнь, жизнь, какая гиря! Но выбора нѣтъ. Впередъ!

21.—Вчера продолжительный споръ у меня съ Хомяковымъ о современной философіи. Удивительный даръ логической фасцинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière-pensée къ которой идетъ, Необыкновенная способность. Я радъ былъ этому спору, я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать силы свои, съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякому ученью, и мы разошлись, каждый при своемъ, не уступивши іоты. Консеквентность его во многомъ выше формалистовъ гегеліанскихъ; онъ прямо говоритъ, что изъ гегелевыхъ началъ на Persönlichkeit Gottes, die Transcendenz вывести нельзя, не сдѣлавши великой ошибки, что изъ нее необходимо Immanenz и жизнь—inneres Gähren, приходящая въ себя къ идеи. Но, говоритъ онъ, такъ какъ этотъ результатъ нелѣпъ, слѣдовательно послѣднее слово философіи нелѣпость.

Опровергая Гегеля, Хомяковъ не держится въ всеобщихъ замѣчаніяхъ, въ результатахъ, нѣтъ, зная свою изворотливость, онъ идетъ въ самую глубь, въ самое сердце, то есть, въ развитіе логической идеи. Но его недостатокъ главный невозможность перехода (слѣдовательно полнаго пониманія) мысли въ фактъ, къ факту. Что фактъ логическій не можетъ *вполнѣ* знать факта

реальнаго и это вотъ почему. Одна изъ сторонъ факта случайна, отъ нее мысль отвлекаетъ; онъ ее признаетъ, но оставляетъ, беретъ необходимое, законъ, реинтегрируетъ понятіе факта во всей чистотѣ его всеобщаго, т. е. абстрактнаго бытія, но фактъ des Daseins имѣетъ *необходимо* и сторону случайности и слѣдовательно какъ конкретъ не можетъ быть возсозданъ, а только какъ абстракція; отсюда недостатокъ жизни въ логическомъ движеніи. Оставленіе случайности возможно въ теоріи, на дѣлѣ не такъ (все это мнѣніе его). Человѣкъ въ фётальномъ состояніи долженъ развиться въ человѣка совершеннолѣтняго, необходимость лежитъ въ понятіи Embryo; но случайность отрѣзываетъ нить жизни и факта нѣтъ. А потому случайность существенна факту, а мыслью принята за несущественное.

— Далѣе. Философія ведетъ къ имманенціи, но если самопознаніе, субъективность развертывается погруженная въ міръ реальный, а міръ реальный idealiter долженъ развиться въ самопознаніе, но можетъ gehemmt sein на дорогѣ случайностью, стало можно предположить такую эпоху вселенной, въ которой субъективности, сознанія вовсе нѣтъ, а есть dumpfes, unklares fur sich броженіе—а если планета такая же индивидуальность, какъ индивидуальность человѣка, то и развившись до сознанія, она можетъ погибнуть, и съ ней весь побѣжденный процессъ, который долженъ бы былъ продолжаться на всѣхъ. Но изъ нихъ каждое также зависитъ отъ случайности—отсюда хаотическое, страшное воззрѣніе. Я сказалъ ему, что это свирѣпѣйшая односторонность имманенціи и доказывалъ кругомъ ограниченныя вліянія случайности etc. etc. Результатъ его: Гегель и гегельяне представляютъ высшій моментъ философіи, совершенно послѣдовательный и необходимый изъ всего предшество-

вавшаго развитія, но этотъ результатъ доводитъ до построенія идеальнаго паралельнаго реальному — но и реальное доводитъ въ послѣднемъ словѣ до имманенціи и распадающагося хаотическаго атомизма, слѣдовательно до нелѣпости. Но эта нелѣпость не есть субъективная ошибка лица или школы, а логическое, необходимое послѣдствіе всего движенія науки. Слѣдовательно, наука въ послѣднемъ результатѣ своемъ уничтожаетъ себя и доказываетъ, что живой фактъ можетъ только въ абстракціи быть знаемъ мыслью, по строямъ его, но какъ конкретъ онъ выпадаетъ изъ нея. И такъ, логическимъ путемъ однимъ нельзя знать истину. Она воплощается въ самой жизни—отсюда религіозный путь. По дорогѣ были еще тысячи отступленій и частныхъ соприкосновенныхъ вопросовъ. Между весьма оригинальными замѣчаніями Хомякова, вотъ примѣръ. Христіанская партія въ Германіи упрекаетъ гегельянъ вообще въ томъ, что личность Бога у нихъ не выходитъ въ замкнутости обыкновенной Persönlichkeit. А тѣ защищаются въ этомъ. Между тѣмъ если бы такая Persönlichkeit выходила пологическому пути, то въ самой Persönlichkeit было бы полнѣйшее отрицаніе втораго лица, и слѣдовательно отрицаніе возможности христіанства. Остается принятіе безличнаго Бога cela n'arrange pas les affaires піэтистовъ — но можно еманировать христіанство. Belle alternative. Греція никогда не знала никакого бога, кромѣ человѣка. Персія, Индія выше ее поклонялись хоть абстрактнымъ но всеобщимъ идеямъ. Буддизмъ хотѣлъ свободы, хотя бы на счетъ бытія. Въ этомъ безуміи есть высокое направленіе etc. etc.

Долго говоривши, наконецъ я хотѣлъ узнать рѣшительно его построенія, его внутреннюю мысль, ибо такаго рода негація не есть положеніе чего бы то ни

было. Но онъ отдѣлался и ничего не сказалъ. Сперва онъ употребилъ выраженіе *бытіе есть богъ*, потомъ сказалъ *богъ внѣ міра*, но какже, спросилъ я, бытіе отдѣльно отъ сущаго. Разумѣется, замѣтилъ онъ, не отдѣльно, но для себя — дальнѣйшаго развитія и главное христіанскаго онъ не сдѣлалъ. Да я думаю и нѣтъ ничего готоваго.

22. — Такъ какъ въ прошлый разъ, такъ и теперь Наташа видимо перенесла спокойно ужасный ударъ, плакала, но держалась въ предѣлахъ самоотверженія и грусти — а не отчаявалась. Эта умѣренность и власть надъ собой кажется мнимыя. Теперь, когда прошли недѣли, болѣе и болѣе видны опустошенія сдѣланныя новымъ ударомъ въ этомъ нѣжномъ и нервномъ существѣ.

Иногда ея безвыходно печальный взоръ мнѣ невыносимъ, онъ для меня тягостнѣе всякаго креста. Доля конечно должна относиться къ болѣзненному состоянію, всякая маленькая шероховатость, ничтожное обстоятельство ее оскорбляетъ глубочайшимъ образомъ, и она скрываетъ это; но выраженіе боли и грусти вырѣзывается на благородномъ челѣ до такой яркой степени, что ихъ нельзя не видать. Я виню себя въ томъ, что не умѣю окружить ея жизнь со всѣхъ сторонъ сферой высшаго порядка, въ которую не входили бы маленькія мелочи. Съ другой стороны, вредъ слишкомъ затворнической жизни также очевиденъ, надобно движенье, разсѣянность. Но развѣ всякіе люди могутъ разсѣять, а гдѣ же взять иныхъ? Странное устройство жизни. Мы нашли полную гармонію, полное соотвѣтствованіе. Я теперь, какъ пять лѣтъ и шесть тому назадъ готовъ huldigen высокому прекрасному существу. Тупая случайность смутила наше благородно-гармоническое существованіе. Три гробика; три колыбели замѣнились вдругъ тремя гробами. Это

страшно. Да, нѣтъ предопредѣленія—отсутствіе разума въ управленіи индивидуальной жизнью очевидно.

27. — Я иногда сокрушаюсь отъ какого то сокрушительнаго огня въ крови. Потребность всякихъ потрясеній, впечатлѣній, потребность безпрерывной дѣятельности, и невозможность сосредоточиться на одной книжкѣ, заставляетъ духъ безпокойно бросаться на все безъ разбора, безъ разума. А послѣ je me sens flétri, flétri doublement par le repentir même, repentir d'homme faible, qui a toute la possibilité de tomber demain encore plus profondément. Этотъ безпокойный духъ, кажется, свидѣтельствуетъ не болѣе, какъ неустоявшійся нравъ; есть жадность вѣчно бродящая и киснущая потомъ, когда перебродитъ.

—Вчера Грановскій говорилъ о своихъ семейныхъ отношеніяхъ—тоже недурны. Хлопочетъ о разводѣ въ бракѣ; а не слѣдуетъ ли допустить разводы всѣхъ узъ родства, не исключая узъ родительскихъ? Одно физическое рожденіе не связываетъ неразрывно, и если родство не родилось въ духѣ — его нѣтъ, оно цѣпь, натяжка. И будто человѣкъ не можетъ иными дѣйствіями отрѣчься отъ физическаго рожденія. Должно ли въ самомъ дѣлѣ въ грядущихъ вѣкахъ семейственность подавлять, или какъ она измѣнится? Въ современныхъ отношеніяхъ нѣтъ развитія, нѣтъ будущаго. Половина энергіи пропадаетъ на безплодную борьбу внутри семейства, и сколько нѣжныхъ, благородныхъ душъ гибнутъ безвозвратно, жертвою нелѣпыхъ предразсудковъ. А если и эту цѣпь снять? Посмотрите тогда на животнаго —да и цѣпи оттого, что люди все еще животныя.

Diplomatische Geschichte der Polnischen emigration von 1831. Собраніе довольно любопытныхъ документовъ о

Польшѣ унесенной, безземельной. Вообще дѣйствіе этой брошюры щемящее и тяжелое. Самая надежда, которую они хранятъ, не оживляетъ, не облегчаетъ, потому что она похожа на надежду чахоточнаго. Демократическая партія совершенно отдѣлилась отъ аристократовъ и предала ихъ позору, обличивъ сколько они ускорили катастрофу.

Языкъ манифеста 1840 твердъ. Нѣкоторыя подробности о событіяхъ, покрытыхъ непроницаемой завѣсой послѣ революціи. О дѣтяхъ, эмиссарахъ etc. А мы толкуемъ о утопіяхъ, въ то время какъ возлѣ, около..... ну да что объ этомъ говорить. Грустно — и съ этимъ грустнымъ чувствомъ, давно знакомымъ, мы проводимъ и этотъ годъ.

Окончилъ этимъ днемъ статью объ ученыхъ. Многіе ее находятъ лучшей изъ моихъ статей. Окончилъ и о романтизмѣ для *Альманаха*. Пора снова приняться за серьезное чтеніе; 1842 проведенъ со стороны занятій прерывисто, хоть не безполезно. Сначала усердное чтеніе Гегеля, пониманье и воспроизвожденіе живое его ученья, тогда и первая статья о дилетантизмѣ; потомъ съ 1-го іюня мѣсяца четыре dolce far niente, а въ концѣ нѣсколько исправился. Но все не могъ наладить систематическаго труда. А состарился я много въ этотъ годъ, и покидаю его не вовсе довольнымъ собою.

29.—Хомяковъ въ изложенномъ спорѣ, между прочимъ, бросилъ слѣдующее замѣчаніе: Древній міръ, оканчиваясь, умирая, выразился двумя индивидуальностями Пилатомъ и Брутомъ—Брутомъ, который провелъ всю жизнь въ стоическомъ поклоненіи добродѣтели, преслѣдуя ее, жертвуя ей, окончилъ тѣмъ, что угомонился въ ней. И Пилатъ, который зналъ что дѣлаетъ неправое, сдѣлалъ его омывая руки.

1843

ЯНВАРЬ МѢСЯЦЪ

1. — Встрѣтились мы съ 1843 годомъ подъ счастливымъ созвѣздіемъ. Девять лѣтъ я не встрѣчалъ новый годъ въ Москвѣ. Шумно и весело, съ пѣнящимися бокалами и искренними объятіями друзей перешли мы въ него. И было чрезвычайно весело, что рѣдко посѣщаетъ насъ; на минуту скорбное отлетѣло, мы были довольны, что вмѣстѣ, послѣ долгихъ и скорбныхъ лѣтъ. Огарева не доставало; но онъ былъ съ нами въ воспоминаніи и въ портретѣ.

7. — Deutsche Jahrbücher запрещены въ Саксоніи. Ввозъ лейпцигскихъ газетъ запрещенъ въ Пруссіи, за крупныя слова между королемъ прусскимъ и Гервегомъ. А какъ все еще смѣшно, жалко! Въ Петербургѣ Клейнмихель, министръ инженерный, велѣлъ посадить двухъ цензоровъ на гауптвахту и они были посажены, а потомъ кто то велѣлъ ихъ выпустить и ихъ выпустили. Послѣ этаго, просто по улицамъ ходить опасно, первый генералъ вздумаетъ посадить, велитъ дать 500 палокъ, потомъ извинится.

— Объ Deutsche Jahrbucher жалѣть особенно нечего, потому что полные энергіи издатели не сядутъ сложа ру-

ки, а такъ какъ переѣхали изъ Галля въ Лейпцигъ, такъ переѣдутъ въ Цюрихъ, Женеву, пожалуй въ Бельгію. Въ одномъ изъ послѣднихъ № была статья француза Jul. Elisard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. И это чуть ли не первый французъ, (котораго я знаю) понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый обладаніемъ симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ; онъ протягиваетъ руку консерватистамъ, какъ имѣющій власть, раскрываетъ имъ съ неимовѣрной ясностью *смыслъ* ихъ анахронистическаго стремленія и зоветъ въ человѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется поняви ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung. У нѣмца нѣтъ еще языка на это. Въ этомъ дѣлѣ можетъ и мы можемъ вложить лепту.

8. — Аксаковъ, князь Гагаринъ и др. Когда настанетъ эпоха современнаго развитія, разумнаго и сознательнаго для народа, мыслящіе проникнуты единымъ духомъ, увлечены одной всеобщей мыслью, религіей. Возможно еще противодѣйствіе религіи—своя религія прошедшаго. Но когда народъ ощущаетъ одинъ темный трепетъ призванія, одно броженіе чего то неяснаго, но влекущаго его въ сферу шири, тогда мыслящіе, не имѣя общей связи, начинаютъ метаться во всѣ стороны. Страшное сознаніе гнусной дѣйствительности, борьбы, заставляетъ искать примиренія во чтобъ ни стало, примиренія во всякой нелѣпости, себяобольщенія — лишь бы была дѣйствительность мысли, лишь бы оторваться отъ дѣйствительности и найти причину, почему она такъ гадка. Вотъ причина

этаго множества партій самыхъ непонятныхъ въ Москвѣ. Общая связь одна — всѣ убѣждены въ тягости настоящаго, но выходъ находитъ каждый молодецъ на свой образецъ. Партія католиковъ всѣхъ дальше въ нелѣпости. Она нелѣпа во Франціи, ибо католицизмъ имѣлъ торжественный моментъ развитія и столько же торжественный моментъ признанія дряхлости, безсилія (его воскрешеніе смѣшно думать на западѣ), ну да французы католики par métier, каково же въ нашъ вѣкъ сдѣлаться католикомъ par affinité élective, сдѣлаться іезуитскимъ пропагандистомъ. Жаль откровенность, съ которой бросаются въ эти мертвыя пути. Таковъ князь Гагаринъ; онъ считаетъ Чаадаева *отсталымъ*. Понять можно: аристократъ, вѣроятно не получившій серьезнаго образованія, ни сильнаго таланта — между тѣмъ умъ и горячее сердце, богъ привелъ взглянуть на Францію, на Европу. Дома то черно, страшно. Путь человѣчества неизвѣстенъ. Основныя, краеугольныя начала современнаго взгляда, аутономія разума, исторія — terra incognita. А тутъ случайная встрѣча съ іезуитомъ, съ безумнымъ католикомъ; передъ непривычнымъ глазомъ развертывается въ первый разъ ученіе, мощно развитое изъ своихъ началъ, (которыя впередъ втѣсняетъ своимъ авторитетомъ) и удивленный человѣкъ предается вымершему принципу. Таланты Чаадаева дѣлаютъ его болѣе отвѣтственнымъ. Vice versa: партія православныхъ, Киреевскій en tête. а потомъ и Шевыревъ — дилетанты религіи и славянофилы и русофилы, и Аксаковъ полу-гегеліанецъ и полуправославный. Они передъ католиками имѣютъ важный шагъ впередъ, потому что они родились въ православіи, связаны воспитаніемъ, народными воспоминаніями etc. Сверхъ того православіе никогда не имѣло такого торжественнаго финала какъ реформація, оно покойное ни-

когда не шло ни впередъ ни назадъ, и потому это безжизненное, но и не мертвое бытіе въ самомъ дѣлѣ имѣетъ нѣчто проблематическое, о чемъ мечтать можно. Почемъ знать чѣмъ оно разовьется, такъ какъ можно ждать еще развитія Византійскаго зодчества, а уже готическаго нельзя. Я говорилъ долго съ Аксаковымъ, желая посмотрѣть, какъ онъ примирилъ свое православіе съ своимъ гегеліанизмомъ, но онъ и не примиряетъ, онъ признаетъ религію и философію разными областями и позволяетъ имъ жить какъ то вмѣстѣ, это конкубинатъ sui generis. Другіе, какъ Киреевскій, отвергаютъ все западное, не хотятъ даже знать, боятся знать, т. е. боятся углубиться въ себя, чтобъ не найти тамъ зародышей скептицизма. Споры между католиками и православными пресмѣшные — такъ и переносишься въ блаженной памяти средніе вѣка. Типъ этихъ споровъ одинъ: „откуда вѣдьмы изъ Кіева или изъ Чернигова?“ для людей невѣрящихъ въ вѣдьмы остается зѣвать и жалѣть расточенія силъ. Эти Г-да дѣлали преспеціальныя изученія исторіи церкви, знаютъ подробности ненужныя и мелочныя, дающія пищу ихъ контроверзѣ и совершенно незнакомы съ краеугольными истинами историческаго развитія, до смѣшнаго. Князь Гагаринъ однажды доказывалъ, что въ XVI что ли то вѣкѣ было незаконное избраніе русскаго патріарха и отсюда выводилъ заключеніе о мѣрѣ законности постановленій и пр., но развѣ греко-россійская церковь не есть событіе, которое требуетъ только признанія? и что поможетъ доказательство, что она не имѣетъ въ такомъ то смыслѣ, такаго то оправданія. Тутъ еще не всѣ. Есть и протестанты, улыбающіеся надъ тѣми и другими, какъ надъ отсталыми, смѣющіеся надъ невѣждами утверждающими что вѣдьмы изъ Кіева или изъ Чернигова; а сами они знаютъ навѣрное, что

вѣдьмы идутъ изъ Житомира. Ихъ положеніе тѣмъ незавидно, что ихъ бьютъ со всѣхъ сторонъ религіозные и совсѣмъ не религіозные; куда они не обернутся, это чужая собака, пристающая къ грызущимся. И грызущіеся тотчасъ обращаются на чужую, оставляя свой раздоръ.

И на это расточается большая дѣятельность — хоть плода ждать нельзя; но какъ бы то ни было нельзя не признать, что самая дѣятельность эта утѣшительна, безъ нея Москва была бы гробъ; привычка заниматься всеобщимъ, переносить свои интересы въ сферу вопросовъ религіозныхъ — хороша. Привычка собираться для споровъ, излагать, защищать свое profession de foi постановляетъ въ люди насъ, все таки безличныхъ рабовъ. И такъ спасибо и на томъ!

Вчера явился ко мнѣ знакомиться профессоръ казанскаго университета Григоровичъ. Отрадно уже самое юношески-благородное желаніе изъявить свою симпатію людямъ..... какъ сказать..... людямъ движенья; но еще отраднѣе видѣть профессора славянскихъ языковъ въ Казани, твердо смотрящаго на свой предметъ съ точки зрѣнія современной науки. Мнѣ дорого было и его вниманіе, и узнать, что за Волгой есть такой благородный представитель гуманности.

Разговоръ съ Грановскимъ о личномъ положеніи моемъ, нашемъ, всегда оставляетъ мрачное расположеніе. А впрочемъ подчасъ кипятъ надежды. Nein, nein es sind keine leere Träume! Нѣтъ достаточно вѣры, оттого нѣтъ достаточно резигнаціи. Хочется насладиться жизнью, отдохнуть отъ прошлыхъ ударовъ, въ то время какъ слѣдовало бы самоотверженно оставить домъ. Конечно, мы приносимъ хоть малую, но приносимъ пользу.

14.—Правительство подъискивается и приготовляетъ ловушки славянофиламъ. Оно само поставило знаменемъ народность, но оно и тутъ не позволяетъ идти дальше себя, о чемъ бы ни думали, какъ бы ни думали—не хорошо. Надобно слугъ и солдатъ, которыхъ вся жизнь проходитъ въ случайныхъ интересахъ и которые принимаютъ за патріотизмъ дисциплину. Передъ Рождествомъ, Клейнмихель велѣлъ посадить на гауптвахту двухъ цензоровъ за непонравившееся ему выраженіе объ офицерахъ. Врядъ поймутъ ли, сообразятъ ли европейцы этотъ случай. Министръ инженерный, который только начальникъ публичныхъ работъ, военный, приказалъ арестовать чиновниковъ, служащихъ по иному вѣдомству и для которыхъ, какъ для всѣхъ, есть же законный судъ, вслѣдствіи котораго можно наказать. Въ родѣ осаднаго положенія. Мы все глубже и глубже погрязаемъ въ какое то дикое состояніе высшаго деспотизма и безправія. Утѣшаетъ одно—все это зиждется на одной матеріальной силѣ, нравственной, исторической основы никакой.

16.—Опять тяжелый разговоръ съ Natalie, точно въ прошедшемъ году послѣ ея болѣзни. Отчасти всѣ эти Grübeleien именно слѣдствіе болѣзни; но есть корни и глубже, въ ея характерѣ, въ ея воспитаніи. Главная вина моя, что я не умѣлъ осторожно, нѣжно вырвать ихъ. Нѣсколько дней я заставалъ ее въ слезахъ, съ лицомъ печальнымъ. Сначала я молчалъ, но не могъ скрыть и свою грусть, это удвоило ея печаль, наконецъ, я не находилъ болѣе силъ, à la lettre не находилъ силъ вынести этотъ видъ; отъ него приходилъ въ какое то горячешное состояніе, уходилъ съ какою то тяжестью въ груди, въ головѣ. За что это благородное, высокое со-

зданіе страдаетъ, уничтожаетъ себя, имѣя всю возможность счастья, возмущеннаго только воспоминаніемъ трехъ гробиковъ, воспоминаніемъ ужаснымъ, но которое одно не могло бы привести къ такимъ слѣдствіямъ. Я просилъ наконецъ объяснить, и снова явились ни на чемъ неосновавныя Grübeleien. „Я тебѣ не нужна, напротивъ, всегда больная, страждущая Я тебѣ порчу жизнь, лучше было бы избавить отъ себя—ты меня любишь, я знаю, ударъ тебѣ былъ бы болѣнъ, но потомъ было бы спокойнѣе и пр. пр.“ Я просилъ, умолялъ, требовалъ наконецъ разумомъ разобрать всю нашу жизнь, чтобъ убѣдиться, что все это тѣни, призраки. Она плакала ужасно и признавалась, что съ перваго дня нашей жизни вмѣстѣ, ее эти мысли не покидаютъ, что она только ихъ скрывала, что они уже развиты съ самой первой встрѣчи, что она поняла какъ моя натура должна была имѣть иную натуру въ соотвѣтственность, болѣе энергичную и пр., и пр., и все это съ видомъ существеннаго, сильнаго горя. Наконецъ часа черезъ два я уговорилъ ее самую разобрать по хладнокровнѣе. Тогда начались новыя слезы, извиненія, доказательства, что самый этотъ фактъ подтверждаетъ. Что за причина заставляетъ мучиться ее? Чрезвычайная нѣжность и сюсцептибельность, чрезвычайная любовь. Но зачѣмъ же болѣзненное выраженіе такого препростаго начала? Привычка сосредоточиваться, обвиваться около мыслей скорбныхъ. Если я въ этомъ отношеніи могу себя винить, то это въ разсѣяньи, въ возможности предаваться предметамъ занятій и поглощаться ими. Это понято ею какъ нельзя лучше, и мысли никогда не приходило ей въ этомъ видѣть дурное; но она много остается одна. *Безпечность врожденная* мнѣ кажется, подчасъ, невниманіемъ и я не умѣю поправить себя,

потому что я живу чрезвычайно просто, поступаю совершенно натурально. Но самое ужасное, самое оскорбительное для меня это не высказываемое, но понятное обвиненіе въ недостаткѣ любви — оно оскорбительно по ложности. Въ то время, какъ душа моя склоняется, huldigt съ умиленіемъ ее прекрасной высокой душѣ; въ то время, какъ ея личность обнимаетъ мою какимъ то благоуханіемъ любви; въ то время, какъ я только въ нее и вѣрю — недовѣріе! Я гордился прежде ригоризмомъ своимъ, но опытъ доказалъ, что я могу падать, увлеченный минутнымъ порывомъ знойной страсти; но отъ моего паденія до grundton всей жизни моей нѣтъ перехода. Моя любовь къ Natalie моя, святая святыхъ, высшее, существеннѣйшее отношеніе въ моей частной жизни, становящееся рядомъ съ моимъ гуманизмомъ. Я такъ сросся съ моей любовью, что мнѣ страшнымъ, чудовищнымъ кажется всякое сомнѣніе. Ну, не нелѣпость ли, что мы мучимъ другъ друга безъ всякихъ достаточныхъ причинъ?

18. — Странное состояніе ростетъ у Natalie и подавляетъ ее. Ея характеръ принадлежитъ къ такимъ, съ которыми нѣтъ средствъ, на которые ничто не дѣйствуетъ, кромѣ внутренняго голоса. А онъ ей подсказываетъ сомнѣніе и мрачныя вещи. Неужели, я довелъ ее до этаго ужаснаго состоянія, недостаткомъ любви, пустотою..... Да что же я послѣ этого?..... У *ней нѣтъ* вѣры въ меня. Все это составляетъ какой то узелъ въ жизни, отъ котораго будемъ считать новую эру. А тяжело мнѣ, ужасно тяжело..... кара это что ли? Конечно, но да мимо идетъ скорѣе чаша сія! Недѣлю тому назадъ, жизнь была еще спокойна и вдругъ безъ причины разверзлись какія то пропасти подъ ногами, лишь

бы удержаться на краю. Я виноватъ, много виноватъ, глубоко падалъ — но любовь моя была всегда святою святыхъ; я минутами забывалъ ее—могъ забывать—и вотъ чудовищное дѣйствіе. Я отравилъ жизнь, страшно сказать, волосы становятся дыбомъ, я испортилъ жизнь тому существу, котораго любилъ и люблю больше всѣхъ. Несчастный нравъ! Я мелокъ, загрязненъ—но что же въ ней нѣтъ милосердія? Я заслужилъ крестъ, лежащій на мнѣ, но колѣни гнутся подъ тяжестью его. А я думалъ, что мои паденія съ рукъ сойдутъ — низкое упованіе! Жалкая душа и тѣмъ болѣе жалкая, что она вооружена талантами. Я поднимусь, ну а рубцы то нанесенные мною? Впрочемъ, я не хотѣлъ никогда ни даже темной минуты доставить ей, я всегда готовъ былъ всѣмъ пожертвовать для нее. Но при всемъ этомъ чувствую, какъ справедливъ крестъ, безконечная любовь ея имѣетъ въ себѣ безконечную гордость, эта гордость пренебрегаетъ милосердіемъ—простымъ прощеніемъ, она стираетъ, отбрасываетъ факты, но остается при горести и оплакиваніи утраченнаго счастія. Облегченье, облегченье ей и мнѣ! Grâce, grâce—grâce pour toi même.

19.—Что дѣлается со мною? Все покрывается какимъ то туманомъ. И вдругъ трепетъ, должно быть въ родѣ того, который ощущаетъ колодникъ, приговоренный къ кнуту передъ наказаніемъ; все мучитъ меня. Неужели я заслужилъ? не мнѣ вѣшать мѣру наказанія. Высочайшая любовь къ лицу есть эгоизмъ! Высочайшее смиреніе—гордость! А чувствовать себя не правымъ, носить угрызеніе, видѣть терзаніе невиннаго, святаго существа ежеминутно передъ глазами. О лучше ослѣпнуть!

21.—И во всѣхъ случаяхъ она побѣждаетъ меня. Эта единственная индивидуальность, которая просто

порабощаетъ меня, можетъ именно потому, что всякая мысль поробощенія далека отъ ея благородной, прекрасной души. Вчера мы долго, долго и скорбно говорили. Я раскрывалъ всѣ раны, всѣ угрызеніи, нанесенныя минутами паденія; мало по малу становилось на душѣ свѣтлѣе; я какъ то выросталъ, ощущалъ всю мощь свою, всю любовь свою и всю ея любовь, обнявшую нимбомъ существо мое. И мы провели минуты высокаго блаженства, все прошедшее было забыто, мы были хороши, какъ въ день свадьбы. Благословенье этому вечеру!

22. — Истинное, глубокое раскаяніе, очищаетъ не токмо отъ событія, въ которомъ раскаявается человѣкъ, но вообще очищаетъ отъ всей пыли и дряни наносимой жизнію. Небрежность людская позволяетъ насѣсть пыли, паутинѣ на святѣйшія струны души; гордость не дозволяетъ видѣть паденья—и тотчасъ раскаянія (если натура не утратила благородства); человѣкъ возстановляется, но гордости нѣтъ, нѣтъ сухости, въ немъ трогательная грусть, онъ стыдится и проситъ милосердія, онъ дѣлается симпатиченъ падшему.

—Всѣ эти дни рѣшительно ничего не дѣлалъ. Минутами душа такъ переполнялась, что изъ каждаго пальца, кажется, готова была струиться сила; я можетъ впервые въ жизни глубоко жалѣлъ, что я не музыкантъ; то, что мнѣ хотѣлось сказать, только можно было бы сказать звуками. Минутами овладѣвала апатія — тягостная, сонная. Впрочемъ, читалъ Мицкевича. Много прекраснаго, высоко художеетвеннаго въ этомъ плачѣ поэта. Боже мой какъ хороша у него картина русской дороги зимой! безконечная пустыня, бѣлая, холодная, море—нераскрывающее груди своей вѣтру, вѣтру, который мететъ эту степь, отъ полюса до Чернаго моря. Дороги пересѣкаю-

щія ту степь, вызваны не торговлей, не народной нуждой, а проведены по приказу царя, и пр. и пр. Замѣчательно въ той же поэмѣ мѣсто о памятникѣ Петра. Мицкевичъ сравниваетъ его (и влагаетъ это въ уста путника) со спокойной позой Марка Аврелія въ Римѣ. Тутъ лошадь несетъ, она стала на дыбы на краю пропасти, и остановилась какъ замерзнувшая каскада, еще шагъ и сѣдокъ разбился бы въ дребезги. Взойдетъ солнце свободы, подуетъ вѣтеръ западный и растаетъ каскада.

Во второй части „Дѣдовъ“ еще духъ отрицанья сильнѣй, истинно байроновскій, борется съ католическимъ воззрѣніемъ. Но оно съ каждымъ шагомъ беретъ верхъ. Для образца его поэзіи:

A UNE MÈRE POLONAISE

Le Christ à Nazareth, aux jours de son enfance,
Jouait avec la croix, symbole de sa mort;
Mère du polonais! qu'il apprenne d'avance
A combattre et braver les outrages du sort.

* * *

Accoutume ses mains à la chaîne pesante;
Qu'il apprenne à traîner l'immonde tombereau,
A mépriser la mort sous la hache sanglante
A toucher sans rougir la corde du bourreau.

* * *

Car ton fils n'ira point sur les tours de Solyme,
Comme ses fiers aïeux, détrôner le croissant,
Ni comme le Gaulois, planter l'arbre sublime
De la liberté sainte et l'arroser de sang.

* * *

Il lui faudra combattre un tribunal parjure,
Recevoir le défi par un agent secret,

Pour témoin le bourreau dans la caverne impure
Un ennemi pour juge et la mort pour décret.

* * *

La mort!... Pour monument et pour gloires funèbres
Il aura d'un gibet les horribles débris,
Quelques pleurs d'une femme — et, parmi les ténèbres,
Les mornes entretiens de quelques vieux amis.

Сколько бѣдствій лежитъ позади этой колыбельной пѣсни!

28. — Вѣсть объ Julien Elisard. Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои, я совершенно примирился съ нимъ.

31. — Началъ статью о формализмѣ—будетъ хороша. Вчера die Judin оставила меня подъ какимъ то тягостно хорошимъ чувствомъ. Мнѣ просто чрезвычайно нравится libretto. Много и много навѣваетъ думъ — притомъ музыка какъ море обтекающее, томящее и примиряющее безконечными волнами звуковъ.

ФЕВРАЛЬ МѢСЯЦЪ

4.— Боткинъ назвалъ начало статьи о философіи symphonia eroica. Я принимаю эту хвалу—она написалась въ самомъ дѣлѣ съ огнемъ и вдохновеніемъ. Тутъ моя поэзія, у меня вопросъ науки сочлененъ со всѣми соціальными вопросами. Я иными словами могу высказывать тутъ чѣмъ грудь полна.

14.— Тихо проведенное время. Графъ Строгоновъ обѣщалъ написать къ Бенкендорфу и узнать можно ли, ѣхать

на короткое время въ чужіе края. Если.... боже мой, я не соображу, что черезъ шесть мѣсяцевъ я могу сидѣть гдѣ бы то ни было, не боясь жандармовъ. Но надежды опереть не на чемъ, лучше не думать объ этомъ. Изъ людей видѣлъ одного да и тотъ женщина, т. е. Павлова — ея голосъ непріятенъ, ея видъ также не вовсе въ ея пользу, но умъ и таланты не подлежатъ сомнѣнію. Больше на первый случай ничего не могу сказать.

15. — Письмо отъ Огарева. На него только можно сердиться и негодовать, когда ни его нѣтъ, ни письма нѣтъ. Достоинство сирены: сталъ говорить, и симпатическая всему прекрасному и высокому душа все поправила, примирила, возстановила. Письма отъ J. Elisard'a и отъ Бѣлинскаго — одинъ умомъ дошелъ до того, чтобъ выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ; другой страдаетъ, глубоко страдаетъ, безпокойный духъ его мечется, ломаетъ себя. И когда же онъ дойдетъ до свѣтлаго, гармоническаго развитія? или есть натуры, которыхъ вся жизнь въ томъ и состоитъ, что они ломаются? Впрочемъ много и внѣшнихъ обстоятельствъ имѣютъ вліяніе на него. Не деньги, а недостатокъ симпатій, недостатокъ близкихъ людей, одиночество, на которое его обрекъ Петербургъ.

18. — Въ Siècle между прочимъ съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ разсказанъ слѣдующій случай, бывшій, помнится, въ Ліонѣ. Какой то работникъ, не имѣя нѣкоторое время занятій, пришелъ въ ужасную крайность. На его рукахъ больная жена, оба очень молоды. Они жили на чердакѣ и, не имѣя въ одинъ день хлѣба и видовъ что нибудь достать, онъ укралъ въ нижнемъ этажѣ какую то бездѣлицу для того, чтобъ, продавши

ее, купить хлѣба и лекарства женѣ. Воровство было сдѣлано такъ неловко, что тотчасъ открыли кто виновникъ. Работникъ, до того слывшій порядочнымъ человѣкомъ и понявшій, что потерялъ послѣднее благо, ожидая жандармовъ, грустилъ, грустилъ съ женою—да и рѣшились *повѣситься.* Оба привели въ дѣйствіе предположеніе, но жандармы успѣли отрѣзать веревки. Теперь будетъ судопроизводство. Оно въ высшей степени замѣчательно. Надобно замѣтить, что французское jury смертоубійство легче и снисходительнѣе обсуживаетъ, чѣмъ *воровство.*

Подобные случаи выставляютъ разомъ во всей гнусности современное общественное состояніе. Не можетъ человѣчество идти далѣе съ этими путями незаконія. Но какъ выйти? Тутъ то весь вопросъ, но на него не можетъ быть полнаго теоретическаго отвѣта. Событія покажутъ форму, плоть и силу реформаціи. Но общій смыслъ понятенъ. Общественное управленіе собственностями и капиталами, артельное житье, организація работъ и возмездій, и право собственности поставленное на иныхъ началахъ. Не совершенное уничтоженіе личной собственности, а такая инвеститура обществомъ, которая государству даетъ право общихъ направленій. Фурьеризмъ, конечно, всѣхъ глубже раскрылъ вопросъ о соціализмѣ, онъ далъ такія основанія, такія начала, на которыхъ можно построить болѣе фалангъ и фаланстеровъ. Подобные анекдоты оправдываютъ злобный характеръ Прудоновой брошюры.

20.—Говорятъ, Уваровъ общій отчетъ за управленіе Министерства Просвѣщенія за десятилѣтіе заключаетъ предложеніемъ расширить свободу книгопечатанія и слѣдовательно измѣнить цензурныя учрежденія. Конечно это дѣлается для славы, для того, чтобъ даже въ Европѣ

поговорили, но тѣмъ не менѣе что за путаница хорошаго и дурнаго во всемъ управленіи, въ каждомъ государственномъ лицѣ. Нѣтъ опредѣленныхъ воззрѣній, нѣтъ опредѣленныхъ цѣлей, и вѣчный типъ Хлестакова, повторяющійся отъ волостнаго писаря до царя. Духъ подражанія Европейцамъ насъ не оставилъ, мы все еще, какъ мѣщане въ дворянствѣ, хвастаемся, что мы образованы и стараемся заявить, что имѣемъ либеральныя идеи. Между тѣмъ ихъ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ образованія. Но и вражды противъ идей нѣтъ. Оттого выходитъ, что такой то съ спокойной совѣстью говоритъ и дѣлаетъ въ трехъ разныхъ смыслахъ, нисколько не замѣчая того. Разумѣется этотъ недостатокъ всего замѣтнѣе въ значительныхъ людяхъ. Наши вельможи не умѣютъ себя держать ни относительно насъ, ни относительно служащихъ, всего менѣе относительно иностранцевъ; или trop или trop peu, или дерзко, или фамиліарно, или грубо, или унизительно учтиво. Они не свободны въ своихъ манерахъ, потому что они играютъ роль, а не въ самомъ дѣлѣ аристократы. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ магнатовъ, графъ Строгоновъ, исполненный личнаго благородства и пр. совсѣмъ тѣмъ впадаетъ иногда въ страшныя нелѣпости, желая à propos de bottes вдругъ представить изъ себя лорда Тори и забывая, что полчаса передъ тѣмъ онъ посмѣялся надъ англійскимъ торизмомъ и излагалъ вещи человѣческія безъ всякихъ предразсудковъ касты. Таковы всѣ и князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, слывущій либераломъ и какъ premier gentilhomme de l'empire. Ein gutes Herz verwirte Fantasie, das heisst auf Deutsch ein Narr war Lamettrie. А не выражаетъ ли все это вмѣстѣ, что мы не устоялись? броженіе странное, уродливое гетерогенныхъ элементовъ.

А. А. Тучковъ чрезвычайно интересный человѣкъ, съ необыкновенно развитымъ практическимъ умомъ. У насъ это большая рѣдкость, мы или животные, или идеологи, какъ и азъ грѣшный. Ничѣмъ не занимаемся или занимаемся всѣмъ на свѣтѣ. Еще болѣе интересный, потому что очевидецъ и долею актеръ въ трагедіи слѣдствія по 14 Декабрю, актеръ какъ подсудимый разумѣется. Характеристическія подробности! Разсказъ объ этомъ времени наша genesis, эпопея. Когда нибудь надобно записать подробности.

28.—Завтра выйдетъ въ Петербургѣ 3. № *Отеч. Зап.*, въ которомъ моя статья о романтизмѣ. Я продолжалъ ее. Или цензура ее изуродуетъ, или эта статья можетъ принести послѣдствія. Можетъ третью ссылку. Горько будетъ, но я готовъ. Я окрѣпъ и возмужалъ въ послѣднее время, мнѣ нуженъ досугъ и я теперь болѣе чѣмъ когда либо надѣюсь на огромную силу души Natalie. Странная жизнь! Но жребій брошенъ, я не могу жить иначе, нѣчто похожее на призваніе заставляетъ поднимать голосъ, а они не могутъ вынести человѣческаго голоса. Вліяніе, которое дѣлаетъ мой голосъ, убѣждаетъ всѣмъ жертвовать, ибо кромѣ его, я ни къ чему не призванъ. Ссылка заставитъ смолкнуть. Надобно предпринять трудъ продолжительный. А любимая мечта, послѣднее желаніе личное—путешествіе! И вдругъ вмѣсто ссылки дозволеніе ѣхать. И счастье, и несчастье, втѣсняемое внѣшней, неразумной силой, противны и оскорбительны. Въ обоихъ случаяхъ личность человѣка подавлена.

МАРТЪ МѢСЯЦЪ

4.—Еще ужасное и тяжелое объясненіе съ Наташей. Я думалъ все окончено, давно окончено; но въ сердцѣ женщины не скоро пропадаетъ такое оскорбленіе. Она плакала, отчаянно, горько плакала, я уничтожалъ себя; состраданіе, любовь, мучительное угрызеніе, бѣшенство, безуміе—все разомъ терзало меня. Сегодня я проснулся въ ознобѣ, весь больной, съ какой то ломотой во всемъ тѣлѣ. Еслибъ была молитва! Въ какую пропасть стащилъ я ее, которая не могла представить себѣ такаго паденія. Гнусно, отвратительно! Когда я смотрю пристально на себя и разоблачаю все гадкое, мнѣ является потребность сильная идти ко всѣмъ любящимъ меня и сказать: прежде посмотрите, вотъ вашъ другъ! Да, и это изъ самолюбія, мнѣ больнѣе всего ихъ неправая оцѣнка. Еще пять, шесть такихъ сценъ и я сойду съ ума, а она не переживетъ. Ночь, ночь, темно, скверно, тяжело. Но что же ей, когда я такъ чисто покаялся, когда это уже давнопрошедшій фактъ. Зачѣмъ подрываться подъ другаго. Зачѣмъ? глупо, и тутъ любовь, но въ другомъ видѣ, любовь — немезида. Чтобъ довершить все, чтобъ дать послѣдній ударъ въ самую грудь, я вспомнилъ, что вчера было 3 марта. 3 марта 1838 года, я не былъ раскаявающимся и гадкимъ, она не была убитая и невольно карающая. Тогда мы увидѣлись впервые послѣ разлуки. Все было свѣтло, свято, прекрасно. Жизнь сулила одно блаженство. Зачѣмъ же я допустилъ змѣиное

жало? Гдѣ мнѣ прибрать черное слово, которымъ бы я могъ выразить мое состояніе?

10. — Кажется, живется себѣ такъ, ничего важнаго не дѣлаешь, semper idem ежедневности, а какъ только пройдетъ порядочное количество дней, недѣль, мѣсяцевъ — видишь огромную разницу воззрѣнія. Доселѣ я тридцати лѣтъ не останавливался. Ростъ продолжается, да вѣроятно и не остановится. Послѣднее время я пережилъ цѣлую жизнь, и все мрачное переработается во мнѣ въ ткань свѣтлую лишь бы *она* не страдала, лишь бы она умѣла примириться, забыть. Мнѣ такъ страшны ея страданія—за что она бѣдная за всю высоту, чистоту, купила слезы. Но какже любовь не врачуетъ? Неужели моя любовь слаба?

13. — Ея страданія, ея сомнѣнія уничтожаютъ меня. Я палъ, je suis flétri въ ея глазахъ, ее мучитъ это, она сама унижена въ моемъ униженіи, полное довѣріе потрясено! Время, моя безпредѣльная любовь уврачуютъ быть можетъ. Я понимаю, что раскаяніемъ, слезами я очистился. Мы вмѣстѣ оплачемъ, вмѣстѣ погрустимъ — но теперь она часто хуже нежели груститъ. Вчера мнѣ было ужасно тяжело. А въ такія минуты я, долго изнѣмогая, дохожу до мыслей слабыхъ. Мнѣ бы хотѣлось уѣхать одному изъ Москвы, не видать, не знать и отдохнуть такъ. Мнѣ становится страшно въ комнатѣ,— мнѣ больно смотрѣть на игру Саши, онъ такъ беззаботенъ, веселъ. Да чья же грудь не найдетъ въ себѣ полнаго примиренія за такое полное раскаяніе? Ея страданія, ея сомнѣнія тѣмъ страшнѣе, что вся религіозная сторона упованія, успокоенія, въ ней. Иной религіи я не знаю. Вѣра въ человѣчество, вѣра въ всеобщее слишкомъ широка, слишкомъ безлична; она свята мнѣ, но я

говорю объ индивидуальномъ вѣрованіи, объ частномъ возношеніи и спокойствіи.

— Вторая статья также принята съ рукоплесканіемъ. Меня, еслибъ знали во всѣхъ изгибахъ, поставили бы можетъ на одну доску съ Бакунинымъ, т. е. талантъ и дрянной характеръ. La nature ne fait jamais un pas qui ne soit en tous sens (Buffon).

14. — Когда человѣкъ съ глубокимъ сознаніемъ своей вины, съ полнымъ раскаяніемъ и отрѣченіемъ отъ прошедшаго проситъ, чтобъ его судили, распяли—онъ невозмутится никакимъ приговоромъ. Онъ вынесетъ всякое наказаніе, поверженный въ прахъ, слезами раскаянія, мучительными угрызеніями, онъ смиренъ и понимаетъ, что наказаніе должно быть, что это справедливость. Еще болѣе онъ тутъ же подозрѣваетъ, что ему легче будетъ по ту сторону наказанія, что казнь примиряетъ, замыкаетъ, отрѣзываетъ прошедшее отъ грядущаго. Да, онъ не возмутится, а просто приметъ казнь. Но сила карающая должна на томъ и остановиться; если она будетъ продолжать карать, если она безпрестанно будетъ ему напоминать всю гнусность его поступка — по страшному реактивному дѣйствію — падшій возмутится, онъ себя самъ начнетъ реабилитировать. Отчасти это понятно; что онъ прибавитъ къ своему раскаянію? Чѣмъ ему иначе примириться? Невинный имѣетъ передъ виноватымъ такой страшный шагъ впередъ, что онъ не можетъ быть довольно снисходителенъ. Дѣло человѣческое посадить виновнаго (если его раскаяніе чисто) возлѣ, погрустить о его паденіи и показать ему же, что все еще обладаетъ всѣми силами уничтожить сдѣланное, раскаяніемъ, что достоинство человѣческое въ немъ неподавлено. Человѣкъ, котораго удостовѣрятъ, что онъ сдѣ-

лалъ смертный грѣхъ, которому нѣтъ прощенія, долженъ зарѣзаться или глубже погрязнуть въ пороки — инаго выхода ему нѣтъ.

17. — Жизнь, жизнь! Середь тумана и грусти, середь болѣзненныхъ предчувствій и настоящей воли — вдругъ взойдетъ солнце и такъ свѣтло на душѣ, ясно, безпредѣльно хорошо. Вчера весь день прошелъ такъ; мы были какъ 3 марта, какъ 9 мая. Мы тѣснѣе соединились, выстрадавъ другъ друга, намучившись. Волна жизни дѣлается шире, полнѣе—лишь бы она лишилась ѣдко соленыхъ свойствъ.

Высокая, святая женщина! Я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы благороднѣе, чище и глубже былъ взглядъ. Но она безпрестанно себя разлагаетъ, поддерживая себя безпрерывно въ восторженномъ состояніи, ей нравится эта полнота жизни—но тѣло ея болѣзненное и слабое не можетъ вынести яркаго огня, которымъ пылаетъ умъ и сердце. За такія минуты какъ вчера, можно пожертвовать годами. И странное начало этому обновленію, этой гласности любви. Не было мгновенія, не токмо времени, въ которомъ бы я не любилъ ее со всѣмъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, но она мучилась и подозрѣвала какую то хододность, которой не было и не было. Между тѣмъ въ минуту физическаго, нечистаго увлеченія я сдѣлалъ поступокъ, въ которомъ она вовсе меня не подозрѣвала. Я былъ чистъ и правъ въ томъ, въ чемъ ея болѣзненное воображеніе обвинило. Я никогда не придалъ бы огромной важности гадкому, но безслѣдному поступку, еслибъ онъ не прибавилъ ей страданій. Она никогда не пойметъ, никогда не сообразитъ, что можетъ быть чисто физическое увлеченье, минута буйнаго кипѣнья крови, минута воображенія

разожженнаго образомъ нечистымъ, словомъ, страсть, которая вовсе не переводима на языкъ любви и непонятна для нея, страсть полуживотная, грязная и не благословенная тѣмъ знаменіемъ, которымъ любовь освѣщаетъ физическій актъ. Мы глубже почувствовали благо нашей жизни! но я трепещу, что ея Grübeleien опять возвратятся и будутъ мучить. А между тѣмъ ея здоровье разрушается наглазно, она тлѣетъ—одна надежда у меня на лѣто и на путешествіе. Это наконецъ какая то ядовитая иронія, жертвовать тѣломъ за развитіе ума. Какъ широко, прекрасно текла бы жизнь наша, еслибъ каплю силъ прибавить ей. Болѣзнь развиваетъ Grübeleien, а Grübeleien помогаютъ болѣзни.

19. — Четыре года тому назадъ 19 марта уѣхалъ Огаревъ изъ Владиміра, послѣ перваго свиданья. Какъ все тогда было свѣтло! Не прошло года послѣ свадьбы; тихая, спокойная, прекрасная идиллія владимірской жизни! Не доставало только друга, и онъ явился радостный и упоенный своимъ счастіемъ. Все улыбалось. Ни однаго диссонанса не было видно. Мы были чрезвычайно счастливы. Любовь, дружба, преданность всеобщимъ интересамъ, сознаніе блаженства—это былъ блестящій эпилогъ юности, точка поворота, къ которой все собралось въ праздничной одеждѣ. Давши эту награду за прошлое, этотъ залогъ будущему, судьба повлекла насъ быстро по желѣзной дорогѣ. Сколько перемѣнилось въ эти четыре года, сколько испытаній! Главное дѣло все цѣло: и дружба, и любовь, и преданность общимъ интересамъ — но освѣщеніе не то, алый свѣтъ юности замѣнился сѣвернымъ, яснымъ, но холоднымъ солнцемъ реальнаго пониманья. Чище, совершеннолѣтнѣе пониманье, но нѣтъ нимба, окружавшаго все для него. Періодъ

романтизма изчезъ, тяжелые удары и годы убили его. Мы, не останавливаясь, шли впередъ, многаго достигли, но юныя формы приняли мускулезный и похудѣвшій видъ путника усталаго, сожженнаго солнцемъ, искусившагося всѣми тягостями пути, знающаго теперь всѣ препятствія и пр. Первый ударъ былъ страшенъ, потому что разъ потрясъ самыя нѣжныя струны. Это ссора съ М. Л*), а четыре года тому назадъ, мы разстались какъ братъ съ сестрой. Ея раздоръ съ мужемъ, его слабость и цѣлая исторія отвратительная и мучительная. А потомъ вторая ссылка и многое. Мнѣ кажется наступаетъ теперь новая эпоха, успокоенія совершеннолѣтняго и дѣятельности болѣе развитой. А впрочемъ поживемъ— увидимъ. Теперь одна цѣль, одно желаніе поправить здоровье Natalie и ѣхать, ѣхать на югъ, въ степь, если нельзя въ Италію.

23. — Тихое счастіе домашнее снова начинаетъ кротко согрѣвать мое безпокойное существованіе. Здоровье Наташи получше, духъ ея расправилъ опять свои крылья во всемъ спокойномъ благородномъ характерѣ. Бурные дни эти доказали мнѣ всю великую необходимость для меня въ ней. Всѣ святѣйшіе корни бытія сплетены съ нею неразлучно. Лишь бы какъ нибудь устроить ея здоровье.

— Что за прекрасная, сильная личность Ивана Киреевскаго. Сколько погибло въ немъ и притомъ развитаго. Онъ сломался такъ, какъ можетъ сломаться дубъ. Жаль его, ужасно жаль. Онъ чахнетъ, борьба въ немъ продолжается глухо и подрываетъ его. Онъ одинъ искупаетъ всю партію славянофиловъ.

*) Первая жена Огарева.

25.—Годъ какъ начатъ этотъ журналъ, тридцать одинъ годъ мнѣ. Этотъ годъ былъ съ излишествомъ богатъ опытомъ, толчками по плюсу и по минусу; въ новый вступили весело въ кругу друзей и знакомыхъ.

27.—Не могу не замѣтить остроту уморительную. На дняхъ за ужиномъ я сказалъ, что нашъ девизъ taceamus. Хомяковъ прибавилъ taceamus igitur. А Александръ Ивановичъ Тургеневъ тотчасъ спѣлъ: taceamus igitur, Russi dum sumus, post Mongalam servitutem, post Polon.... (не упомню) nos habebit humus! Да, помолчимъ!

—Въ Германіи яростныя гоненія на свободу книгопечатанія. Прусскій король является безъ маски, Баварскій выдерживаетъ роль, которую игралъ всю жизнь — претенціозной тупости. Когда онъ издалъ свою глупую книжонку, написанную исковерканнымъ языкомъ: Walhala's Gunsten, которую въ Лейпцигѣ назвали Walfischhalle's Gunsten, въ одномъ изъ лейпцигскихъ журналовъ было сказано отъ имени Людвига Баварца: « Mein Bruder in der Wart der ist redselig, ich aber bin schreibselig. » Хороши эти литераторы и говоруны.

30.—Едва прошло нѣсколько спокойныхъ дней — Саша занемогъ и очень круто. Неужели вся жизнь должна быть пыткой и мученьемъ, смѣняемымъ для отдыха только и для того, чтобъ не уничтожился человѣкъ, —покоемъ? Грустно, тяжело и только тѣмъ, что ничего не можешь дѣлать, какъ быть зрителемъ. Человѣкъ по песчинкѣ, несчетнымъ трудомъ, пòтомъ и кровью копитъ, а случай хватитъ и однимъ глупымъ ударомъ разрушаетъ выстраданное. Едва теперь удалось нѣсколько поправить растроенное здоровье Наташи, спокойствіе,

вниманіе, гармонія кругомъ; едва начали возвращаться силы, вотъ новый толчекъ. И кто его знаетъ, каковъ онъ будетъ..... и весна..... кровью полна голова и гадко.

АПРѢЛЬ МѢСЯЦЪ

5.—Длинный разговоръ о философіи съ И. Киреевскимъ Глубокая, сильная, энергичная до фанатизма личность. Наука по его мнѣнію чистый формализмъ, самое мышленіе способность формальная, оттого огромная сторона истины, ея субстанціальность является въ наукѣ только формально и слѣдовательно абстрактно, не истинно или бѣдно истинно. Философія не можетъ рѣшить свою задачу, не достигнетъ примиренія и истины, потому что ея путь недостаточенъ etc. etc. Слово есть также формальное выраженіе, не исчерпывающее то, что хочешь сказать, а передающее односторонно. Конечно наука par droit de naissance абстрактна и пожалуй формальна; но въ полномъ развитіи своемъ ея формализмъ—діалектическое развитіе, составляющее органическое тѣло истины, ея форму, но такую, въ которую утянуто само содержаніе. Содержаніе животнаго, не члены его, взятые какъ члены, но и не внѣ членовъ; оно само ставитъ органы и разчленяется. Конечно таже наука имѣетъ результатомъ негацію и переходитъ себя, ибо философія каждой эпохи есть фактическій, историческій міръ той эпохи, схваченный въ мышленіи. Переходя себя—она переходитъ необходимо въ *новый* положительный міръ, уничтоживъ все незыблемо твердое стара-

го. А Киреевскій хочетъ спасенія стараго во имя несостоятельности науки. Такъ легко критика не засыпаетъ.

A propos. Въ 11 № Revue des Deux Mondes статья какого то Lebre о Гегелѣ и Шеллингѣ. Очень умно и проницательно написана. Честь французу. Все ловко и живо схвачено, многое понято вѣрно и горячо. Жаль, что сжатыя рамки, не позволили ему высказаться. Онъ говоритъ о реакціи Шеллинга, какъ о неудачной попыткѣ положительной философіи, внѣ логики (а между тѣмъ на разумѣ) опертой и пр. Все то, что я замѣтилъ изъ нѣсколькихъ лекцій прочтенныхъ мною. Поэтически возвышенное стремленіе, разбивающееся объ форму не свойственную, мистическіе обѣты, видѣнія. Но въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Гречь подавалъ доносъ на *Отеч. Зап.* и III отдѣленіе собственной канцеляріи отвергнуло его съ презрѣніемъ, написало ему полный отвѣтъ. Литераторъ уничтоженный, замятый въ грязь Дубельтомъ во имя гуманности!

10. — Невольно вспоминается, что было въ эти дни 8 лѣтъ тому назадъ. Меня отправили въ Пермь, день былъ такой же солнечный, но теплѣе. Какъ юнъ я тогда былъ! девятимѣсячная тюрьма только прибавила экзальтаціи, 9 апрѣля я простился и видѣлся съ Наташей; тутъ впервые мысль любви къ ней, благоговѣніе einer Huldigung явились въ головѣ, и я былъ весь подъ вліяніемъ свиданья. Выѣздъ былъ страшно тяжелъ. Въ Перовѣ, я часа два ждалъ Кетчера, онъ не пріѣхалъ и я съ растерзаннымъ сердцемъ поскакалъ, поскакалъ въ жизнь. Да, лишь съ этаго дня считается практическая жизнь и господи, сколько прожито и *нажито* въ эти 8 лѣтъ! Будто бы въ пристани — но это не такъ, эта станція, une halte. Вчера такъ тихо, мирно сидѣли

мы вечеръ у Грановскаго, мы, они, Кетчеръ и Боткинъ, какая благородная кучка людей, какой любовью перевязанная! Въ настоящемъ много прекраснаго, ловить, ловить, все ловить и всѣмъ упиваться: дружбой, виномъ, любовью, искусствомъ. Это значитъ жить. Впередъ смотрѣть отрадно и страшно, тучи, волканическія гибели и хорошая погода послѣ тучъ..... да можетъ солнце этихъ ведренныхъ дней посвѣтитъ на могилы наши. А это скверно. Нѣтъ столько самоотверженія, чтобъ отказаться отъ участія въ наградѣ, когда не отказываемся ни отъ какаго труда. И частно то грядущее и отрадно и страшно. Болѣзнь Наташи не уменьшается.

И что за странное устройство людское. Намъ хорошо теперь, окруженные удивительной симпатіей, благороднѣйшими лицами, съ которыми давно не видались, которыхъ видѣть люблю. А между тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось вдаль, въ глушь, гдѣ бы было тепло, гдѣ бы было море и гдѣ бы мы остались только вдвоемъ.

— Сегодня я читалъ какую то статью о „Мертвыхъ Душахъ“ въ *Отеч. Зап.*, тамъ приложены отрывки. Между прочимъ русскій пейзажъ (зимняя и лѣтняя дорога); перечитыванія этихъ строкъ задушило меня какой то безвыходной грустью, эта степь — Русь такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы рано проснулись — спать бы себѣ, какъ все около. — Довольно!

13. — Боже мой, какими глубокими мученіями учатъ жизнь, лѣта и событія; только они могутъ совершить становленіе въ жизнь, ни талантъ, ни геній! Въ мышленіи все мое. Тутъ что то ускользнуло, ростетъ независимо и выростаетъ въ чудовище. Мнѣ такъ тяжело

было вчера и сегодня, я становлюсь въ жизни скептикомъ, и себя презираю за этотъ скептицизмъ. Гдѣ сила любви? Я могъ, любя, нанести оскорбленіе, пасть мелко, гнусно. Она еще болѣе, любя, не можетъ стереть этаго паденія съ меня, не можетъ принести мнѣ на жертву Grübeleien оскорбленій, что же можетъ человѣкъ для человѣка. Сдѣлать жертву въ томъ случаѣ, когда ему пріятнѣе жертвовать, нежели не жертвовать. Страшно, лучшія, святѣйшія отношенія, индивидуализируясь и углубляясь въ одномъ личномъ, грозятъ страшными ударами. Что замѣшало въ мою жизнь этотъ звукъ страшно раздирающій душу? А бываютъ минуты, въ которыя жизнь просто становится противна и отвратительна.

15.—Письмо отъ Огарева, письмо отъ Бѣлинскаго и длинный разговоръ съ Кетчеромъ и Наташей. Странная вещь до какой степени низокъ человѣкъ; онъ самъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти изъ себя или подняться въ такую сферу, въ которой бы въ самомъ дѣлѣ поглощались его личныя особенности, Eigenthümlichkeiten характера и пр. Какъ опытъ и навыкъ къ вѣрному взгляду безпрестанно открываютъ въ жизни, въ людяхъ новое и какъ по большей части тягостно трезвое воззрѣніе; нимба нѣтъ, которымъ бы окружалось. Мы удивляемся великимъ самопожертвованіямъ потому, что мѣримъ все на свой аршинъ. Все дѣло въ томъ, что чѣмъ человѣкъ жертвуетъ, то не есть его существенный интересъ или наслажденіе — самопожертвованіе превышаетъ его. Всякое *я* тянетъ къ себѣ, даже въ любви и дружбѣ. Эгоизмъ есть только сосредоточенное болѣзненное, исключительное, сумашедшее проявленіе личности, которая имѣетъ сильный, рѣзкій голосъ во всѣхъ начинаніяхъ людскихъ. Сознаніе не вовсе признанная

власть надъ личнымъ влеченіемъ. Огаревъ понимаетъ, что онъ свое положеніе дѣлаетъ безвыходнымъ именно по нерѣшительности и не дѣлаетъ однако ни шагу потому, что самая тягость его положенія для него легче нежели рѣшиться на что нибудь. И все таки какъ прекрасны люди, какъ Огаревъ и, въ другомъ родѣ, какъ Бѣлинскій. Какой любовью и какимъ привѣтомъ мы окружены!

Графъ Строгоновъ писалъ еще къ Бенкендорфу и просилъ доложить государю о моемъ путешествіи. О боже, неужели такъ близко совершеніе мечты, упованіе самаго заповѣднаго—мнѣ страшно вздумать, что въ іюлѣ быть можетъ, проведу мѣсяцъ съ Огаревымъ на Lago maggiore ; я поюнѣю, это одно изъ послѣднихъ требованій чисто личныхъ.

18.—Какъ бы не такъ. Письмо отъ Строгонова, которымъ извѣщаетъ объ отказѣ. Какое постоянное, упорное, злое гоненіе. И за что? Какія тутъ причины? Фридрихъ II говорилъ, что онъ съ однимъ Солтыковымъ не могъ воевать и что тотъ его всегда приводилъ въ замѣшательство своими движеніями, потому что они были лишены всякой причины и всякаго смысла. Не всему можно искать причинъ! Еще мечта, одна изъ предпослѣднихъ убита. Тяжела шапка рабства! Состояніе безправія душитъ и никакаго конца не предвидится. И ее положеніе не измѣняется, все тоже болѣзненное настроеніе, таже грусть. Одинъ я какъ то безобразно здоровъ физически, и внутри иногда бываетъ хорошо, а часто ночь ночью. Какь то холодно въ груди, давящая тоска, убійственная, разлагающая мозгъ не костей, а духа.

—Друзья, друзья они много дѣлаютъ, мы ими окружены какъ прелестнымъ вѣнкомъ; но мнѣ надобно быть

безъ всякой задней мысли, чтобъ отдаваться имъ, а когда сквозь ихъ и свои слезы я вижу слезы ея, я кажусь бѣглецомъ съ поля битвы, и радость меркнетъ. Путешествіе, Италія излечили бы ее и меня..... такое страшное насиліе; черезъ поколѣніе никто не повѣритъ, что люди могли, не повѣсившись съ отчаянія, жить подъ такимъ гнетомъ.

— Гибель, потуханье гдѣ нибудь въ холодныхъ, снѣговыхъ полянахъ, безъ участья, безъ отзыва — хороша будущность! Одно осталось—заниматься. И такъ опять за книги, и затаить все живое въ душѣ, и обмануть себя схоластикой. — Abomination!

21. — Спорили, спорили и какъ всегда кончили ничѣмъ, холодными рѣчами и остротами. Наше состояніе безвыходно, потому что ложно, потому что историческая логика указываетъ, что мы внѣ народныхъ потребностей и наше дѣло отчаянное страданіе. Страданіе безсимпатичное, неоцѣняемое и конечно полезное для будущаго, но намъ недающее никакаго личнаго вознагражденія; жить отвлеченной идеей самопожертвованія не естественно, даже религіозные фанатики имѣли награду личную въ упованіи. Стоицизмъ есть тоже отчаянное положеніе.

22. — Ужасно проведенный вечеръ и ночь. Ея грусть принимаетъ видъ безвыходнаго отчаянія. Бывало за слезами слѣдовали свѣтлыя слова. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Ни моя любовь, ни молитва къ ней ничего не помогаетъ. Я гибну нравственно уничтоженный, флетрированный. Каплю елея на раны, каплю воды на алканье!.... изнѣмогаю. Я шутя, безсознательно, буйствуя, развязалъ руки низкой натурѣ своей, разбилъ

зданіе всей жизни, я не умѣлъ сохранить, потому что слишкомъ много дано было.

Теперь нѣтъ помощи, что укажетъ время—не знаю; я надѣялся, я предвидѣлъ, что все это пройдетъ, что ужасное положеніе пройдетъ какъ катастрофа, но свѣтлое то прошло. Она бываетъ жестка, безпощадна со мной — много надобно было, чтобъ довести до этаго ангельскую доброту.

Она не слушаетъ болѣе словъ моей любви — а все же — подчасъ мнѣ кажется, я не заслужилъ этаго; я такъ много люблю, такъ искренно раскаяваюсь. Жизнь ужасно тяжела—подчасъ мнѣ (и это первый разъ какъ себя запомню) кажется хорошо бы умереть, „глупую сказку, какъ говоритъ Макбетъ, разсказанную дуракомъ“ закрыть — и да здравствуетъ небытіе. Страшно земля подъ ногами колеблется. Нѣтъ точки, на которую опереться. А мои мечты — мечты! Иногда хотѣлось бы броситься на грудь кого нибудь близкаго и говорить, и стонать, а иногда такъ пошлы кажутся всѣ эти друзья; не нужно ихъ, всѣ они ничего не понимаютъ.

У меня не осталось ничего святаго, одна она; она и богъ, и безсмертье, и искупленье; передъ ней я святотатецъ. Она хочетъ и не можетъ отпустить мнѣ; ночь, ночь!!

28. — Она сказала на концертѣ Листа *новость*. Господи, что будетъ, то будетъ. Можетъ это выходъ, представляемый судьбою. Все взволновалось во мнѣ и какое то чувство радостное переплелось съ тысячей другихъ чувствъ. О еслибъ любовь могла творить чудеса, я совершилъ бы ихъ. Надежда и страхъ.

МАЙ МѢСЯЦЪ

1. — На прошлой недѣлѣ слушалъ нѣсколько разъ Листа. Когда столько и столько накричатъ, ждешь богъ вѣсть чего, и часто обманываешься — именно потому, что ожиданія сверхъ естественныя неисполнимы. Однако истинные таланты не теряютъ ничего отъ крика фамы. Такова Таліони, на которую я смотрѣлъ иногда сквозь слезъ; таковъ и Листъ, котораго слушая, иногда навертывается слеза. Поразительный талантъ.

— Вчера дикій концертъ цыганъ. Для Листа это было ново и онъ увлекся. Музыка цыганъ, ихъ пѣніе не есть просто пѣніе, а драма, въ которой солистъ увлекаетъ хоръ — безгранично и буйно. Понять легко, почему на вакханаліяхъ цыгане дѣлаютъ такой эффектъ.

6. — Я безпрестанно строю, строю вновь храмъ домашняго счастія и онъ мнѣ кажется опять незыблемымъ, а черезъ день все рушится какъ прахъ. Какая страшная казнь мнѣ. Все что я дѣлаю, для того чтобъ исправить, оказывается недостойнымъ. Я святотатственными руками коснулся дерзко и грубо до святыхъ отношеній, я могъ забыть ихъ, я оправдывалъ себя, и обрушилъ страшныя несчастія на голову свою. Я, привязанный внутренно къ позорному столбу, долженъ страдать; я игралъ всѣмъ благомъ жизни — проигралъ, это естественно. Но я понимаю, что это не такъ, что во мнѣ таилась всегда основа святая и чистая. Да зачѣмъ же она не удержала меня? О если послѣ всѣхъ этихъ мученій, должно усу-

губиться мое несчастіе если..... страшно сказать..... что тогда будетъ? Есть выходъ. Да ужъ вѣры нѣтъ въ свою силу. Я нравственно запятнанъ. Тяжело, безконечно тяжело, и тѣмъ тяжеле, что я какъ ребенокъ хватаюсь за каждую тѣнь надежды и, по прежней свѣтлости характера, открываю душу радостнымъ упованіямъ, а время обличаетъ несостоятельность ихъ.

— Пріемъ Листа у Павлова выразилъ какъ то всю юность нашего общества и весь характеръ его. Литераторы и шпіоны, все выказывающее себя. Мнѣ было грустно. А Листъ милъ и уменъ.

9. — Пять лѣтъ послѣ моей свадьбы. Этотъ пятый годъ былъ тяжелъ, онъ раздавилъ послѣдніе цвѣты юности, послѣднія упованія — и былъ правъ. Налегать, играть своимъ счастіемъ, значитъ оправдать бѣдствія, накликать ихъ. Одно осталось цѣло, свято какъ было: это она, она изнуренная, склоненная подъ бременемъ жизни — подъ бременемъ, которое я не умѣлъ сдѣлать легче. Я вглядѣлся въ себя и въ жизнь. У меня характеръ ничтожный, легкомысленный; людямъ нравится во мнѣ широкій взглядъ, человѣческія симпатіи, теплая дружба, доброта, и они не видятъ, что fond всему слабый характеръ, не въ томъ смыслѣ какъ у Огарева — инертивно-слабый, а суетливо-слабый, и какъ такой, склонный къ прекраснымъ порывамъ и гнуснѣйшимъ поступкамъ. Послѣ гнуснаго поступка, я понимаю всю отвратительность его, то есть слишкомъ поздно, а твердой хранительной силы нѣтъ. И эти паденія повергаютъ меня въ скептицизмъ страшный, убійственный, повязка падаетъ за повязкой, мечта за мечтой, и простота результатовъ, до которыхъ доходишь этимъ путемъ, страшна, хуже всякаго отчаянія именно по наглой на-

готѣ своей. Вчера говорилъ объ этомъ съ ближайшими людьми, но и они не хотятъ понять: одинъ умъ ставится ими во что нибудь и благородная *поступь*, такъ сказать. Мнѣ больно принимать ихъ любовь, зная, что они ее дурно помѣстили. Да, да, послѣдніе листы облетѣли; будетъ ли весна и новый листъ, могучій по возврату? кто скажетъ. И призваніе общее, и частное призваніе, все оказалось мечтою, и страшныя, раздирающія сомнѣнія царятъ въ душѣ—слезы о вѣкѣ, слезы о странѣ, и о друзьяхъ, и объ ней. Чаша эта горька! А пять то лѣтъ тому назадъ какъ все было свѣтло и ясно; это былъ предѣлъ, далѣе котораго индивидуальное счастіе не идетъ. Шагъ далѣе, шагъ вонъ. Шагъ вонъ значило для нея шагъ къ могилѣ. Страшная логика у жизни. Иногда, кажется, для того можно лишить себя жизни, чтобъ испортить развитіе этихъ корольрій, чтобъ сдѣлать насмѣшку.

На дняхъ читалъ я Киреевскому и Хомякову четвертую статью—большой эффектъ и рукоплесканіе. Третья статья напечатана въ *Отеч. Зап.* и тоже производитъ говоръ, но прежде я болѣе бы вкусилъ эти рукоплесканія, упился бы ими отъ души; теперь для меня существуетъ одно упоеніе—via humida, т. е. виномъ.

13.—Баронъ Гакстгаузенъ и Козегартенъ, путешественники изъ Пруссіи, занимающіеся изслѣдованіемъ славянскихъ племенъ и въ особенности бытомъ и состояніемъ крестьянъ въ Европѣ. Я имѣлъ случай говорить съ Гакстгаузеномъ; меня удивилъ ясный взглядъ на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще. Онъ находитъ важнымъ элементомъ, сохранившуюся изъ древности, общинность, ее то надобно развивать, сообразно требованіямъ вре-

мени. Индивидуальное освобожденіе съ землею и безъ земли онъ не считаетъ полезнымъ, оно противопоставляетъ единичную, слабую семью всѣмъ страшнымъ притѣсненіямъ земской полиціи, das Beamtenwesen ist grässlich in Russland. „Зачѣмъ у васъ судейская власть не поставлена самобытно относительно другихъ властей? Зачѣмъ дворяне не умѣютъ пользоваться выборами и избирать на уѣздныя мѣста порядочныхъ людей?“ Мало ли зачѣмъ. Затѣмъ что правительство не вынесетъ никакой самобытной власти, затѣмъ что исправникъ трактуется какъ лакей, затѣмъ что въ уѣздныхъ городахъ жить нельзя — нѣтъ ни лекарей, ни средства воспитать дѣтей, ни общества, ни удобствъ жизни. Онъ хотѣлъ, чтобъ ему сказали нормальное отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ господину, напримѣръ въ Московской губерніи, алгебраическую формулу, такъ сказать. Но это вздоръ; еслибъ отношеніе общины сельской къ помѣщику измѣнялось съ ея величиною, съ количествомъ земель или иныхъ условій жизни тогда можно бы понять какую нибудь норму. Это не такъ. Состояніе общины N. зависитъ отъ того, что помѣщикъ ея богатъ или бѣденъ, служитъ или не служитъ, живетъ въ Петербургѣ или въ деревнѣ, управляетъ самъ или прикащикомъ. Вотъ это то и есть жалкая и безпорядочная случайность, подавляющая собою развитіе. Между прочимъ, говоря о дворовыхъ людяхъ и мастеровыхъ, баронъ Гакстгаузенъ замѣтилъ: ily a des principes d'un saint-simonisme renversé (à chacun selon ses talents) т. е. что чѣмъ талантливѣе, тѣмъ больше дуютъ съ него оброка. Демократическая нивелировка.

15. — Скоро будетъ Бѣлинскій; жду, очень жду его. Я мало имѣлъ близкихъ отношеній по внѣшности съ

нимъ, но мы много понимаемъ другъ друга. И я люблю его рѣзкую односторонность, всегда полную энергіи и безстрашную. Потомъ онъ по своему симпатиченъ. Мнѣ надобны эти обновленія, какъ свѣжія примочки воспаленному мѣсту; я какъ то быстро изнашиваю жизнь. Онъ пишетъ мнѣ о моемъ счастіи, а я ему хочу высказать, какъ я не умѣлъ понять его, какъ я забылся, зазнался. Онъ меня осудитъ, и мнѣ останется, покраснѣя и затаивъ слезу, слушать. Тоже будетъ, когда явится Огаревъ! Одно, одно лишь бы новыя силы помогли ей; мнѣ страшно жить такъ, я стою со всѣмъ благомъ моей жизни, съ моимъ руномъ на весеннемъ льду и эти минуты внутренняго трепета, ихъ ничѣмъ ничто не вознаградитъ. Страшный скептицизмъ остается результатомъ всего этаго и ни занятія, ничто не мощно побѣдить боль.

26.—Одинадцать дней не дотрогивался до журнала, ну, что же въ нихъ?—ничего. Жадное стремленіе къ какой то полной жизни и скептицизмъ все мутящій. Всякій день уноситъ что нибудь. Я быстро отцвѣлъ и отживаю теперь свою осень, за которой не будетъ весны. Шиллеръ безконечно правъ, говоря, что Irrthum Leben; медузины взгляды скептицизма убили черты, оживленныя мечтами и пр. Я смотрю около—все дѣти, умныя, полныя благородства, высоты, симпатіи и вѣры, дѣтской вѣры, всѣ они могутъ дѣлать, потому что они игру принимаютъ за дѣло. Дитя потому con amore дергаетъ шнурокъ, что онъ твердо убѣжденъ въ лошади на концѣ шнурка. На дняхъ говорили о безсмертіи. Я не вѣрилъ въ безсмертіе, но желалъ его; этотъ разъ я съ ужасомъ замѣтилъ, что мнѣ все равно и что мысль уничтоженія даже сладка въ иную минуту; выдохнуть-

ся подъ прекраснымъ небомъ, среди людей свободныхъ, пышныхъ растеній, благословляя дѣтей, друзей — лишь бы не увидѣть упрека на чьемъ либо лицѣ. Зачѣмъ женщина вообще не отдается столько живымъ общимъ интересамъ, а ведетъ жизнь исключительно личную? Зачѣмъ они терзаются личнымъ и счастливы личнымъ? Соціализмъ какую перемѣну внесетъ въ этомъ отношеніи.

29. — Я забывался, падалъ и очистился, какъ христіанинъ, кровью невиннаго. Но эта кровь вопіетъ, я изнѣмогаю, теряю всѣ силы. Ея слова, ея уничтоженіе, горесть. Нѣтъ, я не такъ палъ, къ падшему пощада; если бы у меня былъ характеръ, я зарѣзался бы. Кромѣ эгоизма есть натяжки у людей, гипостазія эгоизма, онъ начало и конецъ всего плюсъ гордость и желаніе наслажденій. Жить иную минуту легко, а всегда тяжело, безконечно тяжело. Я ослабѣлъ какъ то.

31. — Сегодня или вчера годъ, какъ пріѣхалъ Огаревъ въ Новгородъ. Этотъ годъ страшно обширенъ по внутреннимъ событіямъ и въ немъ я отстрадался за все благо моей прошлой жизни. Послѣдній безотчетно свѣтлый мигъ — былъ мигъ, въ который мы проводили его. Вслѣдъ за тѣмъ нечистыя волненія, тоска душнаго состоянія ссылки, переѣздъ, дурачество и горестное, раздирающее душу сознаніе, что я, дурачась, не смотрѣлъ на существо, близь меня стоящее; что я поколебалъ ея вѣру, отнялъ основу нравственнаго быта, убилъ, разрушилъ. Когда я опомнился, я бросился на колѣни, я рыдалъ, я умолялъ, но было поздно. Есть страшныя развитія души, которыя не имѣютъ прошедшаго; для нихъ прошедшее вѣчно живо, онѣ не гнут-

ся, а ломятся, онѣ падаютъ паденіемъ другаго и не могутъ сладить съ собою. Вчера вечеромъ нашъ разговоръ объ этомъ былъ кротокъ, меня посѣтило опять давно не извѣстное чувство гармоніи, и я плакалъ отъ радостнаго чувства. О еслибъ она знала все, что дѣлается въ душѣ моей, она увидѣла бы, что никогда я не былъ достойнѣе блага ея любви, я сталъ чище, выше всею глубиною моего паденія.

Размышленіе по поводу *Записки объ Останкинѣ.* Дружба и любовь должны бѣжать холодной, юридической справедливости. Любовь въ основаніи пристрастна, лицепріятна, въ этомъ ея характеръ. Тактъ, уваженіе, деликатность на всѣхъ степеняхъ сношенія людей другъ съ другомъ, близость, пренебрегающая этимъ, близка къ шероховатости. Уваженіе, вѣра — вотъ риза истинной симпатіи.

ІЮНЬ МѢСЯЦЪ

4. — Histoire de Dix ans, L. Blanc. Чрезвычайно замѣчательное явленіе по взгляду, по изложенію и по ревеляціи. Въ революціи 30 іюля вся Франція и вся первая половина XIX вѣка имѣютъ представителей en bien et en mal. Франція величественно и торжественно возстаетъ, оскорбленная глупыми ордонансами, противодѣйствіе геройское, но которое, умѣвши побѣдить, не имѣло выдержки и позволило себя глупо обмануть. Скептическій, не дошедшій до формулированія своей мысли, XIX вѣкъ не имѣлъ ничего готоваго. Демократія была без-

системная, соціализмъ едва родившійся, съ первыхъ дней революціи проводитъ, чья побѣда. Робкая, трусливая, корыстолюбивая и перемѣнчивая bourgeoisie завладѣетъ всѣмъ и въ центрѣ ея, окруженный неблагородными лицами и нѣсколькими обманутыми какъ Казиміръ, хитрый Лудвигъ Филиппъ, человѣкъ прозаическій, далекій отъ всякой геніальности, царь во имя посредственности и для нее. Камера—грязное болото, въ которомъ изчезаетъ великій потокъ революціи, боясь народа болѣе нежели бурбоновъ, спѣшила сдѣлать короля. А король ея разомъ обманулъ мошеннически Карла X, и камеру, и народъ. Отъѣзжающій старикъ, окруженный своей семьей, вѣрный этикетамъ и рыцарски преданный идеѣ, которой уже нѣтъ, примиряетъ съ собою; его жаль, онъ окруженъ какимъ то поэтическимъ отблескомъ прошедшихъ вѣковъ. Лудвигъ Филиппъ, принимающій безъ штановъ депутацію, представляетъ какую то циническую фигуру, поселяющую отвращеніе.

Покровское.

14. — Странно идетъ наша жизнь. Возлѣ каждой минуты блага и счастія, какая то безотходная иронія ставитъ страшныя привиденія. Третьяго дня мы пріѣхали сюда и я давно не былъ въ такомъ свѣтло-радостномъ расположеніи. Видъ полей меня обмылъ, мнѣ было хорошо, очень хорошо..... тишина кругомъ, спокойствіе, все расположило душу къ ряду впечатлѣній безотчетно гармоническихъ. А сегодня утромъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, утонулъ Матвѣй. Я любилъ его, онъ былъ для меня болѣе нежели слуга, я въ немъ воспиталъ благородныя свойства и они принялись; онъ маль-

чикомъ вступилъ въ мой домъ и съ лѣтами пріобрѣлъ истинно человѣческія достоинства. Онъ развился болѣе нежели надобно, avec une précocité, которая начинала его мучить неравномѣрностью своей. Онъ тяготился своимъ состояніемъ, часто бывалъ небреженъ, но всегда благороденъ, онъ искупалъ цѣлый классъ людей въ моихъ глазахъ. И вдругъ погибнуть такъ глупо, такъ безсмысленно случайно, 22 лѣтъ, это страшно. Какой скептицизмъ навѣваютъ такіе примѣры. Вчера онъ упалъ было съ плотины. Саша со слезами бросился къ нему и сказалъ: „я тебя люблю, не утони,“ это послѣдняя сладкая минута его. Я совѣтовалъ не купаться за плотиной, онъ не послушался; сегодня утромъ пошелъ и заплатилъ жизнію за неосторожность. Можетъ для него смерть благо, жизнь ему сулила страшные удары; съ нѣжной душой, онъ былъ все же слуга, у него не было будущаго. Но страшно быть свидѣтелемъ такого спасенія отъ будущаго.

Когда я прибѣжалъ на берегъ, его искали и полъ часа не могли найти въ глубинѣ; я велѣлъ спустить плотину, его поймали неводомъ и вытащили. Боже, этотъ, цвѣтущій силами, молодой человѣкъ, который вчера вечеромъ пребеззаботно говорилъ со мною, который не думалъ конечно о смерти, теперь посинѣлый трупъ съ открытыми глазами. Что думалъ онъ, какъ шелъ вдвоемъ купаться? они дурачились въ рѣкѣ; что думалъ онъ, протянувши руки и ненайдя тотчасъ помощи? Еще разъ страшно!

Грустное впечатлѣніе этаго случая, на долго отравитъ нашу деревенскую жизнь, а она было началась такъ благотворно. Бѣдный Матвѣй! Писалъ къ его матери.

Вчера деревенскіе мальчики приходили играть съ

Сашей, мнѣ грустно было смотрѣть на нихъ. Съ какимъ радушіемъ наперерывъ они старались чѣмъ нибудь потѣшить Сашу.

Нисшіе классы ужасно оклеветаны. Посмотрите какъ добръ, какъ весь предается ласкѣ простолюдинъ (разумѣется, исключая дворовыхъ); стоитъ съ нимъ обходиться по человѣчески. Грубые пріемы наши ставятъ его en garde, самая привычка подозрѣвать что его хотятъ обидѣть, насторожила ихъ. Но когда онъ увѣрится, что къ нему подходятъ съ любовью, онъ встрепенется и радъ жизнь положить за всякаго. Горе людямъ, пользующимся властью, чтобъ еще болѣе втаптывать въ грязь народъ и стыдъ имъ за клевету подлую и низкую на нихъ, они клевещутъ, чтобъ оправдаться. А тѣ бѣдные не имѣютъ этой послѣдовательности ненависти къ истинно враждебному стану.

Вчера хоронили его; Кетчеръ и я несли гробъ. Міръ его памяти! Какъ земное быстро минуетъ, переходитъ, пораженное смертью. Жизнь какъ потокъ тотчасъ находитъ свое русло и течетъ.

Уединеніе сельской жизни, близость съ природой и даль отъ людей чрезвычайно хороши. Человѣкъ долженъ по временамъ отходить въ сторону, чтобъ собраться. Внѣшнее однообразіе жизни деревенской даетъ просторъ внутреннимъ процессамъ.

Каждая бездѣлица въ этомъ домѣ и въ окольныхъ мѣстахъ напоминаетъ мнѣ меня въ разныя эпохи моей жизни—я нашелъ надпись сдѣланную мною въ 1827 г. и другую въ 1838. Какая поэма, романъ, какой рядъ событій и видоизмѣненій между этими годами! Стремлюсь побывать въ Васильевскомъ, тамъ я долѣе живалъ и лучшія воспоминанія дѣтства и отрочества связаны съ горами, водами этой деревни. Лѣта развитія не прибавляютъ

грузъ, а напротивъ, потребляютъ массу мечтаній и вѣрованій юношескихъ; становится все легче, плечи многихъ довлѣютъ нести тяжести, но ничего не нести надобно имѣть въ десятеро болѣе силъ. Думать что судьба человѣка напр. таинственно предопредѣлена, стараться разгадать эту тайну, узнать нѣчто грозное легче, нежели знать, что никакаго секрета нѣтъ спрятаннаго о жизни каждаго человѣка. До большой легкости ноши достигъ я рядомъ бурныхъ испытаній, но мнѣ грустнѣе. Въ 1827 г. я былъ 15 лѣтъ, идеи древняго республиканизма бродили въ головѣ, я вѣрилъ непреложно, что „взойдетъ заря плѣнительнаго счастія.“ Тутъ, въ этой комнаткѣ, лежа на этомъ диванѣ, я читалъ Плутарха и свѣжее, отроческое сердце билось. Въ 1838 г. я пріѣзжалъ изъ ссылки, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, мнѣ было 26 лѣтъ, жизнь раскрыла всѣ прелести и упоенія. Теперь въ 1843 г., измученный многимъ, съ скептицизмомъ въ душѣ, я ищу у тѣхъ же полей участія. А юности уже нѣтъ, а вѣрованій нѣтъ, только что то похожее волнуетъ подчасъ кровь.

18. — 2-й томъ L. Blanc, 1831 годъ. Отличительная черта французскаго правленія послѣ революціи 30 года, ограниченность, коварство и стараніе мошенническими штуками скрыть свои корыстные и жалкіе виды. Дома, въ камерѣ, въ сношеніяхъ съ государями и съ народами — тоже самое. Талейранъ доказалъ наконецъ, что плутовство не значитъ геніальность. Король потерялъ всякое уваженіе—Dupont (de l'Eure) уличилъ его во лжи. Лудвигъ Филиппъ взбѣсился и сказалъ, что онъ обнародуетъ его грубость. „Почемъ знать, отвѣчалъ министръ, кому повѣрятъ, вамъ или Dupont (de l'Eure).“ Король смирился. Обиднѣе всего тупость тогдашняго упра-

вленія; Франціи выпадала гегемонія всей либеральной Европы, а она загрязнилась въ дипломатическихъ сдѣлкахъ, выдавала, продавала своихъ приверженцевъ. Орлеанская эпоха не смоетъ этихъ пятенъ. Бельгія, Испанія, Италія и Польша уличаютъ ее въ эгоизмѣ и трусости. Въ противоположность ей, карлисты получаютъ благородный свѣтъ. Одно объясненіе — не развитость демократической партіи; политическіе перевороты безъ соціальнаго сдѣлались невозможны. А царство средняго сословія было все же продолженіе феодальнаго соціализма, котораго высшее развитіе въ Америкѣ, остановившейся на односторонней тенденціи. Сѣверная Америка—nec plus ultra феодальнаго развитія, такъ какъ оно должно было явиться въ мірѣ реформаціонномъ.

26.—А какъ взглянешь около себя..... Бѣдный, бѣдный русскій мужикъ. И что досаднѣе всего видѣть, средство поправить его состояніе по большей части подъ руками, алчность помѣщиковъ и неустройство государственныхъ крестьянъ повергаетъ ихъ въ это положеніе. Глядя на ихъ жизнь, кажется чѣмъ то чудовищно-преступнымъ жить въ роскоши; обыкновенно мужикъ здѣшней полосы никогда не ѣстъ мяса, у него едва хватаетъ хлѣба, коли по богаче, ѣстъ капусту; онъ каждый день съ своей семьею отъигрывается отъ голодной смерти. О запасахъ думать нечего; умри лошадь, корова, онъ пошелъ ко дну. У кого много работниковъ въ семьѣ, тѣ живутъ по лучше; но много ли такихъ? Возлѣ ихъ бѣдныхъ полей, богатыя поля помѣщика, обработанныя его руками, скирды хлѣба, копны сѣна. Какое ангельское самоотверженіе! Сегодня приходили къ окну нищіе изъ сосѣдней деревни, помѣщикъ выгоняетъ ихъ ежедневно на работу поголовно—у нихъ хлѣба нѣтъ, это бросается

въ глаза, а если есть только хлѣбъ, то совѣсть помѣщика чиста, чего же имъ болѣе, они сыты. Мы дивимся гладіаторамъ, а развѣ черезъ вѣкъ не будутъ дивиться намъ, нашей свирѣпой жестокости, отсутствію человѣколюбія въ насъ? Чѣмъ мы лучше суринамскихъ колонистовъ, англичанъ въ Индіи? Нѣтъ мы хуже, потому что крестьяне наши лучше дикихъ; кротко, грустно несутъ они тяжелый крестъ жизни, черно проводятъ ее, имѣя въ перспективѣ розги, голодъ и барщину, если оброчный, рекрутство, взятіе во дворъ. Наши славянофилы толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей; все это хорошіе зародыши и долею они основаны на неразвитости. Такъ у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистичнаго характера европейскаго; но они забываютъ съ другой стороны отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій, словомъ возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности въ смыслѣ личнаго владѣнія, когда его полоса не его полоса, когда даже жена, дочь и сынъ — не его. Какая собственность у раба? онъ хуже пролетарія — онъ ре- орудіе для обработыванія полей. Баринъ не можетъ убить его, такъ же какъ не могъ при Петрѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, срубить дубъ; дайте ему права суда, тогда только онъ будетъ человѣкомъ. Двѣнадцать милліоновъ людей hors la loi. Carmen horrendum.

23. — Дочиталъ первые три тома L. Blanc. Какъ поэтически явился Сенъ-Симонизмъ, какъ геройски явилась республиканская партія и какъ вдругъ уничтожились одни и обезсилѣли другіе. Но если они видимо уничтожились и ослабли, то въ нравахъ, въ общемъ

мнѣніи осталось очень-очень много. У нихъ не было полной отгадки. Между тѣмъ необходимость соціальнаго переворота теперь стала очевидна; враги развитія, какъ Гизо, понимаютъ и трепещутъ. Измѣненіе права собственности, комунальная жизнь, организація работъ — вопросы, занимающіе всѣхъ, видящихъ далѣе носа; нелѣпость случайнаго и нелѣпаго распредѣленія такого важнаго орудія какъ богатство, нелѣпость гражданскаго порядка, приносящаго на жертву огромное большинство, невозможность равенства при такомъ устройствѣ — все это стало очевидно, а давно ли? Воззрѣнія со стороны консерватистовъ проникнуты сознательно или безсознательно эгоизмомъ и своекорыстіемъ привилегированныхъ кастъ. Теперь, напримѣръ, толкуютъ, что при организаціи равнаго воспитанія отецъ не можетъ дать того воспитанія, которое онъ считаетъ лучшимъ, а забываютъ, что теперь всѣ отцы нисшихъ классовъ не могутъ дать никакого воспитанія своимъ дѣтямъ. Конечно, при лучшемъ общественномъ устройствѣ многіе не будутъ имѣть возможность тратить деньги какъ теперь, они стѣснятся — но никто не будетъ мереть съ голоду. А развѣ при развитіи идеи права не стѣсняется самодержавная воля деспота, развѣ ему не хуже, напримѣръ, въ Англіи, нежели въ Россіи? Франціи принадлежитъ великая иниціатива этаго переворота. Она ему положила начало Конвентомъ. Болѣзненно достигаетъ она до осуществленія. Достигнетъ ли, когда? Все равно, человѣчество ей не забудетъ первый шагъ. Удивляюсь, какъ Славянобѣснующіеся не понимаютъ исторіи, не понимаютъ Европейскаго развитія — это помѣшательство. Славяне въ будущемъ вѣроятно призваны ко многому, но что же они сдѣлали въ прошедшемъ съ своимъ

стоячимъ православіемъ и чуждостью отъ всего человѣческаго?

30.— Гостили Бѣлинскій, Боткинъ, Грановскіе. Исторія Боткина отравила почти все время, она поселила неловкость между нами и покрыла чѣмъ то тяжелымъ все время. Конечно онъ не правъ какъ смѣшно слабый характеръ, какъ человѣкъ пріучившійся рефлектировать тамъ, гдѣ должно дѣйствовать, наконецъ какъ человѣкъ ставящій эгоистически выше всего какое то себяпотворство, обоготворяющій маленькія удобства и боящійся поднести чашу жизни къ устамъ, потому что тяжело держать ее. Все это такъ; далѣе, мы только тѣхъ людей можемъ уважать, которые, рѣшивши въ сердцѣ и въ головѣ вопросъ, ломятъ всѣ препятствія, пренебрегаютъ ранами, словомъ имѣютъ храбрость поступка и всѣхъ послѣдствій его, доросли до дѣйствительной жизни. Но, съ другой стороны, нельзя не видѣть, что слабость Боткина испугалась въ самомъ дѣлѣ страшнаго. Онъ содрогнулся отъ слова бракъ; истинная любовь не содрогнулась бы, но все же бракъ страшенъ. Контрактованіе себя, кабала, цѣпь.

Бракъ не есть истинный результатъ любви, а христіанскій результатъ ея, онъ обрушиваетъ страшную отвѣтственность воспитанія дѣтей, семейной жизни etc., etc. Мнѣ семейная жизнь легка съ этой стороны — но это случайность и именно потому я имѣю голосъ. Между свободнымъ счастіемъ человѣка и его осуществленіемъ всегда путы и препятствія прежняго религіознаго воззрѣнія. Въ будущую эпоху нѣтъ брака, жена освободится отъ рабства, да и что за слово жена? Женщина до того унижена, что какъ животное называется именемъ хозяина. Свободное отношеніе половъ, публичное

воспитаніе и организація собственности. Нравственность, совѣсть а не полиція, общественное мнѣніе опредѣлятъ подробности сношеній.

Глубоко грустные стоны издаются и теперь еще по временамъ изъ болѣзненной души Наташи. Ей судьба привила духъ страданій, исторія Боткина опять потрясла ее и растравила старое; причина все одна: мы не можемъ свободно и широко взглянуть на отношенія людей между собою, христіанскіе призраки мѣшаютъ. Они были необходимы въ свое время — теперь ихъ не нужно. Христіанскій бракъ былъ нуженъ для того, чтобъ пріучить людей въ женѣ уважать женщину; ревнивая любовь среднихъ вѣковъ, идеализація дѣвицы окружили женщину свѣтлымъ кругомъ и онъ останется и будетъ тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ далѣе разовьется нравственность.

Христіанское общество, какъ всякое одностороннее, имѣетъ всегда въ себѣ самомъ обратную сторону. Неразрывный бракъ съ одной стороны и съ другой публичные дома, гдѣ женщина брошена въ грязный развратъ, поставлена ниже животнаго. Но какъ примирить, какъ устроить? Сенъ-Симонисты дали великій примѣръ смиренія, они ждали голоса женщинъ, чтобъ рѣшить вопросъ; но съ тѣхъ поръ, развѣ голосъ G. Sand не заявлялъ мнѣніе женщины?

Бѣлинскій не перемѣнился ни на волосъ, вѣчно въ экстремѣ; но глубоко вникающій и симпатичный съ одной стороны, рѣзкій до цинизма въ словахъ, но вѣрный въ смѣлости и не трусъ, конечно, въ консеквентности. Я люблю его рѣчь и недовольный видъ и даже ругательство.

ІЮЛЬ МѢСЯЦЪ

4.—Rèvo'ution d'Angleterre. Charles I. par Guizot. Для того, чтобы дойти до вселенскаго переворота конца XVIII столѣтія, надобно было испытать частные эмансипаціонные перевороты. Реформація торжественно заключается англійской революціей. Она далеко отъ всеобъемлющаго характера французской, она боится инціативы, старается каждому требованію придать историческую основу, она предоставляетъ только такія права, на которыя она имѣетъ историческіе антецеденты, она двигается впередъ, но спиною, безпрестанно смотря на прошедшее и боясь, особенно въ первую половину, сознаться, что идетъ по вовсе не разработанной землѣ и новой. Между тѣмъ, всѣ вопросы первой важности обсуживаются съ трибуны и въ брошюрахъ. Республиканское устройство пресвитеріальной церкви, разноголосица независимыхъ, нижній парламентъ въ глазахъ народа захватывающій власть — внѣдряютъ великія идеи о правѣ народа, о самодержавіи народа, массы воспитываются. Полковникъ Кромвель, вербуя себѣ солдатъ, говорилъ имъ: „знайте впередъ, я не хочу лицемѣрить, не говорю: беру васъ защищать короля и парламентъ; нѣтъ, еслибъ король стоялъ передо мною, я первый пустилъ бы ему пулю въ лобъ и пр.“ При началѣ революціи массы отступили бы съ ужасомъ отъ человѣка, который бы дерзнулъ произнести слова эти. Кромвель зналъ съ кѣмъ говоритъ, всѣ энергическіе изъ

слушателей шли подъ его знамя. Въ Англіи какъ тутъ такъ и до нашихъ дней, удивляетъ насъ, привыкнувшихъ къ военно-восточному деспотизму, глубокое, твердое, величаво спокойное сознаніе правъ своихъ и правъ благородства, достоинства человѣка вообще. Гизо приводитъ въ pièces justificatives примѣръ лорда при Елизаветѣ, говорившаго въ парламентѣ очень сильно противъ нее. Съ какою доблестью отвѣчаетъ онъ и съ какою доблестью члены верховнаго суда понимаютъ правоту его. Права свободно разумной личности признаны съ тою же непоколебимостью, съ какою у насъ напримѣръ они всѣ отвергнуты. Во время первой войны, король и парламентъ плѣннымъ ни съ той, ни съ другой стороны не дѣлали обидъ и общественное мнѣніе громко возстало, когда король для униженія плѣнниковъ велѣлъ имъ дефилировать передъ собою, а въ его глазахъ они были государственными преступниками. Вотъ этаго то воспитанія въ правомѣрное состояніе у насъ вовсе нѣтъ; даже мы не уважаемъ и ту законность, которая дается нашимъ сводомъ. Оттого сводъ безпрестанно нарушается внизу массой подлыхъ агентовъ и самимъ народомъ, для выгодъ котораго сдѣланъ законъ; съ другой стороны, высшей властью, которая не видитъ въ немъ закона, а распоряженіе, указы, состоящіе до новаго указа. Отсюда этотъ хаосъ неопредѣленныхъ правъ, гдѣ иной разъ власть старается объ развитіи элективнаго начала или коллегіальнаго управленія, а массы противодѣйствуютъ ему; а другой разъ малѣйшее поползновеніе пріобрѣсти гражданскія права со стороны лицъ, особенно же заявленіе своихъ правъ, сознаніе ихъ, принимаются за бунтъ и также властью наказываются кнутомъ и всѣмъ на свѣтѣ.

— Разтояніе наше съ Европой во всемъ неизмѣримо.

Въ Европѣ самодержавіе было болѣзнь однаго вѣка, отъ которой сама власть тотчасъ стремилась отречься (скрывая цѣль подъ личиною общественной пользы); у насъ въ заключеніе всей исторіи нашей, не имѣвшей никакаго знамени, въ XIX вѣкѣ, водрузили хоругвь, на которой просто и ясно говорятъ, что цѣль наша, слово эпохи—самодержавіе. Народъ только поддержка самодержавія. Представьте европейское государство: Сардинію, Неаполь, Австрію, гдѣ бы цинизмъ деспотизма дошелъ до того, чтобъ на знамени написать: „Абсолютизмъ—самовольство власти.“

6.—Обыкновенно возстаютъ противъ дѣлопроизводства процессовъ Людовика XVI и Карла I. Политическіе преступники во время переворота всегда судятся внѣ обыкновенныхъ формъ, цѣль этаго рода процессовъ вовсе не раскрытіе истины, виновности, а обвиненіе, побѣда принципа. Людовикъ XVI и Карлъ I положили головы для торжества идеи революціонной и для спасенія самой революціи; обстоятельства Англіи и Франціи сверхъ фанатизма привели къ трагической катастрофѣ. Не гораздо ли страннѣе и гнуснѣе видѣть, какъ въ монархіяхъ въ спокойное время, когда ничего не боятся, судятъ исключительными судами и инквизиторскими порядками не токмо политическихъ преступниковъ, но людей неосторожныхъ, авторовъ эпиграммы или остроты за чашей вина. Зачѣмъ всегда указывать на бурное время, когда въ штиль, безъ нужды, дѣлаютъ тоже. Да, жалостно прощаніе Карла I съ дѣтьми. А развѣ всѣ погибающіе въ Шпильбергѣ, Сибири, Бобруйскѣ, Динабургѣ, Петро-Павловской крѣпости бездѣтны? Да можетъ они и не прощались съ ними; да можетъ ихъ дѣти пошли по̀ міру. Люди до сихъ поръ

не могутъ повѣрить, что они не токмо передъ Богомъ, но и передъ людьми равны

— Перечитывалъ наши письма 1835—36 годовъ. Хороши всѣ эти и звуки, и пѣсни любви, какъ давно не слыханная національная пѣсня, а ужъ сколько прожито съ тѣхъ поръ! Эта восторженная любовь, полная юности и романтизма перешла въ иную форму, болѣе истинную и дѣйствительную, но не такъ радужно и ярко свѣтлую. Читая, навертывается улыбка, переносишься въ тѣ времена, завидуешь имъ и чувствуешь, что теперь совершеннолѣтіе. Эти шаги въ совершеннолѣтіе считаются потерями душами нѣжными. Трезвый взглядъ очень труденъ, также какъ консеквентность своимъ началамъ. И истинно тяжело тому, кого судьба наградила страшной логикой и когда у него нѣтъ недвижимаго имѣнія — куда онъ не пускаетъ мысль.

9. — Histoire de la Contre-Révolution en Angleterre par Ar. Carrel. XVI вѣкъ началъ, въ границахъ реформаціи, эмансипацію Европы отъ христіанства; нельзя было міру феодальному и католическому безъ боя уступить тѣмъ болѣе, что и сами реформаторы и всѣ секты противопапскія, кромѣ малыхъ исключеній, не отдѣлались отъ феодализма. Распутный Карлъ II и отвратительно ограниченный Яковъ II были органами этаго прошедшаго, ищущаго себѣ мѣсто въ мірѣ, явно отрекшемся отъ него. Разница притѣсненій и ужасовъ Якова съ нашимъ состояніемъ огромная; тамъ есть партія за него, у насъ только повиновеніе изъ невѣжества и выгоды. У насъ власть не имѣетъ партіи propre sic dictum. Абсолютизмъ въ Европѣ хотѣлъ обоготворить историческое начало монархической власти, у насъ императорство одной стороной въ противоположность съ исторіей, оно эмансипа-

ціонно по петровскому элементу и притѣснительно во имя силы, на которую опирается, во имя грубой, матеріальной силы. Яковъ II прямо боролся и съ нимъ боролись, тамъ были права на борьбу, ему богъ знаетъ какихъ трудовъ стоило сдѣлать судебную власть подлою, у насъ понятія нѣтъ о правѣ внѣ произвола. Тамъ насиліе, революція, абнормальность—у насъ обыкновенный порядокъ дѣлъ, оттого тамъ человѣкъ шелъ на плаху невинно, но могъ высказать это; у насъ молча, не то казнили бы его, у насъ не усомнились бы въ томъ, что онъ казненъ по праву. Карель замѣчаетъ, что республика была невозможна для Англіи при ея раздѣленіи на классы — безсомнѣнно. Оттого-то и во Франціи не провозглашаютъ республики. Государство раздѣленное должно имѣть центръ, связующій его—государь; иначе будетъ охлократія или régime de terreur. Самая власть Кромвеля опиралась на консервативные интересы однаго класса, такъ какъ власть Людовика Филиппа.

10.—Феодальный бытъ и управленіе развились органически изъ элементовъ народныхъ и историческихъ и развились во всей силѣ и красѣ съ чрезвычайной многосторонностію и послѣдовательностію. Въ немъ и имъ развиты католицизмъ и рыцарство, романтизмъ и общины. Но стремительно развивающійся духъ Европы, въ нѣсколько вѣковъ *изжилъ* романтично-феодальное содержаніе, остались формы да и тѣ должны были ждать видоизмѣненій — часъ христіано-германскаго міра наступалъ; онъ дѣлался тѣсенъ для вновь развивавшихся идей—революція за революціей начинаютъ съ XV столѣтія громить феодальное statu quo. Реформація начала освобожденіе отъ католицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ христіанства; считаютъ послѣ реформаціи одну полити-

ческую революцію, состоящую въ освобожденіи народовъ отъ власти, пріобрѣтеніе правъ и пр., но параллельно съ нею шла другая революція, ниспровергавшая съ другаго конца все феодальное устройство — развитіе центральной власти, абсолютизма; абсолютизмъ, для покрытія своей новизны, революціонности назвалъ себя историческимъ, повелъ свое начало отъ временъ до-историческихъ; но это чистая ложь. Абсолютизмъ центральной власти относительно феодальнаго устройства также революціоненъ, какъ либерализмъ и политическій характеръ деспотизма Людовика XIV не имѣетъ той религіозной связи съ народомъ, съ государствомъ, какъ власть королей въ средніе вѣка.

— Послѣ Вестфальскаго міра разработался новый элементъ, сдѣлавшійся преобладающимъ до французской революціи — это дипломатія и политика, основаніемъ ихъ эгоизмъ и плутовство, все дѣлалось какъ у игроковъ съ подтасованными картами; народный голосъ становился не нуженъ, самый голосъ чести, сильный въ средніе вѣка — умолкъ. Народы управлялись дворами. Тамъ гнѣздились торгаши народной крови и благосостоянія, дѣлили земли, присоединяли чужое, отчуждали свое полицейскими распоряженіями, поддерживая ихъ въ случаѣ нужды арміями. Постоянныя арміи (учрежденіе анти-феодальное) сдѣлались величайшей опорой централизаціи и всѣхъ увеличеній королевской власти. Но разъединенная съ народомъ власть эта становилась болѣе и болѣе оскорбительною и должна была, пройдя грязнымъ періодомъ публичной безнравственности и разврата, пасть если не вездѣ фактически, то вездѣ во мнѣніи. Миновало съ дипломатіей и дворами то величавое, виднѣвшееся на челѣ царей среднихъ вѣковъ, о чемъ Шекспиръ такъ прекрасно сказалъ: „и океанъ не

смоетъ слезъ съ чела моего," цари окруженные непреклонными, гордыми герцогами и вассалами, тогда они были необходимы и въ нихъ вѣровали и они вѣровали въ себя (какія бы индивидуальныя отступленія ни были). Рыцари стали дворовыми людьми, челядью королей. Обманъ и ложь считались не пороками для власти; а рядомъ, реформація подталкивала дѣтскія вѣрованія; уму, мысли дано было уваженіе. Французская революція является совершенно послѣдовательнымъ вторымъ отрицаніемъ феодализма. Центральная власть отреклась отъ народа и аристократовъ, оставя божественность короля въ пользу его. Французская революція была тѣмъ же дѣйствіемъ со стороны массъ, она доказала небожественность власти и замкнула приготовительную эру перехода въ новый міръ. Въ наше время, фактически, по старой памяти, многое стоитъ, но дряхлое, оглупѣвшее, какъ Талейранъ, въ послѣдніе годы, представитель этаго былаго. Плутовство въ дипломатіи осталось мерзкой привычкой—оно невозможно. Это изнашиваніе формъ нѣкогда прекрасныхъ, есть признакъ сильной жизни; это, говоря языкомъ философіи, та великая трансценденція der übergreifen len Subjectivität человѣчества, изъ которой состоитъ исторія. Народы, слабые внутренними началами, бѣдные жизнію и мыслію, какъ Китай, Персія,— вѣка живутъ подъ одной формой и имъ она довлѣетъ.

11.—XVIII вѣкъ начался въ мракѣ страшныхъ событій, которыми окончивался христіанскій міръ. Людовикъ XIV давилъ полстолѣтія почти всю Европу, онъ уже совершилъ отрицаніе былаго безсознательно и былъ просто деспотъ, тиранъ. Его назвали великимъ, потому что современники его, за исключеніемъ Вильгельма III, были малы и низки. Читая объ немъ, мѣришь наглазно,

сколько мы подвинулись; для Европы теперь все это невозможно, у насъ хотя возможно, но уже дико. Гоненіе гугенотовъ, уничтоженіе цѣлыхъ городовъ, обманы и пронырство въ сношеніяхъ съ союзниками—это величіе. Хороша и Германія того вѣка. Однѣ Англія и Голландія искупали тогда человѣчество и ими успокоивается взглядъ, останавливаясь на Вильгельмѣ III. Англія велика своимъ предвореніемъ въ политическомъ воспитаніи всѣхъ народовъ. Около Людовика составилась атмосфера подлости, все въ ней было подло: Боссюэтъ и Кольберъ, литература и церковь, войско и парламентъ, все были лакеи; едва кое гдѣ вырѣзывается, величественная въ своей простой красотѣ, фигура Фенелона. Вильгельмъ III былъ не тори и не вигъ, Наполеонъ еще болѣе былъ внѣ всѣхъ партій. Въ этомъ свидѣтельство ихъ превосходства надъ современниками; они глядѣли обширнѣе, они вышли изъ пробитыхъ полей на свѣжую дорогу. Сверхъ того, въ этомъ глубокій тактъ дѣйствительности. Партіи сердятся на такихъ людей, они кажутся измѣнниками съ обѣихъ сторонъ, чаще всего они бываютъ правѣе обѣихъ сторонъ, и именно потому не могутъ принять à cœur всѣ увлеченія которой нибудь. Есть другаго рода люди, которые потому не принадлежатъ къ партіи, что имъ это не серьезно, что они ниже всеобщихъ интересовъ напр. Талейранъ, или гнусно, алчны и подчиняютъ подлому разсчету интересы общіе, напр. Фушѐ. Но мы говоримъ объ истинныхъ дѣятеляхъ въ исторіи. Имѣть свою теорію, свои твердыя, однажды оконченныя стремленія и цѣли—также негодно въ политической дѣятельности какъ въ наукѣ. Кромвель говорилъ: „въ переворотѣ всѣхъ дальше уйдетъ тотъ, кто не знаетъ, куда идетъ.“ Онъ на себѣ доказалъ истину этихъ словъ. Само собою разумѣется, что есть

краеугольныя начала, общія тенденціи очень сознательныя и очень сознанныя, но лишь бы не было требованія осуществить ихъ по субъективному мнѣнію; надобно дать волю обстоятельствамъ и выразумѣвъ ихъ указаніе стать во главѣ ихъ, покоряясь имъ—покорить ихъ себѣ; это принесеніе на жертву мнѣнія, не говоря о прочемъ, совершенно законно уже потому, что я смотрю на предметъ съ извѣстной точки, а событіе, развивая его, развиваетъ вслѣдствіе всѣхъ сторонъ. Самый трогательный примѣръ вреда отъ настроеній—Лафайетъ. Это идеализмъ въ политикѣ. Человѣкъ жизни идетъ до конца, до послѣднихъ слѣдствій. Человѣкъ рефлекціи и теорій не идетъ дальше грани поставленной имъ самимъ и тутъ всегда, при благопріятнѣйшемъ стремленіи, при безусловной чистотѣ, при талантѣ, онъ тормозитъ ходъ происшествій, а такъ какъ гора крута, его расшибаетъ какъ Жиронду. Ни Робеспьеръ, ни Наполеонъ не могли имѣть предварительно опредѣленнаго плана дѣйствія; они были живые органы, отдавшіеся событіямъ, участникамъ и развивателямъ ихъ, и, на оборотъ, развивались ими. Наполеонъ разъ въ жизни былъ съ arrière pensée противоположной духу обстоятельствъ, онъ по собственнымъ словамъ его понялъ, что надобно надѣть республиканскую шапку, а вмѣсто ее онъ надѣлъ токъ съ перьями Карла Великаго. Ватерлоо было отвѣтомъ на эту ошибку. Но не легко уразумѣть, сродниться съ своимъ временемъ такъ, чтобъ понимать его, слѣдить за нимъ, забѣгать и не потерять ни своего, ни того, что видоизмѣняетъ его. Послѣ легко обсуживать ошибки, событія прошедшія, какъ трупъ разсѣченный ясно показываетъ гдѣ причина смерти; но когда они живы одному острому глазу доступно внутреннее строеніе, изъ за цвѣта и пара страстей и односторонности.

13. — Нѣтъ скорбнѣе и грустнѣе чувства какъ несчастно вѣрный взглядъ на вещи, снимающій съ нихъ наружный покровъ, удовлетворяющій другихъ въ томъ случаѣ, когда не токмо нѣтъ возможности дѣйствовать на вещи, но даже нѣтъ средства показать другимъ, что они заблуждаются. Это особое положеніе, невѣріе въ то, чему вѣрятъ другіе; неразрывная съ ними, горькая иронія и досада давятъ душу живую и раскрытую. Взглядъ этотъ отъ общаго переходитъ къ лицамъ и тутъ еще хуже; онъ безжалостно вскрываетъ ихъ, указываетъ неподложныя точки помѣшательства ихъ, къ которымъ они приросли и становится больно за современнаго человѣка. Какъ мало цѣлыхъ, трезвыхъ натуръ! Иной и трезвѣе другихъ разумомъ, эстетическимъ чувствомъ, да характера ни на грошъ. Не признакъ ли это несовершеннолѣтія?

Читалъ Von der estetischen Erziehung der Menschheit Шиллера. Великое и пророческое твореніе; оно, какъ Лессингово воспитаніе человѣчества, предупредило многимъ свое время. Шиллеру не отдавали въ послѣднее время достодолжнаго; письма эти писаны въ 1795 или около, тогда едва начиналъ писать Шеллингъ. Шиллеръ пошелъ съ точки зрѣнія Канта; какіе сочные, жизненно-прекрасные плоды — онъ далеко перешелъ взглядъ критической школы. Тутъ, какъ въ нѣкоторыхъ страницахъ Гёте, первые аккорды, поэтическіе и звучные, новой науки. (Фихте онъ изучалъ, ссылается на него.)

16. — Schlosser, Geschichte der XVIII Jahrhunderts. Великій XVIII вѣкъ начался съ такой же крайности, какъ кончился; но вовсе въ противоположномъ смыслѣ. Самодержавіе, достигнувшее политическаго развитія, взяло на себя показать немыслящимъ массамъ всю нечеловѣч-

ность свою, оно обезумѣло и въ какомъ то буйномъ опъяненіи, по горло въ крови, развратное и наглое, показало, что можно ждать отъ нелѣпаго переноса всѣхъ правъ на одно лицо, которому нѣтъ преградъ. Оно раззорило народы, не умѣя защитить ихъ, оно поглотило несмѣтныя богатства, не сдѣлавъ улучшеній, оно пировало плахой и цѣпями, останавливая голодный крикъ страждущей толпы. Толпа заслуживала такого воспитанія. Что можетъ лучше характеризовать этотъ періодъ, какъ война за испанское престолонаслѣдіе и потомъ за австрійское. Около десяти лѣтъ Европа облита кровью, государства раззорены, города уничтожены, арміи погублены — изъ чего? гдѣ интересы бойцовъ? изъ того, чтобъ втѣснить народу полубезумнаго меланхолика, чуждаго по правамъ и по происхожденію, въ короли, нисколько не заботясь, хочетъ ли его или нѣтъ народъ. Чтобъ увѣнчать тупость подобной войны, судьба сшутила, призвавъ его соперника — лице столь же ничтожное — смертью брата, на другой тронъ. Съ какою наглостью дѣлятъ и передѣливаютъ кровавые куски испанской монархіи; какое право, какой смыслъ? Идея законности наслѣдія одна, выдвигается впередъ, это неблагородный бой у гроба о достояніи покойника, милліоны людей составляютъ это достояніе, а съ ними обращаются какъ съ стадами. Вотъ къ чему пришелъ христіанскій міръ, вѣчно стремившійся къ недосягаемому идеалу, невозможному и мечтательному. А массы — массы смотрѣли, оцѣпенѣлыя отъ ужаса, и не могли въ себѣ побѣдить застарѣлую болѣзнь ума, привязывавшую ихъ къ династіямъ. Жалкая Германія выпила всю горечь позора и бѣдствій, ея династы валялись въ грязи, нанимаясь къ Лудвигу XIV или императору, опозоренные, они утопали въ развратѣ и пили по каплѣ кровь глупыхъ народовъ,

не умѣвшихъ даже негодовать. Династы занимались церемоніалами и дипломатіей, никогда не подумавши о томъ, что дѣлается у нихъ подъ ногами. Можетъ этотъ remue-ménage пригодился для будущаго, растолкалъ народы, занесъ зародыши человѣческихъ идей въ косные классы—живой организмъ европейскій все перетворилъ и переработалъ—но изъ этаго нельзя ни іотой уменьшить печать позора абсолютической эпохи. И не умѣли видѣть народы возлѣ стоявшую Англію, возлѣ стоявшую Голландію; слѣпота несовершеннолѣтія, дѣтскаго взгляда только излечивается временемъ. Сѣверная война не лучше. Собственно цѣль, интересъ былъ у Петра I, и Петръ I тутъ, какъ Фридрихъ II послѣ, не принадлежитъ къ стаѣ самодержцевъ начала XVIII вѣка. Во первыхъ, они революціонеры, во вторыхъ, геніальные люди; они шли своей дорогой, во многомъ впадали въ ошибки, но имѣли интересы великіе, результаты до которыхъ достигли, гигантскіе. Петръ съ наружностью и съ духомъ полуварвара, но геніальный и незыблемый въ великомъ намѣреніи пріобщить къ человѣческому развитію заключенную страну свою, очень страненъ въ дикой грубости своей, возлѣ изнѣженныхъ и утонченныхъ Августовъ и Сᵉ. Человѣкъ, отрекшійся отъ всего былаго страны своей, покраснѣвшій за нее и кровью водворявшій новый порядокъ, имѣетъ всегда что то революціонное, хотя и на тронѣ, и въ самомъ дѣлѣ въ немъ даже нѣтъ требованій на феодальное поклоненіе, на церемонность и проч. общую всѣмъ въ то время. Онъ схватилъ Европеизмъ въ Голландіи—лучшій источникъ того времени, онъ принадлежалъ новой Европѣ, внѣдрялъ ее какъ варваръ, но правительство втолкнулъ въ колею вовсе непохожую на Европейскихъ династовъ; хуже или лучше, навѣрное не такую. Матеріальный, поло-

жительный гнетъ, не опирающійся на прошедшее, революціонный и тираническій, опережающій страну для того, чтобъ не давать ей развиваться вольно, а изъ подъ кнута, европеизмъ въ наружности и совершенное отсутствіе человѣчности внутри—таковъ характеръ современный, идущій отъ Петра. Тѣмъ не менѣе, лице его велико въ этомъ вѣкѣ и мысль его велика, она еще не совсѣмъ исполнилась, но вѣроятно будетъ и ей осуществленіе. Петръ, какъ только почувствовалъ силу, замѣшался въ большую часть европейскихъ интригъ, принялъ участіе, подалъ голосъ, посылалъ войско, справедливо или нѣтъ, но Европа пріучилась къ имени Россіи, и Россія была втолкнута въ семью европейскихъ народовъ. Россія и Пруссія два свѣжіе элемента для развитія; Пруссія — королевство послѣ реформаціонное, ей въ основѣ не феодальная мысль, но нельзя не согласиться, что въ ея начальномъ развитіи ужасная прозаичность и ея геній —прозаикъ Фридрихъ II. Странно видѣть, какъ капральской палкой и мѣщанскимъ понятіемъ объ экономіи въ Пруссіи, кнутомъ и топоромъ въ Россіи вселяется гуманизмъ. Дурныя средства должны были отразиться въ результатахъ. Пруссія бездушна и zu nüchtern. Германія вообще, потративши всю силу на бой за религію, на тридцати-лѣтнюю войну, ниже всей Европы въ развитіи гуманности. Какъ согласить такую почву съ литературой, вскорѣ имѣвшей Лессинга, Гёте и Шиллера.

21. — Посѣщеніе Философова; оно мнѣ было дорого сверхъ личныхъ отношеній потому, что показываетъ жажду людей сообщаться, обновляться, передавать свое; сто верстъ скверной дороги и три дня, жертва, которую даромъ не дѣлаютъ, особенно люди, дѣлающіе это не отъ пустоты и скуки. Такія вещи иногда, если не ми-

рятъ, то укрощаютъ мою нелюбовь къ нашему обществу. Письмо отъ Огарева изъ bagni di Lucca—и хорошо. Главное въ немъ *не видать горизонта.* Ничего не можетъ быть страшнѣе, когда въ человѣкѣ виденъ горизонтъ—съ нимъ нѣтъ полной свободы, нѣтъ той безконечности симпатіи.

23.—Въ началѣ XVIII столѣтія твердо и мощно стоитъ міръ христіано-самодержавный, феодально-монархическій. Внизу, безсознательная толпа за все страдаетъ и платитъ, вверху власть, par la grâce de Dieu, поддерживаемая дворянствомъ и войскомъ. Она не боится, да и гдѣ ея состоятельные враги, неужели нѣсколько литераторовъ? А между тѣмъ, червь гробовой уже точитъ этотъ міръ; страшное дуновеніе Англіи два раза освобожденной и наконецъ вышедшей лучшими умами изъ религіозной односторонности, взяло скептицизмомъ и разсудочнымъ движеніемъ на Францію и вызывало людей далеко ушедшихъ впередъ съ легкой руки англійской пропаганды—Монтескье, Вольтеръ etc. etc. Какъ слабъ былъ этотъ твердый существующій порядокъ! Его сила и мощь были призрачны; такъ сгнившій пѣнь стоитъ будто силенъ и здоровъ, сгнивши и превратившись въ землю внутри. Замѣчательно, что антихристіанская пропаганда развилась вмѣстѣ съ рядомъ либеральныхъ идей въ Англіи и Франціи въ аристократіи, которой сила только и зависѣла отъ того же феодально-религіознаго воззрѣнія, которое подрывалось. И возможно ли было мечтать, что послѣ этихъ ударовъ христіанство и феодализмъ еще живы. Толпы тогда были изъяты изъ движенія, но Руссо далъ иное направленіе развитію.

27. — Судьбы Германіи жалки и пошлы въ XVIII вѣкѣ. Ея аристократы все таки мѣщане, cela n'est pas du comme il faut, нѣтъ граціи, нѣтъ благородства. И отвратительные кретины царствующіе, не занимаясь, раззоряя, уничтожая въ глупой роскоши свои народы, заставляютъ дивиться; откуда взялись цѣлыя поколѣнія дураковъ и мерзавцевъ на тронѣ и около и еще болѣе дивиться этой кошачьей живучести нѣмцевъ, которыхъ раззоряютъ, раззоряютъ и войной и всѣмъ на свѣтѣ, а они все съ голоду не мрутъ. Вотъ великіе результаты картофельной экономіи. Безнравственность въ Германіи доходила до высшаго предѣла, ни малѣйшей тѣни человѣческаго достоинства. Крѣпости набиты арестантами, гоненія за религію, гоненія за стихи, гоненія за дерзкое слово объ министрѣ, все это тихо, безъ шума и народъ ничего. Были и въ другихъ земляхъ ужасы въ половинѣ XVIII вѣка напр. Англійскій парламентъ страшно наказалъ Шотландское возстаніе, но тамъ это абнормальность, а тутъ все это въ порядкѣ вещей. Ученые и духовенство первые клевреты власти. Французы, сгнетенные деспотизмомъ Людовика XIV, гнушались нѣмецкой подлостью. Во Франціи чувствуется вліяніе новаго духа въ каждомъ литературномъ произведеніи; тамъ читаешь, улыбаясь, видя, какъ эти люди пляшутъ на шагъ отъ пропасти, по другую сторону которой Франція обновляется. Въ Германіи нѣтъ ни однаго луча свѣта, тамъ одинъ либералъ Фридрихъ II, самодержавецъ Пруссіи.

—И какъ подумаешь, что едва 75 лѣтъ прошло, какъ Европа спала въ униженіи, едва пробуждаемая благовѣстомъ водворителей новаго міра и взглянешь на современное ея состояніе, далекое отъ достиженія, но тѣмъ не менѣе развитое потребностію, невольно благо-

говѣйный трепетъ уваженія къ человѣчеству обнимаетъ душу. Велика французская революція; она первая возвѣстила міру, удивленнымъ народамъ и царямъ, что міръ новый родился и старому нѣтъ мѣста.

30.— Блестящая, острая и аристократическая оппозиція Вольтера и общества Гольбаховъ не видала всего результата своихъ началъ; они думали разрушать старое въ извѣстномъ кругу, смѣлые въ отрицаньи, въ построеніи своей системы матеріализма, они держались вдали отъ массъ. Появленіе Руссо должно было поразить ихъ. Руссо былъ монтаньяръ между ними жирондистами. Руссо имѣлъ иныя симпатіи и другое провидѣніе. Ихъ идеалъ была Англія, ее поставилъ цѣлью Монтескье, Руссо въ учрежденіяхъ Англіи видѣлъ также феодализмъ. Легкая и смѣлая въ словахъ, оппозиція приняла у Руссо характеръ плача и проклятія. Руссо мечталъ, хотя и превратно, о новомъ мірѣ; его поняли только въ революцію. Шлоссеръ говоритъ между прочимъ, что въ половинѣ XVIII вѣка добрые нѣмецкіе теологи еще толковали, подкрѣпляясь ужасной начитанностію о томъ, кто писалъ заповѣди Моисея, Богъ или Христосъ. Добрые нѣмцы!

31.— А въ 1770—80, Лессингъ и Базедовъ были въ полномъ цвѣтѣ, въ полной дѣятельности, и огромная потребность свѣта обличилась въ Германіи, и наставало время Шиллеровыхъ драмъ, поэмъ Гёте, Гердеръ уже писалъ.

—Противодѣйствіе галломаніи было безсомнѣнно полезно; но эпоха галломаніи была весьма необходима, чтобъ очеловѣчить нѣмцевъ.

Удивительное развитіе; гдѣ и какъ прозябали заро-

дыши, распустившіеся вдругъ, откуда столько силъ у Германіи, изнуренной войнами? Какъ просвѣщеніе коснулось массъ въ столь короткое время?

АВГУСТЪ МѢСЯЦЪ

8. — На дняхъ исполнилъ давнишнее желаніе, ѣздилъ въ Васильевское. Послѣдній разъ я былъ тамъ 1830 года. По дорогѣ туда услышалъ вѣсть о іюльской революціи — и такъ 13 лѣтъ. Васильевское тѣсно связано съ ребячествомъ и отрочествомъ; съ 1842 всякое лѣто или черезъ лѣто я проводилъ тамъ мѣсяцы. Въ Москвѣ ученье, товарищи, дѣтская суета; въ Васильевское я пріѣзжалъ будто бы для отдыха, для отчета и потому память объ этомъ мѣстѣ вплетена во всѣ воспоминанія. У меня пробѣжало какое то странное чувство, когда я увидѣлъ и узналъ давно знакомыя мѣста, мнѣ хотѣлось и смѣяться, и заплакать. И помимо всего прелестное мѣсто. Жаль, что оно продано. Я понимаю аристократическое чувство привязанности къ обладанію мѣстомъ. Разныя фазы жизни живо промелькнули: вотъ дерево, гдѣ я сиживалъ ребенкомъ, вотъ дорога, по которой юношей я хаживалъ къ сельской красавицѣ и тратилъ на легкую интригу огромную энергію, неоцѣненную разумѣется. Встрѣтилъ горбатую работницу священника, которая во время оно была уже лѣтъ семидесяти; одинъ мужикъ узналъ меня. Та же рѣка, гористые берега, обширные виды, мнѣ жаль было ѣхать, я только при этой рѣкѣ, при этихъ липовыхъ аллеяхъ могу ярко перенестись въ тѣ времена, когда вся жизнь лежала впереди и на душѣ все было пестро и зелено.

— Omnia idola constanti et solenni decreto sunt abneganda et renuntianda et Intelectus ab iis omnino liberandus est et expurgandus, ut non alius fere sit aditus ad regnum Hominis, quod fundatur in scientiis, quam ad regnum Coelorum, in quod nisi sub persona infantis intrare non datur.— *Baco ab Veritas.*

Метода Бекона *вовсе не* эмпирія въ томъ смыслѣ, въ которомъ поняли ее нѣкоторые изъ французскихъ и англійскихъ естествоиспытателей. Онъ за истину вѣденія и цѣль принималъ форму какъ всеобщее, какъ идею, но не абстрактную, а внутренно опредѣленную, онъ, возвышаясь къ всеобщности, искалъ единство.

16.—Былъ въ Москвѣ. Москва на меня наводитъ глубокое уныніе, я не могъ дождаться часа отъѣзда. Тоска отъ окружающаго и тоска отъ того, что былъ одинъ; я привыкъ, вжился въ мою маленькую семейную жизнь, мнѣ необходимы и слова Наташи и смѣхъ Саши. Потребность воротиться была мучительно сильна.

18.— Брошюра Фрауенштета о Шеллингѣ. Нѣтъ дѣла болѣе неблагодарнаго, какъ то, что дѣлаетъ Шеллингъ: подготовка и прилаживаніе филосовскаго мышленія къ данному неподвижному, прошедшему воззрѣнію. Это схоластика и съ тѣмъ вмѣстѣ ложь. Сколько поэтическаго дара и остроумія истощено на объясненіе миѳовъ и между тѣмъ объясненія эти оставляютъ какое то непріятное чувство; чувствуете, что все придумано послѣ. Положеніе Шеллинга понятно; понятно, какъ его платоническому духу болѣзненно видѣть негацію, одну негацію — но какъ понять, что онъ удовлетворился жалкими мистико-философскими, натянутыми и худо склеенными воззрѣніями. Онъ начинаетъ съ пантеизма

и приходитъ къ іудаизму, и этотъ іудаизмъ называетъ положительной философіей. По мѣрѣ того, какъ онъ развиваетъ свою положительную науку, становится тягостнѣе и неловче; чувствуешь, что его рѣшеніе не разрѣшаетъ, что все покрыто туманомъ, несвободно. Мало по малу онъ совершенно оставляетъ наукообразный путь и теряется въ самомъ эксцентрическомъ мистицизмѣ, объясняетъ сатану, чудеса, воскресеніе, сошествіе духа au pied de la lettre. Не вѣришь, что это писано въ XIX вѣкѣ, кажется это слова схоластика XIV вѣка, или теолога первыхъ лѣтъ реформаціи. Языкъ и воззрѣніе Бекона понятнѣе для насъ и современнѣе. Новое доказательство какъ германскій умъ всегда готовъ свихнуться въ область туманныхъ фантазій и тратить талантъ и геній на пустую работу, лишь бы внѣ практическихъ сферъ, лишь бы внѣ тѣхъ сферъ, въ которыя человѣкъ призванъ. А послѣ Канта могли бы идти путемъ трезвымъ. Впрочемъ Шеллингъ нанесъ ударъ страшный христіанству, его философія обличила наконецъ всю нелѣпость христіанской философіи, онъ своимъ именемъ, своей ссорой съ Гегелемъ, заставилъ обернуться на себя всю ученую Германію и подумать о своемъ бредѣ. Есть вещи, для которыхъ гласность, обличеніе, обслѣдованіе — смерть.

Шеллингъ сдѣлался вверхъ ногами поставленный Яковъ Бемъ. Тотъ, полный мистическаго созерцанія во всѣ стороны, восходилъ къ глубокому философскому воззрѣнію, Шеллингъ изъ глубокаго философскаго воззрѣнія опустился въ дѣтскій мистицизмъ. Бемъ, заключенный въ мистическую терминологію, живши въ началѣ XVII столѣтія, нашелъ твердость не останавливаться на буквѣ, имѣлъ мужество принимать страшныя консеквенціи для боязливой совѣсти того вѣка, онъ дѣй-

ствовалъ разумомъ и мистицизмъ окрилялъ его разумъ. У Шеллинга вездѣ видна покорность разума и устремленіе всѣхъ силъ подчиниться теизму и преданію—безъ истинно наивной вѣры. Простая вѣра не станетъ употреблять его Spitzfindigkeiten.

25. — Завтра утромъ ѣдемъ въ Москву. Меня душитъ тоска, ужъ не предчувствіе ли? Съ какимъ то отвращеніемъ ѣду я, мнѣ ужасно хотѣлось бы еще пожить въ Покровскомъ. Здѣсь тихо, вдали отъ людей, отъ сплетенъ, отъ гнусностей. Да и этотъ простой, добрый народъ я полюбилъ его и славный народъ—сколько надежды на эти умныя, развязныя, бойкія физіономіи.

СЕНТЯВРЬ МѢСЯЦЪ

9. — Съ 26 въ Москвѣ. Время суетъ, внѣшнихъ занятій, почти потерянное, если бы не было *занимательныхъ* эпизодовъ; наконецъ все успокоивается и я могу надѣяться на покой и мою обычную жизнь. Эпизодъ свадьбы страшенъ. И что за уродливое и вмѣстѣ высоко благородное, поражающее лице несчастнаго Е. И. Въ ту минуту когда вѣнчали, онъ убитый и оскорбленный читалъ молитвы объ нихъ. Онъ прислалъ образъ благословить ихъ. И откуда эта дѣвушка взяла столько коварной хитрости, чтобы обманывать всѣхъ—и уличенная, она не раскаялась, и пошла къ вѣнцу легко и свободно — осыпаемая горькими упреками. L'une vaut l'autre. Но мнѣ ихъ стало жаль, когда они стояли подъ вѣнцомъ

и священникъ клалъ страшные чары, изъ которыхъ имъ не выпутаться. А они думали кажется о постороннемъ, не зная что и зачѣмъ, а между тѣмъ, все придумали и устроили сами, во имя любви. То была обоюдная афера и оба ошиблись.

28. — Беконъ и Декартъ представляютъ генезисъ философіи какъ науки, безъ метода того и другаго она никогда не развилась бы въ наукообразной формѣ. Яковъ Бемъ болѣе глубокій и мощный силой, геніяльной интуиціей поднялся до величайшихъ истинъ, но это путь генія, путь индивидуальной мощи. Но генезисъ не есть еще сама философія. Ни признаніе факта Бекона не покорило ему вполнѣ природу, ни идеализмъ Декарта не покорилъ ему духа. Сѣмя брошенное Декартомъ возросло въ Спинозѣ. Спиноза истинный и всесторонній отецъ новой философіи. Ego, говоритъ онъ, non presumo, me optimum invenisse Philos. sed verum me intelligere scio. Это сознаніе почерпнуто изъ глубокаго созерцанія и оно истинно. Высота Спинозы поразительна. И какое полное жизни мышленіе. Онъ далъ основу, изъ которой могла развиться германская философія, одна сторона была имъ исчерпнута (духъ какъ субстанція) и онъ первый не взялъ ничего внѣшняго, не прибѣгнулъ къ религіознымъ или традиціознымъ средствамъ. Спиноза былъ врагъ формализма, не смотря на схоластическія формы, въ которыхъ излагаетъ свое ученіе, это недостатокъ вѣка. Напримѣръ, требованіе доказательствъ искуственныхъ не ясное, само по себѣ ему противно.

И не мудрено, онъ мышленіе почиталъ высшимъ актомъ любви, цѣлью духа, его жизнью. Не говоря о цѣломъ ученіи его, замѣчу, какія молніи генія безпрестанно прорываются у него напр. Homo liber de nulla re

minus quam de morte cogitat et ejus sapientia non mortis sed vitæ meditatio est.... Beatitudo non est virtutis premium, sed ipse virtus. Его взглядъ на временное sub specie eternitatis, всецѣлость разнообразія вѣчно живетъ въ его разумѣ, оставляетъ далеко за нимъ его предшественниковъ. Для него мышленіе было дѣломъ высоко религіознымъ и чисто нравственнымъ. А какъ его принялъ вѣкъ? и должно ли дивиться этому намъ—онъ умеръ въ 1677 году.

22. —Споръ о дуэли. Что значитъ отсутствіе всеобъемлющихъ, религіозныхъ убѣжденій: каждый человѣкъ по своему принимаетъ за путеводную нравственность остатки старыхъ убѣжденій, начатіе новыхъ и все это существуетъ въ хаотическомъ безпорядкѣ. Старый міръ имѣетъ сильные корни въ нашей душѣ и не смотря на то, что его характеръ во всемъ аристократиченъ, монашественъ, противуестественъ, бездна его самыхъ существенныхъ мнѣній перешла въ нашъ вѣкъ, развивающійся подъ знаменемъ демократіи, реальности и самозаконности разума.

Кто осмѣлится говорить противъ дуэли, противъ щепетильной дворянской чести и point d'honeur, а между тѣмъ нелѣпость дуэли очевидна. Человѣкъ смѣлѣе дотронулся рукою до Бога, до всего общаго, но до частнаго, личнаго не смѣетъ коснуться. Честь, честь — и никогда не дать себѣ отчета, что именно честно и что оскорбительно и какое удовлетвореніе какимъ образомъ исправляетъ. Дуэль есть смертная казнь, сопряженная съ опасностью палача, дуэль есть актъ дикой, кровавой мести, на которую не токмо отдѣльное лицо, но и общество не имѣетъ никакого права. Феодальные вѣка доказали всю случайность содержанія чести, но тогда

личность должна была требовать безконечнаго признанія, иначе не развилось бы понятіе о достоинствѣ человѣка. А теперь! . . .

25. — Новость о покушеніи въ Польшѣ и другая въ Journal des Débats объ арестованіи 3000 человѣкъ. Мученическая страна! опять слѣдственная коммиссія, опять каторга, Сибирь. Грустно, тяжело грустно — страшное время и ничего впереди. Конечно пройдутъ вѣка... стара пѣсня, разумѣется такъ, но видѣть около, возлѣ и всю жизнь быть только страдательнымъ зрителемъ. Какую грудь, какія плечи надобно имѣть!

30. — XVIII вѣкъ имѣлъ что то революціонное въ костяхъ и мясѣ. Во имя абсолютизма, такіе люди какъ Помбаль, Аранда, пріобщали цѣлыя страны къ новому порядку идей. Или Струэнзе въ Даніи. Когда наступаетъ время, духъ находитъ себѣ мѣсто въ самомъ вражескомъ станѣ. Теорія открытаго эгоизма и себякорыстія дали послѣдній ударъ христіано-феодальной нравственности. Отсутствіе нравственности—отличительный характеръ тогдашней политики. Фридрихъ и Екатерина равно не гнушались всѣми средствами.

Не говоря уже о раздѣленіи Польши, достаточно вспомнить все оскорбительное тиранство косвенныхъ налоговъ, перенятыхъ Фридрихомъ II у Франціи — но развитыхъ въ какой то грязно гнусной формѣ, до которой они никогда не достигали во Франціи. (Напримѣръ акцизъ на жженый кофе и пр.)

ОКТЯВРЬ МѢСЯЦЪ

6. — Schlosser приводитъ мѣсто, въ которомъ Рейнгольдъ, будучи юношей и ученикомъ іезуитовъ, писалъ къ отцу: «Ein so eifriger Christ, wie du, mein bester Papa, weiss beinahe so gut als ein Geistlicher, dass es heiligere Bruder giebt, als jene der sündhaften Natur, und dass ein Mensch, der dem Fleische abgestorben ist, eigentlich keinen andern Vater mehr haben könne, als den himmlischen, keine andere Mutter als seinen Orden, keine andere Verwandte als seine Brüder in Christ und kein anderes Vaterland, als den Himmel. Die Anhänglichkeit an Fleisch und Blut ist eine von den stärksten Ketten mit denen uns Satan fest an die Erde schmieden will. Писано 13 сентября 1773 г. Но за что же Шлоссеръ такъ негодуетъ на іезуитовъ при томъ и выставляетъ это мѣсто, какъ документъ превратнаго ученія. Да это просто логическая консеквенція христіанскаго ученія, начало этаго воззрѣнія въ самомъ Евангеліи. Да они, сверхъ того, не истинны только по супранатуральному устремленію духа къ jenseits, воззрѣніе это широко и глубоко человѣчественно. Безъ сомнѣнія естественныя связи ниже духовныхъ.

9. — 3 сентября въ Аѳинахъ и движеніе въ Италіи. И такъ, югъ Европы не спитъ. Въ Италіи будутъ казни, въ Греціи богъ знаетъ что. Правительство Людвига Филиппа противъ — оно не хочетъ понять своего призванія въ борьбѣ двухъ началъ и укрѣпляетъ Парижъ. Безъ крови не развяжутъ эти узлы. Отходящее начало

судорожно выдерживаетъ свое мѣсто и, лишенное всякихъ чувствъ, готово всѣми человѣческими средствами отстаивать себя. А намъ, славянамъ предстоитъ молчаніе или слово внѣ отечества, какъ сказалъ Мицкевичъ, начиная нынѣшній курсъ свой. Но и вездѣ, несовершенолѣтіе поразительное; въ Англіи напр., радикалы хотятъ требовать, чтобъ не платящіе земледѣльцы владѣльцу земли наемной суммы были судимы и наказывались на общихъ установленіяхъ о долгахъ. Это они догадались въ 1843 году.

24. — Вчера проводили Кетчера въ Петербургъ—ему болѣе нежели кому либо нужны друзья и симпатическій кругъ, онъ только въ немъ и живетъ; въ Петербургѣ у него нѣтъ ни друзей, ни близкихъ. Такая жизнь ему будетъ тяжела; но собственно для его развитія, петербургская жизнь для него важная фаза. Москва располагаетъ къ квіетическому и мечтательному взгляду, онъ въ Москвѣ начиналъ принимать свой pli и состарился бы въ немъ, тамъ взойдутъ новые элементы въ жизнь.

26. — Разговоръ съ П. В. Киреевскимъ. Ихъ воззрѣніе странно до поразительности, оно безъ сомнѣнія не изъято поэзіи, хотя односторонность очевидна. Религіозное воззрѣніе имѣетъ необходимо долю ложную, но ихъ воззрѣніе есть еще частно религіозное, именно греко-россійское христіанство: они отвергаютъ все западное христіанство; исторія какъ движеніе человѣчества къ освобожденію и себяпознанію, къ сознательному дѣянію для нихъ не существуетъ, ихъ взглядъ на исторію приближается къ взгляду скептицизма и матеріализма съ противоположной стороны. Вся жизнь человѣчества — болѣзненное, абнормальное явленіе. Въ этомъ есть сума-

шедшая консеквенція, принять грѣхопаденіе т. е. осуществленіе развитія, передъ ними должно ввести страшный безпорядокъ и перекувыркнуть смыслъ исторіи. Они принимаютъ за истинную церковь, за единую дверь къ благодати, остальное все нечестиво, сбилось съ дороги etc. И съ тѣмъ вмѣстѣ признаютъ, что и греческая церковь подавлена, никуда не годна у насъ. Что же остается? И для кого искупленіе рода человѣческаго? Неужели христіанство въ началѣ имѣвшее 12 апостоловъ, черезъ 1800 лѣтъ оканчивается двумя или тремя лицами, знающими какую то подъ спудомъ хранящуюся истину въ церкви, живущей по ихъ сознанію во лжи? Дѣятельность и стремительное движеніе европейское— они называютъ мелочной хлопотливостью и находятъ единымъ идеаломъ квіэтическое спокойствіе какой то созерцательной жизни на индійскій манеръ. Внутренній страхъ, что ихъ мысль не признана, дѣлаетъ ихъ фанатически нетерпимыми, въ нихъ, какъ во всѣхъ фанатикахъ недостаетъ любви. Они на западъ смотрятъ съ ненавистью. Это также пошло и нелѣпо какъ воображать, что все наше національное гнусно и отвратительно. Оттого что Руси общечеловѣческое начало начали прививать неестественно, насильственно, они ополчились противъ общечеловѣческой цивилизаціи Европы, считая ее однимъ блескомъ пустымъ и ложнымъ. Присутствуя при прививкѣ формъ, они проглядѣли, что долго на родной почвѣ въ этихъ формахъ обитала прекрасная сущность. Въ одномъ французскомъ водевилѣ кто то кричитъ: Ma voiture, ma voiture, 50 fr. pour ma voiture! Въ переложеніи на русскіе нравы того же водевиля, актеръ кричитъ: карету, карету или 50 палокъ! Виноватъ ли европеизмъ! Да, какъ тяжело отъ этаго искуственнаго періода. А за чѣмъ же мы представляли

нѣсколько вѣковъ стоячее болото. Да въ этой то стоячести вся прелесть созерцательной жизни. Противъ этаго говорить нечего, разные критеріумы — надобно идти врозь или замолчать..... Петръ Киреевскій выражаетъ собою, въ числѣ самыхъ отчаянныхъ славянофиловъ, ультраславяниста; разумѣется, что при всемъ уродливомъ взглядѣ, онъ человѣкъ талантливый, восторженный и благородный, онъ можетъ во многомъ долженъ будетъ уступить брату — но далеко оставляетъ за собой многихъ одномышленниковъ. Съ своей точки зрѣнія они очень консеквентны. А опору точки зрѣнія не подвергаютъ анализу, даже минуютъ ее высказать. Это вѣрованіе и какъ вѣрованіе, имѣетъ корень въ субъективномъ чувствѣ. Киреевскіе послѣдовательнѣе Аксакова и Самарина; тѣ хотятъ на основаніяхъ современной науки, построить зданіе славяно-византійское, они по Гегелю доходятъ до православія и по западной наукѣ до отверженія западной исторіи; они принимаютъ прогрессъ, смотрятъ нашими глазами на будущность человѣчества, оттого у нихъ потеряна необходимая консеквентность. П. В. обращенъ на одно прошедшее Руси, онъ смотритъ на будущее безъ вѣры, народъ какъ индивидуальность, какъ случайная личность, носитъ въ груди возможность гибели, но прожитое имъ его руно, которое онъ стремится возстановить для Руси.

Пробѣжалъ IV томъ Кюстина. Безъ сомнѣнія, эта самая занимательная и умная книга, писанная о Россіи иностранцемъ. Есть ошибки, много поверхностнаго—но есть истинный талантъ путешественника, наблюдателя, глубокій взглядъ, умѣющій ловить на лету, умѣющій по нѣсколькимъ обращикамъ догадаться о массѣ. Всего лучше онъ схватилъ искуственность, поражающую на всякомъ шагу и хвастовство тѣми элементами европей-

ской жизни, которые только и есть у насъ для показа. Есть выраженія поразительной вѣрности: un empire de façades.... la Russie est policée non civilisée.... и др., онъ глубоко подловилъ характеръ общества, описывая иронію и грусть его, подавленность и своеволіе, онъ оцѣнилъ національный характеръ—это большое достоинство. Онъ успѣлъ въ грубой, дикой и рабствомъ искаженной физіономіи, разглядѣть черты высокихъ свойствъ, прекрасныхъ надеждъ и намековъ. Горько улыбаешься, читая, какъ на француза дѣйствовала безпредѣльная власть и ничтожность личности передъ нею; какъ онъ пряталъ свои бумаги, боялся фельдъегеря и т. д. Онъ проѣзжій, чужой чуть не ускакалъ отъ удушья—у насъ грудь крѣпче организована. Мы привыкаемъ жить какъ поселяне возлѣ огнедышащаго кратера. Ложь, притворство, связанность рѣчи въ обществѣ также не могли не броситься въ глаза французу. Теплое начало его души и добросовѣстность сдѣлали особенно важной эту книгу, она вовсе невраждебна Россіи, напротивъ, онъ болѣе съ любовью изучалъ насъ и любя не могъ не бичевать многаго, что насъ бичуетъ. На Петра онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія славянофиловъ—судитъ слишкомъ рѣзко, во многомъ справедливо, но безъ глубокаго историческаго смысла; такія событія какъ Петровскій переворотъ должно брать шире и обще. Царствованіе Екатерины онъ назвалъ длинной комедіей, которой она обманывала Европу. Ловко и къ мѣсту припомнилъ онъ слово Александра Mme de Staël: je ne suis qu'un heureux accident pour la Russie.

— Арестъ и беззаконное взятіе француза Pernet сильно подѣйствовали на Кюстина, они наполнили его знакомымъ чувствомъ негодованія; но онъ не по русски, не затаилъ въ душѣ и слово и слезу, онъ далъ

волю своей рѣчи и къ концу онъ одушевляется и сильной рѣчью отбрасываетъ всю отвѣтственность народныхъ бѣдствій страны, населенной прекраснымъ племенемъ, правительству. Слова его язвятъ и попадаютъ мѣтко, онъ называетъ правительство le mensonge couronné. Полный грусти летитъ онъ за границу и въ Тильзитѣ грудь его вздохнула свободно, гора свалилась съ плечъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ arrière-pensée враждебной европейскому либерализму, а уѣхалъ примирившись. Онъ совѣтуетъ недовольнаго француза прислать посмотрѣть Россію для излѣченія. Тягостно вліяніе этой книги на русскаго, голова склоняется на грудь и руки опускаются; и тягостно отъ того, что чувствуешь страшную правду и досадно, что чужой дотронулся до больнаго мѣста и миришься съ нимъ за многое и болѣе всего за любовь къ народу.

29.—Вчера Fenella, которую видѣлъ и прежде, увлекла меня сильнѣе обыкновеннаго. Голандъ очень хорошій актеръ, не имѣя голоса, онъ игрой выкупаетъ многое. Бельгійцы съ представленія Фенеллы пошли на площадь. Парижане бѣсновались и съ колѣнопреклоненіемъ заставляли пѣть Марсельезу.

— Что ни говори записные музыканты, а libretto, а сама драма развиваемая въ оперѣ очень важное дѣло; тогда музыка дѣйствуетъ не отвлеченно, а захватываетъ вмѣстѣ съ драмой всего человѣка и дѣйствіе ее не ослаблено, а увеличено. Libretto Жидовки, Вильгельма Телля, Фенеллы — наши, современные. Есть мѣста въ Вильгельмѣ Теллѣ, при которыхъ кровь кипитъ, слезы на рѣсницахъ и между тѣмъ музыкой все это обнимается какою то примиряющей средой.

НОЯВРЬ МѢСЯЦЪ

3. — Письмо изъ Ганау, и еще нѣсколько писемъ теплыхъ, симпатичныхъ, воскресающихъ много хорошаго изъ былаго. Я всегда и вездѣ встрѣчалъ людей, готовыхъ любить.

4. — Die Kommunisten in der Schweiz. Wortlicher Abdruck des Kommissionalberichtes an die Regierung von Zürich. Первое что удивило въ этой книгѣ, это фамилія Бакунина, названнаго не токмо въ числѣ комунистовъ, но упомянутый какъ одинъ изъ « venin ». Они были захвачены, слѣдовательно и онъ. Странная судьба этаго человѣка. Пока онъ былъ въ Россіи, этаго конца предсказать было нельзя. Jules Elysard указалъ великую перемѣну — его консеквентность не могла остановиться. Что съ нимъ будетъ? Комунистское движеніе въ Швейцаріи имѣло представителемъ своимъ Вейтлинга, прежде портнаго, потомъ энергическаго писателя и пропагандиста. Мѣста изъ его писаній, приведенныя коммиссіей, краснорѣчивы и сильны. Распространеніе комунизма шло очень быстро между работниками швейцарскими и германскими. Начала ихъ извѣстны: Eine vollkommene Geselschaft hat keine Regierung, sondern eine Verwaltung — организація работъ, равенство in facto, война собственности etc., etc. Много одушевленія; слова Вейтлинга иногда поднимаются до апостольской проповѣди, прекрасно опредѣляютъ они свое отношеніе къ либераламъ.

Есть нелѣпости (напримѣръ теорія воровства), но есть за то рѣзкая истина.

Болтовня де-Санглена имѣетъ свой интересъ какъ живая хроника за 50 послѣднихъ лѣтъ. Поверхностный и малообъемлющій умъ, но большая живость, своего рода острота и бездна фактовъ интересныхъ. Нѣкоторыя подробности о смерти Павла, множество анекдотовъ объ александровскихъ временахъ, которые онъ имѣлъ случай хорошо знать en qualité начальника тайной полиціи, о Барклаѣ (онъ былъ генералъ-полицмейстеромъ первой арміи 1802). Конечно незавидное время была тогда, но какая разница. Что то гуманное, кроткое, хранившее благопристойность было въ правительствѣ. Нынче маска не считается нужной. Нѣтъ любви, нѣтъ связи съ народомъ. Безпощадность и деспотизмъ сдѣлался привычкой послѣдняго изъ полицейскихъ служителей равно какъ характеръ всего управленія.

— Недавно сѣкли инженерныхъ юнкеровъ, и потомъ на 6 лѣтъ въ солдаты за какую то дѣтскую шалость. Боже мой!

10. — Кетчерово письмо, проникнутое любовью и нѣжностью. Какъ въ немъ странно спаялись его демократическая угловатость, грубость внѣшняя съ дѣтской нѣжностью и свѣжестью души. Онъ долго въ Петербургѣ не проживетъ.

Длинный и презанимательный разговоръ съ Самаринымъ. Онъ согласенъ, что ясно не можетъ развить логически свою мысль о имманентномъ сосуществованіи религіи съ наукой, что das Aufheben наукой оставляетъ церковь во всей ея дѣйствительности. Онъ согласенъ, что расторжимость человѣка, который мышленіемъ разрушаетъ то, что принимаетъ фантазіей и сердцемъ, съ

другой стороны, усыпляя мышленіе, снова даетъ мѣсто представленію, непримирима. Но они требуютъ это, хотятъ, etc.

— Требованіе это вмѣстѣ съ Славянизмомъ дѣлается религіей. Они говорятъ, что плодъ европейской жизни созрѣетъ въ славянскомъ мірѣ, что Европа, достигнувъ науки, негаціи существующаго, наконецъ провидѣнія будущаго въ вопросахъ соціализма и комунизма, совершила свое, и что славянскій міръ почва симпатическаго, органическаго развитія будущаго. Это мысль не токмо ихъ, но и западныхъ славянъ, напримѣръ Мицкевича; но у нашихъ важное различіе. У нихъ славянизмъ нераздѣленъ съ греческой религіей. Церковь одна — это наша церковь; они ждутъ, что католицизмъ и протестантизмъ равно признаетъ истинность ея и это самая отчаянная гипотеза изъ всѣхъ. Такое созерцаніе будущаго безъ сомнѣнія религія, и можетъ дойти до фанатизма.

Читалъ V томъ Кюстина. Книга эта дѣйствуетъ на меня какъ пытка, какъ камень привалленный къ груди, я не смотрю на его промахи, основа воззрѣнія вѣрна; и это страшное общество, и эта страна Россія. Его взглядъ оскорбительно много видитъ. Какъ вѣрно сказалъ онъ: la pensée inutile s'envenime dan l'âme qu'elle empoisonne faute d'autre emploi. Славянофилы, вѣря въ мечтаемую будущность, хотя и понимаютъ настоящее, но радуясь будущему, мирятся съ нимъ. Ихъ счастье!

16. — Замѣчательно, что Византійская архитектура, иконопись, церковная музыка и ваяніе, не имѣютъ въ смыслѣ художественномъ высокаго развитія. Съ одной стороны это подтверждаетъ мысль славянофиловъ, что восточная церковь *чище* и вѣрнѣе христіанству, съ

другой, свидѣтельствуетъ объ несовмѣстимости христіанства со всякой живой сферой—такъ и съ искусствомъ. Католическая церковь, имѣвшая сама въ себѣ негацію и слѣдовательно развитіе, не могла не найти стиля и высокаго развитія. Живопись была эмансипаціей изъ подъ власти исключительности религіозной. И въ этомъ великое достоинство католицизма, не понимаемое православными. Они не понимаютъ, что абстрактное, невыходящее въ жизнь существованіе церкви, потому именно и *чисто*, (употребляя ихъ выраженіе), что оно отдѣлено отъ жизни; да въ этомъ собственно опредѣленъ недостатокъ а не достоинство. Вѣрность буквальная христіанству, должна была привести къ квіэтико-созерцательному покою и къ мертвой церкви съ пассивнымъ характеромъ. Католицизмъ естъ само христіанство развивающееся; оно есть дѣйствительно христіанство, а востокъ eine schlechte Möglichkeit, ein incommensurables Problem. Восточная церковь, скажутъ теперь, когда католицизмъ изжилъ свои формы, явится какъ высшая религіозная форма и съ ней сочетаются идеи соціализма и комунизма. Да на чемъ же это основано? Во первыхъ, человѣчество не можетъ опредѣлиться въ религіозномъ отношеніи Византизмомъ, потому что Византизмъ не можетъ удовлетворить развитію самомышленія, возникшаго на развалинахъ католицизма; добросовѣстно никто не можетъ сказать, чтобы была адекватность между ученіемъ восточной церкви и требованіями духа времени. Мудрено ли послѣ этаго, что вся ея жизнь выражаетъ недѣйствительность ея. Она не признаетъ государства, а государство тѣснитъ ее, она ограничивается жизнью монастырской, постомъ и молитвой, а жизнь развивается возлѣ, внѣ ея вліянія, она считаетъ искусство чуждымъ себѣ, науку—игнорируетъ, все вре-

менное—давитъ. И всю жизнь была давима всѣмъ временнымъ и попираема.

24. — Вчера Грановскій началъ свои публичныя лекціи. Превосходно. Какой благородный, прекрасный языкъ, потому именно, что выражаетъ благородныя и прекрасныя мысли. Я очень доволенъ. Его лекціи въ самомъ дѣлѣ событіе, какъ говоритъ Чаадаевъ; слыханное ли дѣло, чтобъ на лекціи, безъ опытовъ физики или химіи сошлось множество людей, изъ которыхъ 50 заплатили за входъ по 50 рублей. И какъ современны они, какой камень въ голову узкимъ націоналистамъ. Писалъ сегодня статейку объ нихъ для *Москов. Вѣдом.* повезу ее завтра къ графу Строгонову — кажется не дурно. Множество дамъ; разумѣется онѣ не слушать ѣздятъ, а казать себя,—но все это хорошо и впрочемъ въ самомъ дѣлѣ есть желаніе интересовъ всеобщихъ.

А между тѣмъ дома опять тучи. Удивительная вещь, только что все успокоится, только покажется, что пришло время гармоніи, новый ударъ въ самую грудь напомнитъ всю наготу и ломкость. Саша очень боленъ. Страшные опыты меня сдѣлали почти трусомъ, и теперь именно, когда Наташа такъ ищетъ покой. Я вѣрю, почти убѣжденъ, что безъ чего нибудь новаго, болѣзнь его минуетъ благополучно; но у меня, т. е. у мущины, и притомъ вовсе не нервнаго, сердце надрывается видѣть страданія ребенка. А она..... страшно! Для меня есть минуты еще больше горькія, нежели самые болѣзненные припадки коклюша, это когда въ промежуткѣ сильныхъ припадковъ онъ начинаетъ играть и говорить вздоръ; такъ видна тутъ слабость, какое то невыразимо тяжкое состояніе вызываетъ болѣзненный видъ

ребенка, безпечно играющаго, не зная, что съ нимъ дѣлается и какія страданія его ждутъ черезъ минуту.

Что тутъ придумаетъ человѣчество? Чѣмъ укрѣпитъ оно себя отъ страшныхъ ударовъ случайности — тутъ страховыя общества не помогутъ; on a beau dire о мірѣ всеобщемъ, разумѣется человѣку, имѣющему широкіе интересы нѣсколько легче нежели сосредоточенному на одномъ личномъ и семейномъ, но легче не значитъ легко. Легко однимъ эгоистамъ, тѣ истинные цари жизни.

26. — Вчера возилъ графу Строгонову первую статью о лекціяхъ Грановскаго. Онъ согласился, чтобъ она была напечатана въ *Московск. Вѣд.*, но чтобъ имя Гегеля не было произнесено. Откуда эта гегелофобія? Потомъ длинный разговоръ объ *Отеч. Зап.*, Бѣлинскомъ, Боткинѣ, etc., онъ знаетъ множество подробностей. Странно какое вниманіе обращено на меня и на всѣхъ. Предостереженія, совѣты. Въ графѣ Строгоновѣ бездна рыцарски-благороднаго. Длинный, замѣчательный разговоръ.

28. — Вчерашняя лекція Грановскаго была превосходна. Какое благородство языка, смѣлое, открытое изложеніе. Были минуты въ которыхъ его рѣчь подымалась до вдохновенія. Рѣчь шла о философіи исторіи; есть нѣкоторыя неясности, отъ которыхъ люди отдѣлываются словами, которымъ придаютъ какое то страшное по содержанію значеніе или себя увѣряютъ, что вопросъ уясненъ, а онъ только переведенъ на другой языкъ. Читая Гегеля и находясь весь еще подъ его самодержавной властью, я самъ въ многихъ случаяхъ разрѣшалъ логическими штуками или логической поэзіей не такъ то легко разрѣшимое. Съ такими вещами я

встрѣтился и у Грановскаго; онъ, не имѣя твердости сдѣлаться свирѣпымъ имманентомъ, (какъ выражается Хомяковъ) и удерживая своего рода идеализмъ, необходимо наталкивается на антиномію, которую приходится разрѣшать поэзіей, антропоморфизмомъ всеобщаго etc. Онъ прекрасно защитилъ философію въ обвиненіи, что она всегда за сильнаго, и объяснилъ намъ..... Словомъ, ничего подобнаго въ Москвѣ никогда не было читано всенародно. И публика была внимательна, даже увлечена. Статья моя объ его лекціяхъ напечатана вчера. Сюрпризъ удался вполнѣ, онъ и не подозрѣвалъ. Утромъ Коршъ ему прислалъ №; Грановскій былъ такъ тронутъ, что не могъ сразу все прочесть. Когда кончилась лекція, все порядочное въ аудиторіи съ восторгомъ изъявляло свою благодарность профессору. Это одинъ изъ лучшихъ дней въ жизни Грановскаго. И какъ счастлива, съ горящимъ лицомъ и со слезами на глазахъ сидѣла его жена. Публичныя чтенія удивительно заманчивы, кабы позволили. Статья сдѣлала эффектъ, всѣ довольны, славянофилы и яростные тоже довольны. Пора приниматься за вторую статью.

ДЕКАВРЬ МѢСЯЦЪ

1. — Вчера Грановскаго встрѣтили страшными рукоплесканіями, онъ не ждалъ и смѣшался. Долго не могъ прійти въ себя. Лекціи его дѣлаютъ фуроръ; мода ли скука ли, чтобъ ни вело большинство въ аудиторію, польза очевидна, эти люди пріучаются слушать. Публич-

ныя чтенія пойдутъ въ ходъ, sui generis публичность. Можно было бы радоваться и мечтать, еслибъ можно было забыть, что въ то же время розгами засѣкаютъ до полусмерти юношей. А такое воспоминаніе представляетъ такими жалкими, такими ничтожными, всѣ наши усилія, дѣла.....

6. — Аненковъ и письмо изъ Петербурга. Бѣлинскій женился — кажется въ мірѣ нѣтъ человѣка менѣе способнаго къ семейной жизни, не смотря на то, что въ груди его гигантская способность любви и даже самоотверженія. Кетчеръ предлагаетъ пріѣхать—удивительный человѣкъ, сколько высокой любви помѣщается въ немъ и притомъ любви дѣятельной, готовой на пожертвованія; меня глубоко трогаетъ его дружба. Не скверно ли, что мы все доброе и благородное считаемъ жертвой, какой то абнормальной натяжкой.

— Перечиталъ введеніе въ Гегелеву философію исторіи. Чѣмъ болѣе мы зрѣемъ, тѣмъ замѣтнѣе рѣшительный идеализмъ великаго замыкателя христіанства и Колумба для философіи и человѣчественность; что за странные два концентрическіе круга, которыми онъ опредѣляетъ духъ человѣчества: исторія—это поприще духа, одѣйствореніе его, его истина, его полное бытіе. Потомъ духъ самъ по себѣ, въ своей области,—эти круги то имѣютъ одинакій радіусъ и тогда одинъ кругъ, то радіусъ духа самаго по себѣ получаетъ какую то безконечную величину и тогда опять кругъ одинъ, а онъ въ обоихъ случаяхъ считаетъ два круга. Человѣчество знаетъ духъ такъ, какъ духъ себя знаетъ, во всемъ этомъ есть таутологическая бифуркація, затрудняющая смыслъ истины для того, чтобъ ее высказать глоссологіей вѣка.

11. — Неблагородство славянофилъ *Москвитянина* велико; они добровольные помощники жандармовъ. Они негодуютъ на Грановскаго за то, что онъ не читаетъ о Руси, (читая о среднихъ вѣкахъ въ Европѣ) не толкуетъ о православіи; негодуютъ, что онъ стоитъ со стороны западной науки, (когда восточной вовсе нѣтъ) и что будто бы мало говоритъ о христіанствѣ вообще. Все это было бы ихъ дѣло; но они кричатъ объ этомъ, такъ что и Филаретъ началъ толковать, хотятъ печатать въ *Москвитянинѣ*, что онъ читаетъ по Гегелю etc. Публика, дамы за него. Живое участіе къ его чтеніямъ ростетъ, все это придаетъ хоть нѣсколько жизненности обществу; а между тѣмъ, того и смотри закроютъ лекціи. Главный характеръ нашего періода у насъ это хаосъ, анархія, толку не найдешь ни въ чемъ. Въ *Отеч. Зап.* напечатана моя IV статья почти вся. Я со всякимъ днемъ нахожу вѣроятнымъ, что надъ всѣми нами опять разразится громъ, а между тѣмъ истинно никто ничего не дѣлаетъ такаго, чтобъ выходило изъ предѣловъ; полуслова, абстракціи. Что за жизнь!

17. — Вторую статью о лекціяхъ Грановскаго графъ Строгоновъ отказалъ помѣстить въ *Моск. Вѣдом.* — можетъ онъ правъ: боязнь крика, поповъ, доносовъ справедлива. Я долго былъ у него, разстались, кажется, довольные другъ другомъ; странный онъ человѣкъ, но я уважаю многое изъ его качествъ и безъ сомнѣнія, онъ очень важенъ для Московскаго университета a partant de là и для просвѣщенія всей Россіи. *Москвитянина* нѣтъ еще.

Доселѣ въ Петербургѣ говорятъ и говорятъ о страшномъ беззаконіи наказанія инженерныхъ юнкеровъ. Даже Петербургъ ужаснулся и смѣлъ показать негодованіе

на Клейнмихеля. Подробности этой исторіи поразительны: ни покрывала, ни стыда. Такими ударами они разбудятъ хоть кого. Ихъ друзья, кромѣ шпіоновъ и отъявленныхъ мерзавцевъ, не могутъ переварить этаго. Да не сказка ли это изъ 1743 года. Вѣрить ли что въ 1843 г. она была??

21. — Вчера Грановскій публично съ каѳедры оправдывался въ гнусныхъ обвиненіяхъ, расточаемыхъ Шевыревымъ и Погодинымъ и наконецъ напечатанныхъ въ *Москвитянинѣ*. Окончивъ чтеніе онъ сказалъ: „Я считаю необходимымъ оправдаться передъ вами въ нѣкоторыхъ обвиненіяхъ на мой курсъ. Обвиняютъ что я пристрастенъ къ Западу; я взялся читать часть его исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ пòтомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается почти даромъ, какое же право не любить его? Еслибъ я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее принесъ бы ту же любовь. Далѣе меня обвиняютъ въ пристрастіи къ какимъ то системамъ; лучше было бы сказать, что я имѣю мои ученыя убѣжденія; да, я ихъ имѣю и только во имя ихъ, я явился на этой каѳедрѣ, разсказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моею цѣлью. Проникнуть ихъ мыслію“..... и тутъ еще нѣсколько словъ, которыя я не разобралъ. Громъ рукоплесканій и неистовое bravo, bravo окончило его рѣчь; съ невыразимымъ чувствомъ одушевленія былъ сдѣланъ этотъ аплодиссментъ, проводившій Грановскаго до самыхъ дверей аудиторіи. На этотъ разъ публика была достойна профессора. И какая плюха доносчикамъ! Такія проявленія сколько они ни бѣдны, какъ они ни рѣдки—радуютъ. Глядя на гамъ и шумъ, у меня

сердце билось и кровь стучала въ голову, есть таки симпатіи. Можетъ послѣ этаго, власть наложитъ свою лапу, закроютъ курсъ — но дѣло сдѣлано, указанъ новый образъ дѣйствія университета на публику, указана возможность открыто, благородно защищаться передъ публикой въ обвиненіяхъ щекотливыхъ, и подтверждена возможность единодушной оцѣнки такаго подвига, возможность возбудить симпатію.

— Что за великое дѣло публичность. Именно какъ Proudhon говоритъ, что работникамъ платятъ каждому отдѣльно, а не цѣнятъ новую силу происходящую изъ совокупности ихъ. Да, множество людей представляетъ не ариѳметическую сумму силъ ихъ, а несравненно сильнѣйшую мощь, происходящую отъ поглощенія ихъ въ едино, каждый сильнѣе всею мощью всѣхъ.

Читаю IV томъ L. Blanc. Какъ подлъ и отвратителенъ Лудвигъ Филиппъ и его правительство въ исторіи съ герцогиней Беррійской. Вотъ что значитъ отсутствіе того голоса въ сердцѣ, который громко вопіетъ противъ всего нечистаго, сальнаго. Не говоря о томъ, что воспользоваться беременностью женщины, чтобъ опозорить ее—подло, особенно когда (по ихъ же понятіямъ) эта женщина свое пятно бросаетъ и на идею королевской власти и на свою семью, которая есть семья Лудвига Филиппа, но и это можно бы простить; страшны средства употребленныя для доказательства. Ей, женщинѣ послать сказать, чтобъ она встала и прошла по комнатѣ для того, чтобъ ея животъ былъ виденъ, подписка, допросы въ самое время родовъ, восемьнадцать свидѣтелей, пушечные выстрѣлы. Низко и грязно — къ тому же и несправедливо. Это только наше варварское понятіе о женщинѣ могло поставить въ важное обвиненіе женщинѣ, что она, будучи нѣсколько лѣтъ вдовою,

нашла себѣ друга, любовника, мужа. Вообще исторію этаго времени читать грустно, все такъ мелко, пошло..... разумѣется прорываются громадныя дѣянія и громадные характеры—но это исключеніе. Таковъ книгопродавецъ и типографъ Ботъ, въ первыхъ дняхъ іюльской революціи, отдѣльныя сцены въ исторіи Cloitre de St-Mery, Rodde, идущій продавать афишку, рыцарь-демократъ Ар. Карель, итальянецъ Бонаротти, старецъ карбонаризма, великая, святая личность и огненная натура Мацини, и..... и вся безполезность ихъ усилій. Это опять отбрасываетъ во всѣ ужасы скептицизма. На дняхъ пробѣжалъ я 1-й № *Европейца*. Статьи Ив. Киреевскаго удивительныя, онѣ предупредили современное направленіе въ самой Европѣ; какая здоровая, сильная голова, какой талантъ, слогъ..... и что вышло изъ него. Деспотизмъ его жалъ, жалъ и онъ сломился наконецъ. Сломился какъ благородная натура, онъ не измѣнилъ своему направленію, а бросился въ самый темный лѣсъ мистицизма — тамъ ищетъ спасенья. Бѣдныя жертвы и великія жертвы, приносимыя молоху!

24. — Пріѣзжалъ Бѣляевъ изъ Вятки. Удивительно до чего безуміе и опьяненіе власти доходитъ; въ Вятской губерніи въ Нолинскомъ уѣздѣ крестьяне за ослушаніе чиновникамъ палаты государственныхъ имуществъ, были усмиряемы губернаторомъ вооруженной рукой; они стояли въ толпѣ и не дѣлали никакихъ насилій, ждали объясненія, въ нихъ стрѣляли картечью и 60 человѣкъ убито. Они бросились на колѣни и ихъ передрали плетьми. Губернаторъ этотъ, знаменитый шпіонъ Мардвиновъ, управлявшій нѣсколько лѣтъ III отдѣленіемъ — были мѣрами толь отеческими недовольны — и его повысили въ директоры однаго изъ департаментовъ ми-

нистерства финансовъ. Вторая исторія въ 1842 году въ Казани, гдѣ, отнявши у мужиковъ картофель, велѣли его сѣять, потомъ освободили ихъ за деньги, потомъ опять велѣли сѣять. Выведенные изъ себя крестьяне взбунтовались и были усмиряемы пулями и тесаками— цѣлыя семьи бѣжали въ лѣса и мѣсяцы не смѣли возвратиться. Кто нибудь долженъ проснуться или правительство или народъ. О первомъ также трудно повѣрить какъ о другомъ, впрочемъ министръ Киселевъ проѣзжалъ по Космодемьянску, гдѣ была военно-судная коммиссія по этому дѣлу—и даже не озаботился спросить о немъ. И этотъ господинъ хочетъ быть Umwalzungsmann! Misère, misère! Разумѣется они могутъ быть стимулусомъ, тѣми толчками въ лицо спящаго, отъ котораго тотъ вскочитъ, но быть великими дѣятелями для этаго надобно любовь къ идеѣ, любовь къ народу.

На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ,
Онъ милъ — о томъ ни слова!

сказалъ Пушкинъ.

Съ 29 на 30, ночь..... Ни вѣры нѣтъ, ни надежды..... я себя какъ то ненавижу..... хотѣлось бы, чтобъ тутъ былъ Грановскій и вино хотѣлъ бы пить..... этаго не должно бы быть. Время тащится тихо, можетъ вопросъ нѣсколькихъ существованій рѣшается теперь. Тупая сила, глупая сила... Ну что же, смертный приговоръ или милость? — случай.

30. — Вечеръ. Въ часъ безъ 10 минутъ родился мальчикъ—доселѣ все счастливо, но я еще не смѣю, боюсь надѣяться. Страшные опыты проучили.

31. — Вечеръ. Полтора сутокъ прошло и rien d'alarmant, дитя малъ и не изъ крѣпкихъ; но доселѣ болѣзненнаго ничего не видать и грудь беретъ. Для Наташи неистощимое благо, если это дитя будетъ живо, это ее морально и физически успокоитъ.

Дружба, любовь окружаетъ насъ прекраснымъ вѣнкомъ, сколько симпатіи горячей, полной, благородной. Это наше великое благо въ жизни, награда и пр. Грановскій получивши записку не могъ ее читать отъ волненія и передалъ другому. Утромъ, когда еще ожидали —онъ молился. Я не могу этаго дѣлать. Въ рѣшительныхъ минутахъ, я наконецъ нахожу силу и стою будто на барьерѣ во время дуэли — жду, что пуля мимо или въ грудь..... Жду мрачно, собравши всю твердость. Середь ожиданія является рефлекція, и я иду и на гору и подъ гору съ дикой, свирѣпой послѣдовательностью, не отклоняя страшнаго, а всматриваясь въ него. Всякій по своему.

Черезъ часъ наступитъ и новый годъ. Въ прошломъ не было страшныхъ внѣшнихъ толчковъ, но страшныя внутреннія событія. Я съ содроганіемъ вспоминаю весну — да покроетъ могила 1843 многое слышанное и сказанное тогда! Но рубцы остались неизгладимы, но *выжитое* всѣмъ этимъ осталось.

1844

ЯНВАРЬ МѢСЯЦЪ

2. — Трое сутокъ прошло — и все идетъ хорошо. Я начинаю убѣждаться, хотя и съ робостью, со страхомъ, что на этотъ разъ не предвидится такой катастрофы какъ въ прошлый.

7. — Вчера Грановскій окрестилъ новорожденнаго — все было весело и торжественно, напомнило рожденіе Саши. Огаревъ считаетъ себя крестнымъ отцомъ Саши, Сатинъ и Кетчеръ крестили несчастныхъ малютокъ умершихъ и Грановскій вновь начинаетъ съ перелома. Сегодня девятый день и все исправно.

— Былъ на дняхъ у графа Строгонова, интриганты изъ профессоровъ сбиваютъ его видимо; онъ любитъ и желаетъ просвѣщенія, онъ любитъ Европу и все благородное, но боится рѣзко и рѣшительно объявить себя противъ дикихъ славянофиловъ, а они, пользуясь его шаткостью, пугаютъ, лгутъ, и получаютъ мѣсто въ его убѣжденіяхъ. „Я, говорилъ онъ, всѣми мѣрами буду противодѣйствовать гегелизму и нѣмецкой философіи. Она противорѣчитъ нашему богословію. На что намъ раздвоенность, два разные догмата, догматъ откровенія и догматъ науки? Я даже не приму того направленія,

которое афишируетъ примиреніе науки съ религіей: религія въ основѣ.“ На это я сказалъ ему, что очень хорошо не принимать людей, толкующихъ о соглашеніи и примиреніи, потому что они лжецы и трусы. Примиренія нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаютъ, и наука не имѣетъ нужды ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Взаключеніе графъ сказалъ, что если онъ не успѣетъ другимъ образомъ, то готовъ или оставить свое управленіе или закрыть нѣсколько каѳедръ, „вы вѣроятно съ другими назовете тогда меня варваромъ, вандаломъ.“ Я опустилъ глаза и промолчалъ. Разговоръ сталъ слабѣть и скоро кончился. Не жаль ли, что эта доблестно-рыцарская натура падаетъ подъ нерѣшительностью?

— И какъ будто есть двѣ науки въ самомъ дѣлѣ. Останавливать современную науку, значитъ убивать вообще развитіе науки и сводить преподаваніе на сухія, историческія, филологическія, естествознательныя, математическія свѣденія, не связанныя ни единою мыслью.

8. — Какъ шатко, страшно шатко все въ жизни кромѣ мысли, которая собственно уже и есть снятіе жизни индивидуальной, единственно полной. Какъ спокойны мы были, а сегодня опять страшный день, и едва теперь я нѣсколько сталъ спокойнѣе, а днемъ намучился и настрадался, особенно вечеромъ. Наташа сильно занемогла; вчера немного неосторожно понадѣялась она на свои силы и можетъ дорого еще заплатитъ за это, я боялся, что разовьется воспаленіе; но кажется еще нѣтъ, и не будетъ, сильные спазмы, боли нестерпимыя воспаленіе поставитъ на край гроба. Отъ этой мысли дѣлается какая то лихорадка. Теперь два часа, она спитъ, что то будетъ завтра. А мы послѣдніе дни были спустя рукава. Случай этотъ разразился такъ нежданно

колѣна мои подгибались. Хорошо что Елизавета Богдановна у насъ, она облегчила меня; безъ близкаго человѣка страшно въ такія минуты, убійственно. Къ тому же я такъ неловокъ, когда ухаживаю за больными. Да мимо идетъ чаша сія!

11. — И прошла. А душа какъ корабль: что ни побѣжденная буря, то ближе къ разрушенію. Матросы становятся лучше, а дерево хуже.

Странная вещь: въ Börsenhalle—новость объ опредѣленіи бывшаго дерптскаго профессора Мадай къ Нассаускому герцогу, по рекомендаціи Великой Княгини Елены Павловны. Мадай это тотъ благородный профессоръ, который, послѣ дикой и отвратительной исторіи съ Ульманомъ и Бунге, напечаталъ спустя нѣкоторое время статью въ Allgemeine Zeitung обо всемъ дѣлѣ, изложилъ всю закулисную исторію драмы, грубое и несправедливое окончаніе ея отрѣшеніемъ Ульмана и Бунге, за принятіе однимъ Ständchen, и за то, что другой сказалъ, что нѣтъ закона, препятствующаго студентамъ такимъ образомъ изъявлять свою симпатію. Статью эту Мадай подписалъ. Ясное дѣло, что послѣ этаго онъ долженъ былъ оставить Дерптъ; не знаю, какъ сошло ему съ рукъ такъ легко, у насъ не очень смотрятъ на права иностранцевъ. Мадай всю гадкую часть интригующаго приписываетъ Уварову. Or donc, въ Börsenhalle написано, что Мадай опредѣленъ герцогомъ по рекомендаціи великой княгини, засвидѣтельствовавшей что Мадай прекрасный человѣкъ и оставилъ службу по личнымъ отношеніямъ съ министромъ просвѣщенія. Кто въ состояніи что нибудь понять въ этой галиматьѣ нашего управленія? Въ другихъ государствахъ какъ бы скверно правительство ни было, какіе бы раздоры вну-

три совѣта ни были, наружно министры держутся за одно, идутъ подъ однимъ знаменемъ, съ одною мыслью, которая есть съ тѣмъ вмѣстѣ мысль правительства. Примѣры такіе какъ недавно съ Олазагой или нѣкогда съ Фоксомъ, когда дѣло шло объ Индійской компаніи, и гдѣ король подкапывалъ министерство черезъ перовъ, рѣдки и ненормальны. У насъ напротивъ министерство не связуется никакою мыслью, въ немъ нѣтъ даже формальнаго единства, даже благопристойности. Менщиковъ отпускаетъ злыя колкости надъ Канкринымъ, Клейнмихелемъ, etc., публично. Киселевъ идетъ своей дорогой, Перовскій—своей. Наконецъ члены императорской фамиліи не считаютъ нужнымъ стоять за одно съ своей прислугой. Разумѣется голосъ великой княгини въ этомъ дѣлѣ благородное дѣло, честь ей. Уваровъ пользовался прежде ея расположеніемъ. Можетъ слетитъ, лучше ли это, хуже ли, какъ сказать? Онъ человѣкъ дрянный, мелкій и точный, а пользы надѣлалъ бездну. Строгоновъ благороденъ, рыцарь и тоже очень полезенъ округу, а сдѣлаютъ министромъ, не знаю что будетъ, и трудно сказать впередъ это или назадъ. Вотъ истинно вавилонское столпотвореніе!

14. — Крикъ и гамъ объ лекціяхъ Грановскаго. Онъ имѣлъ разговоръ съ гр. Строгоновымъ и онъ боится, а сначала такимъ жаркимъ защитникомъ былъ. Мейендорфъ милый типъ важной глупости — боится ѣздить. Страхъ замѣтно развивается.

18. — Наступилъ годъ мрачными днями, страшными страданіями, которыми я думалъ искупить все, и можетъ въ самомъ дѣлѣ искупилъ какую нибудь долю. Вѣчно довѣрчивый я думалъ, что все темное забыто;

но достаточно было воскреснуть въ памяти по поводу числа, миновавшимъ образамъ и мыслямъ, чтобъ снова повергнуть ее во всю безумную грусть. Какая доля слабымъ нервамъ и какая память оскорбленія! И что ей дѣлать, если нѣтъ силъ и средствъ забыть, примириться истинно, простить безслѣдно. Всякій разъ подобное нежданно и разомъ выталкиваетъ меня изъ той сферы жизни, которая мнѣ свойственна, и я себѣ кажусь какъ то жалко гадокъ. Лишь бы не возвратились прошлогоднія сцены. Жизнь послѣдняго малютки, думалъ я, все уврачуетъ.

Самаринъ возвратился; онъ съ ужасомъ начинаетъ разглядывать невозможность удержаться на ихъ тонѣ ортодоксно-философскомъ. Благородное устройство его головы недозволяетъ ему остановиться на формальномъ, внѣшнемъ сосуществованіи или лучше на юкстапозиціи. Его поразилъ въ Казани Лама, увѣренный, спокойный въ своей ортодоксіи. Но онъ грустенъ, процессъ совершается круто и я знаю по себѣ, какъ тяжело разставаться съ нѣкоторыми мечтами, хотя я въ нихъ и не такъ вжился какъ онъ. Недавно Allgemeine Zeitung à propos de bottes цитировала удивительное мѣсто изъ Гёте объ Америкѣ (хотя оно и не вовсе къ ней идетъ).

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit.

Пора начать и человѣчеству забывать ненужное изъ былаго, то есть помнить о немъ какъ о быломъ, а не какъ о сущемъ.

Филаретъ поручилъ Голубинскому опровергнуть Гегеля; Голубинскій отвѣчалъ что ему не совладать съ

берлинскимъ великаномъ и что онъ не можетъ его безусловно отвергнуть. Филаретъ требовалъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ противъ тѣхъ сторонъ возсталъ, съ которыми не согласенъ. Но Голубинскій опять отвѣчалъ тѣмъ, что онъ такъ послѣдователенъ, что можно или все отвергать или все принять. И такъ, кротъ прокапываетъ и въ духовную академію. Строгоновъ совсѣмъ растерялся, ему хочется и свободу преподаванія и чтобъ оно не выходило изъ границъ имъ выдуманныхъ — онъ боится рѣзко принять ту или другую сторону и качается въ непріятномъ, ужасномъ положеніи. Имъ всѣмъ хотѣлось бы дать всѣ права науки на условіи, чтобъ она не пользовалась ни однимъ. Въ родѣ томъ, какъ Екатерина II сзывала депутатовъ или какъ испанскіе гранды снимали шляпу передъ королемъ, но онъ долженъ былъ всякій разъ остановить.

24. — Безпрерывные споры и разговоры съ славянами много способствовали съ прошлаго года, къ уясненію вопроса и добросовѣстность съ обѣихъ сторонъ сдѣлала большія уступки, образовавшія мнѣніе болѣе основательное нежели чистая мечтательность славянъ и гордое презрѣніе ультра-оксидентныхъ.

Gottes ist der Orient,
Gottes ist der Occident.

Главная ошибка ихъ, что вѣря (и не безъ основанія) въ огромное будущее славянъ, какъ того племени, которое имѣетъ призваніе своею непосредственностію соотвѣтствовать высшему, логическо-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотятъ и въ самомъ младенчествѣ его видѣть что то высшее европейскаго развитія, какъ будто возможность будущаго значитъ превосходство

йнадъ дѣствительностію развитою и осуществившей свое призваніе. Впрочемъ, я собираюсь объ этомъ писать цѣлую статью. Движеніе умственное, безпокойное, ищущее разрѣшеній, говорящее въ Москвѣ усиливается очевидно. Страшно думать что когда эту дѣятельность хорошенько разглядятъ, развѣятъ опять по лицу Россіи всѣхъ порядочныхъ людей.

25. — Терроръ. Какая то страшная туча собирается надъ головами людей, вышедшихъ изъ толпы. Страшно подумать; люди совершенно невинные, не имѣющіе ни практической прямой цѣли, не принадлежащіе ни къ какой ассоціаціи, могутъ быть уничтожены, раздавлены, казнены за какой то образъ мыслей, котораго они не знаютъ, который имѣть или не имѣть не состоитъ въ воли человѣка и который остановить они не могутъ.

Противники мысли объ экспатріаціи совѣтуютъ ѣхать по добру да по здорову. Строгоновъ испуганный преслѣдуетъ порядочныхъ профессоровъ требованіемъ иначе читать—они хотятъ бѣжать изъ Москвы, искать слушателей въ другихъ университетахъ. Что то будетъ? Ударъ не минуетъ моей головы, меня знаютъ они давно. Впрочемъ, я на все готовъ. А кажется въ самомъ дѣлѣ лучше бы ѣхать, только не тогда, когда другіе ждутъ цѣпей,—felonie!

ФЕВРАЛЬ МѢСЯЦЪ

Письмо отъ Кетчера. — Булгаринъ писалъ къ князю Волконскому, что со времени его попечительства въ литературѣ показывается вредная тенденція, что *Отеч. Зап.* подрываютъ православіе, самодержавіе и народ-

ность, что должно назначить коммиссію для разбора этаго журнала, что онъ туда явится присяжнымъ доносителемъ и грозитъ Волконскому буде онъ не сдѣлаетъ никакихъ распоряженій, довести все это до свѣденія государя, черезъ русскаго короля. Волконскій ничего не могъ сдѣлать противъ подлаго шпіона, цензуру стѣснили, тѣмъ пока и кончилось. И такъ, всего аристократическаго положенія, Волконскому недостаточно было, чтобъ подавить доносъ—это бросаетъ важный свѣтъ. Еще шагъ и *Отеч. Зап.* рухнули бы со всѣми участниками. Чѣмъ болѣе мерзости тѣмъ ближе къ концу, но въ данномъ случаѣ близкаго конца нигдѣ не видать. За ихъ покой, за ихъ жизнь въ будущемъ вѣкѣ, за ихъ праздность въ настоящемъ,—нѣтъ полной симпатіи къ славянамъ.

1 января въ Парижѣ, гдѣ теперь Гречь, были во всѣ дома, куда онъ ѣздилъ, разосланы визитныя карточки: N. de Gretch, mouchard de Sa Majesté russe. Говорятъ въ Presse статья русскаго; онъ пишетъ о положеніи нашемъ относительно шпіонства, что не токмо въ Россіи, но въ Парижѣ русскій въ тысячу разъ болѣе откровененъ съ французомъ нежели съ соотечественникомъ, потому что изъ 800 русскихъ множество шпіоновъ, сообщающихъ всякое слово и малѣйшая неосторожность, т. е. не рабская скрытность—можетъ навлечь страшныя и едва во бразимыя для чужихъ краевъ гоненія. И такъ мы являемся позорнѣе и позорнѣе передъ Европой, покровъ за покровомъ падаетъ и вмѣсто сильнаго народа является колѣнопреклоненная толпа и палачъ. А славянофилъ за надежды, за возможности смотритъ съ пренебреженіемъ на европейцевъ, съ гордостью. Дѣтское заблужденіе. Въ этомъ, какъ и во многомъ, останутся рѣзкія преграды между нами.

3. — Чего и чего не случается въ жизни; за минуту нельзя предвидѣть какая новая нелѣпость случайности хватитъ въ голову. Вчера мы преспокойно сидѣли, смѣялись, вдругъ Саша зацѣпился за ножку трюмо и объ противоположную разсѣкъ глубоко себѣ лобъ, кровь полилась рѣкою; что дѣлать, какія мѣры, какъ велико поврежденіе, цѣла ли кость? Къ тому же слабость Наташи, ея страшный испугъ. Положили компрессъ изъ холодной воды съ уксусомъ, явная недостаточность этихъ средствъ, страхъ употребить другія. Я послалъ за Альфонскимъ и за Варвинскимъ. Онъ ушибся во второмъ часу, Альфонскій пріѣхалъ въ три, склеилъ рану и кажется все сойдетъ съ рукъ. Но что же это за страшное бытіе наше, безпрестанно и съ физической и съ нравственной стороны ждешь ударовъ или не ждешь, но поражаешься ими.

6. — Читаю письма Форстера, знаменитаго Майнцкаго депутата при конвентѣ 93 года. Удивительная натура, всесторонняя гуманность, пламенное желаніе практической дѣятельности, энергія его рѣзко отличаютъ отъ германцевъ того времени. Какъ въ его юношескихъ письмахъ все понятно и близко душѣ. Первый высокій человѣкъ, съ которымъ онъ встрѣтился, былъ Якоби; до того молодой Форстеръ, чрезвычайно рано развитый, ѣздилъ вокругъ свѣта, потомъ жилъ въ Лондонѣ и между людьми, которые не могли сильно дѣйствовать на него. Истинно глубокой симпатіи не могло быть между Якоби и Форстеромъ,—но какъ юношески ринулся онъ къ нему, какъ любилъ его горячо, подчинялся ему, принималъ религіозныя фикціи; онъ по преимуществу реалистъ. Когда вспомню какъ, переламывая тяжелую скуку я заставлялъ себя читать переписку Гёте съ Шиллеромъ,

гдѣ иногда проблескиваютъ мысли геніальныя, затерянныя въ филистерскія и гелертерскія подробности съ поглощающимъ интересомъ этихъ писемъ, становится странно. Жизнь полная выше геніальной односторонности.

Форстеръ никакъ не могъ ужиться съ жалкой жизнію нѣмецкихъ ученыхъ, онъ истинную симпатію нашелъ въ одномъ Лихтенбергѣ. Они были прямые продолжатели Лессинга. Тяжело было имъ жить въ совершенно не сочувствующемъ обществѣ, но какая широкая, ученая дѣятельность, академическая и съ какимъ уваженіемъ эта дѣятельность признана самимъ правительствомъ. Наше страшное состояніе имъ не было извѣстно, въ Европѣ всегда уважались лица, у насъ именно лицо (какъ въ Азіи) и считается за ничтожность.

A propos. Кіевскій генералъ губернаторъ Бибиковъ донесъ на Рѣдкина *Юридическія Записки,* что въ нихъ была помѣщена статья о Литовскомъ статутѣ апологическая ему въ то время, какъ онъ замѣняется русскимъ законодательствомъ. Статья эта напечатана года два. Министръ, Бенкендорфъ тотчасъ начали переписку, запросы, вопросы и, еслибъ не хотѣлъ того Строгоновъ, дѣло кончилось бы хуже замѣчанія. Въ то же время и черезъ того же Бибикова, Маркевичъ сочинитель исторіи Малороссіи, съ нимъ 40 человѣкъ малороссовъ подали доносъ на Сенковскаго, что онъ оскорбительно отзывался о Малороссіи въ *Библіотекѣ для чтенія*, что онъ называлъ ихъ бѣглыми холопами польскими и для того, чтобъ доказать, что они не холопы и свободные люди, они подаютъ доносъ баринову управляющему нѣмцу — прося защитить народность. Истинно черезъ десять лѣтъ закроютъ III отдѣленіе собственной канцеляріи, потому что оно, а равно и шпіоны будутъ не нужны,

доносъ будетъ обыкновенное дѣло, знакъ преданности отечеству и государю—acte de dévouement. Не правъ ли К. Козловскій, говорившій Кюстину, что въ Россіи есть des dilettanti de bassesse. Въ прежнее время они скрывались, теперь, ободренные правительствомъ, они, поднявши голову и вытянувши уши, ходятъ между нами— и добрые щадятъ насъ еще, ибо въ ихъ рукахъ судьба насъ и нашихъ семействъ.

9. — Продолжаю читать Форстера. Удивительно полная, реальная, ясно и глубоко видящая натура. Его переписка начинается собственно съ 1778 года; вскорѣ знакомится онъ съ Якоби и подчиняется его вліянію, но долго онъ не могъ живую душу свою пеленать въ романтическую философію — и съ 1783 года настаетъ рѣшительная реакція и полное развитіе силъ и самосознанія и тутъ Форстеръ появляется лицемъ великимъ, достигающимъ колоссальности въ 1791, 92, 93 годахъ. Эпоха его переворота, отъ религіозныхъ мечтаній къ трезвому сознанію безконечно занимательна. Чѣмъ болѣе онъ отходитъ отъ мечтаній, тѣмъ ярче начинаетъ онъ понимать соціальное положеніе человѣка, тѣмъ глубже разумѣетъ жизнь и природу; ему нѣсколько тяжелъ сначала разлагающій скептицизмъ, но истина ему дороже всего и онъ тотчасъ мирится съ потерею, тотчасъ видитъ пользу и благо истины, хоть она не такъ пестра какъ ложь. Конечно по слову Пушкина:

Стократъ блаженъ кто преданъ вѣрѣ,
Кто хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ.

Но истинно благородная душа не можетъ довольствоваться благомъ, основанномъ на опъяненіи, купленномъ

цѣною свободы. Для суетной гордости, для поверхностнаго примиренія, разумѣется, религія выше науки, разума. Это Форстеръ прекрасно оцѣнилъ, она удовлетворяетъ страшно самолюбіе, сближая человѣка съ Богомъ такъ, что садится торжественно въ центръ управленія міромъ и видитъ все сокровенное въ природѣ, и видитъ все подъ ногами своими. Отдѣлываясь отъ религіозныхъ бредней, съ другой стороны всесторонне гуманная натура Форстера не скрываетъ ни великаго развивательнаго свойства этихъ мечтаній, ни глубоко человѣческаго смысла вообще. Глядя въ Вѣнѣ на толпу молельщиковъ, колѣнопреклоненныхъ на улицѣ передъ церковью, въ которой продаютъ индульгенціи, Форстеръ видитъ не одно слѣпое и глупое, напротивъ « der Mensch ist ein weichherziges Thier, Versöhnung und Frieden sucht er so gern und ist so froh wenn er sie erlangt zu haben glaubt ! » Отступая отъ искуственной экзальтаціи, обыкновенно сопутствующей аскетизмъ религіозный, Форстеръ начинаетъ тотчасъ давать мѣсто чувству и самой чувственности; слово наслажденіе уже не равнозначительно для него со словомъ порокъ, паденіе и пр. Напротивъ, логическая натура его указываетъ ему на другое, на признаніе страсти, на такой гармоническій бытъ, въ которомъ и страсть будетъ имѣть мѣсто, но уже не разрушительное. Онъ пишетъ къ Зёмерингу..... ich bin sinnlicher wie du, und bin es mehr als jemals, seitdem ich der Schwermerei auf immer Adieu gesagt habe, dass es Thorheit sei um der ungewisten Zukunftigen Willen das sichere Gegenwärtige zu verschärzen..... ich werde nicht wieder glauben; dass wär der Süssigkeit angenehmer Empfindungen empfänglich gemacht worden sind, blos um den Schmerz zu fühlen, sie aus selbst verfasst zu haben..... Empfinden war immer meine erste Wollust, Wissen nur die

Zweite, und wie viel Ueberwindung es mich gekostet hat in der Zeiten der traurigen Shwärmerei und Bigotterie mein Gefühl zu kreuzigen, ist mir selbst in der Erinnerung entsetzlich.

— Поразительнѣе всего у Форстера необыкновенный тактъ пониманія жизни и дѣйствительности; онъ принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ практическимъ натурамъ, которыя равно далеки отъ идеализма какъ отъ животности. Нѣжнѣйшія движенія души понятны ему, но всѣ онѣ отражаются въ ясномъ, свѣтломъ взглядѣ. Этотъ ясный взглядъ и симпатія ко всему человѣческому, энергическому раскрылъ ему тайну французской революціи среди ужасовъ 93 года, которыхъ онъ былъ очевидецъ.

12. — Лекціи Мицкевича au Collège de France 1840 — 1842. Мицкевичъ славянофилъ, въ родѣ Хомякова и Cᵉ со всею той разницей, которую ему даетъ то, что онъ полякъ, а не москаль, что онъ живетъ въ Европѣ, а не въ Москвѣ, что онъ толкуетъ не объ одной Руси—но о чехахъ, иллирійцахъ и пр., и пр. Нѣтъ никакого сомнѣнія, въ славянизмѣ есть истинная и прекрасная сторона, эта прекрасная сторона вѣрованія въ будущее, всего прекраснѣе у поляка, у поляковъ бѣжавшихъ отъ ужасовъ и казней и носящихъ съ собою свою родину. Но съ этимъ прекраснымъ характеромъ надежды, у славянъ всегда является какое то самодовольство, jactance, которое тѣмъ страннѣе, чѣмъ очевиднѣе ужасъ современнаго положенія. Славяне всегда рабы, вездѣ холопы — смирные, пассивные холопы. Демократическій элементъ, на который они опираются, утраченъ, крѣпостное состояніе достаточное доказательство. И когда цвѣло это общинное устройство? Въ періодъ величай-

шей неразвитости. Бедуины демократы, и патріархализмъ имѣетъ всегда своего рода семейно-общинное начало. Конечно славяне имѣли болѣе внѣшнихъ препятствій къ развитію, нежели романо-германскіе народы, одни физическія препятствія очень важны, (которыми никакъ не должно пренебрегать, какъ это дѣлаютъ идеалисты), климатъ большею частію сырой и холодный, перемѣнчивый и суровый, плоскость, недостатокъ водяныхъ сообщеній и ужасныя разстоянія. Тутъ, впрочемъ, и могла развиться *деревня,* но всякая централизація должна была встрѣтить большія препятствія, города не могли получить важнаго значенія, а деревни были впослѣдствіи подавлены. Демократическій элементъ не могъ выработаться, лучшее доказательство псевдо-аристократія, крѣпостное состояніе и страшно нелѣпый фактъ, что лишеніе правъ большей части населенія шло увеличиваясь отъ Бориса Годунова до нашего времени.

17. — Мицкевичъ говоритъ, что разгадка судебъ міра славянскаго лежитъ сокрытая въ будущемъ. Это говорятъ всѣ славянофилы, но они не имѣютъ геройства послѣдовательности, они все же хотятъ отыскать отгадки въ прошедшемъ. Прошедшее христіанство принадлежитъ Европѣ романо-германской, католицизму, феодализму и ихъ разложенію. Во всемъ этомъ славяне не участвовали. Разумѣется и Византія и Русь имѣли жизнь и жизнь болѣе близкую къ Европѣ нежели Китай etc; но для нихъ, ихъ исторія не была полнымъ осуществленіемъ всей скрытой въ нихъ мысли. Византія замирала въ чиновничьей, мертвой централизаціи, мудрствовала о догматахъ и развивала ихъ въ теологическія тонкости. Русь по какому то глубокому провидѣнію взяла, сложившись, гербомъ Византійскаго орла,

двуглаваго, врозь смотрящаго. Истинно полнаго слитія государства съ народомъ никогда не было, народъ спокойно, покорно, но безучастно прозябалъ въ своихъ деревняхъ, будто ожидая чего то. Великій смыслъ былой исторіи государства, это тихое гигантское развитіе его, не смотря на всѣ препятствія. Еще менѣе вѣрно воззрѣніе, что Польша представила своимъ былымъ самую развитую фазу славянскаго міра. Конечно, самую развитую, но не славянскую, это было совершенно ложное направленіе для славянскаго народа и тѣмъ хуже, что оно глубоко проникло въ высшіе классы. Мицкевичъ сравниваетъ поэмы и лѣтописи чеховъ, руссовъ, поляковъ и пр.; безучастіе и простота Нестора ему не понравились, а между тѣмъ Галлусъ сколокъ съ западныхъ лѣтописцевъ, духъ вѣющій въ немъ не чисто славянскій — какъ напр., въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* или какъ въ сербскихъ отрывкахъ имъ приведенныхъ. Сербы были всего менѣе подъ вліяніемъ Запада. Образецъ высшаго развитія славянской общины—черногорцы. Русское правительство сдѣлало въ 1834 опытъ развратить ихъ, надавало земли владыкѣ, посовѣтовало завести сенатъ — все это не удалось, у нихъ полнѣйшая демократія, патріархально-дикая, но энергическая и сильная. Европа болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе свое на этотъ нѣмой міръ, который называетъ себя словенами. Много, много удивительнаго въ этомъ мірѣ напр., у насъ при самомъ безжалостномъ, свирѣпомъ деспотизмѣ, при управленіи не національномъ, бездушномъ, инквизиторскомъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ видѣнъ шагъ впередъ. Оппозиціонность ростетъ, всѣ боятся и всѣ говорятъ, мы менѣе всѣхъ, потому что мы сознаемъ себя оппозиціей, а другіе безсознательно; по счастію они не умѣютъ слѣдить ни за литературой, ни

за чѣмъ—нѣтъ умно учрежденнаго шпіонства, оно болѣе подло и оскорбительно устроено нежели сообразно цѣли. Если бы теперь сколько нибудь не такъ звѣрски терзали всякую свободную мысль, доходящую до нихъ, мы вдругъ шагнули бы ужасно. Но я полагаю, что для настоящаго поколѣнія только и будутъ одни слезы и плаха, теперь всего боящееся правительство вмѣстѣ съ увеличеніемъ трусости, увеличитъ страшныя мѣры, примѣръ передъ глазами — Польша.

Запрещено въ Московскихъ газетахъ печатать отрывки изъ отчета полицмейстера о Петербургѣ — c'est significatif, они боятся гласности, говорящихъ фактовъ объ безобразіи этаго города, гдѣ все искуственно, гдѣ на четыре мущины падаетъ одна женщина, гдѣ число солдатъ страшно, гдѣ сотни умираютъ отъ венерической болѣзни и пр. И такъ они стыдятся его закулисной жизни. Вавилонъ, можетъ необходимый нѣкогда, полезный даже теперь, но у котораго нѣтъ никакой будущности.

21. — По поводу книги Штура Untergang der Natur Staaten, пришло опять въ голову о славянахъ и германцахъ или лучше европейцахъ. Азія не умѣла выйдти въ сознательно дѣятельную жизнь изъ непосредственной, оттого ея государства или дробились внѣшнею силой или замирали въ формализмѣ, въ стоячести внѣ-исторической жизни. Грецiя и Римъ уже имѣли потребность отрѣшиться отъ естественныхъ опредѣленій, но не могли вынести въ своей односторонности такаго отрѣшенія. Противоборствующій плебей былъ олицетвореніемъ отрицанія патриціатскаго, гречески-аристократическаго государства, тяготѣвшаго во имя преданія. Римъ и Грецiя пали сами отъ себя и въ этой борьбѣ

естественнаго, непосредственнаго порядка съ демократіей, религіи — съ философіей, развились и ихъ смертныя болѣзни и ихъ высокое человѣческое значеніе для всемірной исторіи. Германецъ съ перваго появленія является съ характеромъ несравненно болѣе освобожденнымъ отъ всего непосредственнаго, отъ почвы, отъ поколѣнія, даже отъ семьи; личность—вотъ идея, которую онъ вноситъ въ міръ, и исчерпавъ все необъятное содержаніе своей мысли, онъ будто оканчивая свое призваніе, какъ завѣщаніе будущему, оставляетъ Déclaration des droits de l'homme. Но имѣли ли мы право сказать, что грядущая эпоха, которая на знамени своемъ поставитъ не личность—а общину, не свободу—а братство, не абстрактное равенство — а органическое распредѣленіе труда, не принадлежитъ Европѣ? Въ этомъ весь вопросъ. Славяне ли, оплодотворяясь Европой, одѣйствоворятъ идеалъ ея и пріобщатъ къ своей жизни дряхлую Европу или она насъ пріобщитъ къ поюнѣвшей жизни своей. Славянофилы разрѣшаютъ этаго рода вопросы скоро, какъ будто дѣло давно рѣшеное. Есть указанія, но далеко нѣтъ полнаго рѣшенія. Въ германцахъ съ перваго шага ясна идея, которую они внесутъ въ міръ. Я недавно читалъ Тацита о германскомъ народѣ—они, говоритъ онъ, любятъ жить по одиночкѣ, разсѣяваться на большомъ пространствѣ, но любятъ хлѣбопашество и пр. Законъ ихъ предоставляетъ местью вступаться за обиды, связь ихъ между собой свободна, дружба къ герцогу, вѣрность, преданность свободная, высокое понятіе о чести, особаго рода уваженіе къ женщинѣ, къ цѣломудрію — все вмѣстѣ говоритъ и предсказываетъ монадную жизнь феодализма и развитіе личности. Католицизмъ является великою мощью освобожденія отъ національныхъ непосредственностей и единою связью раз-

ноплеменныхъ. Путь развитія славянскаго міра совсѣмъ не такъ ясенъ. Они говорятъ, что всякая односторонность ярче бросается въ глаза и легче удоболовима, но гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи славянъ всесторонность? она лежитъ только въ инстинктѣ и нигдѣ непроявляемой до нашего періода, который именно ими и отвергается. Они говорятъ, что судоржное движеніе замѣтнѣе органически нормальнаго развитія, но это фразы не имѣющія смысла, ибо органическое развитіе всемірной исторіи, совершившееся внѣ славянскаго міра, очевидно, также какъ каменная жизнь славянъ ограничившаяся до Петра гигантской кристализаціей. Славянскій міръ, котораго мощный и полнѣйшій представитель Русь, изъ чисто непосредственной жизни въ Кіевскій періодъ, переходитъ въ сознательно государственный періодъ съ перенесеніемъ столицы въ Москву; но силъ его хватило только на ростъ. Выросши Русь начинала входить, не смотря на юность, въ маразмъ и ее ждало или разложеніе или искупленіе извнѣ. Это искупленіе принесъ съ собою съ запада Петръ I и сунулъ его жесткой рукой бунтовщика, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и царемъ. Народъ собственно мало учавствовалъ въ исторіи, онъ пробуждался иногда, являлся съ энергіей какъ въ 1612, такъ и 1812., никогда не показывалъ ни малѣйшаго построяющаго, зиждущаго начала и удалялся пахать землю. Эта даль и безучастіе народа есть можетъ великое пророчество, но его прежде надобно признать какъ фактъ,—этаго славянофилы не хотятъ. Съ другой стороны, не надобно никакъ забывать, что какое бы двойство между народомъ и правительствомъ ни было, однако правительство принадлежитъ къ народу, а до Петра оно вмѣстѣ съ церковью было совершенно русское, между тѣмъ, чуждое

всякаго развитія и прогресса, оно дошло до того, что первый геніальный царь, попавшійся на престолъ, отбросилъ ржавые рычаги патріархально-помѣщичьяго управленія огромной страной и, желая привить ей Европеизмъ, началъ съ учрежденія страшнаго, высшаго деспотизма и инквизиціонно канцелярскаго управленія. Эта расторженность спасла Россію, ей мы обязаны тѣмъ развитіемъ, которое теперь по частнымъ случаямъ даетъ намъ право дѣлать высокія заключенія о будущемъ призваніи. Въ сторону всѣ предразсудки, съ которыми по преданію смотрятъ самые философы. Напримѣръ, ставятъ въ первое достоинство воинственность народа, богатство городовъ и пр., въ тоже время какъ проповѣдуютъ уничтоженіе войны и неестественность большихъ городовъ; количество земли занимаемой ставится до сихъ поръ въ достоинство, расширеніе границъ принимаютъ за успѣшное развитіе etc. Я не этихъ условій ищу у былой жизни славянъ, (хотя надобно сознаться, что завоеваніе, богатство и проч. свидѣтельствуетъ въ пользу энергіи и богатства не пришедшей въ ясность мысли) а ищу того сочлененія, того намека на будущее, какъ у древняго германизма временъ Тацита; намеки эти едва видны въ бытѣ, въ направленіи хлѣбопашескомъ, въ деревняхъ и равнодушной негаціи всего прочаго. Исторія же скучна, бѣдна, она не вовлекала всѣхъ силъ народа въ свою ткань, она оставляла его почвой и не болѣе.

24. — Мицкевичъ приводитъ, между прочими черногорскими пѣснями и легендами ихъ и сербовъ, одну прекрасную и исполненную граціи. Три брата строили крѣпость, но она все не строилась, наконецъ какое то видѣніе сказало имъ, что надобно закласть въ стѣну

первую особу, которая на другой день принесетъ имъ завтракъ. Они согласились и дали другъ другу слово молчать. Но старшіе братья предупредили своихъ женъ. Меньшой смолчалъ. На другой день, жена его кормила грудью ребенка и мать ея предложила ей идти за нее нести завтракъ, но она остановила старуху, дала ей няньчить младенца и пошла. Мужъ обнялъ ее съ горькими слезами и отдалъ каменьщикамъ; начали закладывать бѣдную женшину, она сначала думала, что съ нею шутятъ, потомъ испуганная начала молить, просить — всѣ отъ нея бѣжали, тогда она стала молить каменьщиковъ оставить два окошечка, одно для груди, чтобы покормить своего милаго ребенка, другое для глазъ, чтобы взглянуть на него. Такъ жила она годъ, потомъ окаменѣла и остались окошечки, и изъ обоихъ льются два вѣчныхъ ручья, одинъ изъ ея груди, другой ручей слезъ изъ глазъ. Чрезвычайно поэтическій образъ. Поэма о свадьбѣ Зерноевича съ дочерью венеціанскаго дожа, вѣроятно, славянофиламъ не понравится, она вся сплетена изъ обмановъ, лжей, коварныхъ убійствъ и наконецъ ренегатства. Максимъ дѣлается Скандербегомъ. Замѣчательно удивленіе славянъ, когда Венеціанка заговорила о своихъ правахъ; они не привыкли, чтобы жены ихъ говорили противъ воли мужей. Сравнить съ этой поэмой напр. Лотобардскіе разсказы Павла діакона, въ которыхъ видна вся сантиментальность, чистота нравовъ и уваженіе къ женщинѣ германцевъ. И притомъ надобно вспомнить, что Павелъ жилъ въ VIII вѣкѣ, а славянская поэма писана не ранѣе XV.

МАРТЪ МѢСЯЦЪ.

5.— Чаадаевъ превосходно замѣтилъ однажды, что одинъ изъ величайшихъ характеровъ христіанскаго воззрѣнія есть понятіе надежды въ добродѣтель и постановленіе ее съ вѣрою и любовью. Я съ нимъ совершенно согласенъ. Эту сторону упованія въ горести, твердой надежды въ повидимому безвыходномъ положеніи, должны по преимуществу осуществить мы. Вѣра въ будущее своего народа, есть одно изъ условій одѣйствовоpенія будущаго. Былое сердцу нашему говоритъ, что оно не напрасно, оно это доказываетъ тѣмъ глубоко трагическимъ характеромъ, которымъ дышетъ каждая страница нашей исторіи. Польша имѣла свои свѣтлые годы при Ягеллонахъ, свою блестящую жизнь при Сигизмундѣ-Августѣ, свои упоенія славой при Стефанѣ Баторіи, при Янѣ Собѣсскомъ. Она жила, жила аристократіей какъ и вся Европа тогдашняя. Русь въ это время переходила отъ скорби къ скорби и первые самобытные, государственные шаги ея дѣлаетъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, самое трагическое лицо въ исторіи человѣчества—великій умъ, сердце гіенны и иронія, почерпнутая изъ глубокаго презрѣнія людей и своего народа, развита византійско-схоластической софистикой. И отъ него Русь унаслѣдовалась Петру. И съ положеніемъ перваго камня на Балтійскомь берегу начался новый актъ трагедіи; его характеръ—открытое расторженіе народа на двѣ части: одну нѣмую, другую постороннюю народу,

безхарактерную. Безхарактерность высшихъ классовъ у насъ до того велика, что они какъ дворня принимаютъ весь характеръ царствующаго лица. Патологія и характеристика Екатерины, Павла и Александра — единственный ключъ къ пониманію русской исторіи новаго времени.

6. — Гречева защита государя противъ Кюстина фактъ поразительный — она обвиняетъ правительство гораздо хуже Кюстина токомъ апологіи, и тѣмъ, что она хвалитъ. Явная ложь, наглыя, презрительныя ссылки на дѣла всѣмъ извѣстныя и представленныя совсѣмъ иначе, рабскій, холопскій взглядъ и дерзкая фамиліарность для того выставленная, чтобъ показать нашу удивительную патріархальность относительно государя. Онъ его трактуетъ comme un des ses amis. Есть страницы поражающія цинизмомъ раба, потерявшаго всякое уваженіе къ человѣческому достоинству. Онъ полагаетъ напримѣръ, что человѣкъ не находящій правительство сообразнымъ съ своими понятіями о правѣ и недовольный имъ *долженъ* ежеминутно трепетать, ибо онъ знаетъ, что достоенъ Сибири. Нигдѣ не защищаетъ онъ Россіи, онъ говоритъ только о лицѣ государя, оправдываетъ его и говоря о секретныхъ дѣлахъ всякій разъ увѣряетъ, что онъ знаетъ ихъ изъ достовѣрнаго источника. Такъ какъ Гречь органъ правительства, то, по его брошюрѣ, разомъ измѣряется все разстояніе между народомъ и Петербургомъ. Еслибъ была симпатія, этимъ ли путемъ, этими ли устами защищалось бы правительство? Гречь предалъ на позоръ дѣло. за которое поднялъ подлую рѣчь. Лабинскій показалъ болѣе такта — онъ не смѣлъ съ презрѣніемъ говорить о Трубецкой и проч., что цензура учреждена не для правительства, а для

народа, что благороднѣйшая часть народонаселенія фурнируетъ полицейскихъ чиновниковъ, что въ Петербургѣ можно также свободно говорить какъ въ Лондонѣ и Парижѣ. Наконецъ, отрицая факты всѣмъ извѣстные, Гречь усугубляетъ вдвое силу діатрибы. Напримѣръ, онъ говоритъ, что это ложь, что государь значительную часть времени проводитъ на разводахъ, парадахъ и поѣздкахъ —а въ кабинетѣ; что насильственное и тяжкое производство работъ въ Зимнемъ дворцѣ—ложь. Такое оправданіе кара, кара за неуваженіе къ національному перу, кара за боязнь замѣшать мысль въ оправданіе, кара за свою разобщенность. Вглядываясь въ общій духъ воззрѣнія Грече-правительственнаго, хочется произнесть анаѳему на всѣ эти громкія улучшенія, о которыхъ толкуютъ съ Петра Великаго и которыя вносятся на концѣ штыка или привязаныя къ кнуту. Не надобно благодѣяній, когда они даются съ презрѣніемъ и съ цѣлью задушить ими облагодѣтельствованныхъ.

7. — Умеръ Юшневскій, одинъ изъ главныхъ членовъ южнаго общества, нѣкогда генералъ интендантъ II арміи, отправленный въ 26 году въ каторжную работу. Онъ умеръ на поселеніи. Другъ его, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ, Вадковскій умеръ за три дня; Юшневскій несъ гробъ его и въ церкви, когда священникъ сталъ читать евангеліе, колѣна его погнулись, голова опустилась—подошли къ нему и нашли одинъ трупъ. Тутъ все колоссально и страшно. И 19 прошедшихъ лѣтъ и безвыходность, и смерть этихъ лицъ—послѣднее торжество, которое они могутъ дать власти. Быстро идутъ они въ могилу, и ни одинъ радостный лучъ не посвѣтитъ имъ при переходѣ на тотъ свѣтъ—Væ victis!

Грановскій заключилъ послѣднюю лекцію превосход-

ными словами; разсказавъ какъ французскій король губилъ Тампліеровъ, онъ прибавилъ: „необходимость гибели ихъ, ихъ виновность даже, ясны, но средства употребленныя гнусны; такъ и въ новѣйшей исторіи мы часто видимъ необходимость побѣды, но не можемъ отказать ни въ симпатіи къ побѣжденнымъ, ни въ презрѣніи къ побѣдителю.“ И неужели эта аудиторія, принимающая его слова, особенно такія слова съ ужаснѣйшими рукоплесканіями, забудетъ ихъ? Забыть она ихъ впрочемъ имѣетъ право, но неужели они пройдутъ безслѣдно, не возбудивъ ни одной мысли, ни одного вопроса, ни одного сомнѣнія? Кто на это отвѣтитъ? Страшно сказать нѣтъ, и да страшно сказать.

10.—Перечиталъ рѣчь объ Уложеніи, Морошкина. Изъ всего что я читалъ, писаннаго славянофилами, это безъ сомнѣнія и лучшее и талантливѣйшее сочиненіе. Онъ глубоко понялъ русскую юридическую жизнь. Уложеніе представляло возможность органическаго развитія а не Петровскаго столпотворенія, помутившаго новыми началами старыя, старыми новыя. Время приведетъ все въ порядокъ, но въ петровскій періодъ внесена бездна зла — аристократія, инквизиціонный процессъ, военный деспотизмъ, раздѣленіе сословій, произвольныя нововведенія, составлявшія иллогизмъ. Они имѣли поползновеніе внести аристократическій элементъ въ духовенство, они убили остатки славянскаго судопроизводства и сельское маклерство. Но что было дѣлать для вывода Россіи изъ коснаго положенія Кошихинскихъ временъ; намъ хорошо теперь заднимъ умомъ разсуждать. Удивительная задача въ исторіи развитіе Россіи.

14. — Петровскій періодъ важенъ именно какъ раз-

рывъ, какъ критика и отрицаніе. Русь не выступала изъ узъ семейно-патріархальныхъ. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ помѣщикъ. Петръ разрушилъ въ правительствѣ единство съ народомъ; онъ отвлеченныя понятія поставилъ вмѣсто косныхъ, непосредственныхъ понятій. Онъ вызвалъ полярность, противопоставилъ одинъ элементъ другимъ; родные братья, вовлеченные въ борьбу, не узнавали другъ друга и тутъ ихъ вина болѣе нежели переворота, они безсознательно были братья, и потому инстинктъ не устоялъ противъ революціи. Правительство заняло, относительно народа, совсѣмъ другое мѣсто, оно не его мысль выражало, а мысль европеизма и отвлеченной централизаціи, оно сочло себя, за одно желаніе образованія, образованнымъ, и смотрѣло на народъ какъ на стадо. Реформа мало касалась народа, реформированною толпою сдѣлалось дворянство — его обрили, дали право не быть сѣченымъ и проч. Теперь реформа приближается къ деревнѣ. Все вмѣстѣ дало тѣ начатки движенія и жизни, которые мы видимъ своими глазами.

Перелистывалъ Баланша Palingénésie Sociale; умъ слоя Морошкинскаго, пластическій, чувственно логическій и не способный къ діалектикѣ; но множество *предчувствій* истинныхъ, симпатій и предсказаній къ будущему. Его появленіе, вскорѣ послѣ начала реставраціи, должно было сдѣлать большое вліяніе, онъ гораздо далѣе смотрѣлъ нежели Шатобріанъ или Местръ. Его языкъ теменъ, фантазія мѣшаетъ и помогаетъ ему, онъ объясняется миѳами, и кажется самъ чувствуетъ недостатокъ ясности, этотъ недостатокъ онъ думаетъ вознаградить повтореніями и многословностью. Но имя его не должно забывать ни въ развитіи философіи исторіи, ни въ исторіи соціализма.

17.— Дочиталъ Мицкевича лекціи. Много прекраснаго, много пророческаго, но онъ далекъ отъ отгадки, напротивъ грустно видѣть на чемъ онъ основываетъ надежду Польши и славянскаго міра. Въ его надеждѣ, если ее принять за надежду всѣхъ поляковъ, полный приговоръ Польшѣ. Нѣтъ, не католицизмъ спасетъ славянскій міръ и воззоветъ его къ жизни, и (истина заставляетъ признаться) не поляки поймутъ будущность. Мицкевичъ самъ цитовалъ стихи своего соотечественника, который говоритъ: „Геній, въ тысяча голосахъ его окружающихъ, умѣетъ понять истинный, вслушаться въ него и потомъ смѣло броситься въ колесницу и летѣть на совершеніе.“ Мицкевичъ не узналъ этаго голоса. Онъ далекъ отъ ненависти къ Россіи, напротивъ онъ хвалитъ ее, но не понимаетъ, до того не понимаетъ, что иной разъ лучшія ея стороны приводятъ его въ отчаяніе; такъ въ Петрѣ онъ понялъ одну отрицательную сторону, равно и въ Пушкинѣ, а онъ былъ друженъ съ нимъ; и какже его душѣ поэта было не понять Пушкина. Литературное движеніе послѣ Пушкина вовсе не существуетъ для него. Во всемъ вѣетъ трагическій духъ графа въ Comédie infernale; но Польша будетъ спасена помимо мессіанизма и папизма.

19.— Превосходные разсказы Михаила Семеновича *) о своихъ былыхъ годахъ и между прочимъ о мелкомъ чиновничествѣ, о протоколистѣ Котельниковѣ, имя котораго не должно изгладиться изъ исторіи бюрократіи. Во всѣхъ этихъ разсказахъ пробивается какая то sui generis струя демократіи и ироніи. Люди эти, ненавидимые народомъ и презираемые властью, съ злою улыбкой смотрятъ

*) Щепкина (актера).

внизъ и вверхъ и побѣждаютъ умомъ, безнравственной казуистикой, которая съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ развитіи юридической способности. Мелкіе чиновники не худшее сословіе въ Россіи, пора перестать исключительную стрѣльбу по маленькимъ взяточникамъ, довольно ругали титулярныхъ совѣтниковъ и канцелярскихъ, пора иронію возвести въ чинъ; правда развратъ ихъ и цинизмъ глубоки, но сквозь гнусныя испаренія, мнѣ виднѣется важный элементъ, религіозно-гражданское чувство, консервативное; преданности у нихъ нѣтъ. Котельниковъ говорилъ: „что онъ ѣздилъ на двухъ исправникахъ, вѣдь всякіе бываютъ, къ иному подойти страшно, точно бѣшенный жеребецъ и фыркаетъ и бьетъ, а смотришь въ ѣздѣ куда хорошъ.“ И посмотришь на этаго сальнаго протоколиста, который кланяется въ ноги исправнику, стоитъ дрожа передъ губернаторомъ — вѣдь эта одна комедія, онъ равно смѣется въ душѣ надъ исправникомъ какъ надъ губернаторомъ, онъ обманываетъ ихъ подлостью и они не имѣютъ средствъ миновать, онъ понимаетъ свое превосходство надъ ними, свою необходимость; вѣдь для практическаго и истиннаго исполненія ни одинъ законъ, ни одно распоряженіе не минуетъ мелкаго чиновника, а онъ-то и обрѣжетъ крылья министерской фантазіи.

— У насъ понятіе о винѣ и правотѣ подсудимаго для судьи лишнее, онъ знаетъ, что подсудимый подошелъ подъ такую то статью, и судья всегда жалѣетъ о *неосторожности* и готовъ указать возможность миновать статью.

24. — Ghrärer Geschichte der geistlichen Kirche. 1-ая ч. Поразительное сходство современнаго состоянія человѣчества съ предшествующими Христу годами, придаетъ

удвоенную важность исторіи раввитія церкви и времени предварившаго евангельское ученіе. Съ одной стороны, древній міръ былъ весь собранъ въ одинъ узелъ, въ одинъ царящій органъ, съ другой, въ самомъ этомъ средоточіи обличилась ярко необходимость возрожденія. Между тѣмъ, вдали отъ центра разработывались, бродили неустроенныя и приходили въ органическій порядокъ смутныя идеи новаго порядка дѣлъ, міра возникающаго. Окаменѣлое ученіе Саддукеевъ, нѣсколько принявшее въ себя чуждыхъ началъ ученія Фарисеевъ, дряхлѣетъ, Терапевты и Ессеніане выступаютъ изъ іудаическаго міра въ иной, въ которомъ Неоплатонизмъ, Александрійская мистика даютъ совершенно новое направленіе. Главнѣйшія истины христіанской теодицеи и христіанская нравственность проявляются отрывочно въ новыхъ ученіяхъ. Ессеніане учреждаются точно такъ, какъ послѣ апостолы по свидѣтельству Ев. Луки. Іосифъ говоритъ: „что у нихъ каждый вступавшій въ орденъ приносилъ свое имущество, которымъ распоряжалось общество, бѣдныхъ не было такъ какъ и богатыхъ, собственность была слитная, братству принадлежащая.“ Чистота нравовъ, доведенная до монашескаго аскетизма и плотоумерщвленія, свидѣтельствуетъ ясно, что они также какъ Христосъ принимаютъ плоть за зло и умерщвлять ее считаютъ святѣйшимъ дѣломъ. Они отрекаются отъ кровавыхъ жертвъ. Наконецъ у нихъ, какъ у мистическихъ Неоплатониковъ слагается ученіе о единичной тройственности Бога; отъ основной нравственности берутъ смиреніе, вѣру и любовь, — все вѣетъ евангеліемъ и во всемъ чего то недостаетъ, того властнаго слова, той конкреціи, той молніи, которая единымъ ученіемъ, полнымъ и соотвѣтственнымъ, выразитъ, осуществитъ бродящія и несочлененныя части, пред-

существующія ему. Неопредѣленное чувство этой неполноты выражается упованіемъ Мессіи. Въ наше время соціализмъ и комунизмъ находятся совершенно въ томъ же положеніи, они предтечи новаго міра общественнаго, въ нихъ разсѣянно существуютъ membra disjecta будущей великой формулы, но ни въ одномъ опытѣ нѣтъ полнаго лозунга. Безъ всякаго сомнѣнія у Сен-Симонистовъ и у Фурьеристовъ высказаны величайшія пророчества будущаго, *но чего то* не достаетъ. У Фурье убійственная прозаичность, жалкія мелочи и подробности, поставленныя на колоссальномъ основаніи; счастье, что ученики его задвинули его сочиненія своими. У Сен-Симонистовъ ученики погубили учителя. Народы будутъ холодны пока проповѣдь пойдетъ этимъ путемъ; но ученія эти велики тѣмъ, что они возбудятъ наконецъ истинно народное слово какъ евангеліе. Доселѣ съ народомъ можно говорить только черезъ священное писаніе, и, надобно замѣтить, соціальная сторона христіанства всего менѣе развита, евангеліе должно взойти въ жизнь, оно должно дать ту индивидуальность, которая готова на братство. Комунизмъ конечно ближе къ массамъ, но доселѣ онъ является болѣе какъ негація, какъ та громовая туча, которая чревата молніями, разобьющими существующій нелѣпый общественный бытъ, если люди не покаются, видя передъ собою судъ божій. „Искупленіе, примиреніе“ — слова произносимыя тогда и теперь. Обновленіе неминуемо. Принесется ли оно вдохновенной личностью однаго, или вдохновеніемъ цѣлыхъ ассоціацій пропагандистовъ — собственно все равно; разумѣется и то, что пути эти вовсе не противоположны. Христіанство не заключается въ Христѣ, а въ Христѣ и апостолахъ, въ апостолахъ и ихъ ученикахъ, въ живой средѣ

ихъ оно развивалось и становилось тѣмъ, чѣмъ человѣчеству надобно было.

27.—Жизнь человѣка безпрерывная, злая борьба; лишь только съ одной стороны побѣждены препятствія, улаженъ миръ, съ другой возстаютъ изъ подъ земли, падаютъ съ неба враги, нарушающіе спокойное пользованіе жизнію, гармонію и развитіе. Настоящимъ надобно чрезвычайно дорожить, а мы съ нимъ поступаемъ неглижè и жертвуемъ его мечтамъ о будущемъ, которое никогда не устроится по нашимъ мыслямъ, а какъ придется, давая сверхъ ожиданія и попирая ногами справедливѣйшія надежды. Только было наша внутренная жизнь пошла по спокойнѣе, страшная болѣзнь малютки повергла опять въ судорожное состояніе людей, ожидающихъ сентенцію капризнаго царя..... снова слезы, разрушеніе едва возстановленныхъ силъ ея и темная ночь. Безпрерывный стонъ младенца имѣетъ въ себѣ что то уничтожающее для всякаго уха (человѣческаго). А для матери? И это безпрестанное присутствіе съ невозможностью помощи, съ ненужностью пособій. Кто главный виновникъ этихъ страданій, неразрывныхъ съ семейнымъ бытомъ? Устройство ли семейства? или при всякомъ сожитіи людей не отстронятся эти удары? Отвернуться отъ нихъ можно. Избытокъ эгоизма и сосредоточенности на себѣ или совершенная преданность всеобщимъ интересамъ облегчаетъ крестъ частной жизни. Но для всѣхъ ли? Фурье разрубилъ вопросъ, но не развязалъ узла кровныхъ сношеній; Фурье не понялъ женщины, не понялъ любви, ему безпрестанно мерещились развратные браки, негодныя женщины, скверные отцы и ложная наружность, которой все это прикрыто лицемѣрной внѣшностью и кто не согласится, что легальное, юридическое опредѣ-

леніе брака, родства etc., сходное съ католическимъ и феодальнымъ воззрѣніемъ не состоятельно? Но внутреннее вѣнчаніе любовью, истинныя отношенія мужчины къ женщинѣ, обоихъ къ дѣтямъ, не улаживаются такъ легко словомъ: общественное воспитаніе. Напротивъ, при совершенной свободѣ отношеній, вся отвѣтственность падетъ на самаго человѣка. Брака не будетъ—любовь, останется, наслѣдства не будетъ—дѣти будутъ. Отстранить мать отъ воспитанія дѣтей можно только тогда, когда она хочетъ этаго. Но та мать, которая этаго хочетъ и въ теперешнемъ устройствѣ не много страдаетъ отъ дѣтей — рѣчь не о ней, рѣчь о матери любящей. Силой отнять дѣтей—варварство и противорѣчіе съ системой, дающей всякой страсти развитіе. И жизнь снова утянута въ жизнь дѣтей, истощена ими, и она, исходя любовью, исходитъ силами. Но такое несчастное положеніе не лучше ли довольства? Но среди этихъ бореній не являются ли минуты, о свѣтѣ которыхъ другіе и понятія имѣть не могутъ.

28. — Конечно любящая мать будетъ страдать отъ случайностей, которымъ подвержено существованіе дѣтей. Но въ общинной жизни, развитой на широкихъ основаніяхъ, женщина будетъ болѣе причастна общимъ интересамъ, ее нравственно укрѣпитъ воспитаніе, она не будетъ такъ односторонно прикрѣплена къ семейству и тогда удары будутъ выносимѣе. Въ прошломъ бытѣ также было утѣшеніе въ отрываньи себя отъ частнаго, возношеніемъ къ Богу, въ молитвѣ. Личность Іисуса, лишенная своей сверхъестественной стороны, выступаетъ у Геррера недосягаемо прекрасна, великое помазаніе всемірнаго призванія, самоотверженіе, безконечная любовь, наконецъ самопожертвованіе для запечатлѣнія

истины, для торжества идеи. Герреръ очень хорошо разсматриваетъ отношеніе Іисуса къ Іоанну, къ положительной религіи и къ положительному праву. Враждебныя начала христіанству должны были привиться съ перваго шага апостольской пропаганды; конечно Христосъ не хотѣлъ церкви съ окаменѣлыми институтами, цѣликомъ взятыми отъ Левитъ, но какъ безъ наружной церкви могла возрасти внутренняя идея. Первая христіанская община была Ессейски-Іудаическая, она неоторвалась отъ преданія и отъ нравовъ Израильскихъ, она дѣлила съ Фарисеями вѣру втораго для нея, перваго для нихъ, пришествія. Она мало сообщалась съ язычниками. Апостолъ Павелъ словомъ и раззореніе Іерусалима событіемъ оторвали христіанъ отъ Іудаизма. Іерусалимъ не могъ уже быть средоточіемъ новой религіи и ученіе Христа приняло свой вселенскій характеръ — запутанное въ іудейскія формы, оно не могло бы быстро перейти въ другіе народы.

30. — Никто ранѣе 25 лѣтъ не можетъ ѣхать за границу, пошлины 700 рублей въ годъ, паспорты выдаются только въ Петербургѣ, жена безъ мужа не можетъ ѣхать. Я желаю прочесть этотъ указъ печатный, чтобъ имѣть матеріальное доказательство такаго беззаконія и безобразія, совершающагося около половины XIX вѣка. Всѣ эти оскорбительныя, исполненныя презрѣнія всѣхъ правъ, мѣры возрастаютъ—времена Бирона и безумныхъ мѣръ Павла очію совершаются и вѣроятно долго продлятся. Какіе плечи надобно имѣть, чтобъ не сломиться.

АПРѢЛЬ МѢСЯЦЪ

3. — Пасторъ Reuter въ Гессенъ-Дармштадтѣ былъ взятъ подъ стражу за политическія мнѣнія и при допросѣ пытаемъ ужасными средствами: ему набивали кольцо цѣпи на кость руки, сѣкли его etc. Приведенный въ отчаяніе и бѣшенство старикъ хотѣлъ перерѣзать себѣ горло стекломъ и, какъ разумѣется, не могъ; однако его нашли мертвымъ. Доктора нашли, что смерть причинена не разрѣзомъ стекла, а другими острыми орудіями, (которыхъ въ тюрьмѣ не было). Вотъ плодъ инквизиціоннаго процесса и прекрасный матеріялъ къ исторіи современныхъ германскихъ правительствъ. Судья, пьяница и дѣлатель фальшивыхъ документовъ, осыпанъ крестами etc.

— Разные анекдоты о Петрѣ I. Странное сочетаніе геніальности съ натурой тигра. Страшенъ процессъ, которымъ страна могла дойти до необходимости появленія такаго врача, до возможности его и до того, что она могла вынести такое царствованіе. Возмущенные стрѣльцы говорили, что Петръ не сынъ царя Алексѣя Михаиловича, а Ягужинскаго. Однажды середь оргіи, Петръ сталъ приставать къ Ягужинскому отецъ ли онъ его, тотъ удивленный отпирался. Петръ велѣлъ его поднять на дыбы и допрашивать; тогда взбѣшенный Ягужинскій отвѣчалъ: „чертъ тебя знаетъ, чей ты сынъ, у твоей матери было разомъ три любовника и я въ ихъ числѣ.“ Въ Псковѣ онъ такія неистовства надѣлалъ въ

церкви, что его народъ чуть не убилъ, онъ страшно переказнилъ священника и бросившихся на него. Ихъ распяли и онъ самъ перестрѣлялъ ихъ потомъ. Маратъ, Робеспьеръ и Фукье Тенвиль вмѣстѣ. Понять, оправдать, отдать не токмо справедливость, но склониться передъ грозными явленіями Конвента и Петра — долгъ. Но не всѣхъ актеровъ 93 года можно любить, также и Петра.

5.—И такъ, указъ о путешествіяхъ не пуфъ, въ немъ есть какое то величіе безобразія и цинизма; это языкъ плантатора съ неграми, тѣни уваженія къ подлымъ рабамъ, которымъ писали фирманы—нѣтъ; власть не унизилась, чтобъ сыскать какой нибудь резонъ, хотя ложный, но благовидный, она попираетъ святѣйшія права, потому что презираетъ, она нагла нашей низостью. Усовершаться въ художествахъ и ремеслахъ позволено, но не въ наукахъ! Страшное время — силы истощаются на безплодную борьбу, жизнь утекаетъ и ни капли отрадной, ни близкой надежды — ничего.

10.—Въ Тамбовской губерніи было возмущеніе крестьянъ одной волости, характеръ дѣла (по разсказамъ) довольно замѣчателенъ. Крестьяне жаловались, что съ нихъ берутъ лишніе поборы. Министръ Государственныхъ Имуществъ велѣлъ имъ дать разсчетъ что они должны платить, но съ нихъ, не смотря на то, стали требовать гораздо болѣе. Тогда они въ тиши надѣлали кистеней, пикъ и отказались отъ платежа, явилась земская полиція и начальство, посланное Государемъ Императоромъ, они ихъ прогнали. Привели роту солдатъ, солдаты не хотѣли стрѣлять — чуть ли не первый случай послѣ Петра. Разумѣется, наконецъ ихъ усмирили и вѣроятно часть перебита, а десятаго послѣ кнута от-

правятъ въ каторжную работу. Всѣ мужики этой волости молокане, передъ ними шла дѣвушка, пѣвшая псалмы. И такъ изъ раскольничьихъ скитовъ вырываются такіе звуки, среди общей нѣмоты крестьянъ.

14. — Замѣчательная статья въ 3 послѣднихъ № *Московскихъ Вѣдомостей* объ освобожденіи негровъ. Приложеніе прямое и въ оффиціальной газетѣ.

Читалъ Гегелеву философію природы. (Encyclopedie II. Th.) Вездѣ гигантъ, многое едва набросано, очеркнуто, но ширина и объемъ колоссаленъ. Какой огромный шагъ въ освобожденіи отъ абстрактныхъ силъ, въ введеніи въ свои рамы категорію величины, которой подавляли все земное и какой перевѣсъ качеству, конкреціи. Онъ освобождаетъ въ полномъ развитіи человѣка отъ его матеріальнаго опредѣленія, отъ его теллурической жизни, адекватностію его формы понятія (чѣмъ бѣднѣе его развитіе, тѣмъ болѣе онъ зависитъ отъ природы). Духъ вѣченъ, матерія всегдашняя форма его инобытія. Лишь только форма способна, лишь только она можетъ выразить духъ, она и выражаетъ его. Здѣсь, тамъ, вездѣ, гдѣ условія органическаго возстановленія собрались, одѣйствоворились. Какъ началась индивидуализація планеты, солнечной системы, что было прежде etc. etc., на все это очень трудно отвѣчать, главное всякій разъ попадешь въ ту ли, въ другую ли сторону in die schlechte Unendlichkeit. Инобытіе чѣмъ полнѣе одна внѣшность, чѣмъ далѣе отъ адекватности съ понятіемъ, тѣмъ упрямѣе оно въ своей матеріальности, тѣмъ естественнѣе оно удерживается отъ разрѣшенія въ мысль и схваченное въ односторонности представляетъ именно die schlechte Unendlichkeit вещества. Разсудкомъ не выйдешь изъ этихъ логическихъ круговъ, такъ

какъ разсудкомъ никогда не поймешь жизнь органическую, ибо жизнь сама въ себѣ, an sich спекулятивна. Разсудочная истина формально до оконченности ясна, но плоска, и истиннаго примиренія въ ней нѣтъ. Спекулятивная по видимому смутна, но она глубока.

19.—Конечно Гегель въ отношеніи естествовѣденія далъ болѣе огромную раму нежели выполнилъ, но coup de grâce естественнымъ наукамъ въ ихъ настоящемъ положеніи окончательно нанесенъ. Признаютъ ли ученые это или нѣтъ все равно, тупое Vornehmthuerei des Ignoriren ничего не значитъ. Гегель ясно развилъ требованіе естественной науки и ясно показалъ всю жалкую путаницу физики и химіи, не отрицая, разумѣется, частныхъ заслугъ. Имъ сдѣланъ первый опытъ понять жизнь природы въ ея діалектическомъ развитіи отъ вещества самоопредѣляющагося, въ планетномъ отношеніи, до индивидуализаціи въ извѣстномъ тѣлѣ, до субъективности, не вводя никакой агенціи кромѣ логическаго движенія понятія. Шеллингъ предупредилъ его, но Шеллингъ не удовлетворилъ наукообразности. Самъ Гегель не можетъ (въ чемъ его упрекаетъ Тренделенбургъ) держаться безпрестанно въ изрѣженной средѣ абстракціи и дѣйствительность жизненно, со всѣмъ огнемъ врывается представленіями, фантазіями, поэтическими образами (за что Гегель заслуживаетъ большую похвалу), но онъ вѣренъ и неумолимо строгъ въ общемъ развитіи; Шеллингъ провидѣлъ требованіе, но слишкомъ легкой дорогой удовлетворился имъ.

22.—Окончился курсъ Грановскаго. Этотъ курсъ событіе, событіе имѣющее большое значеніе. Сверхъ внутренняго своего достоинства онъ имѣетъ внѣшнюю ва-

жность тѣмъ, что теперь начнутся публичные курсы; публика узнала новое, сильное, волнующее наслажденіе всенародной, энергической рѣчи. Доценты увидѣли какою аудиторіею можетъ Москва окружить ихъ.

Симпатія къ Грановскому далеко превосходитъ все, что можно себѣ представить, публика была удивлена, поражена благородствомъ, откровенностью и любовью; Грановскій прямо касался самыхъ волнующихъ душу вопросовъ и нигдѣ не явился трибуномъ, демагогомъ, а вездѣ свѣтлымъ и чистымъ представителемъ всего гуманнаго. На послѣдней лекціи аудиторія была биткомъ набита. Когда онъ въ заключеніе началъ говорить о славянскомъ мірѣ, какой то трепетъ пробѣжалъ по аудиторіи, слезы были на глазахъ и лица у всѣхъ облагородились. Наконецъ, онъ всталъ и началъ благодарить слушателей — просто, свѣтлыми, прекрасными словами, слезы были у него на глазахъ, щеки горѣли, онъ дрожалъ: „благодарю тѣхъ, такъ кончилъ онъ, которые съ симпатіей слушали меня и раздѣляли добросовѣстность тона ученыхъ убѣжденій; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ!“ Онъ молчалъ и кланялся. Безумный, буйный восторгъ увлекъ аудиторію: крики, рукоплесканія, шумъ, слезы, какой то торжественный безпорядокъ, нѣсколько шапокъ было брошено на воздухъ. Дамы бросились къ доценту, жали его руку, я вышелъ изъ аудиторіи въ лихорадкѣ. Слава доценту и слава аудиторіи. Литераторы, товарищи, друзья приготовили обѣдъ, вліяніе послѣднихъ словъ было такъ сильно и такъ живо, что всѣ противоположныя возрѣнія примирились въ дружескомъ торжествѣ и самыя противоположныя натуры искали другъ друга, чтобъ заявить свое

различіе и уваженіе. Весело, шумно и наконецъ пьяно окончился этотъ день. Его отмѣтятъ многіе, онъ многимъ вспомянется какъ прекрасный праздникъ любви и симпатіи.

27. — Споръ университета и церкви развивается и далекъ отъ конца. Современное состояніе истинно удручаетъ неуловимостью своей, видомъ всесовершеннѣйшаго безпорядка. Въ былое время вопросъ современной жизни разрѣшался односторонно, ко всему его жали. Непримиримость элементовъ рѣзко кидается теперь въ глаза, и не дозволяетъ трезво мыслящему удовлетворенія частнымъ рѣшеніемъ. Давно забытые элементы жизни, вызванные со дна моря невыносимой тоскою ожиданія, въ буйномъ броженіи смѣшались съ новымъ и младенчествующимъ, осадокъ и пѣна равно увлеклись броженіемъ. Это послѣднее явленіе; передъ новымъ пришествіемъ истины и мертвые подали свой голосъ и заявили свои права, чтобъ не быть забытыми при воскресеніи. Но какъ тяжело съ этими мертвецами и тяжело потому, что не будучи слѣпыми, мы не можемъ отрицать въ нихъ остатокъ жизненности, а въ противоположномъ зачатокъ смерти. Именно это то и страшно, и давитъ. Человѣкъ 93 года зналъ знамя, къ которому стать и которое вполнѣ соотвѣтствовало ему. А тутъ напротивъ, вамъ равно не хочется ни съ доктринерами защищать полицейскими мѣрами университетъ, ни съ іезуитами, усилившимися тѣмъ, что полиція ихъ толкаетъ. Такъ и наши ультра-славянофилы: чувствуешь все дѣлящее отъ нихъ и чувствуешь симпатію, и понимаешь, какъ они пришли къ своему возрѣнію и какъ противоположное воззрѣніе при неосторожности переходитъ въ петербургскій взглядъ—въ то время какъ западно-либе-

ральныя головы считаютъ національнизмъ подпорою правительства. Что тутъ дѣлать? Ждать ли пока выростетъ уже родившійся мессія, о которомъ проповѣдуютъ Тавіанскій и Вронскій, или броситься à corps perdu въ односторонность и понять ихъ приготовленными буквами святаго глагола, который раздастся? Или сложить руки и лечь спать?

МАЙ МѢСЯЦЪ

4. — Нѣтъ ничего забавнѣе и досаднѣе, какъ juste milieu во всякомъ дѣлѣ; это безразличная точка въ магнитѣ, это статическая задача, употребляющая всѣ силы на поддержаніе равновѣсія, и не имѣющая послѣ силъ въ остаткѣ для какого нибудь дѣйствованія, это австрійская политика. Храбрость послѣдовательности великое дѣло. Вчера я душевно смѣялся на стараніе Рѣдкина вывести личнаго бога и христіанство путемъ чистаго мышленія. Логика доводитъ до идеи, до безличнаго духа, который личенъ въ человѣкѣ и черезъ человѣка себяпознающъ, далѣе не выведешь ничего кромѣ непростительной таутологіи, которой угощали берлинскіе философы Германію. Разъ духъ—какъ всеобщій духъ человѣчества, которому оно необходимо—другой духъ личный, экстрамундальный; но духъ безъ міра, an sich есть логическая абстракція, стало и тотъ духъ имѣетъ свою объективность, свое aussersich sein—и опять schlechte Unendlichkeit. Въ логикѣ слово Gott, Geist, übergereifende Sübjectivität вовсе не значитъ eine bestimte

Persönlichkeit, eine Individualität, индивидуальность подчинена категоріи времени, она употребляетъ эти слова какъ persona moralis, какъ духъ такого то народа, такой то эпохи. А этимъ господамъ страшно, они имѣютъ голосъ въ груди, препятствующій идти до этихъ результатовъ. Хорошо: ну такъ принять, что путь, который привелъ къ нелѣпости ложенъ и надобно отбросить науку— опять трусость и непослѣдовательность. Да мы примиримъ, уладимъ и науку и религію. Религія пріметъ ли такое примиреніе? она отречется во имя церкви такъ, какъ наука отречется во имя логики. Бакунинъ горько выразился говоря, что люди du juste milieu похожи на польскихъ жидовъ, которыхъ и Россія и Польша вѣшали.

12. — Наши праздники 8 и 9 были хороши неожиданнымъ пріѣздомъ для нихъ стараго друга, участника на первомъ планѣ тогдашнихъ дней. Обстановка въ прошломъ году была страшнѣе; теперь фактически чернаго мало, но таковъ рубецъ, оставляемый отъ зажившихъ ранъ, такова его жизнь въ памяти, что того полнаго довѣрія простосердечнаго нѣтъ. Однажды обожженный молніей боится каждой грозы, онъ свои силы на противодѣйствіе истощилъ—напрасно думаютъ, что силы развиваются въ мукахъ.

Хомяковъ писалъ къ Ивану Васильевичу *), предлагая *Москвитянина* и стращая его, что ихъ противники хотятъ купить голосъ его, все это продолжалось въ то время, какъ Хомяковъ торжественно мирилъ и примирялъ. Иванъ Васильевичъ отклонилъ предложеніе и спрашиваетъ, кто эти противники, не Грановскій ли съ друзь-

*) Старшій Киреевскій.

ями, что въ такомъ случаѣ онъ къ нимъ чувствуетъ болѣе симпатіи нежели ко всѣмъ славянофиламъ. Черта истинно московско-русская въ Хомяковѣ, это лукавство, прикрытое бономіей. Истиннаго сближенія между ихъ воззрѣніемъ и моимъ не могло быть, но могло быть довѣріе и уваженіе, которое и есть между другими, напримѣръ между нами и Киреевскими. Съ полной гуманностью, подвергаясь упрекамъ со стороны всѣхъ друзей, протягивалъ я имъ руку, желалъ ихъ узнать, оцѣнилъ хорошее въ ихъ воззрѣніи. Но они фанатики и нетерпящіе люди. Они создали міръ химеръ и оправдываютъ его двумя-тремя порядочными мыслями, на которыхъ они выстроили не то зданіе, которое слѣдовало. Всѣхъ ближе изъ нихъ къ общечеловѣческому взгляду — Самаринъ; но и у него еще много твердо и исключительно славянскаго. Аксаковъ во вѣки вѣковъ останется благороднымъ, но и не поднимется дальше Москвафиліи.

17.—Огромное письмо въ родѣ диссертаціи отъ Бѣлинскаго. Возраженіе на мое, писанное къ Ивану Павловичу*); энергія и невозможность дѣла сломили его. Возможность внутренная и невозможность внѣшняя превращаютъ силы въ ядъ, отравляющій жизнь; они загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаютъ, отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность въ самомъ мышленіи. Бѣлинскій пишетъ: „я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ есть не могу,“ онъ страдаетъ и за свои страданья хочетъ ненавидѣть и ругать филистимлянъ, которые вовсе не виноваты въ его страданіяхъ. Филистимляне для него славянофилы, я самъ не согласенъ

*) Галахову.

съ ними, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ fatras ихъ нелѣпостей. Онъ не понимаетъ славянскій міръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ и неправъ, онъ не умѣетъ *чаять жизни будущаго вѣка,* а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго. Отчаяніе—умерщвленіе плода въ чревѣ матери. Буду писать къ нему такое же длинное письмо. Странное положеніе мое, какое то невольное juste milieu въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я человѣкъ запада, передъ ихъ врагами человѣкъ востока. Изъ этаго слѣдуетъ, что для нашего времени эти одностороннія опредѣленія не годятся.

19.—Какой то пилигриммъ разсказывалъ о Соловецкомъ монастырѣ: монахи истязаютъ тамъ арестантовъ ужаснѣйшимъ образомъ, они ихъ сѣкутъ, вынуждая требовать денегъ, заставляя въ трескучіе морозы полуодѣтыхъ работать и пр. Этими сѣченіями предводительствуетъ настоятель, сѣкутъ въ трапезѣ, на техническомъ языкѣ это называется „лозами стирать гордыню!“ Ну въ этомъ я полагаю славянофиламъ не обвинить Петровскую реформу. Это такъ и вѣетъ Русью царя Ивана Васильевича и прежними нравами ея.

27.—У насъ до того всѣ элементы перепутаны, что никакъ нельзя указать съ которой стороны враждебный станъ, быть можетъ оно и хорошее начало, указующее, что всѣ стороны отдѣльно взятыя въ Европейскомъ бытѣ, отдѣльно взятыя не могутъ служить опредѣленіемъ, развѣ только отчасти. Конечно подобное совершается теперь въ Европѣ, этому лучшее свидѣтельство упадокъ либерализма, конституціонной опозиціи, вигизма; тамъ напримѣръ, теперь возникаютъ во-

просы въ парламентѣ, (Ешлея предложеніе и др.) въ которыхъ голоса дѣлятся по другимъ началамъ и доля Виговъ, съ долею Тори противъ такой же помѣси. За то тамъ правительство всегда понятно съ какой стороны. У насъ и этаго нѣтъ. Новыя постановленія объ экзаменахъ и полученіи степеней ученыхъ идутъ изъ совершенно инаго источника, нежели законъ о паспортахъ. Никакой системы, никакой единой мысли—это, чего нѣтъ другаго, придаетъ интересъ сюрприза.

30. — Вчера проводили Кетчера. Время идетъ да идетъ. Мы разлучаемся, снова сталкиваемся и все въ томъ же элементѣ бездѣйствія, пустоты и духоты. Иногда мнѣ кажется, что старость возлѣ носа, что она насъ застигнетъ и намъ останутся одни воспоминанія стремленій, надеждъ и лѣнь еще болѣе западетъ въ душу..... право отъ этаго болѣе нежели близко и что то такъ тягостно, страшно начинаетъ дѣлаться. Писалъ къ Бѣлинскому, утѣшалъ его, а въ сущности, я вовсе не такъ далекъ отъ многихъ воззрѣній его.

ІЮНЬ МѢСЯЦЪ

2. — Дочиталъ вторую часть Гегелевой энциклопедіи. Конечно это не такое оконченное и полное зданіе какъ его естетика, но великій мыслитель не измѣнилъ себѣ въ философіи природы, геніальныя мысли, заставляющія трепетать, поразительныя простотою, поэзіей и глубиной, разсѣяны вездѣ. Зоологическій отдѣлъ и органика вообще превосходны (не вступая въ мелочи

и дробныя разсматриванія каждаго параграфа), я не знаю ни кого, кто бы такъ вполнѣ понялъ жизнь и такъ умѣлъ сказать понятое, развѣ Гёте. Въ деревнѣ перечитаю еще и составлю записки.

4. — Вчера Самаринъ защищалъ свою диссертацію. Не понятно сочетаніе высокихъ діалектическихъ способностей этаго человѣка, съ жалкими православными теоріями и съ утрированнымъ славянизмомъ; въ немъ противорѣчіе это бросается особенно въ глаза потому, что у него рѣшительно логика преобладаетъ надъ всѣмъ. Онъ правда и самъ видитъ шаткость своей фантастической основы — но не отступаетъ отъ нея. Можетъ юность, всегда готовая предаваться отвлеченнымъ теоріямъ, виною этаго направленія, недостатокъ фактическихъ свѣдѣній и неумѣнье покоряться историческому элементу. Вообще диссертація и защита ея произвела какое то грустное чувство. Во всемъ этомъ есть что то ретроградное, негуманное, узкое, какъ и во всей партіи національной. Какъ съ ними ни ладь въ нѣкоторыхъ вопросахъ—остается страшный оврагъ, дѣлящій и непереходимый. Въ нихъ бездна дѣтской суетливости, такъ вчера Хомяковъ восторгался фразами о православіи — на которыя никто не смѣлъ возражать. Католикъ могъ точно также изъ своихъ началъ хвалить католицизмъ. Это былъ бы разговоръ двухъ поврежденныхъ.

Продолжалъ читать давно оставленнаго Ghrörer'а. Явленіе гностическихъ школъ чрезвычайно важно, здѣсь всѣ фазы древняго міросозерцанія сдѣлали опытъ соединиться съ философіей новой религіи. Они проглядѣли главное—практическій характеръ и простоту христіанства, но требованія ихъ были справедливы, они хотѣли догматъ превратить по своему въ мысль, въ мысль уче-

ную, *аристократическую*, но этимъ самымъ они и были еретиками, потому что христіанство имѣло именно значеніе какъ религія, какъ откровеніе. Гностицизмъ нѣкоторымъ образомъ привился къ греческой церкви, оттого она безпрерывно занималась теодицеей, а западная церковь жизнію; западная церковь осталась вѣрною апостолу Петру, а Петръ былъ весь въ преданіи Іудаизма, іерархіи, храма Іерусалимскаго. Въ II вѣкѣ является уже протестантъ, личность сильная, энергическая и геніальная, Марціонъ. Послѣдователь апостола Павла, отрѣшившійся отъ всего прошедшаго Іудаизма, человѣкъ не буквы, а духа, онъ имѣлъ огромное вліяніе и его школа жила до VI столѣтія. Онъ понялъ то, что и до сихъ поръ христіане не поняли, что Христомъ снимается Іегова, такъ какъ Юпитеръ и пр., что понятіе бога сопрягаемое съ Іеговою противорѣчитъ Христу. И такъ, во второмъ столѣтіи существуетъ зародышъ протестантизма, являвшійся безпрерывно въ разныхъ формахъ, мнимо подавленный, гнетомый и наконецъ восторжествовавшій въ Лютерѣ. Тертулліанъ западный католикъ, въ немъ пуническая кровь Карѳагенца очистилась римскимъ законовѣдѣніемъ, но осталась африканская; пламенный и практическій, онъ нисколько не похожъ на трансцендентальныхъ отцовъ восточныхъ. Восточная церковь всегда глубже и шире занималась догматами и не переходила въ жизнь. Католицизмъ, болѣе односторонній, восполнялся жизнію, на которую имѣлъ сильнѣйшее вліяніе и недостатокъ его отвлеченнаго принципа стирается полнотою историческаго развитія. Это два сына Евангельской притчи, изъ которыхъ одинъ зовущему отцу сказалъ: „не пойду,“ и пошелъ, а другой: „пойду,“ и не пошелъ въ виноградникъ. Надобно замѣтить, что въ первые три вѣка ученіе Евангель-

ское и самыя основныя положенія были далеки отъ всякой твердой и ограниченной догматики, напротивъ, всѣ вопросы обсуживаются, рѣшаются разно, умъ борется съ догматомъ, ищетъ примиренія. Оригенъ напротивъ, совершенно свободенъ въ своихъ философски-религіозныхъ писаніяхъ. Марціонъ принимаетъ Евангеліе за людьми записанныя преданія и не связывается буквой.

10. — Въ третьемъ вѣкѣ уже ярко обозначается характеръ римской церкви. Вмѣсто распущенности, спекулятивности востока является энергическая односторонность, изъ духовной академіи выходитъ въ юридически развивающуюся церковь. Видны сильные корни и eine mächtige Thatkraft. Римскій первосвященникъ безъ всякаго права, кромѣ высокой іерархической мысли и римской почвы, напитанной своимъ царственнымъ призваніемъ, втѣсняетъ свою власть братьямъ, они ее сносятъ, возражая, но покоряясь тому законному насилію, которое присуще внутренней силѣ, власти. Кипріянъ Карѳагенскій—душою іудейскій аскетъ, все западное духовенство тянетъ къ жидовскому. Слѣпая вѣра въ догматы, казуистика въ соподчиненныхъ вопросахъ, фанатизмъ, дѣятельность неутомимая, страстная восторженность, вотъ характеръ западныхъ отцовъ; всѣ сочиненія ихъ исполнены практическаго христіанства, а не теологическихъ тонкостей, это люди буквы въ догматѣ, но люди живые въ жизни. Одинъ грекъ, Діонисій, завелся между латинскимъ духовенствомъ и тотъ написалъ теорію логоса, послужившую основаніемъ Никейскаго изложенія.

Въ спорѣ Донатистовъ, въ началѣ III вѣка, впервые христіане отдаютъ временной власти на рѣшеніе свой спорный вопросъ. Константинъ сначала удивленъ, но вѣрный царской натурѣ, тотчасъ берется за рѣшеніе.

Періодъ гоненій полонъ предметовъ для драмъ и сценъ, тѣмъ важнѣе это, что и у насъ разсказы о мученикахъ возможны, хотя они и столько же *возмутительны*, какъ отрывки изъ исторіи французской революціи. Великое одушевленіе, заставлявшее ихъ такъ смѣло становиться противъ власти, не смотря на то, что и они знали текстъ апостола Павла, служащій опорой всѣмъ незаконнымъ властямъ. Восточные отцы перенесли въ свою религію неоплатонизмъ и софистику Еллинскую такъ, какъ западныя государственныя понятія о единствѣ и мощномъ устроеніи.

12.—La destinée terestre de l'homme est la gestion de son globe.... tous les procédés sociaux sortis de l'arsenal philosophique, lois et systèmes, reposent sur des bases essentiellement fausses, puisqu'ils sont contradictoires entre eux, variables et flottans..... L'organisation de la Commune est la pierre angulaire de l'edifice social, quelque vaste et quelqne parfait qu'il soit. V. Considérant *Destinée sociale.*

15.—Вчера письма отъ нашихъ изъ Берлина, ѣдутъ обратно къ концу августа, опять соберется старая семья друзей, давно не видались. Хотѣлось бы поскорѣе передать все пережитое и ихъ послушать.

17. — La morale n'est qu'une science mensongère et pédante qui affiche depuis 3000 ans la prétention de conduire les hommes à la vertu et aux bonnes mœurs avec ses dogmes absurdes de modération et de répression de passions, qu'il faut, au lieu de vouloir les *comprimer* — trouver les moyens d'*utiliser* et de satisfaire.

Nous attaquons la morale, précisément parce qu'elle est

impuissante à conduire les hommes au bien etc. V. Considérant.

Его сочиненіе несравненно энергичнѣе, полнѣе, шире по концепціи и по исполненію всего вышедшаго изъ школы Фурье. Разборъ современности превосходенъ, становится страшно и стыдно. Раны общественныя указаны и источники ихъ обличены съ безпощадностью.

Государь былъ въ Лондонѣ, видѣлъ свободный народъ и свободное God save the queen, шумное и не изъ подъ палки. Пишутъ, что общество попечительное о полякахъ хотѣло дать балъ 10 іюня, пока государь въ Лондонѣ, онъ послалъ имъ какую то вспомогательную сумму, но леди Сомерсетъ возвратила ее съ благодарностью. Островскій былъ арестованъ во все время пребыванія государя, вотъ habeas corpus. Зачѣмъ онъ ѣздилъ? внутренное ли безпокойство влечетъ къ перемѣнѣ мѣста или политическіе виды? Въ новомъ журналѣ, который началъ выходить со дня объявленія свободы книгопечатанія въ Саксоніи для книгъ свыше 20 листовъ (Wigand's Vierteljahrsschrift), замѣчательная статья о войнѣ; тамъ для Германіи европейская война представлена якоремъ спасенія и именно война съ Россіей. Можетъ и для насъ война принесла бы что нибудь. Объ эмансипаціи не говорятъ. На дняхъ въ *Москов. Вѣдом.* былъ указъ сенатскій по дѣлу о засѣченномъ крестьянинѣ, 42 пучка розогъ сломали объ него — онъ умеръ. Курская уголовная палата не признала помѣщика виновнымъ и между прочимъ заключаетъ: „что люди однихъ лѣтъ съ умершимъ крестьяниномъ выносятъ несравненно сильнѣйшія наказанія.“ Каковъ цинизмъ? Но хорошъ и сенатъ, онъ очень основательно разобралъ всю гнусность дѣйствій уголовной палаты и велѣлъ ей сдѣлать выговоръ, въ то время какъ и здравый смыслъ, и за-

конъ заставляютъ удалить отъ должностей чиновниковъ, явнымъ образомъ пристрастныхъ. Въ pendant къ этой ужасной исторіи, еще въ здѣшнемъ сенатѣ было дѣло о помѣщикѣ, сославшемъ своего дворовaго человѣка на поселеніе, для того, что бы воспользоваться значительнымъ капиталомъ, принадлежащимъ дворовому человѣку; тотъ подалъ на него просьбу и дѣло дошло до сената; оберъ-секретарь полагалъ, что помѣщикъ долженъ выдать сосланному деньги. Сенатъ и министръ юстиціи рѣшили напротивъ, но этаго мало, оберъ-секретарю за его мнѣніе съ закономъ несогласное велѣно сдѣлать выговоръ. Случаи такого грабежа рѣдки въ прошедшемъ, не этимъ способомъ помѣщикъ эксплуатировалъ крестьянъ. Прежде существовала невыраженная въ законѣ связь между владѣльцемъ и крестьяниномъ. Теперь изъ этой непосредственности одна часть выходитъ къ сознанію формальнаго права своего и къ желанію воспользоваться имъ, это превосходно, потому что другая половина не отстанетъ и пойметъ разомъ всю несообразную нелѣпость своего безправія. Доказательствомъ можетъ служить уже и то, что дворовый подалъ просьбу. Они до сихъ поръ не могутъ совершенно повѣрить въ свое безправіе и никакъ не понимаютъ, чтобы ихъ собственность была собственностью барина, они даже иногда думаютъ, что правительство въ случаѣ неправаго съ ними поступка, защититъ ихъ! Побольше такихъ рѣшеній и сенаторы, сходя въ могилу, могутъ сказать: и мы принесли свою лепту.

Въ Силезіи бунтуютъ работники, ломаютъ машины, бросаютъ издѣлія etc., etc. Семья вырабатываетъ тамъ въ недѣлю 16 Gute Groschen, изъ которыхъ въ послѣднее время уменьшили еще 2! И послѣ этаго фурьеристы неправы, что обличили меркантилизмъ и современ-

ную индустріальность какъ сифилитическій шанкеръ, заражающій кровь и кость общества. Купецъ сказалъ просившимъ работникамъ прибавки: если хлѣбъ дорогъ, ѣшьте сѣно! Месть бунтовавшихъ очевидна, они жгли векселя, выбрасывали бумаги, деньги, портили товаръ и не крали.

26. — Опять въ *Покровскомъ*. Дождь, дурно, сѣро — а кругомъ поля, лѣсъ и тишина. Я ужасно люблю тишину; я счастливѣе въ деревнѣ, вѣроятно цѣлый годъ или годы надоѣло бы жить въ деревнѣ, но полгода я готовъ. Я устаю отъ шума, отъ людей, отъ слуховъ, отъ невозможности сосредоточиться, устаю отъ неестественности городской жизни, мнѣ становится невыносимымъ домъ противъ моихъ оконъ, улица, habitués этой улицы, которыхъ поневолѣ наконецъ замѣтишь. Дочитываю V. Considérant I томъ; хорошо, чрезвычайно хорошо — но не полное рѣшеніе задачи. Въ широкомъ, свѣтломъ фаланстерѣ ихъ тѣсновато, это устройство одной стороны жизни—другимъ неловко.

29. — Въ Вигандовомъ журналѣ статья Іордана объ отношеніи всеобщей науки къ философіи весьма замѣчательна. Критика, снявшая религію, стоя на философской почвѣ, должна идти далѣе и обратиться противъ самой философіи. Философское воззрѣніе есть послѣднее теологическое воззрѣніе, подчиняющее во всемъ природу духу, полагающее мышленіе за prius, не уничтожающее въ сущности противоположность мышленія и бытія своимъ тождествомъ. Духъ, мысль — результаты матеріи и исторіи. Полагая началомъ чистое мышленіе, философія впадаетъ въ абстракціи, восполняемыя невозможностью держаться въ нихъ, конкретное представленіе безпре-

рывно присуще; намъ мучительно и тоскливо въ сферѣ абстракцій—и срываемся безпрерывно въ другую. Философія хочетъ быть отдѣльной наукой, наукой мышленія und darum zugleich Wissenschaft der Welt, weil die Gesetze des Denkens dieselben seien mit den Weltgesetzen; dies muss zunächst umgekehrt werden: das Denken ist nichts anderes als die Welt selbst, wie sie von sich weiss, das Denken ist die Welt, die als Mensch sich selbst klar wird. А потому нельзя наукою мышленія начинать и изъ нее выводить природу. Философія не отдѣльная наука, на мѣсто ея должно быть соединеніе всѣхъ нынѣ разрозненныхъ наукъ.

ІЮЛЬ МѢСЯЦЪ

1.—Der Muth der Wahrheit, Glauben an die Macht des Geistes ist die erste Bedingung des philosophischen Studiums; der Mensch soll sich selbst ehren und sich des Höchsten würdig achten. Das verschlossene Wesen des Universums hat keine Kraft in sich, welche dem Muthe des Erkennens Widerstand leisten könnte, es muss sich vor ihm aufthun und seinen Reichthum und seine Tiefen ihm vor Augen legen und zum Genüsse bringen.—Hegel's Anrede an seine Zuhörer. 1818 Berlin. Къ этому надобно только присовокупить, что такую же вѣру твердую и непоколебимую должно имѣть и къ природѣ, къ этой вселенной, которая не имѣетъ силы скрыть свою сущность передъ духомъ, потому что она стремится раскрыться ему. Потому еще, что открываясь ему, она открывается себѣ.

4. — Писалъ статью для новаго журнала (который будетъ ли Богъ и Уваровъ знаютъ) объ натурфилософіи. По этому поводу прочиталъ или лучше пробѣжалъ Шиллера исторію Натурфилософіи отъ Бекона до Лейбница, скучная книга, хотя и есть интересныя подробности. Какая необъятная разница съ Фейербаховой исторіей. Потомъ попалась извѣстная брошюра Фихте о назначеніи человѣка, я ее очень давно читалъ, лѣтъ двѣнадцать или больше тому назадъ. Не помню въ которую эпоху онъ писалъ, но странно удовлетвориться этой profession de foi какъ послѣднимъ словомъ. Отвлеченное умозрѣніе не спасаетъ его отъ скептицизма, знаніе неудовлетворяетъ, онъ хочетъ дѣянія и вѣры (непосредственнаго и созерцательнаго начала). Но вѣра его приводитъ не къ реальному, а идеалистическому міру, правда этотъ духовный міръ у него и здѣсь и jenseits, т. е. сфера духа Гегеля и отчасти религіозная будущая жизнь, но въ основѣ ему лежитъ какое то странное желаніе быть неземною; дань ли это времени, или требованіе стоической, строго нравственной натуры ? Онъ волю ставитъ выше дѣянія.

8. — Преніе о правѣ вскрытія писемъ въ Лондонѣ. Тамъ жаловались Маццини и какой то полякъ, что у нихъ министерство читаетъ письма. Возмутился гордый духъ законности у передовыхъ англичанъ, дебаты кончились ничѣмъ, но высказанное велико и прекрасно. Между прочимъ оппозиція замѣтила, что подлѣйшее въ этомъ запечатываніе письма, что если нужно, то правительство должно дѣлать открыто вскрытіе и отмѣчать на письмѣ, а иначе это подлое шпіонство и фальшивый поступокъ. А у насъ—Боже мой—лучше и не оборачиваться.

9. — L'Alcade de Zalamea Калдерона. Характеръ Pebro Crespo превосходенъ, Don Lope и Elimelle также, имѣетъ прекрасный и чрезвычайно драматическій, особенно въ третьемъ днѣ. Великъ испанскій плебей, если въ немъ есть такое понятіе о законности, вотъ онъ элементъ вовсе неразвитой у насъ не токмо у мужика, но и у всѣхъ. У насъ оскорбленный или снесетъ какъ рабъ или отомститъ какъ взбунтовавшійся холопъ. Я смотрю здѣсь безпрерывно на нисшій классъ, въ всегдашнемъ соприкосновеніи съ нами; чего не достаетъ ему, чтобъ выйти изъ жалкой апатіи? Умъ блеститъ въ глазахъ, вообще на десять мужиковъ навѣрное восемь неглупы и пятеро положительно умны, смѣтливы и знающіе люди, ихъ много клевещутъ съ нравственной стороны, они лукавы и готовы мошенничать, но это тогда, когда становятся въ противоположность намъ. Иначе не можетъ быть, мы явно и законно грабимъ ихъ, сила не одинакая. Но когда они убѣдятся въ человѣкѣ (и я имѣю гордость себя включать въ это очень и очень ограниченное изъятіе), тогда они поступаютъ просто, даже наивно. Они не трусы, каждый пойдетъ на волка, готовъ на дракѣ положить жизнь, согласенъ на всякую ненужную удаль, плыть въ омутѣ, ходить по льду, когда онъ ломается etc. А видно, какъ Чаадаевъ говоритъ въ своей статьѣ, чего то недостаетъ въ головѣ, мы не умѣемъ сдѣлать силлогизмъ европейскій. Эта община, понимающая всю беззаконность нелѣпаго требованія, непризнающая въ душѣ неограниченной власти помѣщика, трепещетъ и валяется въ ногахъ его при первомъ словѣ!!

Memento mori! Разные memento стоятъ навсегда какъ погребальные памятники въ воспоминаніяхъ. Иной разъ идешь гулять и невзначай забредешь на кладбище

—и сдѣлается тяжело. Правда ли это, что въ духѣ человѣческомъ какъ въ морѣ ничего не пропало, что кануло въ него, а хранится на днѣ и при первой бурѣ готово все выбросить какъ упрекъ. Или только то хранитъ, что ядовито или жестко, а прекрасное какъ эѳирное масло улетаетъ, оставляя неопредѣленное благоуханіе. Многое горькое вспомнилось ; нѣтъ примиренія видно до гроба, а за гробомъ ни войны, ни мира, одна логика. Пусть тѣшатся другіе.

10.—Читаю Маржерета и только что кончилъ Бера. Беръ очень тупъ, Маржеретъ менѣе, какъ французъ и aventurier, притомъ много у него схвачено живо. И послѣ всего этаго не видать необходимости Петровскаго переворота? Нѣчто сильное бродитъ неустроенно и дико середь давящей, гнетущей и узкой государственной формы ; какъ было не разбить этотъ пошлый сосудъ народной жизни, какъ бы ни отречься, лишь бы отрѣчься отъ этаго міра мѣстничества, нелѣпаго патріархализма и совершеннаго невѣденія достоинства человѣческаго. Годуновъ, геніальный человѣкъ, падетъ жертвою династической нелѣпости, а больше перемѣнчивости народнаго характера, бросающагося нелѣпо на все. Первый Димитрій —энергическій воинъ, образованный, благородный юноша падетъ за то, что ѣлъ телятину. Плутъ, совершенно въ русскомъ характерѣ, староста-мошенникъ, Шуйскій падетъ за то, что избранъ одной Москвой и что теряетъ сраженія (тутъ есть хоть смыслъ) и въ тоже время полъ-Россіи стоитъ за грязнаго тушинскаго вора, представителя, пожалуй, не демократической, а кабацкой партіи. Потомъ Дума думала, думала да и выбрала мальчика царемъ, и покорилась вся страна старику монаху, патріарху при тушинскомъ ворѣ и сдѣ-

лавшемуся въ самомъ дѣлѣ, патріархомъ всероссійскимъ. Между прочимъ Маржеретъ говоритъ о вѣротерпимости русскихъ, это почти была бы аномалія, еслибъ въ самомъ дѣлѣ религія такъ сильно была вкоренена въ народѣ. Правда, они строго уважали формы, а этотъ формализмъ всего склоннѣе къ нетерпимости, но у насъ и эта сторона жизни не имѣла глубокихъ корней.

15. — Wer gegen das Endliche zu ekel ist, der kommt zu gar keiner Wirklichkeit, sondern er verbleibt in Abstrakten und verglimmt in sich selbst. — Encycl. I. Th. § 92.

16. — По поводу статьи перечитывалъ первую часть Гегелевой энциклопедіи, всякій разъ подобное перечитываніе открываетъ цѣлую безконечность новаго, поправляетъ, дополняетъ, уясняетъ и самымъ убѣдительнымъ образомъ показываетъ невѣденіе или неполноту знанія. Что сдѣлала наука съ обнародыванія Гегелемъ его философіи? а она была обработана въ 1818 году т. е. 25 лѣтъ тому назадъ. Только научились его понимать, и кое въ чемъ поправили языкъ его, привыкнувшій слишкомъ къ школьной глоссологіи и, не смотря на всю мощь своего генія, къ представленіямъ — болѣе ни шагу.

17. — Въ Allgemeine Zeitung статья о новыхъ открытіяхъ по части палеонтологіи. Важное расширеніе къ пониманію развитія органической жизни. Агассизъ доказалъ разборомъ ископаемыхъ рыбъ, что каждый геологическій періодъ имѣетъ цѣлое населеніе свое, не сходное (кромѣ, разумѣется, общихъ характеристикъ) ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Еще болѣе онъ открылъ, что чѣмъ древнѣе періодъ, гдѣ найдены

рыбы, тѣмъ болѣе неразвитому, фётальному состоянію соотвѣтствуютъ рыбы. Это напоминаетъ теорію Жофруа Сент-Илера о томъ, что высшіе млекопитающіе переходятъ въ утробѣ матери главныя фазы животнаго царства отъ инфузоріи до млекопитающаго.

Открытіе д'Орбиньи, разсматривавшаго наиболѣе ископаемые безпозвоночные ведетъ къ тому же заключенію; но Еренбергъ съ своими инфузоріями еще ничего не открылъ, указывающаго на соотношеніе ихъ формъ къ періодамъ. Извѣстно, что Еренбергъ доказалъ, что цѣлые слои известняка и разныхъ горнокаменистыхъ слоевъ принадлежатъ чешуѣ инфузорій.

20. — Кончилъ первое письмо объ естествовѣденіи. Кажется хорошо, а впрочемъ сначала все написанное кажется хорошо. Надобно перечитать черезъ мѣсяцъ или два. Вотъ бѣда журналистовъ и ихъ сотрудниковъ, они все печатаютъ съ брызгу и вѣроятно дорого иной бы разъ дали за право вырубить топоромъ закрѣпленное типографскимъ станкомъ.

— Началъ вторую часть Грёрера, интересъ поглощающій. Древній міръ, умирая, утратилъ почти все человѣческое достоинство; то, что было посѣяно всѣми цесарями, развилось при Діоклеціанѣ. Діоклеціанъ дѣлается царемъ въ смыслѣ восточномъ, въ *нашемъ* смыслѣ, онъ отрѣзывается отъ всѣхъ, онъ является мистическимъ лицомъ, божествомъ. Въ Римѣ воздухъ былъ не хорошъ для такихъ затѣй, Діоклеціанъ, жившій въ Никомедіи, разъ пріѣхалъ въ Римъ, но и то ускакалъ въ Равену. Римъ — это европейская почва! Новой, поглощающей всякую свободу, власти надобно было новый городъ, свой Петербургъ. Константинъ нашелъ его. Діоклеціана монархія вполнѣ развилась при Константинѣ,

гнусная, рабская, чиновничья, подлая ; народъ былъ до того обремененъ налогами, что толпами бѣжалъ съ своихъ земель; пытка, которой не смѣлъ Неронъ и Ф подвергать римскихъ гражданъ, распространилась на всѣхъ въ дѣлахъ оскорбленія величества. Восточные христіане и ихъ духовенство утратили тогда благородство первыхъ вѣковъ, они стали въ подломъ отношеніи къ власти и освободиться не могли впослѣдствіи. Оно, какъ всѣ *высшія натуры*, до того пренебрегало дѣйствительностью и до того жило въ сферѣ теологическихъ тонкостей, что не замѣчало своего подлаго положенія относительно власти. Константинъ принялъ благословеніе новой церкви и имъ окончательно укрѣпилъ отвратительное самодержавіе свое. Евсевій разсказываетъ, что онъ смѣлъ называть себя „Епископомъ внѣ церкви“ и самъ называетъ его всеобщимъ Епископомъ. Его тронъ въ церкви стоялъ возлѣ епископскаго, онъ имѣлъ право входить въ алтарь. Амвросій *Медіоланскій*, возмущенный этимъ, велѣлъ первый, тронъ Ѳеодосія поставить внѣ хора. Константинъ распоряжался съ церковью, какъ хотѣлъ. Она молчала, греческая святая церковь, и встрѣчала въ 448 году, императора Ѳеодосія II словами: „да здравствуетъ императоръ и первосвященникъ.“ Никогда западное духовенство не падало до этой степени, римская почва осталась чиста, хорошо что столица была перенесена. За то византійскіе епископы богатѣли, за это они могли и Константина назвать равноапостольнымъ. Гнусному порядку азіатскаго деспотизма въ Римской Имперіи, принадлежитъ честь укрѣпленія мужиковъ (Coloni) въ рабство. Бѣдные мужики кабалили себя богатымъ собственникамъ земли, потому что не могли платить подати. Какже не византійская

кровь перешла въ наше государственное устройство? По плодамъ—корень; да и по корню плоды.

Чему удивилась (или теперь удивляется, въ то время она и не думала ни о чемъ кромѣ рабскаго повиновенія) церковь учрежденію сѵнода и оберъ-прокурора, это лежитъ глубоко въ самомъ принципѣ восточной церкви. Императоры при соборахъ назначали одного или многихъ чиновниковъ, *для наблюденія за порядкомъ*. тоЭ такъ было съ временъ Константина. И эти то рѣшенія соборовъ, подъ явнымъ вліяніемъ временной власти, принимаютъ у насъ за вдохновенныя Святымъ Духомъ правила. Я не удивляюсь Юліяну Отступнику. Церковь представилась ему съ такой гнусной и подлой стороны, что онъ долженъ былъ отвернуться отъ нея. Евсевій совѣтовалъ его умертвить, понимая что такой человѣкъ не ихъ. Споръ съ Аріанизмомъ весьма важенъ и Грёреръ его вовсе не понялъ. Если Христосъ не единодушенъ, не тождественъ Богу, не Богъ, то христіанство падаетъ въ одну изъ тѣхъ религій, гдѣ соподчиняется богу его избранникъ и монотеизмъ, ограниченный въ родѣ іудейскаго или магометанскаго, остается. Все дѣло христіанства именно въ томъ и состоитъ, что Христосъ-человѣкъ—Христосъ-Богъ, Бого-человѣкъ. Но въ самой борьбѣ сколько интригъ, гадостей; какъ церковь стала подла, искательна. Люди помнили еще мученическія гоненія, были епископы, сидѣвшіе въ тюрьмахъ при Діоклеціанѣ. И черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ они жалки, разумѣется, исключая римское духовенство, папу и съ нимъ Аѳанасія. Константинъ приказалъ объявить исправленный сѵмволъ и велѣлъ отрѣшить Аѳанасія—толпа слушалась. Какъ величественны тутъ западные епископы. Пусть въ нихъ преобладала гордость, но въ нихъ мы видимъ людей.

Весьма можетъ быть, что въ теоретическомъ смыслѣ восточные были несравненно выше западныхъ; но ихъ уклончивый, лукавый характеръ, ихъ готовность унижаться передъ властью—покрываетъ ихъ пылью.

Лучшій изъ нихъ Григорій Назіанзинъ. Но и въ немъ нечего искать величія, колоссальности Аѳанасія; онъ одинъ носилъ въ себѣ идею православія, онъ осуществилъ ее, онъ исполнилъ Никейскій соборъ. Замѣчательно, что Юліанъ Отступникъ былъ полезнѣе своихъ предшественниковъ для ортодоксіи. Соборы вообще нечисты, да и изложеніе ихъ Грёреромъ тупо, онъ не понимаетъ ничего въ догматическихъ спорахъ. Іоаннъ Златоустъ сдѣлалъ несчастный опытъ: греческую церковь поставить нѣсколько независимѣе отъ власти—онъ умеръ въ ссылкѣ. Никонъ забылъ его біографію. Конечно греческая церковь иногда становилась посамобытнѣе напр. въ Египтѣ, при двухъ мерзавцахъ Теофилѣ и Кириллѣ (проклявшій Нестора въ Ефесѣ); но и тогда она прислонялась къ Римскому папѣ, и этотъ Кириллъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ православія. Во второмъ Ефескомъ Соборѣ, собранномъ противъ Флавіана Константинопольскаго, Діаскоридъ Александрійскій ввелъ толпу вооруженныхъ монаховъ, въ шумѣ и дракѣ переколотили всѣхъ несогласныхъ ему архіереевъ, Флавіана онъ самъ топталъ ногами и избилъ его такъ, что онъ черезъ три дня умеръ. И все что было положено этимъ соборомъ, утверждено императоромъ и принято церковью. Одинъ голосъ протестовалъ энергически, сильно и открыто — голосъ римскаго папы Льва I; онъ назвалъ этотъ соборъ latrocinium и имя это осталось въ народѣ. Но уступчивая восточная церковь не думала отстаивать своего собора, когда подулъ иной вѣтеръ изъ дворца, она въ Халкедонѣ прокляла недавно принятое, и бла-

гословила проклятое. И вотъ источникъ ея ортодоксіи.

Споръ о двойной натурѣ Спасителя самъ по себѣ чрезвычайно важенъ, но не онъ вовсе занималъ благочестивыхъ и вооруженныхъ кулаками архіереевъ, а мелкія личности, ненависть и властолюбіе безъ границъ или ограниченное только страхомъ передъ временною властью. Замѣчательно, что Ѳедоръ Монсуестійскій, доказывая что Христосъ былъ истинно человѣкъ, говоритъ: „Что за польза была бы намъ отъ страданій Христа, если онъ не имѣлъ человѣческую душу, это была бы комедія, а не истинная борьба жертвы, зрѣлище, въ которомъ побѣдоносный исходъ былъ приготовленъ и пр.“ Въ этомъ замѣчаніи видѣнъ глубокій смыслъ истины Ѳедора; теологи доселѣ не понимаютъ, что не токмо христовы страданія, но вся исторія съ ихъ точки зрѣнія выходитъ приготовленной комедіей, а если принять это, то надобно будетъ по совѣсти сказать прескверной, ибо какже объяснить милліоны милліоновъ страдавшихъ всю жизнь, умершихъ въ цѣпяхъ, казненныхъ etc., etc. Пусть бы подумали теологи о словахъ Ѳедора. Замѣчательно, что въ Африканской церкви, и всего болѣе у Донатистовъ, понятіе объ отношеніи государства къ церкви и независимости послѣдней было наиболѣе развито. Католицизмъ, отправляясь отъ великой мысли единства и поглощая государство, самъ сталъ церковью и государствомъ; византійская церковь скромно легла у подножія трона. Независимыми остались нѣкоторые расколы—эти вѣчные протесты противъ іерархіи и оцѣпененія. Когда къ Донату пришли увѣщеватели отъ императора, онъ гордо отвѣчалъ: Quid est imperatori cum ecclesia? Можетъ въ Сирійской церкви и иныхъ отдѣльныхъ и дальнихъ епархіяхъ, было болѣе независимости нежели въ средоточіяхъ Греческой церкви.

Споръ Пелагіанъ точно такъ же былъ витальный вопросъ Христіанства какъ Аріанизмъ. У нихъ христіанство превращалось въ ересь; безъ грѣхопаденія, безъ августиновскаго понятія о благодати нѣтъ церкви, нѣтъ католицизма. Въ Августинѣ и всемъ его ученіи видѣнъ уже сложившійся католикъ, принимая это слово въ его обширномъ смыслѣ, въ тѣсномъ смыслѣ напротивъ, Августина католики отвергали, напримѣръ Іезуиты. Споръ Пелагіанъ съ католиками потому не могъ кончиться, что истина рѣшительно между обоими.

Сегодня *десять* лѣтъ послѣ того какъ я былъ взятъ и началась сначала тюрьма, потомъ ссылка, потомъ гоненіе, продолжающееся поднесь!

23. — Ужасное лѣто, холодъ, дожди, дожди и дожди. И прошлое лѣто было скверно. Печальная полоса земнаго шара, какъ мало и скудно даетъ она человѣку! Пишутъ, что въ Германіи замѣтили астрономы пятно на дискѣ солнечномъ и что отъ этаго пятна зависятъ разныя метеорологическія перемѣны. Такъ или нѣтъ все равно. Возможность очевидная. Кто поручится за то, что какая нибудь перемѣна въ солнцѣ вызоветъ катаклизмъ во всю поверхность земнаго шара, и тогда мы съ звѣрьми и растеніями погибнемъ и на наше мѣсто явится новое населеніе, прилаженное къ новой землѣ. Страшная вещь, а отвѣчать нельзя. Одно настоящее наше, а его то цѣнить не умѣемъ.

27. — Сегодня здѣшніе крестьяне, испуганные страшнымъ лѣтомъ, видя хлѣбъ и луга погибающими отъ дождей, служили молебенъ. Печально и съ какою то торжественностью шли они въ церковь. Мнѣ стало ихъ вдвое жаль. И тамъ имъ не будетъ расправы, не будетъ

справедливости. Дѣти, они вѣрятъ, что сила молитвы, сила воли и довѣріе на помощь божію поправятъ погубленное свирѣпой случайностью—и обманутся!

29.—Въ Прагѣ и около работники продожаютъ войну съ машинами; въ Тюбингенѣ одинъ *честный* и *трудолюбивый* мастеровой, нѣсколько лѣтъ трудами своими кормившій пять человѣкъ дѣтей, и все едва вырабатывая хлѣбъ насущный, наконецъ приведенный въ совершенное отчаяніе безвыходностью положенія и желая спасти отъ бѣдности дѣтей, зарѣзалъ ихъ!

Пора же наконецъ опомниться людямъ, пора явиться религіи, которая на хоругви своей поставитъ уничтоженіе беззаконной привилегіи меньшинства.

АВГУСТЪ МѢСЯЦЪ

5.—Вчера ужасная гроза застала насъ въ лѣсу. Страшные удары грома вслѣдъ за молніями казалось раздробятъ насъ, дождь и градъ лился и сыпался. Какъ безпомощенъ и жалокъ человѣкъ въ этихъ случаяхъ. Одинъ Саша радовался на то, что его мочитъ. Мы уныло и глупо смотрѣли чѣмъ кончится. Какъ помириться съ этой зависимостью.

6.—Вторая гроза еще ужаснѣйшая, потому что была почти ночью. И въ эту грозу бѣдный Коршъ съ женой и малюткой былъ на дорогѣ къ намъ. Мы дома жались всѣ въ одной комнатѣ. Я ему былъ ужасно радъ. Сегодня утромъ Natalie едва оправилась отъ грозы послѣ

неспаной ночи, вдругъ опять сильное потрясеніе. Саша всталъ совсѣмъ здоровый и вдругъ упалъ безъ чувствъ, вскорѣ онъ пришелъ въ себя; не понимаю, что такое. Я не былъ тутъ въ комнатѣ, все это случилось при ней и на ея рукахъ. Что это за страшный омутъ случайностей, въ который вколочена жизнь человѣка, я иногда сознаю себя безсильнымъ бороться съ тупой, но мощной силой, во власти которой личность и все индивидуальное. Я здоровый и крѣпкій что то измученъ, какъ же ей слабой?

8. — Сашѣ не здоровится съ тѣхъ поръ, какъ его застала гроза. Дороги страшны, 50 верстъ отъ Москвы и нѣтъ средствъ въ большомъ экипажѣ проѣхать. Я лишенъ воспитаніемъ, а можетъ вслѣдствіе физическаго устройства этой особой оборотливости въ практической жизни, ловкости умно и догадливо устраивать всѣ подробности du ménage. Меня потому все такое сильно безпокоитъ. На то, чтобы середь безпрерывныхъ ударовъ случайности имѣть всегда твердость и мудрость карабельнаго капитана въ бурю, надобно несравненно болѣе силы характера нежели на подвигъ, которымъ обыкновенно удивляются, сдѣланнымъ въ минуты увлеченія, вдохновенія. Человѣкъ живетъ минутами, свѣтлыми полосами, между которыми темные, сѣрые переходы, что то мутное если не совсѣмъ черное. Эти рѣдкія мгновенія исполняютъ то, что жизнь обѣщаетъ, чего требуетъ она, это ея истина, высшая дѣйствительность идеи, осуществляющейся всегда во всякой эпохѣ человѣческой исторіи. Для лицъ только. Оно много, еслибъ мы умѣли пользоваться. А то эти минуты летятъ неуваженныя а за ними туманъ, изморозь, сырость, мелочи длятся, длятся.

— К. *) разсказывалъ, что по дѣлу о книжкѣ *Кавказскія продѣлки* графъ Строгоновъ получилъ бумагу отъ графа Орлова съ повелѣніемъ прислать Крылова**) съ жандармомъ въ Петербургъ. Строгоновъ, не показывая Крылову предписанія, отвѣчалъ графу Орлову, что у него жена больна и что онъ не можетъ исполнить этаго предписанія, буде же государь прикажетъ, готовъ выйти въ отставку. Позволили Крылову пріѣхать безъ жандармовъ. Что за не-русская черта! Честь и слава графу. A propos къ графамъ и жандармамъ, дочитываю теперь Consuelo, что за геніальное возстановленіе жизни высшаго общества въ половинѣ XVIII вѣка; какъ она постигнула дворъ Маріи Терезы, Фридриха. Что сказать объ эпизодѣ маркграфини съ ея дочерью? А вербовщики короля философа, правленіе людей, какъ торгующіе неграми, безъ апелляціи и надежды. Подобнаго во Франціи не дѣлалось, ни въ Англіи, это только возможно съ нѣмцами и въ Германіи. Хорошъ анекдотъ, цитированный барономъ Тренкомъ, что когда герцогъ Брауншвейгскій удивлялся страшнымъ эволюціямъ Фридрихова войска, тотъ ему сказалъ, „подивитесь тому, что середи его мы съ вами безопасны.“ Да, этому можно дивиться. Я далекъ, чтобы историческихъ дѣятелей судить съ сентиментальной точки зрѣнія, но нельзя же и симпатіи имѣть къ прозаически холодному ироническому безчеловѣчію.

9. — Читалъ Фейербаха о Лейбницѣ. Одна Германія, безпрестанно спящая, имѣетъ такія громадныя пробужденія какъ Лейбницъ, Лессингъ, Гёте. Что за гигант-

*) Вѣроятно Коршъ.
**) Профессоръ московскаго университета.

ская дѣятельность, что за многосторонность; всѣмъ занимается, со всѣми въ сношеніяхъ, обо всемъ хлопочетъ, всюду вноситъ свѣтъ своего генія, безпрестанно раскрытъ, готовъ писать, объяснять, обдумывать. Монадологія необходимо должна была быть изложена имъ. Спиноза, все пожертвовавшій философіи, видѣлъ только субстанцію, около которой кружится міръ акциденцій —его субстанція дожна быть единою. У Лейбница субстанція биномонадна—начало дѣятельности, движенія, себя опредѣляющая въ различіе съ другими, живая именно въ разчлененіи и въ противоположности. Это переходъ въ логикѣ отъ единицы къ многоразличію, это репульсія отъ себя. Изъ картезіанскаго протяженія наука углубляется въ субстанцію Спинозы; но эта субстанція опредѣляется *силою* Лейбпица, силою живой, субстанціальной, но не единой, а душою атома, монады, которыхъ безчисленное множество. Монада есть идеальный атомъ предмета, сила матеріи, ея единство; истиннаго единства невозможно найти въ матеріи, какъ въ страдательномъ, ибо все въ ней куча частей идущихъ въ безконечность; а такъ какъ множество получаетъ реальность только отъ истинныхъ единствъ, то я и прибѣгъ къ атомамъ, понимая подъ ними силу etc. Онъ очень близокъ къ понятію—монада есть уже въ нѣкоторомъ смыслѣ понятіе. Смутность представленія матеріальности и матеріи какъ необходимая связь монадъ, какъ ихъ среда, наконецъ живая связь всей вселенной, отражающейся, находящейся въ соотношеніи съ каждой монадой и наоборотъ, все это ставитъ Лейбница воззрѣніе на природу несравненно выше Декарта, Бекона, Спинозы. У него въ каждой росинкѣ блеститъ то солнце, которое одно на небѣ Спинозы.

14. — Письмо отъ Бѣлинскаго съ желчью и досадой писанное. Странный человѣкъ, онъ ищетъ любви, онъ полонъ нѣжности и, между тѣмъ, такъ раздражителенъ, такъ *невъротерпимъ*, что при малѣйшемъ разномыслiи готовъ обругать человѣка. Я знаю его и люблю, но иной могъ бы отвѣчать въ квадратѣ колко; Бѣлинскiй не остался бы назади и прекрасныя отношенiя лопнули бы. Не такъ ли онъ разошелся съ Аксаковымъ? Разумѣется онъ къ мнѣнiямъ Аксакова симпатiи наконецъ не могъ имѣть; Аксаковъ свое москвобѣсiе довелъ до absurdissimum, но нельзя же было и порвать такъ холодно связи многихъ лѣтъ. Дружба должна быть снисходительна и пристрастна, она должна любить лице, а не идею; идея общiй элементъ сближенiя, она можетъ дать товарища, единовѣрца, но дружба требуетъ признанiя лица, а не всеобщей мысли его. Психологически занимательный вопросъ, отчего пріятель, любящiй другаго, любитъ непримѣнно укорить его, радуется, старается доказать, высказать его маленькiй недостатокъ и готовъ можетъ быть, въ то же время скрыть его пороки, пожертвовать собою, защищая его. Sonderbar!

22. — Дѣятельность должна имѣть ограниченiе, чтобъ не разсѣяться, вотъ призванiе матерiи у Лейбница; матерiя ограничиваетъ чистую монаду, она раздѣляетъ монады между собой, она страдательный предѣлъ дѣятельности и съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣленность ея. Монада безпрерывно стремится освободиться отъ матерiи, т. е. отъ частности къ всеобшему. Дѣятельность, жизнь, душа и тѣло ея необходимые полюсы, это мировой идеализмъ и мпровая эмпирiя; всеобщность, родъ — единичность и частность. Теодицея неудачна, задача не возможна, какъ ни разрѣшай ее. Въ религiозномъ воз-

зрѣніи доля произвола всегда возможна и велика, „наука невозможна тамъ, гдѣ все возможно.“ Различіе разума и безумія стерто, гдѣ же опора науки? Воззрѣніе людей во время Лейбница было еще сильно пропитано антропоморфизмомъ, субъективной телеологіей, Лейбницъ не могъ отдѣлаться отъ вліянія среды, онъ для этаго былъ слишкомъ живой и увлеченный современностью человѣкъ. Онъ продолжалъ трудъ Спинозы, но онъ не имѣлъ силы отрѣшиться какъ Спиноза и съ высоты напомнить христіанскому міру „забытую имъ категорію отношенія предмета къ самому себѣ“ (а не къ человѣку); наконецъ, я полагаю, Лейбницъ не хотѣлъ слишкомъ гертировать понятія своего вѣка, у него не доставало той *неподкупной честности*, которая была у Спинозы. Высшая честность языка не токмо бѣжитъ лжи, но тѣхъ неопредѣленныхъ, полузакрытыхъ выраженій, которыя какъ будто скрываютъ вовсе не то, что ими выражается. Напротивъ, она стремится впередъ высказать, какъ понимаетъ и предупреждаетъ неистинное толкованіе. Впрочемъ въ тѣ времена умѣли религіи отводить скромный уголокъ, она жила тамъ сама въ себѣ, а наука занимала все остальное въ душѣ и онѣ не ссорились. Декартъ ходилъ пѣшкомъ къ Лоретской божьей матери просить ее на колѣняхъ помочь его скептицизму и никогда не подвергать религію разуму, т. е. не хотѣлъ думать объ ней. Даже матеріалисты, какъ Локъ, были на свой манеръ религіозные и все это въ неспѣтости и противорѣчіи, какъ у нашихъ Гегеле-православныхъ славянофиловъ; Лейбницъ напротивъ искалъ живаго примиренія и ничего не выходило кромѣ запутанности, затѣмнившей его прекрасное ученіе ученикамъ.

28. — Нѣсколько дней прекрасно проведенныхъ въ симпатическомъ кругу друзей и хорошихъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ сюда. Къ тому же и письма изъ Берлина. Семейныя дѣла Огарева никакъ не распутываются, что за фатумъ надъ нимъ. Нѣтъ, юность не прошла еще и подчасъ кажется, что есть элементы юности, которые умѣютъ храниться не токмо при входѣ въ мужество, но и съ сѣдиною. Дружба всегда была для меня великимъ поэтическимъ вознагражденіемъ; не мечтательный, не сосредоточенный въ себѣ, я искалъ наслажденія на людяхъ, дѣлилъ мысль и печаль съ людьми. Дружба меня привела къ любви. Я не отъ любви перешелъ къ дружбѣ а отъ дружбы къ любви. И эта потребность симпатіи, обмѣна, уваженія и признанія сохранились во всей силѣ. Юношески билось сердце, когда я видѣлъ подъѣзжающіе экипажи, какъ искренно хотѣлось мнѣ обнять добрыхъ друзей, какъ полно оцѣнилъ я ихъ жертву. О страшно вздумать охолодѣть и перестать чувствовать въ груди своей эти минуты безотчетной радости! Ни какіе опыты не даютъ права душѣ оттолкнуть все хорошее.

Кто изъ за ошибки, изъ за одного обмана плюнетъ на все, тотъ гордъ и безмѣрно самолюбивъ; нельзя теперь, какъ нѣкогда, дѣтски довѣряться, дѣтски играть —это уродливое Bettina will schlafen сказанное сорокалѣтней Mme von Arnim. Но есть кое что не бросаемое ни въ какомъ случаѣ въ море, лучше утонуть самому.

А изъ Москвы пишутъ и говорятъ о мерзкихъ интригахъ и происках. Богатство, деньги самый лучшій оселокъ для человѣка. Патріотизмъ, смѣлая гордость, открытая рѣчь, храбрость на полѣ битвы, услужливая готовность одолжить, все это легко встрѣтить; но человѣка, который бы твердо сочеталъ свою честь съ

практикой такъ, чтобы не кочнуться на сторону 1000 душъ или полумилліона денегъ—трудно. Собственность гнусная вещь; сверхъ всего несправедливаго, она безнравственна и какъ тяжелая гиря гнететъ человѣка внизъ, она развращаетъ человѣка и онъ становится на одной доскѣ съ дикимъ звѣремъ, когда корысть сбрасываетъ его съ пьедестала историческаго Standpunkt. Оттого ни одна страсть не искажаетъ до того человѣка какъ скупость, не смотря на все то, что Байронъ сказалъ въ ея защиту. Расточительность, мотовство не разумны но не подлы, не гнусны. Оно потому дурно, что человѣкъ ставитъ высшимъ наслажденіемъ самую трату и нѣгу роскоши; но его неуваженіе къ деньгамъ скорѣе добродѣтель, нежели порокъ. Они недостойны уваженія такъ, какъ и вообще всѣ вещи, человѣкъ ихъ потребляетъ, употребляетъ и на это имѣетъ полное право, но любить ихъ страстно, т. е. поддаваться корыстолюбію верхъ униженія. Христіанство не даромъ такъ враждебно смотритъ на собственность и на имущество, *точимое молью*. Въ роскошномъ уничтоженіи временное достигаетъ цѣли, оно гибнетъ, доставивши наслажденіе высшему существу. Въ скопленіи совсѣмъ напротивъ, человѣкъ начинаетъ принадлежать вещи. Слово „недвижимое имущество“ выражаетъ капканъ, въ которомъ пойманъ подвижной духъ. Звѣрь и тотъ уже освобожденъ отъ неподвижности—человѣкъ возвращается къ ней черезъ гражданскій порядокъ. Гегель въ молодости своей занимался французской революціей, когда она догорала и разбирала политическое состояніе человѣка указываетъ превосходно на жалкое положеніе, въ которое втолкнулись люди: « Es war eine Beschrenkung auf eine ordnungsvolle Herrschaft über sein Eigenthum, ein Beschauen und Genuss seiner völlig unterthä-

nigen kleinen Welt; und dan auch diese Beschränkung versöhnende Selbstvernichtung und Erhebung im Gedanken an den Himmel. » Да, недвижимое имущество здѣсь и награда *тамъ*. Это двѣ цѣпи, на которыхъ и поднесь водятъ людей. Но теперь *работники* принялись потряхивать одну изъ нихъ, а другая давно заржавѣла отъ лицемѣрныхъ слезъ пастырей о погибшихъ овцахъ. Наши внуки увидятъ.

За то какъ спокойно и съ какимъ благороднымъ сознаніемъ смотритъ человѣкъ на эти злобныя, искажающія все хорошее въ мелкой душѣ страсти и равно торжествуетъ : онъ ли побѣдитъ или онѣ побѣдятъ. Нищеты я боюсь, такъ устроенъ міръ ; особенно боюсь я въ Россіи, гдѣ одни деньги и даютъ право. Но далѣе того, что называется une position honnête хлопотать не стану ни для себя, ни для дѣтей.

30.—Hegel's leben—Розенкранца. Розенкранцъ ограниченный человѣкъ и плохой мыслитель, слѣдственно его разсказъ плохъ и взглядъ очень ограниченный, но книга важна выписками и приложеніями. Жизнь Гегеля была жизнь и развитіе его системы, она текла совершенно по германски, по школамъ, гимназіямъ и университетамъ. Самое поэтическое отношеніе у него было съ Гелдерлиномъ, близости съ Шеллингомъ я не вижу. Систему свою въ первый разъ Гегель набросалъ въ 1800 году, ему было 30 лѣтъ (родился 1770). Прекрасный подарокъ на зубокъ XIX вѣку, тогда уже онъ съ Шеллингомъ распался. Главный планъ и основное тогдашней системы не перемѣнилось, но только развилось. Мѣстами въ приводимыхъ отрывкахъ, языкъ напоминаетъ мистическое вліяніе ; пластичность выраженій и образы мѣткіе встрѣчаются вездѣ, возражая Рѣдкину,

требующему, чтобъ предметы наукообразнаго содержанія излагались языкомъ чистаго мышленія и пр. Въ тогдашнемъ опытѣ философіи природы находится замѣчательное мѣсто о строеніи земнаго шара; расчлененіе онаго (надобно замѣтить, что Гегель отдѣлилъ земную планету, какъ всеобщій индивидуумъ ея элементарныхъ процессовъ и какъ распаденіе (auseinanderfallen) внѣшняго смѣшенія камней и земель), принималъ онъ за результатъ безусловнаго прошедшаго, котораго они нѣмымъ представителемъ и остались, они теперь равнодушно стоятъ рядомъ, потерявши отношеніе свое, пораженные будто параличемъ. Мысль чрезвычайно важная, отсюда нельзя ли ждать когда нибудь отгадки, для чего и какъ явилось вещество планеты простыми тѣлами; что побудило сочетаться въ извѣстныя горнокаменныя породы, не былъ ли это опытъ жить всею планетой, такъ, какъ растенія, опытъ жить всею поверхностію?... Въ отдѣлѣ Geist, Гегель тогда опредѣлилъ семейство индиферентностью рабства и свободы. „Въ естественномъ состояніи человѣкъ говоритъ женщинѣ: ты плоть отъ плоти моей; въ нравственномъ онъ говоритъ ближнему: ты духъ отъ духа моего“—водворяя такимъ образомъ равенство отношеній. Философія права того времени отвлеченна и полна схоластицизма, она неудовлетворяетъ широкимъ основаніямъ и стремится оправдать существующее. Философія религіи почти вполнѣ понимаема имъ была такъ, какъ впослѣдствіи. Абстрактность и формализмъ приводятъ его къ результатамъ страшнымъ; напримѣръ, онъ находитъ необходимость дворянства какъ противоборство въ формѣ повиновенія, необходимость всѣхъ сословій, трусости купцовъ и проч. Воинамъ не убитымъ онъ вмѣсто утѣшеній предлагаетъ спекуляціи, чтобъ вознаградить несчастіе остаться въ

жизни и пр. Въ философіи религіи онъ ясно высказываетъ, что протестантизмъ временная форма, и что возможна новая религія, въ которой духъ на собственной своей почвѣ, въ величіи собственнаго образа явится религіей и философіей вмѣстѣ. Впослѣдствіи онъ этотъ результатъ такъ просто не высказывалъ. 2 ноября 1800 г. писалъ онъ къ Шеллингу о своей системѣ, гдѣ между прочимъ говоритъ: «Ich frage nicht jetzt welche Rückkehr zum Eingreifen in das Leben der Menschen zu finden ist?» Въ 1805 году, Гегель, читая курсъ исторіи, опредѣлилъ себя относительно Шеллинга, и Шеллинга относительно науки такъ, какъ послѣ они и остались. Замѣчательно, что вся Германія отстала отъ Гегеля и уже въ наше время смекнула въ чемъ дѣло, да и то Шеллингъ своимъ мистическимъ дурачествомъ самъ привелъ къ критикѣ. Въ Іенѣ у Гегеля было очень мало слушателей— его рѣшительно не понимали студенты. Тамъ въ 1806 окончилъ онъ свою феноменологію (Розенкранцъ очень хорошо ее назвалъ Пургаторіемъ) и когда французы взошли въ Іену, онъ положилъ въ карманъ рукопись и пошелъ искать пристанища у Габлера. Тутъ онъ видѣлъ Наполеона—diese Weltseele какъ онъ говоритъ. „Странное чувство, продолжаетъ онъ, видѣть такое лице, вотъ эта точка, сидящая на лошади, тутъ..... царитъ міромъ.“

И прибавить слѣдуетъ: въ толпѣ, едва замѣтная фигура, бѣдный профессоръ несетъ въ карманѣ исписанные листы, которые не меньше будутъ царить, какъ приказы Наполеона. Жизнь! Гегель женился въ 1811 году и писалъ въ честь своей невѣсты очень незвучные, но за то очень основательные стихи. Въ жизни былъ великій филистеръ.

СЕНТЯВРЬ МѢСЯЦЪ

3. — Не знаю счастіе или нѣтъ великимъ людямъ, что передавать ихъ жизнь всего чаще случается людямъ ограниченнымъ. Ласъ-Казъ, Екерманъ, Розенкранцъ приносятъ въ свое дѣло усердіе и честность, но ни понятія, ни таланта. Другой иначе бы воспользовался жизнью Гегеля, онъ представилъ бы этаго человѣка демоническимъ явленіемъ, мыслью, поглотившею всю дѣятельность, но мыслью, носившею религію, науку, искусство, право будущаго. У Гегеля внѣшней жизни не было; одно существованіе: онъ жилъ въ логикѣ, въ наукѣ и довлѣлъ себѣ; у него не было друзей. Женившись 40 лѣтъ, онъ передъ свадьбой писалъ къ невѣстѣ диссертацію объ обязанностяхъ брака, онъ отталкивалъ своими пріемами, его улыбка была добродушіе съ ироніей, онъ не умѣлъ говорить. И все это вмѣстѣ характеризуетъ его въ десять разъ болѣе, нежели натяжки Розенкранца представить его дѣятельнымъ ректоромъ, прекраснымъ пріятелемъ, мужемъ. Гегель былъ величайшій представитель переворота, долженствовавшаго отъ A до Z провести новое сознаніе человѣчества въ *наукѣ*; въ жизни онъ былъ ничтоженъ. Къ этому, само собой разумѣется, много способствовало время, въ которое онъ жилъ и страна. Берлинъ сверхъ того имѣлъ на него вліяніе; въ практическомъ мірѣ Гегель былъ мѣщанинъ. Онъ не постыдился просить защиту прусскаго министерства противъ злой критики, помѣщенной въ прусскомъ журналѣ по поводу неделикатной и почти

подлой выходки противъ Фриза, онъ совѣтывалъ ограничить свободу печатанія журнала. Наконецъ его преподаваніе философіи права, сколько принесло важной пользы и разсѣяло пустую и всеобщую теоретическую демагогію, столько же сдѣлала вреда, защищая съ энергіей существующее зло, и ругаясь какъ надъ величайшей пошлостью, надъ *прекрасной душой* юношескихъ порывовъ.

4. — Пора ѣхать въ Москву, а смерть не хочется. Здѣсь жизнь какъ то чище и благороднѣе. Дѣйствительнаго дѣянія, на которое мы бы были призваны, нѣтъ, выдыхаться въ вѣчномъ плачѣ, въ сосредоточенной скорби не есть дѣло. Что же мнѣ дѣлать въ Москвѣ? Быть тутъ — зачѣмъ? Два, три близкихъ человѣка и толпа глупая, гадкая. Когда я смотрю на бѣдныхъ крестьянъ, у меня сердце обливается кровью, я стыжусь своихъ правъ, стыжусь, что и я долею способствую заѣдать ихъ жизнь, и этотъ стыдъ поднимаетъ душу и не безплоденъ; тутъ на бѣдной, жалкой скалѣ я могу что нибудь сдѣлать. А та толпа вселяетъ презрѣніе, она не голодна, она сыта и рада, что сыта. О еслибъ гдѣ нибудь въ теплomъ краю годъ-два пожить, пожить дѣятельно и мыслію и сердцемъ, но безъ толпы. Мнѣ даже люди выше обыкновенныхъ начинаютъ быть противны; этотъ суетный, сорокалѣтній парень Хомяковъ, просмѣявшійся цѣлую жизнь и ловившій нелѣпый призракъ Руссо-византійской церкви, дѣлающейся всемірной, повторяющій одно и тоже, погубившій въ себѣ гигантскую способность, и Аксаковъ, безумный о Москвѣ, ожидающій не нынче завтра воскресенія старинной Руси, перенесенія столицы и чертъ знаетъ что. Даже И. В. Киреевскій страненъ при всемъ благородствѣ. Бѣлинскій

правъ. Нѣтъ мира и свѣта съ людьми до того розными.

A propos, въ Allgemeine Zeitung выписка изъ статьи Бѣлинскаго о „Парижскихъ тайнахъ“ и именно они нашли на то, что меня остановило, у насъ нельзя такимъ образомъ хвалить сытость (тѣмъ болѣе что и она очень апокрифна) и ругать революцію 30 года—impasse. Опять броситъ онъ на себя подозрѣніе въ сервильности.

Москва.

15.—Давно пріѣхалъ; но что то не хотѣлось брать въ руки журналъ. Первая новость, которую я услышалъ, происшествіе на Лепешкинской фабрикѣ. Какіе то помѣщики Дубровины отдали въ кабалу 700 человѣкъ крестьянъ, оторвавши ихъ отъ семействъ и заставляя, оставшихся въ деревнѣ стариковъ и дѣтей обработывать барщину.

Пригонять крестьянъ на работу дѣло обыкновенное, на дорогу и въ разныя мѣста, преимущественно казенныя; нелѣпость и даже беззаконность поступка очевидны. Крестьянинъ по закону работаетъ только три дня на господина, а тутъ онъ для себя не можетъ ничего сдѣлать. Но благо они терпятъ, правительство молчитъ. Дубровинскіе крестьяне оказались не такъ нравственными, оставили работу и пошли толпою жаловаться къ генералъ-губернатору; онъ собрался ѣхать въ деревню, откуда онъ управлялъ въ теплую погоду губерніей, и поѣхалъ, поручивъ разобрать какому то адъютанту. Тотъ, желая отличиться усмиреніемъ революціи и найдя сопротивленіе, далъ залпъ по голодной толпѣ, перебилъ нѣсколько человѣкъ и все взошло въ порядокъ. Теперь присланъ чиновникъ изъ Министерства Внутрен-

нихъ Дѣлъ дѣлать слѣдствіе. Благородное россійское дворянство, нечего сказать! Въ Новгородѣ выборные чиновники до того напакостили, что государь велѣлъ новгородскому дворянству объявить и просилъ дать знать, что онъ „съ горестью видитъ, что дворянство не умѣетъ пользоваться правами, ему дарованными, и буде впредь оно не исправится, онъ отмѣнитъ права.“

Что за люди, а впрочемъ они потому и не умѣютъ пользоваться, что права дарованы и дарованы тогда, когда объ нихъ и въ голову не приходило. Въ pendant. А судъ парламента освободилъ О'Коннеля. Великая страна, благоговѣть надобно передъ этой высокой, святой правомѣрностью. Это событіе всемірное, важность его неисчислима. „О'Коннель противъ королевы.“ Англичане враги, перы, аристократы все подчинили закону и великое, пластическое, плутарховское лицо агитатора снова явилось середь Дублина, съ тою же рѣчью, съ тѣмъ же видомъ. Истинно доблестная личность, его не удивила, не ошеломила свобода, онъ вышелъ изъ тюрьмы готовымъ на трудъ, вооруженнымъ, его первое слово было въ пользу репиля, онъ требуетъ, чтобъ судили пристрастныхъ судей и смѣется надъ юриспруденціей attorney general. Бѣдные, жалкіе славянофилы! Ну что же Англія то не проваливается, или въ Европѣ, въ запустѣвающемъ западѣ остались двѣ, три жилы полныя здоровой кровью? И не эта ли кровь недавно въ монархической Пруссіи раздалась при закладѣ Кёнигсбергскаго университета, почти надъ ухомъ самаго короля, клавшаго первый камень. Святая почва Европы, благословенье ей, благословенье!

— Кончилъ Розенкранцеву книгу. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, что до сихъ поръ нѣмцы, а за ними и всякая всячина, считаютъ Гегеля сухимъ логикомъ, костянымъ

діалектикомъ въ родѣ Вольфа, въ то время какъ каждое изъ его сочиненій проникнуто мощной поэзіей, въ то время какъ онъ, увлекаемый (часто противъ воли) своимъ геніемъ, облекаетъ спекулятивнѣйшія мысли въ образы поразительности, мѣткости удивительной. И что за сила раскрытія всякой оболочки мыслью, что за молніеносный взглядъ, который всюду проникаетъ и все видитъ, куда ни обернулъ бы взоръ. Взглянулъ ли на хитрость, онъ говоритъ: „хвала хитрости, она — женственность воли, иронія безумной силы. Она не плутовство—она совмѣстима съ чрезвычайной открытостью. Величіе поступковъ (das Betragen) состоитъ въ томъ, чтобъ своей открытостью заставить другихъ показаться такими, какими они есть, такая открытость перехитритъ безъ интриги.“ Стыдъ, что такое стыдъ? « Das Trennbare, so lange es vor der vollständigen Vereinigung noch ein Eigenes ist, macht den liebenden Verlegenheit. Es ist eine Art von Widerstreit zwischen der völligen Hingebung, der einzig möglichen Vernichtung, der Vernichtnng des Entgegengesetzten in der Vereinigung und der noch vorhandenen Selbstständigkeit. Jene fühlt sich durch diese gehindert. Die Liebe ist unwillig über das noch Getrennte, über ein Eigenthum. Diese Zürnen der Liebe über Individualität ist der *Schaam*. Sie ist nicht Zücken des Sterblichen, nicht Aeusserung der Freiheit, sich zu erhalten, zu bestehen. Bei einem Angriff ohne Liebe wird ein liebevolles Gemüth beleidigt. Sein Schaam wird zum Zorn, der jetzt nur das Eigenthum, das Recht vertheidigt. Wäre die Schaam nicht eine Wirkung der Liebe, die nur darüber, dass etwas Feindseliges ist, die Gestalt des Unwillens hat, sondern ihrer Natur nach selbst etwas Feindlicher das ein angreifbares Eigenthum behaupten wollte, so müsste man von den Tyrannen sagen, sie haben am meisten Schaam, so wie von Mäd-

chen die ohne Geld ihre Reise nicht preisgeben oder von den eitlen die durch sie fesseln wollen. Beide lieben nicht. Ihre Vertheidigung des Sterblichen ist das Gegentheil des Unwillens über dasselbe. Sie legen ihm in sich einen Werth bei, sie sind Schaamlos. Ein reines Gemüth schämt sich der Liebe nicht, es schämt sich aber, das diese noch nicht vollkommen ist, sie wirft es sich vor, dass noch eine Macht. ein Feindliches ist, welches der Vollendung hinderlich и проч. Такихъ мѣстъ чрезвычайно много. Я читаю теперь его исторію философіи. Что за изложеніе: Софисты, Сократъ, Аристотель, да это такіе, высоко художественные, оконченные возстановленія, передъ которыми долго останавливаешься, пораженный свѣтомъ. И все это сухой логикъ!

17.—Оттого, что мы глубоко, непремиримо распались съ существующимъ, оттого ни у кого нѣтъ собственно практическаго дѣла, которое было бы принимаемо за дѣло истинное, вовлекающее въ себя всѣ силы души. Отсюда небрежность, nonchalence, долею эгоизмъ, лѣнь и бездѣйствіе. Вотъ среда благопріятная для развитія! Чѣмъ больше, чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ лучшихъ, благороднѣйшихъ людей, тѣмъ яснѣе видишь, что это неестественное распаденіе съ жизнію ведетъ къ идіосинкразіямъ, къ всякимъ субъективнымъ блажнямъ. Beatus ille, qui procul negotiis можетъ съ головою погрузиться въ частную жизнь или въ теорію. Не всякій можетъ. И эти то немогущіе вянутъ въ монотонной, длинной агоніи, плачевной и главное убійственно скучной. Въ юности все еще кажется, что будущее принесетъ удовлетвореніе всему, лишь бы добраться поскорѣе до него, но nel mezzo del camin di nostra vita нельзя себя тѣшить—будущее намъ лично ничего не предвѣщаетъ,

развѣ гоненія усугубленныя и опять скуку бездѣйствія. Будутъ ли наши дѣти счастливѣе? Всякій разъ какъ я вижу Чаадаева, напримѣръ, я содрагаюсь. Какая благородная, чистая личность и что же? въ этой жизни тяжелая атмосфера сѣверная сгибаетъ въ ничтожную жизнь маленькихъ преній, пустой траты себя словами о ненужномъ, ложной замѣной истиннаго дѣла и слова. Хорошо кому это по натурѣ какъ Хомякову, онъ родился для византійско-петербургскаго порядка дѣлъ.

Жизнь безъ сильныхъ искушеній, несчастій такъ же неполна, какъ безпрестанно подавляемая несчастіемъ. Вѣчное горе дѣлаетъ скрытнымъ, недовѣрчивымъ, наконецъ повергаетъ въ совершенное безучастіе къ себѣ и къ окружающему и въ этомъ оно похоже на счастіе никогда не возмущавшееся; благородная натура не потеряетъ симпатій своихъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, но онѣ остаются въ какой то непроявляемой Innerlichkeit. Вообще жизнь для полнаго развитія требуетъ событій; въ иномъ хранится бездна возможностей, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ и которыя никогда не дойдутъ до одѣйствоворенія, не будучи вызваны внѣшними условіями, наоборотъ теоретически можно увѣриться въ такихъ силахъ своихъ, которыхъ вовсе нѣтъ. Бѣда нашего вѣка въ расторженіи теоретической жизни и практической, исключая впрочемъ Англію. У грековъ было не такъ, отъ того жизнь ихъ (въ своихъ предѣлахъ, разумѣется) была виртуознѣе и лучше. Между прочимъ мы себя раздражаемъ безпрерывно мечтами, этимъ суррогатомъ дѣйствительныхъ страстей. Одинъ никого не любитъ, а влюбленъ, теоретически хочетъ жениться во что бы ни стало, другой выдумываетъ другую мнимую муку и носится съ нею, все это одинакимъ образомъ свидѣтельствуетъ о

совершенномъ недостаткѣ истинныхъ, все поглащающихъ занятій; дѣятельность теоретическая недостаточна.

23. — Объясненіе съ Д. II. *) — omni casu его поступокъ благороденъ, ничѣмъ не понуждаемый, онъ самъ пришелъ ко мнѣ, чтобъ подробно и, какъ кажется, открыто изложить причину своего образа дѣйствій относительно наслѣдства. Гордость, аристократическія понятія на первомъ планѣ. Старику это достойное наказаніе за цѣлую жизнь эгоизма и непослѣдовательности убѣжденіямъ, когда только замѣшивалась корысть, за его неуваженіе къ человѣку, за его скрытную двуличность. Мы разстались не безъ уваженія другъ къ другу, я совершенно прямо говорилъ о моихъ отношеніяхъ, мнѣ нечего прятать, все что я дѣлаю, я могу дѣлать всенародно, особенно въ этомъ, т. е. въ финансовомъ отношеніи. А между тѣмъ, онъ одному Д. П. вѣрилъ, на сколько могъ. И въ этомъ продолженіе казни. Au reste qui vivra verra. Рано или поздно придется и окончательно высказаться.

Все время штудировалъ Аристотеля въ Гегелевой исторіи философіи. Господи, вотъ талантъ то. Я его считаю замыкателемъ греческой философіи. Нео-платонизмъ не имѣетъ того огромнаго сціентифическаго значенія, кажется мнѣ, которое ему придаютъ теперь и Гегель.

А впрочемъ кто гигантъ Аристотель или Грецiя? Гераклитъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова положилъ въ основу πάντα ῥεῖ. А софисты это бретеры діалектики.

*) Галахвастовъ.

30. — Armance возвратилась. Что за странная, уродливая исторія! Я не обвиняю, не хочу обвинять; но не могу не видать безумія во всемъ и въ нихъ обоихъ. Конечно Б. *) болѣе виноватъ, нежели 18-ти лѣтняя неразвитая, пылкая парижанка, ему 35 лѣтъ да и нравъ не такъ порывистъ. Для чего же онъ женился? Для чего она шла за него, видя его рефлекцію и пр. Черезъ 7 дней — въ ссорѣ, черезъ мѣсяцъ въ разлукѣ и на всегда. Она оскорблена, страдаетъ.

Неразвитость ея не резонъ, онъ долженъ былъ развить ее. Эгоизма бездна виднѣется въ этомъ пренебреженіи къ ближнему, что то Горасовское. И зачѣмъ она пріѣхала? Ей, ей все безуміе и одно безуміе.**)

Бакунину префектъ въ Парижѣ велѣлъ выѣхать — знай нашихъ — одинъ испанскій exaltado говорилъ, что Бакунинъ далеко ушелъ. Въ Цюрихѣ въ тюрьмѣ, а изъ Парижа выслали.

ОКТЯВРЬ МѢСЯЦЪ

3. — Постояно занимаюсь чтеніемъ Гегелевой исторіи философіи и статьей. Началъ ходить къ Глѣбову на лекціи, читаетъ прекрасно сравнительную анатомію и анатомію человѣческаго тѣла.

8. — Продолжаю заниматься и оттого рѣдко добираюсь до журнала. Надобно обратить побольше вниманія на естественныя науки, ими многое уясняется въ вѣч-

*) Боткинъ.

**) См. въ „Посмертныхъ Сочиненіяхъ“ разсказъ подъ заглавіемъ „Базиль и Армансъ“.

ныхъ вопросахъ. Я отсталъ, десять лѣтъ почти вовсе не занимался ими.

15.—На дняхъ получилъ прекрасное письмо отъ Огарева, не смотря на всѣ странности, на всѣ слабыя стороны его характера, я рѣшительно не знаю человѣка, который бы такъ поэтически, такъ глубоко и вѣрно отзывался на все человѣческое. Я совершенно примирился съ нимъ, а то были минуты, въ которыя я негодовалъ и очень. Женщина эта мучитъ его, преслѣдуетъ и не выпускаетъ изъ рукъ добычи. Онъ ее не любитъ и между тѣмъ не можетъ отвязаться отъ нея —психическая задача. Долго ни онъ, ни Сатинъ не пріѣдутъ, и прекрасно для нихъ, пусть надышатся европейскимъ воздухомъ. А у насъ подтвержденіе ѣздить по чинамъ, какъ Петръ и Павелъ учреждали. Говорятъ еще, что право носить бобровые воротники предоставится только оберъ-офицерамъ. Чиновничество и византійскій китаизмъ. Женѣ Юшневскаго не позволяютъ возвратиться черезъ 19 лѣтъ.

Я чрезвычайно радъ, что попалъ опять на естественныя науки, надобно чѣмъ нибудь заглушить все, что остается отъ энергіи, кругомъ туманъ и конца ему не видать. И такъ кажется мы начинаемъ дѣлаться прошедшимъ! Вотъ и упованія. Здѣсь особенно скучны эти славянофилы, опять сдѣлались мнѣ противны, они сверхъ тупости хитры, коварны, исключая, разумѣется, двухъ, трехъ. Ихъ представитель Маякъ, напечатавшій нагло свое позорное и невѣжественное profession de foi.....

Разрѣшенія на журналъ нѣтъ; это кажется послѣдняя мечта и та не сбудется! Стыдная жизнь; иногда бываетъ такъ тяжело, такъ тяжело, что апатія овладѣваетъ всѣмъ существомъ и хотѣлъ бы только ѣсть и пить.

21. — Переговоры о наслѣдствѣ etc. Удивительную мощь даетъ человѣку неуваженіе денегъ или по крайней мѣрѣ, когда въ немъ есть извѣстныя убѣжденія, которыя онъ ставитъ выше денегъ. Разумѣется, въ томъ случаѣ, когда это неуваженіе происходитъ не отъ Ноздревской безсчетности, а напротивъ соединено съ полнымъ сознаніемъ важности денежныхъ средствъ. Я отказался отъ Покровскаго, чтобъ не быть причиной ссоръ и дальнѣйшей запутанности. Отказъ съ моей стороны выкажетъ всѣхъ. Дм. Пав. странно судитъ, исполненъ предразсудковъ, но прямо обвинить его еще не могу, напротивъ много дѣльнаго и *шляхетно* благороднаго. Но что дѣлаетъ старикъ, Боже мой! Боже мой! Какъ страшно правъ Гоголь, говоря: забирайте теплыя и святыя чувства съ собою изъ юности, безъ нихъ старость страшитъ хуже могилы, на могилѣ хоть есть надпись, а въ безчувственныхъ чертахъ старости ничего не прочтешь. Эгоизмъ все вытравливаетъ съ лѣтами, если только неэгоистическія, человѣческія стороны такъ слабы, что могутъ вытравиться. Нѣтъ, такой старости не желаю, лучше умереть въ разгарѣ жизни, нежели живому пережить себя.

29. — Анатомія со всякимъ днемъ открываетъ мнѣ бездну новыхъ фактовъ, а съ ними мыслей, взглядовъ etc. на природу. Много знаютъ натуралисты, а во всемъ есть *нѣчто*, чего они не знаютъ и это нѣчто важнѣе всего, что они знаютъ. Объ этомъ именно я много писалъ въ своей статьѣ. A propos, я увѣренъ, что зоогностическая классификація Кювье и новѣйшихъ зоологовъ не удержится. Почему инфузоріи помѣщены ниже полиповъ? потому что малы; вообще безпозвочные худо размѣщены у Кювье: молюски вслѣдъ за позвоночными,

но есть молюски чрезвычайно бѣдно организованные, всѣ безголовые; articulata не ниже высшихъ молюсковъ. Дѣло въ томъ, что прямолинейно нельзя расположить никакого царства природы, она разбрасывается и по множеству направленій достигаетъ высшихъ типовъ. Декандоль давно предлагалъ классификацію представлять въ томъ видѣ, какъ географическія карты. Читалъ Либиха органическую химію; много хорошаго, но и много гипотетическаго.

НОЯВРЬ МѢСЯЦЪ

2. — Вчера въ плохомъ французскомъ спектаклѣ я былъ взволнованъ плохою пьэсой и всего болѣе плохою публикою. Пьэса очень не важная, изъ нынѣшнихъ сентиментальныхъ и моральныхъ французскимъ пьэсъ, гдѣ музыка играетъ въ мѣстахъ лирическихъ, а человѣкъ бредитъ на яву въ мѣстахъ патетическихъ. Но не въ этомъ дѣло. На сценѣ былъ представленъ старикъ музыкантъ, не ѣвшій, бѣдный, котораго хозяинъ дома выгоняетъ на улицу, у котораго отнимаютъ послѣднюю утѣху, старое фортепіано; старикъ проситъ, умоляетъ оставить ему инструментъ; строго исполняющій законъ и защищаемый имъ propriétaire не слушаетъ. Сцена страшная, вопіющая противъ современной общественности. Сцена производящая тупую боль, щемленіе, и до отвратительной степени вѣрная, ежедневная, ну возмутительная наконецъ. Я посмотрѣлъ на кресла, я поднялъ глаза на ложи. По сытому выраженію лица видно было, что они голоднаго не разумѣютъ. Что съ ними надобно

сдѣлать, чтобъ они начали понимать, чтобъ у нихъ сердце сверхъ приливовъ и отливовъ крови еще имѣло бы какое нибудь содержаніе.

— Гагаринъ католикъ сдѣлался іезуитомъ, онъ хочетъ натурализироваться во Франціи и потомъ, сдѣлавшись священникомъ, возвратиться въ Россію. Всякое убѣжденіе, заставляющее человѣка пренебрегать всѣмъ временнымъ, особенно русскаго, почтенно не само въ себѣ, а въ человѣкѣ. Au reste все это невозможно, его на границѣ схватятъ, или не пустятъ въ Россію, или онъ безъ вѣсти исчезнетъ. И за что идетъ онъ, понукается на мученичество, изъ за идеи мертвой, погибшей. Русскій, развивающійся до всеобщихъ интересовъ, готовъ схватиться за всякій вздоръ, чтобъ заглушить только страшную пустоту.

9.— Читалъ Гётевскія сочиненія по части естествовѣденія; что за исполинъ — намъ слѣдитъ невозможно за всѣмъ тѣмъ, что имъ сдѣлано и какъ! Поэтъ не потерялся въ натуралистѣ, его наука точно также поэзія жизни, реализма, съ такимъ же пантеистическимъ характеромъ и съ тою же глубиною. Теоретическимъ мыслителемъ, діалектикомъ онъ не былъ. Между прочимъ онъ въ предисловіи къ Metamorphosen der Pflanzen, говоритъ о незамѣтномъ переломѣ, какъ человѣкъ сначала съ юными силами безпрерывно расширяетъ область своего вѣденія и мало по малу переходитъ къ храненію нажитаго и уже нѣтъ того стремленія къ новому. И мы скоро перейдемъ въ эту фазу, да только что хранить? Мы пали подъ бременемъ вѣка и страны, у насъ будущности нѣтъ, изъ прошлаго вынесли любовь къ людямъ и скептицизмъ. Ученыя убѣжденія слабы, бѣдны, набирать ихъ поздно. Жизнь, если не пересѣчется не-

лѣпой случайностью, представитъ монотонную и однообразную іереміаду негодованій на окружающее, повтореній, таже невозможность писать то, что хочешь, и неспособность писать то, что можно. „Это наказаніе людей, выходящихъ изъ современности своей страны.“ Такія сентенціи хороши въ философіи, а на дѣлѣ скверны; а кто насъ вывелъ изъ современности, развѣ можно было найтиться въ подобныхъ странныхъ обстоятельствахъ, не потерявъ человѣческаго достоинства.

Грановскій написалъ диссертацію о Винетѣ и Воллинѣ, гдѣ онъ доказываетъ, что Винета славянскихъ преданій никогда не существовала и пр. Такова дикая нетерпимость славянофиловъ, что они хотятъ возвратить диссертацію, что вѣроятно примѣра не имѣетъ, и готовы преслѣдовать Грановскаго какъ лице. Преслѣдовать за Винету — это дѣлаетъ маленькое указаніе, еслибъ эти люди получили власть въ руки, чтобы они сдѣлали со всѣми непокоряющимися ихъ варварскимъ мнѣніямъ; они показали бы что такое цензура великаго народа и что такое кроткая сила слова православной церкви. Теперь они ликуютъ и не нарадуются вѣсти, что *Отеч. Зап.* запрещены, и черезъ кого какъ не черезъ Погодина и Шевырева. И Грановскаго журналъ отчего не позволяютъ, я увѣренъ, что по ихъ гадкимъ доносцамъ и проискамъ.

9. — Толки и переговоры съ Иваномъ Васильевичемъ на счетъ участвованія нашего въ *Москвитянинѣ*. Я сначала сказалъ, что такъ какъ опредѣленная и весьма большая разница въ нашихъ убѣжденіяхъ очевидна, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать личныхъ симпатій, искренняго уваженія къ его лицу, то я полагаю лучше подождать книжку, другую журнала и потомъ посмо-

трѣть возможно ли намъ участвовать. Безпристрастіе есть своего рода неопредѣленность и апатія, личное уваженіе есть тоже личность вредная дѣлу. Сверхъ того Иванъ Васильевичъ не дошелъ до послѣдней точки москвизма, но вся его партія щеголяетъ дикими и исключительными анти-гуманными мыслями. Хомяковъ согласился со мною и присовокупилъ, что онъ не далъ бы статьи Грановскому. Я замѣтилъ ему, что, проводя ту же консеквентность, Грановскій не взялъ бы и не помѣстилъ бы ее. Многосторонность симпатій nous épar-pillent; надобно рѣзко и опредѣленно обозначить въ чемъ наша мысль, и прямо высказать дѣломъ и словомъ невозможность общенія съ противоположнымъ мнѣніемъ.

Жалкія и парадоксальныя мнѣнія отчаянныхъ славянофиловъ не такъ бы бѣсили, еслибъ онѣ были только нелѣпы, а то они нечеловѣчественны и противны. На похоронахъ Погодиной въ Лютеранской церкви они держали себя неблагопристойно, я просилъ Хомякова вспомнить, какъ онъ рекомендовалъ поступить съ иностранцемъ, который бы не снялъ шляпы въ проходѣ сквозь Спасскія ворота.

Потомъ толкъ о Гагаринѣ. Хомяковъ находитъ наглымъ и дерзкимъ до невѣроятности, намѣреніе его возвратиться сюда проповѣдывать католическимъ пасторомъ, натурализовавшись французомъ. „Ну да, если онъ убѣжденъ чисто и благородно, что католицизмъ есть единая дверь къ спасенію.“ Да какже онъ отказался отъ отечества? Не отъ отечества, а для своего спасенія отъ каторги принялъ онъ видъ француза. Этаго онъ понять не могъ. „Еслибъ, говоритъ онъ, англичанинъ сдѣлалъ подобный поступокъ?“ Ну что же, былъ бы кругомъ виноватъ, потому что въ Англіи его защищалъ его законъ и пр.

20. — Болѣе и болѣе расхожусь съ Славянами, кажется ихъ удивилъ прямой языкъ, мой тонъ у Свербѣева. Потому думаю, что меня всѣ спрашиваютъ какъ было, что было, главное какъ я рѣшился сказать поэту лауреату береговъ Неглинной, „что и не помѣстятъ его статьи въ нашъ журналъ.“

И Аксаковъ становится скученъ отъ фанатизма московщины; мой разговоръ за недѣлю тому назадъ озлобилъ и удивилъ многихъ. Когда люди начинаютъ сердиться, они дозволяютъ всплыть многому, что лежитъ на днѣ души и въ чемъ неохотно себѣ сознаются. Изъ манеры славянофиловъ видно, что если бы матеріальная власть была ихъ, то намъ бы пришлось жариться гдѣ нибудь на лобномъ мѣстѣ.

29. — Нѣтъ человѣка, который былъ бы менѣе меня подверженъ всякаго рода Grübeleien; но подъ часъ душа вдругъ стѣсняется какимъ то ужасомъ, трепещетъ передъ грозными возможностями и за этими минутами слѣдуетъ печальная полоса, отъ которой долго не отдѣлываешься, черныя грезы съ какой то подробностью втѣсняются одна хуже другой. Шаткость всего святѣйшаго и лучшаго въ жизни можетъ свести съ ума. А то, чего утратить нельзя не ситить вполнѣ.

Встрѣтилъ, въ числѣ слушателей Глѣбова, одного замѣчательно умнаго молодаго человѣка и съ горестью наглазно измѣрилъ, сколько свободнаго и благороднаго задавили въ насъ опытъ и гоненія. Этотъ молодой человѣкъ открыто, прямо говоритъ свои убѣжденія, не кастрируя каждую мысль, не оглядываясь воровски. Я перенесся въ тѣ времена, когда я, студентъ, отдавался также увлеченію свободной, смѣлой рѣчи. И теперь бываютъ такія минуты, но потомъ спохватишься, вотъ что

скверно. Хитрить, искажать мысль, заставить догадываться..... конечно „это иронія der brutalen Macht," но громкая, открытая рѣчь одна можетъ вполнѣ удовлетворить человѣка. Упрекаютъ мои статьи въ темнотѣ, несправедливо, они намѣренно затемнены. Грустно!

ДЕКАВРЬ МѢСЯЦЪ

3. — Наконецъ я дочиталъ брошюру Прудона *О Собственности*. Прекрасное произведеніе, не токмо не ниже, но выше того, что говорили и писали о ней. Разумѣется для думавшихъ объ этихъ предметахъ, для страдавшихъ надъ подобными соціальными вопросами главный тезисъ его не новъ; но развитіе превосходно, мѣтко, сильно, остро и проникнуто огнемъ. Онъ совершенно отрицаетъ собственность и признаетъ владѣніе индивидуальное и это не личный взглядъ, а выводъ логическій и строгій, которымъ онъ развиваетъ невозможность, преступность, нелѣпость права собственности и необходимость владѣнія. Очень кстати къ этой брошюрѣ заключеніе отчета министра Киселева, помѣщеннное въ газетахъ. Это министерство тоже не признаетъ собственность, ни даже владѣніе; въ то время какъ стонъ со всѣхъ сторонъ Россіи поднимается до Москвы и до Петербурга, этотъ человѣкъ имѣетъ мѣдный лобъ говорить, что ропотъ крестьянъ происходитъ отъ ихъ непривычки къ правильному управленію и порядку, что ихъ благосостояніе ростетъ, что учрежденія не требуютъ коренныхъ измѣненій, что стоитъ имъ развиваться въ томъ же духѣ и заключаетъ наконецъ тѣмъ, что встрѣчаемыя

имъ неудовольствія необходимыя слѣдствія переворота, въ родѣ испытанія людямъ, идущимъ на исполненіе святой воли Господа. Съ какимъ негодованіемъ лѣтъ черезъ 50 будутъ читать такую колоссальную ложь и такое безстыдство; и никто не смѣетъ уличить, отвѣтить, по крайней мѣрѣ раскрыть глаза.

4. — Писалъ къ Самарину. Не могъ, да и не хотѣлъ удержаться, чтобъ не написать ему вполнѣ мое мнѣніе о славянахъ, объ этой пустотѣ, болтовнѣ, узкомъ взглядѣ, стоячести и пр. Ему изъ Петербурга по воспоминанію, издали, долго не отдѣлаться отъ нихъ, я не полагаю, чтобъ мое письмо на него подѣйствовало, но пусть же онъ услышитъ и другую сторону. Онъ одинъ изъ нихъ можетъ, кажется, еще спастись. Исторія съ диссертаціей Грановскаго послужила на пользу, всѣ сняли перчатки и показали настоящій цвѣтъ кожи. Грановскій отказался отъ всякаго участія въ *Москвитянинѣ*.

10. — Славянофильство имѣетъ подобное себѣ явленіе въ новой исторіи западной литературы. Появленіе національно-романтической тенденціи въ Германіи послѣ наполеоновскихъ войнъ, тенденціи, которая находила слишкомъ всеобщею и космополитическою науку и мысль, шедшая отъ Лейбница, Лессинга до Гердера, Гёте, Шиллера. Какъ ни естественно было появленіе нео-романтизма, но оно было не болѣе какъ литературное, научное явленіе безъ симпатіи массъ, безъ истинной дѣйствительности, не трудно было угадать, что черезъ десять лѣтъ объ нихъ забудутъ. Точно такое же положеніе занимаютъ славянофилы. Они никакихъ корней не имѣютъ въ народѣ, они западной наукой дошли до своихъ національныхъ теорій, это болѣзнь литературная и больше

никакаго значенія не имѣющая. Они вспоминаютъ то, что народъ забываетъ и даже о настоящемъ имѣютъ вовсе несходное мнѣніе съ народнымъ. Недавно я слышалъ, какъ они говорятъ о нравственной и кротко семейной жизни сельскаго духовенства, о вліяніи этихъ добрыхъ отцовъ семейства на крестьянъ, or donc, кто когда нибудь живалъ въ деревняхъ или говорилъ съ крестьянами хоть на большой дорогѣ, тотъ знаетъ истину такой идиліи.

„Зачѣмъ иностранцы насъ не понимаютъ, зачѣмъ смотрятъ враждебно, зачѣмъ мало занимаются нами etc.“ Да зачѣмъ мы сами не болѣе 15 лѣтъ стали заниматься собою какъ самобытными; заниматься кѣмъ нибудь тогда только можно, когда онъ стоитъ этаго. Европа очень занимается нашей силой, потому что она въ ней видитъ мощнаго раба подъ вліяніемъ розги и бича, который готовъ на время разрушить великіе плоды вѣковъ; Европа tacitement стоитъ подъ однимъ знаменемъ отъ Кенигсберга до Дублина, разногласіе ихъ частные вопросы, но есть Лабарумъ, около котораго всѣ народы готовы были бы соединиться (исключая можетъ части Австріи). Съ другой стороны они видятъ знамя прямо противоположное, написавшее яркими буквами „Самодержавіе“ —они должны ненавидѣть станъ враговъ и тотъ народъ, который готовъ идти на гибель народамъ.

11.—Когда при возрожденіи наукъ явилась древняя гуманная цивилизація, весь средневѣковый міръ испыталъ то, что русское государство испытало при принятіи западной цивилизаціи. Иная, вполнѣ развитая мысль, внѣдрялась въ Европу католическую и сочеталась съ нею; къ намъ такъ явилась мысль европейская.

14. — Вчера въ десять минутъ двѣнадцатаго родилась малютка. Страданія были велики, но вѣры больше нежели тѣ раза. Рожденіе малютки — потрясающій религіозно-физическій актъ; люди со слабыми нервами не могутъ присутствовать при страданіяхъ женщины. Очень вѣроятно, я вовсе не подверженъ нервнымъ припадкамъ, но и то чувствую, что еще не много и волненіе сдѣлается не по груди, то есть сильнѣе сознанія. Особенно минута рожденія, перваго крика: какъ будто что нибудь обрывается въ груди, можетъ это магнетическое соотношеніе съ родильницей. И такъ дочь! Мнѣ хотѣлось дочь, если наша семья не уменьшится, останется такъ какъ есть, пожалуй и не увеличится — она какъ то теперь цѣла, замкнута. Надобна была дѣвочка, чтобъ въ ней повторилась мать, чтобъ былъ элементъ des Weiblichen, мягкости, кротости. Еслибъ я могъ быть счастливъ въ одномъ домашнемъ счастіи, еслибъ я имѣлъ эгоизмъ людей, называемыхъ добрыми отцами семействъ, я былъ бы вполнѣ счастливъ. И теперь, когда черныя мысли о безвыходности, о бездѣйственности, о утратѣ всѣхъ упованій найдутъ на душу, одно утѣшеніе семья и двое, трое друзей. Оно врачуетъ, это правда, но врачеваніе есть само по себѣ актъ скорбный и пр.

Сегодня 19 лѣтъ знаменитому 14 Декабрю.

16. — Давно, а можетъ и никогда я не испытывалъ такаго кроткаго чувства спокойнаго обладанія счастіемъ очага своего, какъ нынѣ. Правда торжественна была минута рожденія Саши, но наша неопытность повергала насъ въ безпрерывный страхъ. Этотъ страхъ только развился отъ несчастныхъ случаевъ и когда родился Николинька, я ничего не надѣялся, я былъ увѣренъ что онъ не останется живъ... совсѣмъ напротивъ теперь, я твердо

вѣрилъ и вѣра сбылась. Вся обстановка теперь какъ то тихо, прекрасно покойна. Такими днями, полосами въ жизни человѣкъ долженъ дорожить, проклятое невниманіе наше къ настоящему дѣлаетъ то, что мы только умѣемъ воспоминать утраченное. Конечно мудрено оттолкнуть страшную мысль возможностей, случайностей; зачѣмъ смотрѣть впередъ, предвидѣть чего нѣтъ, что можетъ не быть, это своего рода Grübeleien, отъ которыхъ я не такъ свободенъ какъ отъ романтическихъ. Идеализмъ выводитъ изъ этой шаткости благъ необходимость пренебреженія ими; конечно сфера идей не зависитъ отъ случайности и исключительное погруженіе въ частности гибельно, но нельзя же опять выйти изъ своей кожи для того, чтобъ существовать только какъ мысль. Не токмо блага жизни шатки, но сама жизнь шатка, малѣйшее неравновѣсіе въ этомъ сложномъ химизмѣ, въ этой отчаянной борьбѣ организма съ своими составными частями и жизнь потухла; однако изъ этаго не слѣдуетъ, что лучше не родиться или родившись зарѣзаться, чтобъ не подвергнуться случайностямъ. Все прекрасное нѣжно, это цвѣты, которые мрутъ отъ каждаго холоднаго вѣтра, въ то время какъ суровый стебель крѣпнетъ, но за то онъ и не благоухаетъ и не имѣетъ яркихъ лепестковъ. Жизнь въ высшемъ проявленіи слаба, потому что вся сила матеріальная была потрачена, чтобы достигнуть этой высоты, мускулы можно рѣзать, члены отнимать, а до мозга нельзя грубо прикоснуться. Таковы блага любви, ими надобно упиваться, отдаваться имъ, жизнь въ нихъ ловить, цѣнить каждое мгновеніе. Nur wenn er glühet, labet der Quell. Августинъ говоритъ, что человѣкъ не можетъ быть цѣлью человѣка, страшные удары смерти ежедневно доказываютъ это; тотъ, кто все положилъ на одну го-

лову, для кого нѣтъ бога, кромѣ этаго лица, подвергается грозной случайности, безумію, самоубійству. Но что это *все*, какъ оно принято, въ какихъ предѣлахъ? мать стенающая у гроба единственнаго сына и молящаяся о душѣ его, этимъ актомъ показываетъ, что не все для нея было въ сынѣ. Но кое-что, и кое-что многое должно лежать на людяхъ, должно имѣть цѣлью ихъ, иначе холодъ и запустѣніе посѣтятъ душу, эгоизмъ или монашество — одинъ выходъ. Что за стертое и дерзко-скупое лицо, которое оттого заморитъ въ своей душѣ потребность любви, что предметъ его любви можетъ умереть, измѣнить и пр. Конечно могутъ быть выродки, т. е., люди не чувствовавшіе вовсе этой потребности; другое дѣло, глухимъ никто не рекомендуетъ слушать Salvi. Ловить настоящее, одѣйствоворить въ себѣ всѣ возможности на блаженство — подъ нимъ я разумѣю и общую дѣятельность, и блаженство знанія также, какъ блаженство дружбы, любви, семейныхъ чувствъ — а тамъ, что будетъ, то будетъ; на мнѣ отвѣтственность не лежитъ, тотъ отвѣтитъ, кто скрылъ талантъ въ землю, чтобъ его не украли. Талантъ, мы беремъ его со стороны его развитія, какъ великую возможность дѣятельности для другихъ; но зарыть талантъ не токмо можно для другихъ, но тоже преступленіе человѣкъ можетъ сдѣлать относительно себя.

Развѣ не глупый поступокъ сдѣлаетъ тотъ, который, страстно любя музыку, не пойдетъ ее слушать, имѣя на то возможность. Мнѣ всегда казались противны и смѣшны люди изъ какой то экономіи ощущеній, отказывающіеся отъ лучшихъ даровъ жизни; на это имѣютъ право одни безумные религіозники, для нихъ самоотверженіе ненужное и подавляющее самыя естественныя потребности — потѣха. Такое прекрасное лице какъ Гри-

горій Назіанзинъ писалъ къ Василію Великому: „Помнишь ли, какъ мы тогда роскошествовали лишеніями.“ Стало всѣ страсти, развратъ, обжорство имѣютъ полное право..... нѣтъ, не стало. У низкаго человѣка низкія желанія; но человѣкъ долженъ быть высокъ, поднимаясь, онъ подниметъ свою страсть, а поднимаясь, она проходитъ великое чистилище. Страсти низкія большею частію сильны потому, что хорошія сгнетены, или лучше они сами по себѣ хороши, но низки отъ сгнетенія. Отчего многіе изъ людей развитыхъ охотно выпьютъ стаканъ благороднаго вина и можетъ одинъ на тысячу пьетъ мертвую чашу, а въ несчастныхъ классахъ, на которыхъ груди стоитъ безобразное зданіе нашей общественности, на оборотъ? Отчего во всѣхъ слояхъ общественныхъ есть женщины увлекавшіяся, падавшія какъ говорятъ, а публичные дома снабжаются только нисшими классами? Неужели эти бѣдныя жертвы гнусной несправедливости такъ легко попали бы въ свое ремесло, еслибъ онѣ имѣли воспитаніе? Чѣмъ больше разовьется человѣкъ, тѣмъ чище сдѣлается грудь и тѣмъ труднѣе будетъ его увѣрить, что бѣлое — черно, что все естественное — преступно, что все доставляющее истинное наслажденіе должно быть избѣгаемо. Есть несчастная распущенность, которая, какъ и вообще слабость характера, унижаетъ человѣка, такой человѣкъ слѣдуетъ уже не разуму, не сознанію, а однимъ естественнымъ влеченіямъ и тогда онъ становится ниже человѣческаго достоинства. Опять таже статика. Всѣ стороны, составляющія живой духъ человѣка, должны слитно, гармонически участвовать въ его дѣяніи,*) иначе выйдетъ

*) Вспомнилъ мысль рѣзко высказанную Павловымъ (студентомъ). Онъ называетъ всемірный процессъ химизмомъ: двуначальный хи-

односторонность. Физически это очень понятно, потому что въ физическомъ мірѣ царятъ Драконовы законы жесткіе и кровавые, пусть въ крови недостанетъ одной изъ существенныхъ составныхъ частей — смерть за эту неполноту; то негодно, что неполно. Но на эту тему можно написать цѣлую тетрадь. Возвращаюсь. Это чувство d'une béatitude tranquille давно мною не чувствовалось такъ; святые, прекрасные мѣсяцы моей Владимірской жизни были ярче, потому что мы были юнѣе, но есть и поэзія возмужалости, такъ какъ есть юное въ совершеннолѣтіи; теперь отчетливѣе, реальнѣе то, что было тогда лучезарнѣе и мечтательнѣе. За день до рожденія Наташи я какъ то превосходно настроился, съ какимъ то Sehnsucht хотѣлъ видѣть Грановскаго и Корша, т. е. всѣхъ по комъ у меня здѣсь можетъ быть Sehnsucht, на душѣ было легко, юное вспомянулось. И такъ, да благословится же на жизнь этотъ младенецъ, пусть она будетъ какъ ея братья, а главное какъ ея мать. Въ Николинькѣ есть что то женское, что за безконечная кротость въ его дѣтскихъ чертахъ, что за мило-доброе и вѣчно смѣющееся лицо.

17. — Языковъ написалъ какіе то ругательные стихи на Чаадаева, Грановскаго и Герцена! Or donc Грановскаго онъ никогда не видалъ, меня разъ. Я не читалъ это произведеніе славянофильскихъ наущеній Хомякова и оскорбленнаго самолюбія поэта нѣкогда нравившагося,

мизмъ неорудной природы и многоначальный — орудной; такъ что послѣдній результатъ мышленіе и человѣкъ. Человѣкъ высшее равновѣсіе и взаимнодѣйствіе составныхъ радикаловъ, малѣйшее неравновѣсіе — онъ животное, рядъ неравновѣсій — рядъ животныхъ; прочность покупается степенью пониженія напр. амфибіи, устраненіе слабости даетъ крѣпость, приближающую къ минералу и пр.

теперь выжившаго изъ ума, отсталаго. Мы не курили ему фиміамъ, не считали за счастіе раздѣлять его томящую бесѣду. Наконецъ *Отеч. Зап.* недавно въ прекрасной и ловкой статьѣ оцѣнили его по заслугамъ.

Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы прочесть для того, чтобъ убѣдиться еще въ одной чертѣ этой котеріи, я почти увѣренъ, что тутъ есть невольный доносецъ. А Аксаковъ написалъ премилые стихи, отказываясь отъ Дмитрія Коптева и Вигеля. Это свой кругъ стариковъ, изжившихъ все бѣдное умственное достояніе, непризнанныхъ, отсталыхъ, съ ненавистью встрѣчающихъ каждую мысль, піэтисты, доносчики, злыя самолюбія, оскорбленныя притязательности: тутъ Глинка, Лихотинъ, Сушковъ и юный лѣтами, но старый подлостью, Коптевъ. Эта замкнутая котерія бездарности, догнивающіе остатки чего то загнившаго прежде зрѣлости. О милая Москва да еще Вельтмановская котерія съ Нееловымъ, Рабугомъ!

Мнѣ прежде казался Иванъ Васильевичъ несравненно окончеппѣе Петра Васильевича — это не такъ. Петръ Васильевичъ головою выше всѣхъ славянофиловъ, онъ принялъ одинъ во всю ширину нелѣпую мысль, но именно за его консеквенцію исчезаетъ нелѣпость, и остается трагическая грандіозность. Онъ — жертва, на которую палъ громъ за его народъ, за ту національность, которая бичуется теперь. Но Иванъ Васильевичъ хочетъ какъ то и съ западомъ поладить, вообще онъ и фанатикъ и эклектикъ. Фанатикъ, чтобъ быть полнымъ, именно долженъ не быть эклектикомъ, иначе то что придаетъ ему силу, рѣзкость, какъ паяльная трубка, усиливающая огонь, сгибая его на одну сторону, сглаживается, емусируется и выходитъ нѣчто неопредѣленное. Бездушному Хомякову все идетъ и эта многосторонность публичныхъ женщинъ и это лукавство преда-

тельски соглашающееся, и этотъ смѣхъ, которымъ онъ встрѣчаетъ негодованіе. Но Киреевскій долженъ бы быть окончеппѣе.

18. — Наши личныя отношенія много вредятъ характерности и прямотѣ мнѣній. Мы, уважая прекрасныя качества лицъ, жертвуемъ для нихъ рѣзкостью мысли. Много надобно имѣть силы, чтобъ плакать и все таки умѣть подписать приговоръ Камиля-Де-Мулена!

27. — „Государь не соизволилъ разрѣшить господину Грановскому издавать журналъ.“ Вотъ вамъ и дѣятельность! Какъ глупо, нелѣпо такимъ образомъ гнать всякую мысль и какъ непослѣдовательно; можетъ ли профессоръ быть терпимъ на каѳедрѣ, если онъ подозрителенъ какъ журналистъ? И на что у нихъ отвратительнѣйшая цензура, если и она не гарантія, что ничего прямаго, яснаго не проскочитъ; а для косвеннаго, скрытаго всегда есть пути. Состояніе совершеннаго безправія. Горячешное состояніе какой нибудь Испаніи напримѣръ, по крайней мѣрѣ заставляетъ прощать безправіе въ вихрѣ, въ борьбѣ партій, въ взаимной опасности; а здѣсь отобрали кучку безсильныхъ и бьютъ ихъ сколько душѣ угодно, опираясь на огромную кучу оторопѣлыхъ или слабоумныхъ. Во имя чего? Иной разъ кажется бѣжалъ бы, спасая себя и дѣтей. Говорятъ, что готовится указъ о томъ, чтобъ дѣти дворянъ съ 10-ти лѣтъ ходили въ публичныя школы; таково безобразное положеніе наше, что нѣтъ гнусности, которая не представляла бы пользы и наоборотъ. Правительство беретъ эту мѣру вѣроятно только для того, чтобъ съ 10-ти лѣтъ въ корнѣ души задавить все благородное, чтобъ возростить себѣ поколѣніе подлыхъ

илотовъ; все слишкомъ энергичсское, прежде 14-ти лѣтъ успѣетъ попасть въ Сибирь, за дерзость, за оторванную пуговицу. Такое публичное воспитаніе будетъ равнозначительно сплющенію черепныхъ костей при рожденіи младенцевъ, употребляемому нѣкоторыми дикарями въ Африкѣ. Но оно будетъ полезно вовсе въ другомъ смыслѣ, оно вытащитъ изъ норъ провинціальныхъ барченковъ, оно спасетъ ихъ отъ отцевъ и матерей, оно отучитъ ихъ съ 12-ти лѣтъ развращать горничныхъ и бить слугъ; оно въ нихъ можетъ заронить мысль. Плетью гонятъ насъ къ просвѣщенію, плетью наказываютъ слишкомъ образованныхъ — вотъ безобразнѣйшая сторона демократическаго уравненія, производимаго равнымъ лишеніемъ правъ. Къ этой нивелировкѣ принадлежитъ и то, что министръ внутреннихъ дѣлъ, искореняя сифилитическую болѣзнь, велѣлъ свидѣтельствовать всѣхъ дѣвушекъ, опредѣляющихся въ услугу, берущихъ адресные билеты и пр. Это уже нивелировка позора, между публичной дѣвкой и скромно ведущей себя мѣщанкой въ чемъ же разница? тѣ же руки безстыдно и вѣроятно съ приправою остротъ, грубо, нагло будутъ свидѣтельствовать тѣхъ и другихъ. Каждый сифилитическій, явившись въ больницу, обязанъ сказать отъ кого онъ занемогъ, и тотчасъ полиція обязана освидѣтельствовать указанную особу; и такъ послѣдній мерзавецъ можетъ доставить позоръ свидѣтельства всякой дѣвушкѣ, на которую онъ золъ. Да послѣ откроется истина; положимъ, но развѣ у насъ общественное мнѣніе такъ образовано, что оно съумѣетъ понять, что тутъ гнусно собственно и кто гнусенъ? нѣтъ, оно ошельмуетъ бѣдную жертву.

Толкуютъ о новомъ указѣ объ эмансипаціи. Толки основаны на пропущенной статьѣ въ Journal de Franc-

fort. Хоть бы это! И чего они боятся, если хотятъ; кого — ужъ не помѣщиковъ ли? Дворцовую аристократію? ее деньгами, звѣздами можно утѣшить.

30. — Языковъ написалъ еще два стихотворенія: одно противъ насъ же, другое противъ Чаадаева, болѣе оскорбительное и подлое нежели первое. Гадкая котерія, стоящая за правительствомъ и церковью и смѣлая на языкъ, потому что имъ громко отвѣчать нельзя. Они, кромѣ Аксакова и Киреевскихъ, не имѣютъ тѣни гуманности и благородства. И что за сумбуръ въ головѣ у этихъ людей. Недавно я вытѣснялъ на чистую воду Хомякова изъ за лѣса фразъ, остротъ, анекдотовъ, которыми онъ уснащаетъ свою рѣчь и онъ вывертывался старыми понятіями идеализма, битыми мистическими представленіями.

1845

ЯНВАРЬ МѢСЯЦЪ

3.— Кажется, въ частномъ отношеніи, жизнь моя наконецъ потекла поспокойнѣе. Прошлый годъ былъ тихъ. А какая пестрая и богатая эффектными положеніями жизнь, какъ много для воспоминанія — едва теперь, я начинаю объективно смотрѣть на это былое. Десять лѣтъ тому назадъ, я новый, 1835 годъ встрѣтилъ въ тюрьмѣ. Только десять лѣтъ! и что съ тѣхъ поръ событій. Уже десять лѣтъ, а кажется вчера только или очень недавно!

Въ самый новый годъ длинное письмо Огарева, онъ развивается и притомъ одинаково со мной, съ нами. Впрочемъ сверхъ близости души, одна атмосфера современной мысли обнимаетъ насъ.

8.— Казнь Чеха какъ то тупа, король плакалъ, а велѣлъ казнить. Министры умоляли казнить его тайкомъ утромъ. Въ Шпандау отрубили ему голову и объявили афишами. Чехъ выдержалъ характеръ до послѣдней минуты и слѣдовательно остался побѣдителемъ. Не понимаю, какъ такія простыя вещи какъ ненужность казней, вредъ ихъ не бросаются въ глаза правительствамъ. Еще въ Испаніи, гдѣ все мечется въ какомъ то опьяненіи,

понятно, что Нарваэзъ казнитъ своихъ враговъ, такъ какъ его самаго очень можетъ быть казнятъ завтра. Но тутъ спокойно, gemüthlich und romantisch отрубить голову при современныхъ понятіяхъ глупо, безразсчетно даже, потому что человѣкъ твердый реабилитируется казнію и обращаетъ къ себѣ симпатіи. Еще глупѣе, ежели прусскіе министры доктриперы, Ейхгорнъ историкъ напримѣръ, думаютъ остановить будущихъ охотниковъ до стрѣльбы этимъ средствомъ. Неужели вся исторія на всякой страницѣ не говоритъ имъ, что не токмо ни однаго фанатика никогда не останавливала казнь, но даже людей увлеченныхъ случайной страстью. Тутъ проглядываетъ совсѣмъ иное, месть, просто месть, жажда крови дерзкаго, который даже не раскаялся, не далъ случая показать милосердія на себѣ, потому что не просилъ его.

Два наказанія только могутъ остановить человѣка— это угрызеніе совѣсти и общественное мнѣніе. Безъ уваженія къ себѣ, отъ самаго себя и отъ близкихъ, человѣкъ жить не можетъ, никакія казни не могутъ сравниться съ постояннымъ сознаніемъ своей гнусности и справедливости презрѣнія отъ другихъ. Человѣкъ готовъ на всякую эпитимію, онъ будетъ на лобномъ мѣстѣ иросить прощеніе, пойдетъ въ иное мѣсто (т. е. самъ сошлетъ себя) только чтобъ примириться съ собою, ибо въ раздорѣ этомъ онъ задохнется.

Разумѣется и власть и общественное мнѣніе въ неразвитомъ народѣ сливаются въ религіозной нравственности, въ велѣніяхъ свыше; критеріумъ, внѣшній законъ замѣняетъ недостатокъ сознанія о добрѣ и злѣ, о человѣчественномъ и нечеловѣчественномъ. Отчего русскій крестьянинъ одинъ на дорогѣ не ѣстъ скоромнаго, въ то время, какъ за нарушеніе поста, онъ на-

казанъ не будетъ, а березу на большой дорогѣ срубитъ —хотя самъ знаетъ, что за это его накажутъ розгами, плетьми. Есть переходныя полосы государственной жизни, гдѣ религіозная и всякая идея нравственности теряется, какъ напримѣръ въ современной Россіи, но и тутъ, если совѣсть нѣкоторыхъ молчитъ, общественное мнѣніе слабое, неразвитое—все же отталкиваетъ безусловно гнусное. Отчего нигдѣ, никогда въ обществѣ не бываетъ полицейскихъ чиновниковъ? если переодѣтые шпіоны, пользуясь анонимностью, и являются, то явныхъ нѣтъ. Наказаніе—современная нелѣпость; въ развитомъ государствѣ и въ будущемъ будутъ удивляться, какъ правительство вступало въ соревнованіе съ каждымъ злодѣемъ и дѣлало такую же мерзость надъ нимъ, которую онъ сдѣлалъ съ тѣмъ различіемъ, что онъ былъ болѣе или менѣе вынужденъ обстоятельствами, а правительство такъ, безъ всякой нужды. Казни—это абсолютныя преступленія, поэзія преступленія. Но гдѣ же истинное, непогрѣшающее мѣрило того, что хорошо и того, что дурно для человѣка? въ самомъ понятіи человѣка, развивающагося въ исторіи, въ историческомъ моментѣ, въ средѣ, въ которой онъ выросъ. Хорошо все то, что развиваетъ слитно родовое и индивидуальное значеніе человѣка, дурно если индивидуальное, феноменальное совершенно поглощаетъ общечеловѣческое, дурно если тѣло совершенно задавитъ духъ, но наказывать (scilicet въ развитомъ государствѣ) и за это нельзя; такіе люди будутъ презираемы, а дѣло положительныхъ законодательствъ, чтобъ эти отрицательные люди не могли положительно вредить, какъ безумные, какъ дураки, какъ животные. Критеріумъ добра и зла всегда есть въ человѣкѣ, какъ бы онъ ни выражался подъ вліяніемъ исторической эпохи—человѣкъ, который отри-

цаетъ его, дурачится, лжетъ. Стоитъ слушать формальныя фразы говорящаго и ясно увидишь, какъ онъ понимаетъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ или кастой добро и зло. Слово "честь" развѣ не было на устахъ Цезаря Боржіа, ненарушимость обѣта развѣ и имъ не принималось въ основу договора и пр., но онъ нарушалъ ихъ. Въ этомъ то и доказательство, что онъ индивидуальную волю свою, удовлетвореніе страсти ставилъ выше всеобщаго понятія о нравственности своего времени. Ну какже не наказать его? Во первыхъ онъ не былъ наказанъ—il était trop haut placé, чтобъ быть наказаннымъ—а еслибъ онъ былъ менѣе высоко поставленъ, то онъ не могъ бы сдѣлать всего того, что онъ сдѣлалъ, и тогда судъ былъ бы иной надъ нимъ. Зачѣмъ же гражданское общество было еще на той жалкой степени развитія, что не могло провести своихъ же понятій о чести, о христіанскихъ обязанностяхъ и пр., а во всѣхъ проявленіяхъ жизни было непослѣдовательно, путалось въ противорѣчіяхъ, зачѣмъ оно имѣло такихъ преступниковъ, которыхъ не достигалъ законъ, и такой законъ, который разилъ чаще всего не по преступникамъ. Въ наше время, на западѣ Европы можно себѣ представить плантатора, злодѣя работниковъ, мужа варвара, развратника, убійцу, вора—но не Цезаря Боржіа. Ну что сдѣлалъ бы такой Цезарь? купилъ бы журналъ, ругалъ бы противниковъ въ фельетонѣ, подкупалъ бы голоса и можетъ вышелъ бы фродюлезно на дуэль. Вотъ на сколько современная Франція и Англія стоятъ выше тогдашней Италіи. Если представить себѣ будущую общественную форму, когда вопросъ о голодѣ и обжорствѣ, о наготѣ и пышности приведется въ порядокъ, когда невозможно будетъ оставаться безъ воспитанія никому, ни сыну богача, ни сыну нищаго, когда самое значеніе

слова *богачь* будетъ безсмысленно по ненужности, сколько измѣнится въ нравственномъ быту того класса, который теперь фурнируетъ maximum преступниковъ—плебса. Тогда образцовые кнуты будутъ ненужны, я думаю. Кстати о наказаніяхъ, вотъ случай, разсказанный Тучковымъ, въ Пензенской *) губерніи: какой то помѣщикъ, великій злодѣй, страшно тяжелъ пришелся крестьянамъ; молодой крестьянинъ сказалъ односельцамъ, что онъ намѣренъ избавить ихъ отъ „отца общины"—тѣ перепугались суда, послѣдствій и пр. Молодой человѣкъ сказалъ, что все возьметъ на себя, что лишь бы они о немъ молились богу, что никому не достанется. Такимъ образомъ, онъ отправился на плотину, черезъ которую помѣщикъ долженъ былъ идти и à la G. Tell сталъ его ждать; когда тотъ пошелъ, онъ побѣжалъ ему на встрѣчу, схватилъ его въ перехватъ и вмѣстѣ въ омутъ. Оба утонули. Это античный героизмъ. Полагаю, что такаго человѣка смертная казнь in spe не очень остановила бы. При всей неразвитости русскаго, его останавливаетъ „на міру будетъ стыдно," онъ уважаетъ мнѣніе своей общины; боится онъ помѣщика—это другое, это рабство, онъ ему повинуется, оскорбляясь, а тамъ онъ признаетъ.

10. — Славянофилы наконецъ болѣе и болѣе являются узенькими людьми раскола. Стихи Языкова съ доносомъ на всѣхъ насъ привели къ объясненіямъ, которыя съ своей стороны чуть не привели къ дуэли Грановскаго и Петра Киреевскаго. Я въ душѣ ненавижу не принципъ дуэлей, а нелѣпость смертной казни за оскорбленія этаго принципа, однако дѣлать было бы нечего.

*) Это ошибка, не въ Пензенской, а въ Саратовской губ.

Послѣ всего этаго, наконецъ личное отдаленіе сдѣлалось необходимымъ. Аксаковъ торжественно растался съ Грановскимъ и мною; видно было, что ему жаль, онъ благороденъ, чистъ, но одностороненъ, ограниченъ въ своемъ расколѣ. Мы дружески сказали другъ другу, что служили инымъ богамъ и что потому должны разойтиться одинъ на право, другой на лѣво; уваженіе ему, какъ характеру, я не могу отказать. Онъ, и можетъ оба Киреевскіе, уносятъ личное уваженіе, а остальные — чертъ съ ними. Самаринъ не думаю, чтобъ ихъ былъ.

Странная Русь, изъ нея высшими плодами являются или люди, опередившіе свое время до того, что задавленные существующимъ они безплодно умираютъ по ссылкамъ, или люди, опертые на прошедшее, никакой симпатіи не имѣющіе въ настоящемъ и также безплодно влачащіе жизнь.

13.—Иванъ Васильевичъ Павловъ разсказывалъ, какъ были приняты студентами мои статьи въ *Отеч. Зап.* Признаюсь, мнѣ было очень весело слышать, большей награды за трудъ не можетъ быть. Юноши тотчасъ оцѣнили въ чемъ дѣло и гурьбою ходили въ кандитерскія читать. Грановскій пользуется между студентами чрезвычайнымъ авторитетомъ, для нихъ мѣра, къ которой прикидываютъ другихъ профессоровъ.

17. — Исторія химіи Дюма чрезвычайно замѣчательная книга. Химія настоящая опора эмпиріи, важность ея теперь только начинаютъ чувствовать. Безъ химіи нѣтъ физіологіи, нѣтъ слѣдовательно и естественныхъ наукъ. Естественныя науки доселѣ имѣли чрезвычайно шаткую основу, потому что они занимались одной морфологіей, а не тѣмъ, *что* измѣняется въ ней. Самъ гигантскій геній Гёте не постигнулъ этой важности химиз-

ма, и его метаморфоза растеній — одна морфологія Новая химія идетъ не далѣе конца XVIII столѣтія, т. е. не далѣе Лавуазье. Онъ сказалъ: матерія вѣчная, утратиться ничего не можетъ, все видоизмѣняется, ничего не пропадаетъ—и пошелъ, съ вѣсами въ рукахъ, слѣдить за химическими процессами. Эта мысль, руководившая имъ, конечно не менѣе важна, какъ открытіе кислорода; онъ посадилъ химію на ту базу, съ которой стоило ей органически развиваться, по крайней мѣрѣ рости фактами и наблюденіями, ожидая возможности перейти отъ грубой эмпиріи къ эмпиріи спекулятивной.

27.—Отправляю письмо къ графу Орлову о разрѣшеніи въѣзда въ Петербургъ. Это проба, какъ они смотрятъ на меня; если пустятъ, можно будетъ проситься въ чужіе края.

ФЕВРАЛЬ МѢСЯЦЪ

8.—Два первыхъ письма объ естествовѣденіи отправилъ Краевскому. Занимался третьимъ, кажется изложеніе греческихъ философовъ удачно, особенно софистовъ и Сократа. Послалъ діатрибу на *Москвитянина*, дѣлать нечего, пусть ихъ сердятся.

Говорятъ, что въ Пруссіи скоро издастся конституція; вотъ тамъ своя эмансипація, а объ нашей и говорить перестали — фактъ важный. Адрессы, которые готовятся послать изъ Рейнскихъ провинцій, дышатъ силой и рѣшительнымъ радикализмомъ, они требуютъ народнаго представительства, свободы книгопечатанія и эман-

сипацію жидовъ. Къ языку этихъ адрессовъ почтенный прусскій король не привыкъ.

12.—Бареръ говоритъ, что Мирабо сказалъ однажды Барнаву: Barnave, tu as les yeux froids et fixes, il n'y a pas de divinité en toi....." Въ этомъ выраженіи, какъ и во многихъ того времени, ярко отозвалось то время энергіи въ словахъ и дѣлахъ, которое имѣло свой языкъ, свой романтизмъ, свою поэзію. Въ наше время никто не скажетъ подобнаго замѣчанія и такъ сильно.

14.— Сегодня Глѣбовъ вскрывалъ живую собаку. Въ первыя минуты зрѣлище страшное, отвратительное; но потомъ интересъ поглощаетъ все другое: вотъ она пульсація артеріи, вотъ нервы, производящіе судороги при прикосновеніи и наконецъ сердце еще горячее, еще бьющееся. Я положилъ на него руку—есть что то торжественное въ этомъ святотатственномъ прикосновеніи къ тайнику жизни. Она жила полчаса, послѣднее время кажется уже была въ онѣмѣніи, но легкая пульсація и перистальтическія движенія кишекъ продолжались. При вскрытіи груди, когда воздухъ коснулся легкихъ, собака стала кашлять. Великая мистерія жизни это таинство не падетъ, оно болѣе и болѣе вселяетъ благочестиваго уваженія къ себѣ.

A propos къ сравнительной анатоміи и къ зоологіи, славянофилы жестоко освирѣпѣли, *Отеч. Зап.* имъ пришлись солоны.

20.—Странное, нелѣпое предчувствіе мучитъ меня Темный фатумъ царитъ надъ нами и дѣлаетъ чертъ знаетъ что, изъ безразличнаго поступка развиваетъ чудовищный результатъ; человѣкъ спокойно спитъ, а онъ путаетъ, путаетъ нити и онъ прежде нежели что ни-

будь почувствуетъ, сознаетъ, вовлеченъ въ безвыходное положеніе.

Гдѣ свобода?—Не знаю отчего, а что то тяжело на душѣ.

23.—Третьяго дня Грановскій защищалъ свою диссертацію о Іомсбургѣ и Винетѣ. Это было публичнымъ и торжественнымъ пораженіемъ славянофилъ и публичной овацієй Грановскаго. Нападки были дѣланы съ невѣроятной дерзостью, съ цинизмомъ грубымъ до отвратительности. Грановскій отвѣчалъ тихо, спокойно, кротко, вѣжливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены имъ. Но толстая шкура ихъ не поняла бы этаго. Другой голосъ посильнѣе осудилъ ихъ. Грановскій былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, каждое слово Бодянскаго награждалось всеобщимъ шиканіемъ. Изъявленія эти были такъ сильны и энергичны, что никто и не подумалъ останавливать ихъ. Сверхъ дерзости въ выраженіяхъ, гнусныя продѣлки Шевырева, Бодянскаго и другихъ были извѣстны всей публикѣ, на нихъ смотрѣли съ омерзеніемъ. Когда кончился диспутъ и графъ Строгоновъ поздравилъ Грановскаго, раздались: Vivat! vivat! продолжавшіеся съ четверть часа. На лѣстницѣ потомъ увидѣли какъ то Грановскаго, и новыя рукоплесканія, даже передъ университетомъ собралась толпа студентовъ, ожидавшая его выхода, но ее уговорили разойтись. Этотъ день торжества Грановскаго да вмѣстѣ съ тѣмъ торжества всего университета. Университетъ доказалъ, что онъ имѣетъ и мнѣніе, и голосъ. Намъ доказалъ онъ, что его симпатіи далеки отъ славянофильства. Хвала студентамъ. Вчера за обѣдомъ я предложилъ первый тостъ за здоровье студентовъ московскаго университета. Славяне огорчились и какъ то не нахо-

дятся, au reste благородные изъ нихъ были противъ всѣхъ продѣлокъ, а подлые выдумаютъ въ свое оправданіе несбыточныя мерзости, что это интрига и пр. и по своимъ котеріямъ будутъ насъ вдвое ругать. Сегодня видѣлъ Петра Васильевича — чудный человѣкъ. Славянофилы постоянно набрасываютъ на насъ смѣшной и жалкій упрекъ, что мы ненавидимъ Россію; да изъ которой же стороны нашихъ словъ, дѣлъ, мнѣній это видно? Неужели изъ того, что мы страдали, а они нѣтъ, что мы становились въ оппозицію, которая только могла насъ вести въ ссылку, а они нѣтъ. Дѣло кажется просто и одна узкая нетерпимость ихъ могла взвести на насъ пошлое обвиненіе. Мы розно поняли вопросъ о современности, мы разнаго ждемъ, желаемъ; развѣ это мѣшаетъ намъ быть столько же патріотическими. Да, въ нашъ патріотизмъ входитъ общечеловѣческое и не токмо входитъ, но занимаетъ первое мѣсто; а у нихъ развѣ христіанство какое нибудь суздальское явленіе? Изъ этаго никакъ не слѣдуетъ, чтобы мы протянули другъ другу руки — нѣтъ; но не слѣдуетъ и того, чтобы вся монополь любви къ отечеству принадлежала имъ и они имѣли бы право насъ упрекать въ ненависти къ Россіи. У больнаго два врача, одинъ думаетъ его лѣчить отъ геморроя, другой отъ чахотки, быть можетъ, что они оба правы; однако гдѣ же достаточная причина считать того или другаго отравителемъ? они могутъ ни въ чемъ не соглашаться, но цѣль ихъ остается таже: желаніе излѣчить больнаго. Имъ нужно былое, преданіе, прошедшее, намъ хочется оторвать отъ него Россію, словомъ, мы не хотимъ той Руси, которой и нѣтъ, т. е. до-петровской, а той новой Руси они совершенно не знаютъ, они отрицаютъ ее, такъ какъ мы отрицаемъ древнюю.

26. — На дняхъ получилъ письмо отъ Самарина. Удивительный вѣкъ, въ которомъ человѣкъ до того умный какъ онъ, какъ бы испуганный страшнымъ, непримиримымъ противорѣчіемъ, въ которомъ мы живемъ, закрываетъ глаза разума и стремится къ успокоенію въ религіи, къ квіэтизму, толкуетъ о связи съ преданіемъ. Письмо его подѣйствовало на меня грустно. Сегодня писалъ ему отвѣтъ, въ немъ я сказалъ ему: «Encore une étoile qui file et disparait! Прощайте, идите иной дорогой, какъ попутчики мы не встрѣтимся, это навѣрное.“ Да какъ это ему не стыдно принадлежать къ такимъ запакощеннымъ славянофиламъ!

28. — Студенты приготовили было новый аплодиссементъ Грановскому при первой лекціи. Инспекторъ просилъ его какъ нибудь предупредить; онъ предупредилъ по своему. Взошедши на каѳедру, онъ сказалъ, стоя, à peu près такъ: „Милостивые государи! Позвольте мнѣ благодарить васъ за 21 февраля, этотъ день скрѣпилъ наши отношенія неразрывными узами, я получилъ отъ васъ самую прекрасную, самую благородную награду, какую только можетъ получить преподаватель въ университетѣ — вполнѣ чувствую ее и еще съ большей ревностью посвящу жизнь мою московскому Университету. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой; я осмѣливаюсь просить васъ, Милостивые государи, не изъявлять болѣе наружнымъ образомъ вашего сочувствія. Мы слишкомъ близки другъ къ другу, чтобъ нужны были такія доказательства. Не потому я прошу васъ объ этомъ, что считаю опасными для васъ, или для себя такія изъявленія, я знаю, что это не остановило бы васъ, а потому, что они излишни послѣ того изъявленія вашей симпатіи, которое останется на всю жизнь мою лучшимъ

воспоминаніемъ. Зачѣмъ наружные знаки? вы и я принадлежимъ къ молодому поколѣнію, мы имѣемъ общее, прекрасное дѣло посвятить занятія наши серьезно изученію, служенію Россіи — Россіи вышедшей изъ рукъ Петра I, равно удаляясь отъ пристрастныхъ клеветъ иноземцевъ и отъ старческаго, дряхлаго желанія возстановить древнюю Русь во всей ея односторонности."

Студенты разумѣется не аплодировали, съ благоговѣніемъ и молчаніемъ выслушали они превосходныя слова. Во всемъ, что дѣлаетъ Грановскій, есть какая то стройная грація; какое удивительное благородство и умѣнье притомъ остановиться въ необходимыхъ предѣлахъ.

Шевырева готовятся принять свистками или ошикать, если онъ будетъ говорить т. е. выговаривать студентамъ. Это было бы хорошо, но за это можно уѣхать бѣднымъ юношамъ на Кавказъ, а потому лучше было бы имъ т. е. всѣмъ студентамъ рѣшительно не ходить на его публичныя лекціи.

Бѣдный Крюковъ умираетъ. Еще однимъ свѣтлымъ, прекраснымъ человѣкомъ меньше въ нашемъ кругѣ.

De la création de l'ordre dans l'humanité того Прудона, который писалъ о собственности. Книга эта, вышедшая около двухъ лѣтъ тому назадъ чрезвычайно замѣчательное явленіе. Во первыхъ надобно, читая Прудона, какъ П. Леру и другихъ французовъ философствующихъ, безпрерывно помнить, что у нихъ есть свои странныя мысли и пріемы, des niaiseries, иллогизмы и пр. Сквозь это надобно пробиться, надобно это принять за дурную привычку, которую мы терпимъ въ талантливомъ человѣкѣ и идти далѣе; поверхностныхъ читателей того и гляди стращаютъ такія выраженія. Прудонъ рѣшительно поднимается въ спекулятивное мышленіе, онъ рѣзко и смѣло отдѣлался отъ разсудочныхъ категорій, пре-

красно выводитъ недостатокъ каузальности, субстанціальности и снимаетъ ихъ своими серіями т. е. понятіемъ разчленяющимся на всѣ свои моменты и снятаго разумѣніемъ какъ тотальность.

Бездна яркихъ мыслей. Напр., говоря о Кантовыхъ необходимыхъ координатахъ мышленія о времени и пространствѣ, онъ ставитъ рядомъ съ ними необходимость человѣческаго воззрѣнія видѣть каждый предметъ не единичностью, а звѣномъ ряда, а принадлежащимъ, отнесеннымъ къ цѣлому порядку явленій. Для него чувственная достовѣрность сама въ себѣ носитъ очевидное свидѣтельство своей истины etc. Выходя вездѣ къ конкретнымъ приложеніямъ, онъ превосходенъ въ иныхъ мѣстахъ; самая лучшая часть это его доказательства невозможности религіи въ грядущемъ, выводъ его силенъ, энергиченъ и смѣлъ, онъ заключаетъ словами прекрасно благородными. Вспомнимъ какъ религія благословеніемъ своимъ встрѣчала насъ при рожденіи, и какъ молитвами провожала тѣла наши, сдѣлаемъ для нея тоже, похоронимъ ее съ честью, вспоминая ея благодѣянія человѣчеству. Религія — откровеніе причины, Философія — наука причины.... (явнымъ образомъ несправедливо). Метафизика — наука объ серіальныхъ отношеніяхъ одна остается съ частными науками. Да почему же это Метафизика? Если онъ подъ философіей разумѣетъ исключительный идеализмъ, дѣло другое, но гдѣ же право? развѣ онъ въ Спинозѣ и въ Гегелѣ и въ самомъ Кантѣ (котораго онъ изучалъ, кажется) не видѣлъ больше своего опредѣленія?

МАРТЪ МѢСЯЦЪ

2. — Большое письмо изъ Берлина, вѣсти о Парижѣ, письма изъ Петербурга etc., etc. Между прочимъ статья Бакунина въ La Réforme — вотъ языкъ свободнаго человѣка, онъ дикъ намъ, мы не привыкли къ нему. Мы привыкли къ аллегоріи, къ смѣлому слову intra muros, и насъ удивляетъ свободная рѣчь русскаго, такъ какъ удивляетъ свѣтъ сидѣвшаго въ темной конурѣ. Огаревъ пишетъ о томъ, что нельзя жить дома, да мы знаемъ это получше его. Слабость что ли, надежда ли, а что то да держитъ. Будемъ думать, да думать, да почти ничего не дѣлать, а жизнь будетъ идти да идти.

5. — Вчера въ 9 часовъ утра умеръ Крюковъ. Еще одно свѣтлое существованіе кануло въ прошедшее, прежде нежели что нибудь успѣло совершить. Я видѣлся съ нимъ наканунѣ, онъ былъ въ полномъ сознаніи, держалъ мою руку, говорилъ, что любитъ насъ всѣхъ..... смерти, кажется, не предвидѣлъ; онъ былъ страшно худъ, однако выраженіе лица было прекрасно, взглядъ свѣтелъ, покоенъ и кротокъ. Вчера сняли маску съ него. Охъ, что то тяжелое въ воздухѣ нынѣшняго года, какая то плита на груди.

7. — И схоронили его. Студенты несли до кладбища. Въ церкви было видно сколько цѣнили его; величаво и благородно быть такъ отпѣту не попами, а толпою друзей и почитателей. Я усталъ отъ этихъ дней, какъ то горечь переполнила душу. А впрочемъ надобно свык-

нуться съ смертью, надобно на столько уморить въ себѣ личность, чтобъ не бояться смерти—хорошо—но какъ примириться со смертью друга?... мыслію, что всѣ люди смертны, а такъ какъ N. человѣкъ, то и онъ смертенъ? Піэтисты кричатъ теперь, что Крюковъ обратился, но по несчастію онъ послѣднее время былъ только короткія минуты въ сознаніи, а остальныя въ полупомѣшательствѣ. А какъ противенъ весь пародіальный тонъ самой церкви, это оффиціальное хладнокровіе поповъ, этотъ серьезный видъ при какихъ то безумныхъ нелѣпостяхъ — наконецъ, какъ это все длинно. То ли дѣло кружокъ друзей, горестныхъ, убитыхъ, молча опускающихъ въ могилу тѣло товарища.

12. — Geb ihm ein Gott zu sagen was er leidet. Сказанное слово устремляетъ ядъ вонъ изъ души. Та эпоха страшна въ горести, въ опасеніи, когда нѣтъ слова, нѣтъ силы сказать, когда человѣкъ боится себѣ сказать, признаться. А между тѣмъ, высказанное слово полуисполненное опасеніе, начало его осуществленія внѣ насъ. Я истерзанъ здоровьемъ Наташи и я, я снова способствовалъ ея болѣзни; а если болѣе нежели болѣзни? Что за проклятая ничтожность характера, что за преступная распущенность.

14. — Мнѣ бываетъ тягостно смотрѣть на близкихъ мнѣ друзей; я чувствую, что я хуже ихъ нравственно, что я слабъ, готовъ всегда увлечься всякими побужденіями. Могутъ ли, должны ли они любить меня? Любовь впрочемъ къ человѣку есть личность, предупрежденіе, несправедливость, пристрастіе. Справедливость мнѣ обязанъ оказать квартальный, если онъ исполнитъ свой долгъ; дружба не судъ, дружба любитъ всего человѣка, а не одинъ какой нибудь элементъ его. Любовь къ од-

ному элементу далеко не дружба: я могу съ восторгомъ слушать Листа, поклоняться его способности, но не быть съ нимъ другомъ; уважать въ человѣкѣ одни умственныя способности можно, но тогда лицо его дѣлается лишнимъ, такъ съ нами симпатизируетъ и книга—дружба не осуждаетъ, но оплакиваетъ. Но въ этомъ то и вся страшная карательная сила ея. Человѣкъ можетъ только наказывать самъ себя, и безпощаднѣе инквизитора нѣтъ какъ совѣсть; не нравственные должны корить падшаго, а падшій долженъ сознавать свою ничтожность передъ ними. Это страшное чувство; мнѣ бываетъ до того тяжело смотрѣть на Грановскаго, что слезы навертываются на глазахъ.

17. — Майкова поэма: „Двѣ судьбы.“ Много прекрасныхъ мѣстъ, много разъ онъ умѣлъ коснуться до тѣхъ струнъ, которыя и въ нашей душѣ вибрируютъ болѣзненно. Хорошо отразилась въ немъ тоска по дѣятельности, наша чуждость всѣмъ интересамъ Европы, наша апатія дома etc., etc.

Цензура Петербурга гораздо снисходительнѣе. Да, что ни дѣлай правительство, а однажды привитая мысль зажглась и обращается по жиламъ, чуть маленькое отверстіе, огонь выбиваетъ; цензоры устаютъ, дѣятельная мысль сотенъ головъ ни на минуту не устаетъ.

25. — Три года тому назадъ начатъ этотъ журналъ въ этотъ день. Три года жизни схоронены тутъ или не то что схоронены, а прикрѣплены во всей мимолетности; перечитывая, все оживаетъ, какъ было, а воспоминаніе, одно воспоминаніе не возстановляетъ былаго какъ оно было; оно стираетъ всѣ углы, всю рѣзкость и ставитъ туманную среду.

Ну Аминь.

ОКТЯВРЬ МѢСЯЦЪ

3. — Болѣе 6 мѣсяцевъ прошло и я не заглядывалъ въ журналъ, и не писалъ въ него и не завелъ другаго. Не отъ внутренней пустоты, а такъ, жизнь шла довольно тихо. Все болѣе и болѣе уравновѣшивается, но есть и печальныя стороны и я удерживался иной разъ писать, чтобъ подъ вліяніемъ первыхъ минутъ не записать съ тою рѣзкостью, которая послѣ сдѣлается противною.

На первомъ планѣ скитанье Огарева и всѣ вѣсти, приходящія объ этомъ скитаньѣ — ибо онъ самъ не пишетъ. Вѣра въ способность его ко всему прекрасному и высокому не можетъ потрясена быть во мнѣ, но что же въ одной возможности, когда же наступитъ пора дѣла, что за противорѣчіе между жизнью rentier, безцѣльной, безъ занятій и этими *слезами* симпатіи всему прекрасному. Я не токмо не противъ заграничной жизни, но допускаю въ извѣстныхъ случаяхъ экспатріацію, но не для того, чтобъ жить тамъ праздному и проживать все свое состояніе пошло—такое употребленіе богатства въ наше время преступно. Да и такая жизнь за границей безнравственное бѣгство. Видно пора перестать слишкомъ много класть на голову индивидуальностей. Охъ,—Спиноза правъ!

29. — И на послѣднемъ листѣ повторится тоже, что было сказано на первомъ. Страшная эпоха для Россіи, въ которой мы живемъ и ни видать никакаго выхода. На первомъ планѣ несчастная, бѣдная Польша, первый

свободный шагъ долженъ состоять въ примиреніи, нѣтъ болѣе, въ просьбѣ, чтобъ она простила Россію за то, что сдѣлано ея руками, но волею однаго человѣка. Мы потеряли уваженіе въ Европѣ, на русскихъ смотрятъ съ злобой, почти съ презрѣніемъ. Россія становится представительницей всего ретрограднаго, матеріальной силой, употребляемой для того, чтобъ остановить теченіе европейскаго развитія; да и какъ же иначе смотрѣть на нее. Въ то время какъ въ самой Пруссіи, движеніе эмансипаціонное пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе характеръ величественный, у насъ издается сводъ уголовныхъ законовъ, въ которомъ смерть за слово, за неосторожное выраженіе—кнутъ размѣненъ на плети; у насъ заводятъ маіораты, усиливаютъ дворянство, т. е. утрачиваютъ тѣ выгоды, которыя мы имѣли передъ Европой, тѣ выгоды, о которыхъ Бентамъ писалъ къ императору Александру I, когда онъ воцарился, что ему легче нежели какому нибудь монарху дать дѣльные законы, потому что предразсудки римско-феодальные не мѣшаютъ..... И какъ эти три года, пройдутъ годы еще и еще, и мы состаримся и яснѣе увидимъ, что жизнь потеряна.....

ДИЛЕТТАНТИЗМЪ ВЪ НАУКѢ

ДИЛЕТТАНТИЗМЪ ВЪ НАУКѢ

I.

Мы живемъ на рубежѣ двухъ міровъ: оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящихъ людей. Старыя убѣжденія, все прошедшее міросозерцаніе потрясены — но они дороги сердцу. Новыя убѣжденія, многообъемлющія и великія, не успѣли еще принести плода; первые листы, почки пророчатъ могучіе цвѣты, но этихъ цвѣтовъ нѣтъ, и они чужды сердцу. Множество людей осталось безъ прошедшихъ убѣжденій и безъ настоящихъ. Другіе механически спутали долю того и другаго и погрузились въ печальные сумерки. Люди внѣшніе предаются въ такомъ случаѣ ежедневной суетѣ; люди созерцательные — страдаютъ: во чтобъ ни стало ищутъ примиренія, потому что съ внутреннимъ раздоромъ, безъ краеугольнаго камня нравственному бытію, человѣкъ не можетъ жить. Между тѣмъ, всеобщее примиреніе въ сферѣ мышленія провозгласилось міру наукой. И жаждавшіе примиренія раздвоились: *одни* не вѣрятъ наукѣ, не хотятъ ею заняться, не хотятъ обслѣдовать почему она такъ говоритъ, не хотятъ

идти ея труднымъ путемъ; „наболѣвшія души наши,“ говорятъ они, „требуютъ утѣшеній, а наука на горячія просьбы о хлѣбѣ подаетъ камни, на вопль и стонъ растерзаннаго сердца, на его плачъ, молящій объ участіи — предлагаетъ холодный разумъ и общія формулы; въ логической неприступности своей она равно не удовлетворяетъ ни практическихъ людей, ни мистиковъ. Она намѣренно говоритъ языкомъ неудобопонятнымъ, чтобъ за лѣсомъ схоластики скрыть сухость основныхъ мыслей — elle n'a pas d'entraille.» *Другіе* совсѣмъ напротивъ, нашли внѣшнее примиреніе и отвѣтъ всему какимъ то незаконнымъ процессомъ, усвоивая себѣ букву науки и не касаясь до живаго духа ея. Они до того поверхностны, что имъ кажется все ужасно легкимъ, на всякій вопросъ они знаютъ разрѣшеніе; когда слушаешь ихъ, то кажется, что наукѣ больше ничего не осталось дѣлать. У нихъ свой алькоранъ, они вѣрятъ въ него и цитируютъ мѣста, какъ послѣднее доказательство. Эти мухаммедане въ наукѣ чрезвычайно вредятъ ея успѣхамъ. Генрихъ IV говаривалъ: „лишь бы Провидѣніе меня защитило отъ друзей, а съ врагами я самъ справлюсь“; такіе друзья науки, смѣшиваемые съ самой наукой, оправдываютъ ненависть враговъ ея; — и наука остается въ маломъ числѣ избранныхъ.

Но хотя бы она была въ одномъ человѣкѣ — она фактъ, великое событіе не въ возможности, а въ дѣйствительности; отрицать событіе нельзя. Такого рода факты никогда не совершаются не въ свое время; время для науки настало, она достигла до истиннаго понятія своего; духу человѣческому, искусившемуся на всѣхъ ступеняхъ лѣствицы самопознанія, начала раскрываться истина въ стройномъ наукообразномъ организмѣ и притомъ въ живомъ организмѣ. За будущность науки нѣ-

чего бояться. Но жаль поколѣнія, которое, имѣя, если не совершенное освѣщеніе дня, то навѣрное утреннюю зарю—страдаетъ во тьмѣ или тѣшится пустяками, оттого что стоитъ спиною къ востоку. За что изъяты стремящіеся отъ блага обоихъ міровъ: прошедшаго умершаго, вызываемаго ими иногда, но являющагося въ саванѣ, и настоящаго, для нихъ неродившагося?

Массами философія теперь принята быть не можетъ. Философія *какъ наука* предполагаетъ извѣстную степень развитія самомышленія, безъ котораго нельзя подняться въ ея сферу. Массамъ вовсе недоступны безтѣлесныя умозрѣнія; ими принимается имѣющее плоть. А для того, чтобъ перейти во всеобщее сознаніе, потерявъ свой искуственный языкъ и сдѣлаться достояніемъ площади и семьи, живоначальнымъ источникомъ дѣйствованія и воззрѣнія всѣхъ и каждаго—она слишкомъ юна, она не могла еще имѣть такого развитія въ жизни, ей много дѣла дома, въ сферѣ абстрактной; кромѣ философовъ-мухаммеданъ никто не думаетъ, что въ наукѣ все совершено, не смотря ни на выработанность формы, ни на полноту развертывающагося въ ней содержанія, ни на діалектическую методу, ясную и прозрачную для самой себя. Но если массамъ недоступна наука, то до нихъ не дошли и страданія душнаго состоянія пустоты и натянутаго бѣснующагося піэтизма. Массы не внѣ истины; онѣ знаютъ ее божественнымъ откровеніемъ. Въ несчастномъ и безотрадномъ положеніи находятся люди, попавшіе въ промежутокъ между *естественною* простотою массъ и *разумной* простотою науки.

На первый случай да будетъ позволено намъ не разрушать на нѣкоторое время спокойствія и квіэтизма, въ которомъ почиваютъ формалисты, и заняться исключительно врагами современной науки; ихъ мы понимаемъ

подъ общимъ именемъ дилеттантовъ и романтиковъ. Формалисты не страдаютъ, а эти больны — имъ жить тошно.

Враговъ собственно наука въ Европѣ не имѣетъ, развѣ за исключеніемъ какихъ нибудь кастъ, доживающихъ въ безсмысліи свой вѣкъ, да и тѣ такъ нелѣпы, что съ ними никто не говоритъ. Дилеттанты вообще тоже друзья науки, nos amis les ennemis, какъ говоритъ Беранжѐ, но непріятели современному состоянію ея. Всѣ они чувствуютъ потребность пофилософствовать, но пофилософствовать между прочимъ, легко и пріятно, въ извѣстныхъ границахъ: сюда принадлежатъ нѣжныя мечтательныя души, оскорбленныя положительностью нашего вѣка, онѣ, жаждавшія вездѣ осуществленія своихъ милыхъ, но не сбыточныхъ фантазій, не находятъ ихъ и въ наукѣ, отворачиваются отъ нея, и, сосредоченныя въ тѣсныхъ сферахъ личныхъ упованій и надеждъ, безплодно выдыхаются въ какую то туманную даль. И съ другой стороны, сюда принадлежатъ истые поклонники позитивизма, потерявшіе духъ за подробностями и упорно остающіеся при разсудочныхъ теоріяхъ и аналитическихъ трупоразъятіяхъ. Наконецъ толпа этого направленія составляется изъ людей, вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста и вообразившихъ, что наука легка (въ ихъ смыслѣ), что стòитъ захотѣть знать — и узнаешь, а между тѣмъ наука имъ не далась, за это они и разсердились на нее; они не вынесли съ собою ни укрѣпленныхъ дарованій, ни постояннаго труда, ни желанія чѣмъ бы то ни было пожертвовать для истины. Они попробовали плодъ древа познанія и грустно повѣдали о кислотѣ и гнилости его, похожіе на тѣхъ добрыхъ людей, которые со слезами разсказываютъ о порокахъ друга — и имъ вѣрятъ добрые люди, потому что они друзья.

Возлѣ дилеттантовъ доживаютъ свой вѣкъ романтики, за оздалые представители прошедшаго, глубоко скорбящіе объ умершемъ мірѣ, который имъ казался вѣчнымъ; они не хотятъ съ новымъ имѣть дѣла, иначе какъ съ копьемъ въ рукѣ; вѣрные преданію среднихъ вѣковъ, они похожи на Донъ-Кихота, и скорбятъ о глубокомъ паденіи людей, завернувшись въ одежды печали и сѣтованія. Они впрочемъ готовы признать науку; но для этого требуютъ, чтобы наука признала за абсолютное, что Дульцинея Тобозская—первая красавица. Пришло время, въ которое должно безъ увлеченія и предразсудковъ смотрѣть на людей; начинается совершеннолѣтіе, и потому не одно сладкое должно высказываться, но и горькое. Надобно для того начать рѣчь противъ дилеттантовъ науки, что они клевещутъ на нее и для того, что ихъ жаль; наконецъ, всего болѣе необходимо говорить о нихъ *у насъ*.

Одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ русскаго характера—чрезвычайная легкость принимать и усвоивать себѣ плодъ чужаго труда. И не только легко, но и ловко: въ этомъ состоитъ одна изъ гуманнѣйшихъ сторонъ нашего характера. Но это достоинство вмѣстѣ съ тѣмъ и значительный недостатокъ: мы рѣдко имѣемъ способность выдержаннаго, глубокаго труда. Намъ понравилось загребать жаръ чужими руками, намъ показалось, что это въ порядкѣ вещей, чтобъ Европа кровью и потомъ вырабатывала каждую истину и открытіе: ей всѣ мученія тяжелой беременности, трудныхъ родовъ, изнурительнаго кормленія грудью,—а дитя намъ. Мы проглядѣли, что ребенокъ будетъ у насъ—пріемышъ, что органической связи между нами и имъ нѣтъ..... Все шло хорошо. Но когда мы приблизились къ современной наукѣ, ея упорство должно

было удивить насъ. Эта наука вездѣ дома — но только она нигдѣ не даетъ жатвы, гдѣ не посѣяна, она должна не только въ каждомъ принимающемъ народѣ, но въ каждой личности прозябнуть и возрасти. Намъ хотѣлось бы взять результатъ, поймать его, какъ ловятъ мухъ, и, раскрывая руку, мы или обманываемъ себя, думая, что абсолютное тутъ, или съ досадой видимъ, что рука пуста. Дѣло въ томъ, что эта наука существуетъ какъ наука, и тогда она имѣетъ великій результатъ; а результатъ отдѣльно вовсе не существуетъ: такъ голова живаго человѣка кипитъ мыслями, пока шеей прикрѣплена къ туловищу, а безъ него она — пустая форма. Все это должно было удивить и оскорбить нашихъ дилеттантовъ гораздо болѣе, нежели иностранныхъ, ибо у насъ гораздо менѣе развито понятіе науки и путей ея. Наши дилеттанты съ плачемъ засвидѣтельствовали, что они обманулись въ коварной наукѣ Запада, что ея результаты темны, сбивчивы, хотя и есть порядочныя мысли, принадлежащія „такому-то и такому-то.“ Такія рѣчи у насъ вредны, потому что нѣтъ нелѣпости, обветшалости, которая не высказывалась бы нашими дилеттантами съ увѣренностью, приводящею въ изумленіе; а слушающіе готовы вѣрить, оттого, что у насъ не установились самыя общія понятія о наукѣ, есть предварительныя истины, которыя въ Германіи, напримѣръ, впередъ идутъ, а у насъ нѣтъ. О нихъ тамъ уже никто не говоритъ, а у насъ никто *еще* не говорилъ о нихъ. На Западѣ война противъ современной науки представляетъ извѣстные элементы духа народнаго, развившіеся вѣками и окрѣпнувшіе въ упрямой самобытности; имъ вспять идти не позволяютъ воспоминанія: таковы, напримѣръ, піэтисты въ Германіи, порожденные односторонностью протестан-

тизма. Какъ ни жалко ихъ положеніе — быть изъятыми изъ жизни современной, но нельзя отрицать въ нихъ особый характеръ упругости и послѣдовательности, съ которой они ведутъ отчаянный бой. Наши дилеттанты, если и принимаютъ эти чужеземныя болѣзни, то, не имѣя предшествующихъ фактовъ, они дивятъ поверхностностью и неразуміемъ. Имъ не стыдно отступить, потому что они еще не сдѣлали ни одного шага впередъ. Они были всегда праздношатающимися въ сѣняхъ храма науки — у нихъ нѣтъ своего дома. И еслибъ они могли побѣдить восточную лѣнь и въ самомъ дѣлѣ обратить вниманіе на науку, они помирились бы съ нею. Но тутъ-то и бѣда. Мы сердимся на науку въ совершенныхъ годахъ такъ, какъ сердились на грамматику, будучи восьми лѣтъ. Трудность, темнота—главное обвиненіе; къ нему присовокупляются, какъ къ существенному, другія возраженія піэтическія, моральныя, патріотическія, сантиментальныя. Гёте давнымъ-давно сказалъ: „когда толкуютъ о темнотѣ книги, слѣдуетъ спросить, въ книгѣ ли темнота или въ головѣ.“ Вообще ссылаться вѣчно на трудность — это что-то неблагопристойное, лѣнивое и незаслуживающее возраженія *). Наука не достается безъ труда — правда; въ наукѣ нѣтъ другаго способа пріобрѣтенія, какъ въ потѣ лица; ни порывы, ни фантазіи, ни стремленіе всѣмъ сердцемъ не замѣняютъ труда. Но трудиться не хотятъ, а утѣшаются мыслью, что современная наука есть разработка матеріаловъ, что надобно не человѣчьи усилія для того, чтобъ понять ее, и что скоро упадетъ съ неба или выйдетъ изъ-подъ земли другая *легкая* наука.

*) У насъ, пожалуй, есть и еще нелѣпѣе обвиненіе науки, зачѣмъ она употребляетъ *незнакомыя слова*. — Кому незнакомыя? ? ...

„Трудность, непонятность!“ А почему они знаютъ это? развѣ внѣ науки можно знать степень ея трудности? развѣ наука не имѣетъ формальнаго начала, которое легко именно потому, что оно начало, какая нибудь неразвитая всеобщность? Съ другой стороны, они правы, ссылаясь на непониманіе, больше правы, нежели думаютъ. Если мы вникнемъ, почему при всемъ желаніи, стремленіи къ истинѣ, многимъ наука не дается, то увидимъ, что существенная, главная, всеобщая причина одна: всѣ они *не понимаютъ* науки и не понимаютъ, чего хотятъ отъ нея. Скажутъ: для кого же наука, если люди, ее любящіе, стремящіеся къ ней, не понимаютъ ея? стало быть, она, какъ алхимія, существуетъ только для адептовъ, имѣющихъ ключъ къ ея іероглифическому языку? Нѣтъ; современная наука можетъ быть понятна всякому, кто имѣетъ живую душу, самоотверженіе, и подходитъ къ ней *просто*. Въ томъ то и дѣло, что всѣ эти господа подходятъ къ ней *замысловато*, съ „задними мыслями“; испытывая ее, дѣлая ей требованія и ничѣмъ не жертвуя для нея; и она для нихъ остается — хотя бы они были мудры, какъ змѣи — безсмысленнымъ формализмомъ, логическимъ casse-tête, не заключающемъ въ себѣ никакой сущности.

Отреченіе отъ личныхъ убѣжденій значитъ признаніе истины; доколѣ моя личность соперничаетъ съ нею, она ее ограничиваетъ, она ее гнетъ, выгибаетъ, подчиняетъ себѣ, повинуясь одному своеволію. Сохраняющимъ личныя убѣжденія дорога не *истина*, а то, что они *называютъ* истиной. Они любятъ не науку, а именно туманное, неопредѣленное стремленіе къ ней, въ которомъ раздолье имъ мечтать и льстить себѣ. Эти искатели премудрости, каждый по своей тропинкѣ, такъ высоко оцѣнили свой подвигъ, такъ полюбили свою умную лич-

ность, что не могутъ поступиться ею. Было время, когда многое прощалось за одно стремленіе, за одну любовь къ наукѣ; это время миновало; нынѣче мало одной платонической любви: мы реалисты; намъ надобно, чтобъ любовь становилась дѣйствіемъ. А что заставляетъ такъ упорно держаться личныхъ убѣжденій? — эгоизмъ. Эгоизмъ ненавидитъ всеобщее, онъ отрываетъ человѣка отъ человѣчества, ставитъ его въ исключительное положеніе; для него все чуждо, кромѣ своей личности. Онъ вездѣ носитъ съ собою свою злокачественную атмосферу, сквозь которую не проникнетъ свѣтлый лучъ, не изуродовавшись. Съ эгоизмомъ объруку идетъ гордая надменность; книгу науки развертываютъ съ дерзкимъ легкомысліемъ. Уваженіе къ истинѣ — начало премудрости.

Положеніе философіи въ отношеніи къ ея любовникамъ не лучше положенія Пенелопы безъ Одиссея: ее никто не охраняетъ — ни формулы, ни фигуры, какъ математику, ни частоколы, воздвигаемые спеціальными науками около своихъ огородовъ. Чрезвычайная всеобъемлемость философіи даетъ ей видъ доступности извнѣ. Чѣмъ всеобъемлемѣе мысль и чѣмъ болѣе она держится во всеобщности, тѣмъ легче она для поверхностнаго разумѣнія, потому что частности содержанія не развиты въ ней и ихъ не подозрѣваютъ. Смотря съ берега на зеркальную поверхность моря, можно дивиться робости пловцовъ; спокойствіе волнъ заставляетъ забывать ихъ глубину и жадность, — онѣ кажутся хрусталемъ или льдомъ. Но пловецъ знаетъ, можно ли положиться на эту холодность и покой. Въ философіи, какъ въ морѣ, нѣтъ ни льда, ни хрусталя: все движется, течетъ, живетъ, подъ каждой точкой одинакая глубина; въ ней, какъ въ горнилѣ, расплавляется все твердое, окаменѣ-

лое, попавшееся въ ея безначальный и безконечный круговоротъ, и, какъ въ морѣ, поверхность гладка, спокойна, свѣтла, безпредѣльна и отражаетъ небо. Благодаря этому оптическому обману, дилетанты подходятъ храбро, безъ страха истины, безъ уваженія къ преемственному труду человѣчества, работавшаго около трехъ тысячъ лѣтъ, чтобъ дойти до настоящаго развитія. Не спрашиваютъ дороги, скользятъ съ пренебреженіемъ по началу, полагая, что знаютъ его, не спрашиваютъ, что̀ такое наука, что̀ она должна дать, а требуютъ, чтобъ она дала имъ то, что̀ имъ вздумается спросить. Темное предчувствіе говоритъ, что философія должна разрѣшить все, примирить, успокоить; въ силу этого отъ нея требуютъ доказательствъ на свои убѣжденія, на всякія гипотезы, утѣшенія въ неудачахъ и богъ-вѣсть чего не требуютъ. Строгій, удаленный отъ паѳоса и личностей характеръ науки поражаетъ ихъ, они удивлены, обмануты въ ожиданіяхъ, ихъ заставляютъ трудиться тамъ, гдѣ они искали отдыха, и трудиться въ самомъ дѣлѣ. Наука перестаетъ имъ нравиться: они берутъ отдѣльные результаты, неимѣющіе никакого смысла, въ той формѣ, въ которой они берутъ, привязываютъ ихъ къ позорному столбу и бичуютъ въ нихъ науку. Замѣтьте, каждый считаетъ себя состоятельнымъ судьею, потому что каждый увѣренъ въ своемъ умѣ и въ превосходствѣ его надъ наукою, хотя бы онъ прочелъ одно введеніе. „Нѣтъ въ мірѣ человѣка“—говоритъ одинъ великій мыслитель — „который бы думалъ, что можно не учась башмачному мастерству шить башмаки, хотя у каждаго есть нога — мѣра башмаку. Философія не дѣлитъ даже этого права.“ Личныя убѣжденія — окончательное, безапелляціонное судилище. А они откуда взяты? — отъ родителей, нянекъ, школы, отъ доб-

рыхъ и недобрыхъ людей, и отъ своего посильнаго ума. „У всякаго свой умъ—что за дѣло, какъ думаютъ другіе.“ Чтобъ сказать это, когда рѣчь идетъ не о пустыхъ случайностяхъ ежедневной жизни, а о наукѣ, надобно быть или геніемъ, или безумнымъ. Геніевъ мало, а сентенція эта повторяется часто. Впрочемъ, хоть я понимаю возможность генія, предупреждающаго умъ современниковъ (напр. Коперникъ) такимъ образомъ, что истина съ его стороны въ противность общепринятому мнѣнію, но я не знаю ни одного великаго человѣка, который сказалъ бы, что у всѣхъ людей умъ самъ по себѣ, а у него самъ по себѣ. Все дѣло философіи и гражданственности — раскрыть во всѣхъ головахъ одинъ умъ. На единеніи умовъ зиждется все зданіе человѣчества; только въ низшихъ, мелкихъ и чисто животныхъ желаніяхъ люди распадаются. При этомъ надобно замѣтить, что сентенціи такого рода признаются только, когда рѣчь идетъ о философіи и эстетикѣ. Объективное значеніе другихъ наукъ, даже башмачнаго ремесла, давно признано. У всякаго своя философія, свой вкусъ. Добрымъ людямъ въ голову не приходитъ, что это значитъ самымъ положительнымъ образомъ отрицать философію и эстетику. Ибо что же за существованіе ихъ, если они зависятъ и мѣняются отъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго? Причина одна: предметъ науки и искусства, ни око не видитъ, ни зубъ не йметъ. Духъ — Протей; онъ для человѣка то, что̀ человѣкъ понимаетъ подъ нимъ, и на сколько понимаетъ; совсѣмъ не понимаетъ — его нѣтъ, но нѣтъ для *человѣка,* а не для человѣчества, не для себя. Юмъ, съ наивностью sui generis, своего вѣка, говоритъ, читая какую то гипотезу Бюффона: „Удивительно, я почти убѣжденъ въ достовѣрности его словъ, а онъ говоритъ о предметахъ,

которыхъ глазъ *человѣческій* не видитъ.“ Для Юма, слѣдственно, духъ существовалъ только въ своемъ воплощеніи; критеріумъ истины для него — носъ, уши, глаза и ротъ. Мудрено ли послѣ этого, что онъ отрицалъ каузальность (причинность)?

Другія науки гораздо счастливѣе философіи: у нихъ есть предметъ непроницаемый въ пространствѣ и сущій во времени. Въ естествовѣденіи, напр., нельзя такъ играть, какъ въ философіи. Природа — царство видимаго закона; она не даетъ себя насиловать; она представляетъ улики и возраженія, которыя отрицать невозможно: ихъ глазъ видитъ и ухо слышитъ. Занимающіеся безусловно покоряются, личность подавлена и является только въ гипотезахъ, обыкновенно не идущихъ къ дѣлу. Въ этомъ отношеніи, матеріалисты стоятъ выше и могутъ служить примѣромъ мечтателямъ-дилеттантамъ: матеріалисты поняли духъ въ природѣ и только какъ природу — но передъ объективностью ея, не смотря на то, что въ ней нѣтъ истиннаго примиренія, склонились; оттого между ими являлись такіе мощные люди, какъ Бюффонъ, Кювье, Лапласъ и др. Какую теорію ни броситъ, какимъ личнымъ убѣжденіемъ ни пожертвуетъ химикъ,— если опытъ покажетъ другое, ему не прійдетъ въ голову, что цинкъ ошибочно дѣйствуетъ, что селитряная кислота — нелѣпость. А между тѣмъ опытъ — бѣднѣйшее средство познанія. Онъ покоряется физическому факту; фактамъ духа и разума никто не считаетъ себя обязаннымъ покоряться; не даютъ себѣ труда уразумѣть его, не признаютъ фактомъ. Къ философіи приступаютъ съ своей маленькой философіей; въ этой маленькой, домашней, ручной философіи удовлетворены всѣ мечты, всѣ прихоти эгоистическаго воображенія. Какъ же не разсердиться, когда въ философіи-наукѣ

всѣ эти мечты блѣднѣютъ передъ разумнымъ реализмомъ ея! Личность исчезаетъ въ царствѣ идеи въ то время, какъ жажда насладиться, упиться себялюбіемъ заставляетъ искать вездѣ себя и себя, какъ единичнаго, какъ этого. Въ наукѣ дилеттанты находятъ одно всеобщее, — разумъ, мысль по превосходству, всеобщее: наука перешагнула за индивидуальности, за случайныя и временныя личности; она далеко оставила ихъ за собою, такъ что они незамѣтны изъ нея. Въ наукѣ царство совершеннолѣтія и свободы; слабые люди, предчувствуя эту свободу, трепещутъ; они боятся ступить безъ пѣстуна, безъ внѣшняго велѣнія; въ наукѣ нѣ кому оцѣнить ихъ подвига, похвалить, наградить; имъ кажется это ужасной пустотою, голова кружится, и они удаляются. Распадаясь съ наукой, они начинаютъ ссылаться на темное чувство свое, которое хоть и никогда не приходитъ въ ясность, но не можетъ ошибиться. Чувство индивидуально: я чувствую — другой нѣтъ, оба правы; доказательствъ не нужно, да они и невозможны — еслибъ была искра любви къ истинѣ въ самомъ дѣлѣ, разумѣется ее не рѣшились бы провести подъ каудинскія фуркулы чувствъ, фантазій и капризовъ. Не сердце, а разумъ судья истины. А разуму кто судья?—онъ самъ. Это одна изъ непреодолимѣйшихъ трудностей для дилеттантовъ; оттого они, приступая къ наукѣ, и ищутъ внѣ науки аршина, на который мѣрить ее; сюда принадлежитъ извѣстное нелѣпое правило: прежде, нежели начать мыслить, изслѣдовать орудія мышленія какимъ-то внѣшнимъ анализомъ.

При первомъ шагѣ, дилеттанты предъявляютъ допросные пункты, труднѣйшіе вопросы науки хотятъ впередъ узнать, чтобъ имѣть залогъ, что̀ такое духъ, абсолютное... да такъ, чтобъ опредѣленіе было коротко и

ясно, т. е., дайте содержаніе всей науки въ нѣсколькихъ сентенціяхъ, — это была бы легкая наука! Что̀ сказали бы о томъ человѣкѣ, который, собираясь заняться математикой, потребовалъ бы впередъ яснаго изложенія дифференцированія и интегрированія, и притомъ на его собственномъ языкѣ? Въ спеціальныхъ наукахъ рѣдко услышите такіе вопросы: страхъ показаться невѣждой держитъ въ уздѣ. Въ философіи дѣло другое: тутъ никто не женируется! Предметы все знакомые — умъ, разумъ, идея и проч. У всякаго естъ палата ума, разума и *не одна,* а *много* идей. Я еще здѣсь предположилъ темную наслышку о результатахъ философіи, хотя и нельзя угадать, что̀ именно допрашивающіе разумѣютъ подъ абсолютнымъ, духомъ и проч.; но болѣе отважные дилеттанты идутъ дальше; они дѣлаютъ вопросы, на которые рѣшительно нѣчего сказать, потому что вопросъ заключаетъ въ себѣ нелѣпость. Для того, чтобъ сдѣлать дѣльный вопросъ, надобно непремѣнно быть сколько нибудь знакому съ предметомъ, надобно обладать своего рода предугадывающею проницательностію. Между тѣмъ, когда наука молчитъ изъ снисхожденія, или старается, вмѣсто отвѣта, показать невозможность требованія, ее обвиняютъ въ несостоятельности и въ употребленіи уловокъ.

Приведу, для примѣра, одинъ вопросъ, разнымъ образомъ, но чрезвычайно часто предлагаемый дилеттантами: „какъ безвидное внутреннее превратилось въ видимое, внѣшнее, и что оно было прежде существованія внѣшняго?“ Наука потому не обязана на это отвѣчать, что она и не говорила, что два момента, существующіе какъ внутреннее и внѣшнее можно разъять такъ, чтобъ одинъ моментъ имѣлъ дѣйствительность безъ другаго. Въ абстракціи, разумѣется, мы можемъ отдѣлить при-

чину отъ дѣйствія, силу отъ проявленія, субстанцію отъ наружнаго. Но имъ не того хочется: имъ хочется *освободить* сущность, внутреннее — такъ, чтобъ можно было посмотрѣть на него; они хотятъ какого-то предметнаго существованія его, забывая, что предметное существованіе внутренняго есть именно внѣшнее; внутреннее, неимѣющее внѣшняго, просто — безразличное ничто.

Nichts ist drinnen, nichts ist draussen :
Denn was innen, das ist aussen.

GŒTHE.

Словомъ, внѣшнее есть обнаруженное внутреннее, и внутреннее потому внутреннее, что имѣетъ свое внѣшнее. Внутреннее безъ внѣшняго какая-то дурная возможность, потому что нѣтъ ему проявленія; внѣшнее безъ внутренняго — безсмысленная форма, неимѣющая содержанія. Такимъ объясненіемъ дилеттанты недовольны: у нихъ кроется мысль, что во внутреннемъ спрятана тайна, которая разуму непостижима, а между тѣмъ вся сущность его въ томъ только и состоитъ, чтобъ *обнаружиться*, — и для чего, для кого была бы эта *тайная тайна*? Безконечное, безначальное отношеніе двухъ моментовъ, другъ друга опредѣляющихъ, другъ въ друга *утягивающихъ* такъ сказать, составляютъ жизнь истины; въ этихъ вѣчныхъ переливахъ, въ этомъ вѣчномъ движеніи, въ которое увлечено все сушее, живетъ истина: это ея вдыханіе и выдыханіе, ея систола и діастола. Но истина жива, какъ все органически живое, только какъ цѣлостность; при разъятіи на части, душа ея отлетаетъ и остаются мертвыя абстракціи съ запахомъ трупа. Но живое движеніе, это всемірное діалектическое біеніе пульса, находитъ чрезвычайное сопротивле-

ніе со стороны дилеттантовъ. Они не могутъ допустить, чтобъ *порядочная* истина, не сдѣлавшись нелѣпостью, могла перейти въ противоположное. Разумѣется, что внѣ науки нельзя передать ясно и отчетливо необходимость вѣчнаго, неуловимаго перехода внутренняго во внѣшнее, такъ что наружное есть внутреннее, а внутреннее наружное. Но причина, почему именно такіе выводы философіи возмущаютъ — очевидна. Разсудочныя теоріи пріучили людей до такой степени къ анатомическому способу, что только неподвижное, мертвое, т. е. неистинное, они считаютъ за истину, заставляютъ мысль оледениться, застыть въ какомъ нибудь одностороннемъ опредѣленіи, полагая, что въ этомъ омертвѣломъ состояніи легче разобрать ее. Встарь учились физіологіи въ анатомическомъ театрѣ: оттого наука о жизни такъ далеко отстоитъ отъ наукѣ о трупѣ. Какъ только взять одинъ моментъ — невидимая сила влечетъ въ противоположный; это первое жизненное сотрясеніе мысли: субстанція влечетъ къ проявленію, безконечное къ конечному; они такъ необходимы другъ другу, какъ полюсы магнита. Но недовѣрчивые и осторожные пытатели хотятъ раздѣлить полюсы: безъ полюсовъ магнита нѣтъ; какъ только они вонзаютъ скальпель, требуя *того* или *другаго*,—дѣлается разъятіе нераздѣльнаго, и остаются двѣ мертвыя абстракціи, кровь застываетъ, движеніе остановлено. Да пусть бы знали, что то или другое отдѣльно абстракціи, такъ какъ математикъ, отвлекая линію отъ площади и площадь отъ тѣла, знаетъ, что реально одно тѣло, а линія и площади абстракціи *).

*) Вообще, математика, не смотря на то, что предметъ ея по превосходству мертвъ и формаленъ, отдѣлилась отъ сухаго *того или другое*. Что такое дифференціалъ? — безконечно-малая величина;

Нѣтъ, эти люди, непонимающіе объективности разума, отрицающіе ее, именно тутъ требуютъ незаконной объективности, дѣйствительности своимъ отвлеченностямъ.

Здѣсь время напомнить третье условіе пониманія науки, о которомъ было сказано, *живую душу*. Только живой душой понимаются живыя истины; у нея нѣтъ ни пустаго внутри формализма, на который она растягиваетъ истину какъ на прокустовомъ ложѣ, ни твердыхъ застылыхъ мыслей, отъ которыхъ отступить не можетъ. Эти застылыя мысли составляютъ массу аксіомъ и теоремъ, которая впередъ идетъ, когда приступаютъ къ философіи, съ ихъ помощію составляются готовыя понятія, опредѣленія богъ-вѣсть на чемъ основанныя, безъ всякой связи между собою. Начать знаніе надобно съ того, чтобъ забыть всѣ эти сбивчивыя, невѣрныя понятія; они вводятъ въ обманъ; извѣстнымъ полагается именно то, что неизвѣстно; надобно смерти и уничтоженію предоставить мертвыхъ, отказаться отъ всѣхъ неподвижныхъ привидѣній. Живая душа имѣетъ симпатію къ живому, какое-то ясновидѣніе облегчаетъ ей путь, она трепещетъ, вступая въ область родную ей, и скоро знакомится съ нею. Конечно, наука не имѣетъ такихъ торжественныхъ пропилей, какъ религія. Пусть достиженія къ наукѣ идетъ повидимому безплод-

стало быть или онъ имѣетъ величину, и въ такомъ случаѣ это величина конечная, или не имѣетъ никакой величины: въ такомъ случаѣ онъ нуль. Но Лейбницъ и Ньютонъ постигли шире и приняли сосуществованіе бытія и небытія, начальное движеніе возникновенія, переливъ отъ ничего къ чему нибудь. Результаты теоріи безконечно-малыхъ извѣстны. Далѣе, математика не испугалась ни отрицательныхъ величинъ, ни несоизмѣримости, ни безконечно-великаго, ни мнимыхъ корней. А разумѣется, все это падаетъ въ прахъ передъ узенькимъ разсудочнымъ „то или другое“.

ной степью; это отталкиваетъ нѣкоторыхъ. Потери видны, пріобрѣтеній нѣтъ; поднимаемся въ какую-то изрѣженную среду, въ какой-то міръ безплотныхъ абстракцій, важная торжественность кажется суровою холодностью; съ каждымъ шагомъ уносишься болѣе и болѣе въ это воздушное море; становится *страшно просторно,* тяжело дышать и безотрадно, берега отдаляются, исчезаютъ, — съ ними исчезаютъ всѣ образы навѣянные мечтами, съ которыми сжилось сердце; ужасъ объемлетъ душу: Lasciate ogni speranza voi che entrate! Гдѣ бросить якорь? Все разрѣшается, теряетъ твердость, улетучивается. Но вскорѣ раздается громкій голосъ, говорящій подобно Юлію Цезарю: „чего боишься? ты *меня* везешь!“ Этотъ Цезарь — безконечный духъ, живущій въ груди человѣка; въ ту минуту, какъ отчаяніе готово вступить въ права свои, онъ встрепенулся; духъ найдется въ этомъ мірѣ: это его родина, та, къ которой онъ стремился и звуками, и статуями, и пѣснопѣніями, по которой страдалъ, это Jenseits, къ которому онъ рвался изъ тѣсной груди; еще шагъ — и міръ начинаетъ возвращаться; но онъ не чужой уже: наука даетъ на него инвеституру. Поблекли мечты, основанныя на раздраженной фантазіи, чрезъ посредство которой духъ прорывался къ знанію; но за то дѣйствительность просвѣтлѣла, взоръ проникаетъ глубоко и видитъ, что нѣтъ тайны, которую хранили бы сфинксы и грифы, что внутренняя сущность готова раскрыться дерзающему. Но за мечты именно и держутся всего болѣе дилеттанты. Они не могутъ найти силъ перенести съ самоотверженіемъ начала и дойти до той оборотной точки, съ которой боль скептицизма и лишеній замѣняется предчувствіемъ знанія успокоеннаго. Они знаютъ, что боготворимыя мечты, всѣ идеалы ихъ какъ-то

не истинны, чувствуютъ неловкость, несвязность, и остаются при этой неловкости, *могутъ* остаться. Но человѣкъ, поднявшійся до современности съ живой душой не можетъ удовлетвориться внѣ науки. Глубоко пострадавъ пустоту субъективныхъ убѣжденій, постучавшись во всѣ двери, чтобъ утолить жгучую жажду возбужденнаго духа и нигдѣ не находя истиннаго отвѣта, измученный скептицизмомъ, обманутый жизнью, онъ идетъ нагой, бѣдный, одинокій, и бросается въ науку.

„Неужели онъ страдательно склонится подъ ярмо чужаго авторитета?“ Наука не требуетъ ничего впередъ, не даетъ никакихъ началъ на вѣру, и какія начала у нея, которыя впередъ можно было бы передать? Ея начала — это конецъ ея, это послѣднее слово, итогъ всего движенія, до нихъ она достигаетъ; самое развитіе ихъ есть неопровержимое доказательство. Если же подъ началомъ разумѣть первую страницу, то въ ней истины науки, потому не можетъ быть, что она первая страница, и все развитіе еще впереди. Наука начинается съ какого нибудь общаго мѣста, а не съ изложенія своего profession de foi. Она не говоритъ „допусти то и то,“ а „я тебѣ дамъ истину спрятанную у меня, ты можешь получить ее, рабски повинуясь;“ въ отношеніи къ лицу, она только направляетъ внутренній процессъ развитія, прививаетъ индивидуальности совершенное родомъ, пріобщаетъ ее къ современности; она сама есть процессъ углубленія въ себя природы, и развитіе полнаго сознанія космоса о себѣ; ею вселенная *приходитъ въ себя* послѣ бореній матеріальнаго бытія, жизни, погруженной въ непосредственность. Его фантастическое упоеніе *образнаго* вѣденія становится, по выраженію Аристотеля, *трезвымъ знаніемъ*. Но для того, чтобъ до-

стигнуть дѣйствительно до трезвости, надобенъ былъ трудъ 3,000 лѣтъ. Сколько прожилъ скорбнаго, страдалъ, унывалъ, лилъ слезъ и крови духъ человѣчества, пока отрѣшилъ мышленіе отъ всего временнаго и односторонняго, и началъ понимать себя сознательной сущностью міра! Величественную и огромную эпопею исторіи надобно было прожить человѣчеству, чтобъ великій поэтъ, опередившій свою эпоху и предузнавшій нашу, могъ спросить:

Ist nicht der Kern der Natur
Menschen im Herzen?

О какомъ чужомъ авторитетѣ говорятъ дилеттанты, гдѣ возможность его въ наукѣ? Дѣло въ томъ, что они науку принимаютъ не за послѣдовательное развитіе разума и самопознанія, а за разные опыты, выдуманные разными особами въ разныя времена, безъ связи и отношенія между собою. Они не могутъ понять, что истина не зависитъ отъ личности трудящихся, что они только органы развивающейся истины; они не могутъ никакъ постигнуть ея высокое объективное достоинство; имъ все кажется, что это субъективные помыслы и капризы. Наука имѣетъ свою автономію и свой генезисъ; свободная, она не зависитъ отъ авторитетовъ; освобождающая, она не подчиняетъ авторитетамъ. Но въ самомъ дѣлѣ она имѣетъ право требовать впередъ на столько довѣрія и уваженія, чтобъ къ ней не приступали съ заготовленными скептическими и мистическими возраженіями, потому что и они—добровольныя принятія на вѣру. Гдѣ? по какому праву? на чемъ основываясь? заготовляютъ возраженія на науку внѣ ея. Откуда эта твердая масса, отталкивающая свѣтъ? Въ душѣ чистой отъ предразсудковъ наука можетъ

опереться на свидѣтельство духа о своемъ достоинствѣ, о своей возможности развить въ себѣ истину; отъ этого зависитъ смѣлость знать, святая дерзость сорвать завѣсу съ Изиды и вперить горящій взоръ на обнаженную истину, хотя бы то стоило жизни, лучшихъ упованій.

Но какая эта истина, которую намъ обѣщаютъ за покрываломъ?... Въ самомъ дѣлѣ, *какая?* Тѣ, которые желали ее пламенно, скорбѣли и лили слезы по ней, тайкомъ заглянули, и были поражены — кто страхомъ, кто негодованіемъ. Бѣдная истина! Хорошо, что древніе ваяли покрывало изъ мрамора: его нельзя было поднять; глаза людей недостаточно окрѣпли, чтобъ вынести ея черты. Или *не той* истины хотѣли они? А сколько же истинъ? Люди добрые, разсудочные знаютъ *много*, очень много истинъ,—но *одна* истина имъ недоступна; какой-то оптическій обманъ представляетъ имъ истину въ уродливомъ видѣ и притомъ каждому на свой ладъ. Если собрать обвиненія, безпрерывно слышимыя, когда рѣчь идетъ о наукѣ, т. е. о истинѣ, раскрывающейся въ правильномъ организмѣ, то можно, употребляя извѣстное средство астрономіи для полученія истиннаго мѣста свѣтила, наблюдаемаго съ разныхъ точекъ, т. е. вычитывая противоположные углы (теорія параллаксовъ), вывести справедливое заключеніе. Одни говорятъ — атеизмъ, другіе — пантеизмъ; одни говорятъ — трудность, ужасная трудность, другіе — пустота, просто ничего нѣтъ. Матеріалисты улыбаются надъ мечтательнымъ идеализмомъ науки; идеалисты находятъ въ анализмѣ науки хитро-скрытый матеріализмъ. Піэтисты убѣждены, что современная наука безрелигіознѣе Эразма, Вольтера и Гольбаха съ компаніей, и считаютъ ее вреднѣе волтеріанизма. Люди нерелигіозные упрекаютъ науку въ ортодоксіи. И, главное, всѣ недовольны—требуютъ опять

завѣсы. Кого поразилъ свѣтъ, кого простота, кому стыдно стало наготы истины, кому черты ея не понравились, потому что въ нихъ много земнаго. Всѣ обманулись,— а обманулись отъ того, что хотѣли не истины.

Но дѣло сдѣлано. Событіе вспять не пойдетъ; однажды начавъ разоблачаться и показавъ намъ торсъ поразительной прелести, истина не надѣнетъ снова покрывала изъ ложнаго стыда; она знаетъ силу, славу и красоту наготы своей.

1842, апрѣля 25.

II

ДИЛЕТТАНТЫ-РОМАНТИКИ

Оставимъ мертвымъ погребать мертвыхъ.

Есть вопросы, до которыхъ никто болѣе не касается, не потому, чтобъ они были рѣшены, а потому что надоѣли, не сговариваясь соглашаются ихъ считать непонятными, прошедшими, лишенными интереса и молчать объ нихъ. Но время отъ времени полезно заглядывать въ эти архивы мнимо-рѣшенныхъ дѣлъ: послѣдовательно оглядываясь, мы смотримъ на прошедшее всякій разъ иначе; всякій разъ разглядываемъ въ немъ новую сторону, всякій разъ прибавляемъ къ уразумѣнію его весь опытъ вновь пройденнаго пути. Полнѣе сознавая прошедшее, мы уясняемъ современное, глубже опускаясь въ смыслъ былаго — раскрываемъ смыслъ будущаго, глядя назадъ — шагаемъ впередъ; наконецъ, и для того полезно перетрясти ветошь, чтобъ узнать, сколько ея истлѣло и сколько осталось на костяхъ.

Одно изъ такихъ дѣлъ, которое, выражаясь судейскимъ слогомъ, зачислено рѣшеннымъ впредь до востребованія, дѣло недавно поступившее въ архивъ — тяжба романтизма и классицизма, такъ волновавшая умы и сердца въ первую четверть нашего вѣка (даже и ближе), тяжба этихъ возставшихъ изъ гроба сошла съ ними вмѣстѣ второй разъ въ могилу, и нынче говорятъ всего менѣе о правахъ романтизма и его боѣ съ классиками — хотя и остались въ живыхъ многіе изъ закоснѣлыхъ поклонниковъ и непримиримыхъ враговъ его.

А давно ли этотъ бой, шумно начавшійся, блисталъ во всей красѣ? Много было талантовъ на аренѣ; общественный голосъ участвовалъ живо, дѣятельно; нынче избитыя имена „классикъ, романтикъ“ были многозначительны — и вдругъ все замолкло; интересъ, окружавшій сражавшихся, исчезъ; зрители догадались, что и тѣ и другіе сражаются за мертвыхъ; мертвецы вполнѣ заслужили тризны и мавзолеи — они оставили намъ богатыя наслѣдія, которыя стяжали въ кровавомъ потѣ, страданіяхъ, тяжкомъ трудѣ, — но бороться за нихъ безцѣльно. Нѣтъ въ мірѣ неблагодарнѣе занятія, какъ сражаться за покойниковъ: завоевываютъ тронъ, забывая, что нѣкого посадить на него, потому что царь умеръ. Когда бойцы увидѣли, что они лишились участія — ихъ жаръ простылъ. Одни упорные и ограниченные люди остались на полѣ битвы въ полномъ вооруженіи, похожіе на теперешнихъ бонапартистовъ, отстаивающихъ права великой тѣни — но все же тѣни.

Борьба эта будто явилась съ того свѣта, чтобъ присутствовать при вступленіи въ отрочество новаго міра, передать ему владычество отъ имени двухъ предшествовавшихъ, отъ имени отца и дѣда, и увидѣть, что для мертвыхъ нѣтъ больше владѣній въ мірѣ жизни.

Фактическое явленіе романтизма и классицизма въ видѣ двухъ исключительныхъ школъ было слѣдствіемъ страннаго состоянія умовъ лѣтъ за тридцать тому назадъ. Когда народы успокоились послѣ пятнадцати первыхъ лѣтъ нашего вѣка и жизнь потекла обычнымъ русломъ, тогда лишь увидѣли, сколько изъ существовавшаго порядка вещей, незамѣненнаго новымъ, потеряно и сломано. Въ разгромѣ революціи и императорства нѣкогда было прійти въ себя. Сердца и умы наполнились скукой и пустотой, раскаяніемъ и отчаяніемъ, обманутыми надеждами и разочарованіемъ, жаждой вѣры и скептицизмомъ. Пѣвецъ этой эпохи,—Байронъ, мрачный, скептическій, поэтъ отрицанья и глубокаго разрыва съ современностью, падшій ангелъ, какъ называлъ его Гёте. Франція, главный театръ событій переворота, всего болѣе страдала. Религія была въ упадкѣ, политическія вѣрованія исчезли, всѣ направленія самыя противоположныя были оскорблены эклектизмомъ первыхъ годовъ реставраціи. Спасаясь отъ тягости настоящаго, отыскивая вездѣ выхода, Франція впервые иными глазами взглянула на прошедшее. Воспоминаніе человѣчества — своего рода небесное чистилище — былое воскресаетъ въ немъ просвѣтленнымъ духомъ, отъ котораго отпало все темное, дурное. Когда Франція увидѣла великую тѣнь преображенныхъ среднихъ вѣковъ съ ихъ увлекательнымъ характеромъ единства, вѣрованія, рыцарской доблести и удали, и увидѣла очищенную отъ дерзскаго своеволія и наглой несправедливости, отъ всестороннихъ противорѣчій, кое какъ формально примиренныхъ тогдашней жизни, она, пренебрегавшая дотолѣ всѣмъ феодальнымъ — предалась нео-романтизму. Шатобріанъ, романы Вальтеръ-Скотта, знакомство съ Германіей и съ Англіей — способствовали къ распространенію

готическаго воззрѣнія на искусство и жизнь. Франція увлеклась готизмомъ, такъ какъ увлеклась античнымъ міромъ, по чрезвычайной воспріимчивости и живости, не опускаясь во всю глубь. Однако не все покорилось романтизму: умы положительные, умы сосавшіе всѣ соки свои изъ великихъ произведеній Греціи и Рима, прямые наслѣдники литературы Лудовика XIV, Вольтера и энциклопедіи, участники революціи и императорскихъ войнъ, односторонніе и упрямые въ своихъ началахъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на юное поколѣніе, отрицающее ихъ въ пользу понятій ими казненныхъ, какъ полагали, на вѣки. Романтизмъ, бродившій въ умахъ юнаго поколѣнія Франціи, братски встрѣтился съ зарейнскимъ романтизмомъ, разразившимся тогда же до высшаго предѣла. Въ характерѣ германскомъ было всегда что-то мистическое, натянуто-восторженное, склонное къ спекуляціи и не менѣе склонное къ кабалистикѣ — это лучшая почва для романтизма, и онъ не замедлилъ явиться въ полнѣйшемъ развитіи въ Германіи. Реформація, освободивъ преждевременно и односторонно умы германскіе, двинула ихъ въ поэтико-схоластическомъ, въ разсудочно-мистическомъ направленіи. Отклоненіе важное отъ истиннаго пути. Лейбницъ въ свое время замѣтилъ, что Германіи трудно будетъ отдѣлаться отъ этого направленія, которое, прибавимъ мы, оставило слѣды въ твореніяхъ самого Лейбница. Эпоха неестественнаго классицизма и галломаніи, на время прикрывшая національные элементы, не могла произвести важнаго вліянія: эта литература не имѣла отголоска въ народѣ. Богъ знаетъ для кого она говорила и чью мысль высказывала. Болѣе истинное, несравненно глубочайшее вліяніе произвела литературная эпоха, начавшаяся съ Лессинга: космо-политическая и

совершеннолѣтняя, она старалась развить національные элементы въ общечеловѣческіе; это была великая задача и Гердера, и Канта, и Шиллера, и Гёте. Но задача эта разрѣшалась на полѣ искусства и науки, отдѣляя китайскою стѣною общественную и семейную жизнь отъ интеллектуальной. Внутри Германіи была другая Германія — міръ ученыхъ и художниковъ — они не имѣли никакого истиннаго отношенія между собою. Народъ не понималъ своихъ учителей. Онъ по большой части остался на томъ мѣстѣ, на которомъ сѣлъ отдыхать послѣ тридцатилѣтней войны. Исторія Германіи отъ вестфальскаго мира до Наполеона имѣетъ одну страницу, именно ту, на которой писаны дѣянія Фридриха II. Наконецъ, Наполеонъ, тяжело ударяя, добился практическихъ сторонъ духа германскаго, забытаго ея образователями, и тогда только бродившія внутри и усыпленныя страсти подняли голову, и раздались какіе-то страшные голоса, полные фанатизма и мрачной любви къ отечеству. Феодальное воззрѣніе среднихъ вѣковъ, приложенное нѣсколько къ нашимъ правамъ и одѣтое въ рыцарски-театральные костюмы — овладѣло умами. Мистицизмъ снова вошелъ въ моду; дикій огонь преслѣдованія блеснулъ въ глазахъ мирныхъ германцевъ и фактически-реформаціонный міръ возвратился въ идеѣ къ католическому міросозерцанію. Величайшій романтикъ, Шлегель, потому что онъ лютеранинъ, перекрестился въ католицизмъ, — тутъ видна логика.

Ватерлоо рѣшило на первый случай, кому владѣть полемъ: Наполеону-классику, или романтикамъ—Велингтону и Блюхеру. Въ лицѣ Наполеона, императора французовъ и Корсиканца, представителя классической цивилизаціи и романской Европы, германцы снова побѣдили Римъ и снова провозгласили торжество готическихъ идей.

Романтизмъ торжествовалъ; классицизмъ былъ гонимъ: съ классицизмомъ сопрягались воспоминанія, которыя хотѣли забыть, а романтизмъ выкопалъ забытое, которое хотѣли вспомнить. Романтизмъ говорилъ безпрестанно, классицизмъ молчалъ; романтизмъ сражался со всѣмъ на свѣтѣ какъ Донъ-Кихотъ, — классицизмъ сидѣлъ съ спокойною важностью римскаго сенатора. Но онъ не былъ мертвъ, какъ тѣ римскіе сенаторы, которыхъ Галлы приняли за мертвецовъ: въ его рядахъ были не дюжинные люди — всѣ эти Бентамы, Ливингстоны, Тенары, Декандоли, Берцеліи, Лапласы, Сэи, не были похожи на побѣжденныхъ, и веселыя пѣсни Беранже раздавались въ стану классиковъ. Осыпаемые проклятіями романтиковъ, они молча отвѣчали громко — то пароходами, то желѣзными дорогами, то цѣлыми отраслями науки, вновь разработанными, какъ геогнозія, политическая экономія, сравнительная анатомія, то рядомъ машинъ, которыми они отрѣшали человѣка отъ тяжкихъ работъ. Романтики смотрѣли съ пренебреженіемъ на эти труды, унижали всѣми средствами всякое практическое занятіе, находили печать проклятія въ матеріальномъ направленіи вѣка и проглядѣли, смотря съ своей колокольни, всю поэзію индустріальной дѣятельности, такъ грандіозно развертывавшейся, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ.

Пока классицизмъ и романтизмъ воевали, одинъ, обращая міръ въ античную форму, другой въ рыцарство, возрастало болѣе и болѣе *нѣчто* сильное, могучее; оно прошло между ними, и они не узнали властителя по царственному виду его; оно оперлось однимъ локтемъ на классиковъ, другимъ на романтиковъ, и стало выше ихъ—какъ „власть имущее“; признало тѣхъ и другихъ и отреклось отъ нихъ обоихъ: — это была внутренняя мысль, живая психея современнаго намъ міра. Ей, рож-

денной среди молній и громовыхъ ударовъ отчаяннаго боя католицизма и реформаціи, ей, вступившей въ отрочество среди молній и громовыхъ ударовъ другой борьбы — не годились чужія платья: у ней были выработаны свои. Ни классицизмъ, ни романтизмъ долгое время не подозрѣвали существованія этой третьей власти. Сперва и тотъ и другой приняли его за своего сообщника (такъ, напримѣръ, романтизмъ мечталъ, не говоря уже о Вальтеръ-Скоттѣ, что въ его рядахъ Гёте, Шиллеръ, Байронъ). Наконецъ и классицизмъ и романтизмъ признали, что между ними есть что-то другое, далекое отъ того, чтобъ помогать имъ; не мирясь между собой, они опрокинулись на новое направленіе. Тогда была рѣшена ихъ участь.

Мечтательный романтизмъ сталъ *ненавидѣть* новое направленіе за его *реализмъ!*

Щупающій пальцами классицизмъ сталъ *презирать* его за *идеализмъ!*

Классики, вѣрные преданіямъ древняго міра, съ гордой вѣротерпимостью и съ сардонической улыбкой посматривали на идеалоговъ и чрезвычайно занятые опытами, спеціальными предметами, рѣдко являлись на арену. По справедливости, ихъ не должно считать врагами нашего вѣка. Это большею частію люди практическихъ интересовъ жизни, утилитаризма. Новое направленіе такъ недавно стало выступать изъ школы, его занятія казались неприлагаемы, неразвиваемы въ жизнь: они отвергали его, какъ ненужное. Романтики, столь же вѣрные преданіямъ феодализма, съ дикой нетерпимостью не сходили съ арены; то былъ бой на смерть, отчаянный и злой; они готовы были воздвигнуть костры и завесть инквизицію для окончанія спора; горькое сознаніе, что ихъ не слушаютъ, что ихъ игра потеряна, раздувало

закоснѣлый духъ преслѣдованія, и доселѣ они не смирились. А при всемъ томъ, каждый день, каждый часъ яснѣе и яснѣе показываетъ, что человѣчество не хочетъ больше ни классиковъ, ни романтиковъ — хочетъ людей, и людей современныхъ, а на другихъ смотритъ, какъ на гостей въ маскарадѣ, зная, что когда пойдутъ ужинать, маски снимутъ, и подъ уродливыми чужими чертами откроются знакомыя, родственныя черты. Хотя и есть люди, которые не ужинаютъ, для того, чтобъ не снимать масокъ, но ужъ нѣтъ больше дѣтей, которыя бы боялись замаскированныхъ. Возникшій бой былъ гибеленъ для обѣихъ сторонъ; несостоятельность классицизма, невозможность романтизма обличались: по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ ними, раскрылось ихъ неестественное, анахронистическое появленіе, и лучшіе умы той эпохи остались не причастны войнѣ оборотней, не смотря на весь шумъ, поднятый ими. А было время когда классицизмъ и романтизмъ были живы, истинны и прекрасны, необходимы и глубоко-человѣчественны. Было... „Пользу или вредъ принесло папство“ ? спросилъ наивный Лас-Казъ у Наполеона. „Я не знаю, что сказать“ отвѣчалъ отставной императоръ: „оно было полезно и необходимо въ свое время, оно было вредно въ другое.“ Такова судьба всего являющагося во времени. Классицизмъ и романтизмъ принадлежатъ двумъ великимъ прошедшимъ; съ какимъ бы усиліемъ ихъ ни воскрешали, они останутся тѣнями усопшихъ, которымъ нѣтъ мѣста въ современномъ мірѣ. Классицизмъ принадлежитъ міру древнему, такъ какъ романтизмъ среднимъ вѣкамъ. Исключительнаго владѣнія въ настоящемъ они имѣть не могутъ, потому что настоящее нисколько не похоже ни на древній міръ, ни на средній. Для доказательства достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на нихъ.

Греко-римскій міръ былъ по превосходству реалистическій; онъ любилъ и уважалъ природу, онъ жилъ съ нею за одно, онъ считалъ высшимъ благомъ существовать; космосъ былъ для него истина, за предѣлами которой онъ ничего не видалъ, и космосъ ему довлѣлъ именно потому, что требованія были ограниченны. Отъ природы и чрезъ нее достигалъ древній міръ до духа, и оттого не достигъ до единаго духа. Природа есть именно существованіе идеи въ многоразличіи; единство понятое древними, была необходимость, фатумъ, тайная, міродержавная сила, неотразимая для земли и для Олимпа; такъ природа подчинена законамъ необходимымъ, которыхъ ключъ *въ ней, но не для нея.* Космогонія Грековъ начинается хаосомъ и развивается въ олимпійскую федерацію боговъ, подъ диктатурою Зевса; не дойдя до единства, они, республиканцы, охотно остановились на этомъ республиканскомъ управленіи вселенной. Антропоморфизмъ поставилъ боговъ очень близко къ людямъ. Грекъ, одаренный высокимъ эстетическимъ чувствомъ, прекрасно постигнулъ *выразительность внѣшняго*, тайну формы; божественное для него существовало облеченнымъ въ человѣческую красоту; въ ней обоготворялась ему природа, и далѣе этой красоты онъ не шелъ. Въ этой жизни за одно съ природой была увлекательная прелесть и легкость существованія. Люди были довольны жизнію. Ни въ какое время не были такъ художественно уравновѣшены элементы души человѣческой. Дальнѣйшее развитіе духа было необходимымъ шагомъ впередъ, но оно не могло иначе быть, какъ на счетъ плоти, тѣла, формы: оно было выше, но должно было пожертвовать античной граціей. Жизнь людей въ цвѣтущую эпоху древняго міра была безпечно ясна, какъ жизнь природы. Неопредѣленная

тоска, мучительныя углубленія въ себя, болѣзненный эгоизмъ — для нихъ не существовали. Они страдали отъ реальныхъ причинъ, лили слезы отъ истинныхъ потерь. Личность индивидуума терялась въ гражданинѣ, а гражданинъ былъ органъ, атомъ другой, священной, обоготворяемой личности — личности города. Трепетали не за свое я, а за я Аѳинъ, Спарты, Рима: таково было широкое, вольное воззрѣніе греко-римскаго міра, человѣчески прекрасное *въ своихъ границахъ*. Оно должно было уступить иному воззрѣнію, потому что оно было ограниченно. Древній міръ поставилъ внѣшнее на одну доску съ внутреннимъ — такъ оно и есть въ природѣ, но не такъ въ истинѣ — духъ господствуетъ надъ формой. Греки думали, что они *ваяли* все, что находится въ душѣ человѣческой; но въ ней осталась бездна требованій, усыпленныхъ, неразвитыхъ еще, для которыхъ рѣзецъ не состоятеленъ; они поглотили всеобщимъ личность, городомъ — гражданина, гражданиномъ — человѣка; но личность имѣла свои неотъемлемыя права, и, по закону возмездія, кончилось тѣмъ, что индивидуальная, случайная личность императоровъ римскихъ поглотила городъ городовъ. Апотеоза Нероновъ, Клавдіевъ и деспотизмъ ихъ — были ироническимъ отрицаніемъ одного изъ главнѣйшихъ началъ эллинскаго міра въ немъ самомъ. Тогда наступило время смерти для него и время рожденія инаго міра. Но плодъ жизни эллино-римской не могъ и не долженъ былъ погибнуть для человѣчества. Онъ прозябалъ пятнадцать столѣтій для того, чтобъ германскій міръ имѣлъ время укрѣпить свою мысль и пріобрѣсти умѣніе воспользоваться имъ Въ этотъ промежутокъ расцвѣлъ и поблекъ романтизмъ —съ своей великой истиной и съ своей великой односторонностью.

Романтическое воззрѣніе не должно принимать ни за всеобще-христіанское, ни за чисто-христіанское: — оно почти исключительная принадлежность католицизма; въ немъ, какъ во всемъ католическомъ, спаялись два начала, — одно, почерпнутое изъ Евангелія, другое — народное, временное, болѣе всего германическое. Туманная, наклонная къ созерцанію и мистицизму фантазія германскихъ народовъ, развернулась во всемъ своемъ безконечномъ характерѣ, принявъ въ себя и переработавъ христіанство; но съ тѣмъ вмѣстѣ она придала религіи національный цвѣтъ, и христіанство могло болѣе дать, нежели романтизмъ могъ взять, даже то, что̀ было взято ею, взято односторонно, и, развившись — развилось насчетъ остальныхъ сторонъ. Духъ, рвавшійся на небо изъ подъ стрѣлокъ готическихъ соборовъ, былъ совершенно противоположенъ античному. Основа романтизма — спиритуализмъ, трансцендентность. Духъ и матерія для него не въ гармоническомъ развитіи, а въ борьбѣ, въ диссонансѣ. Природа — ложь, не истинное: все естественное отринуто. Духовная субстанція человѣка „краснѣла отъ того, что тѣло бросаетъ тѣнь“ *). Жизнь, постигнувъ себя двойственностію, стала мучиться отъ внутренняго раздора и искала примиренія въ отреченіи одного изъ началъ. Постигнувъ свою безконечность, свое превосходство надъ природою, человѣкъ хотѣлъ пренебрегать ею, и индивидуальность, затерянния въ древнемъ мірѣ, получила безпредѣльныя права; раскрылись богатства души, о которыхъ тотъ міръ и не подозрѣвалъ. Цѣлью искусства сдѣлалась не красота, а одухотвореніе. Громкій смѣхъ пирующаго Олимпа прекратился; ждали со дня на день предста-

*) Данте: восходъ въ рай.

вленія свѣта, вѣчность котораго была догматъ классическаго воззрѣнія. Все вмѣстѣ разливало что-то величественно-грустное на дѣйствія и мысли; но въ этой грусти была неодолимая прелесть темныхъ, неопредѣленныхъ, музыкальныхъ стремленій и упованій, потрясающихъ заповѣданнѣйшія струны души человѣческой. Романтизмъ былъ прелестная роза, выросшая у подножія распятія, обвившаяся около него, но корни ея, какъ всякаго растенія, питались изъ земли: этого романтизмъ знать не хотѣлъ; въ этомъ было для него свидѣтельство его низости, не достоинства: онъ стремился отречься отъ корней своихъ. Романтизмъ безпрестанно плакалъ о тѣснотѣ груди человѣческой и никогда не могъ отрѣшиться отъ своихъ чувствъ, отъ своего сердца; онъ безпрестанно приносилъ себя въ жертву — и требовалъ безконечнаго вознагражденія за свою жертву; романтизмъ обоготворялъ субъективность — предавая ее анаѳемѣ, и эта самая борьба мнимопримиренныхъ началъ придавала ему порывистый и мощно-увлекательный характеръ его. Если мы забудемъ блестящій образъ среднихъ вѣковъ, какъ намъ втѣснила его романтическая школа, мы увидимъ въ нихъ противорѣчія самыя страшныя, примиренныя формально и свирѣпо раздирающія другъ друга на дѣлѣ. Вѣря въ божественное искупленіе, въ то же время принимали, что современный міръ и человѣкъ подъ непосредственнымъ гнѣвомъ Божіимъ. Приписывая своей личности права безконечной свободы, отнимали всѣ человѣческія условія бытія у цѣлыхъ сословій; ихъ самоотверженіе — было эгоизмомъ, ихъ молитва была корыстная просьба, ихъ воины были монахи, ихъ архіереи были военачальники; обоготворяемыя ими женщины содержались какъ узники, — воздержность отъ наслажденій невинныхъ и преданность буйному

разврату, слѣпая покорность и безпредѣльное своеволіе. Только и рѣчи было что о духѣ, о попраніи плоти, о пренебреженіи всѣмъ земнымъ, и — ни въ какую эпоху страсти не бушевали необузданнѣе и жизнь не была противоположнѣе убѣжденію и рѣчамъ, формализмомъ, уловками, себяобольщеніемъ примиряясь съ совѣстью (напр. покупая индульгенціи). То было время лжи явной, безстыдной. Свѣтская власть, признавая папу за пастыря, Богомъ установленнаго, унижаясь передъ нимъ формально, вредила ему всѣми силами, безпрестанно повторяя о своемъ повиновеніи. Папа, рабъ рабовъ Божіихъ, смиренный пастырь, отецъ духовный — стяжалъ богатства и матеріальныя силы. Въ такой жизни было что-то безумное и горячечное. Долго человѣчество не могло оставаться въ этомъ неестественно-напряженномъ состояніи. Истинная жизнь, непризнанная, отринутая, стала предъявлять свои права; сколько ни отворачивались отъ нея, устремляясь въ безконечную даль — голосъ жизни былъ громокъ и родствененъ человѣку, сердце и разумъ откликнулись на него. Вскорѣ къ нему присоединился другой сильный голосъ — классическій міръ возсталъ изъ мертвыхъ. Романскіе народы, въ которыхъ никогда и не погибала закваска римская, бросились съ восторгомъ на дѣдовское наслѣдіе. Движеніе совершенно-противоположное духу среднихъ вѣковъ стало заявлять свое бытіе во всѣхъ областяхъ дѣятельности человѣческой. Стремленіе отречься отъ прошедшаго во что бы то ни стало — обнаружилось: захотѣли подышать на волѣ, пожить. Германія стала въ главѣ реформы и, гордо поставивъ на знамени „право изслѣдованія,“ далеко была отъ того, чтобъ въ самомъ дѣлѣ признать это право. Германія устремила всѣ силы свои на борьбу съ католицизмомъ; сознательно-поло-

жительной цѣли въ этой борьбѣ не было. Она опередила классицизмъ романскихъ народовъ не своевременно, и именно оттого впослѣдствіи была обойдена. Отрекаясь отъ католицизма, Германія отвязывала послѣднюю нить, прикрѣплявшую ее къ землѣ. Католическій ритуалъ сводилъ небо на землю, а протестантская пустая церковь только указывала на небо. Стоитъ вспомнить склонный къ таинственному характеръ германцевъ, чтобъ понять сильное вліяніе реформаціи на нихъ. Мистицизмъ схоластическій, отрѣшающій человѣка отъ всякаго реализма, мистицизмъ, основанный на буквальномъ лжетолкованіи текстовъ въ десяти разныхъ смыслахъ, холодное безуміе уоднихъ — разработанное съ страшной послѣдовательностью, фанатическій бредъ у другихъ, необузданный и тяжелый: вотъ направленіе, въ которое впали германцы послѣ реформаціи. Среди всего этого движенія, новый міръ „нарождался“ ; его дыханіе стало замѣтно вездѣ. Храмомъ Петра въ Римѣ человѣчество торжественно отреклось отъ готической архитектуры. Браманте и Бонаротти лучше хотѣли нечистый стиль de la renaissance, нежели суровый—оживы. Это очень понятно. Готизмъ, безъ сомнѣнія въ эстетическомъ смыслѣ, отвлеченномъ отъ исторіи, несравненно выше стиля возстановленія, рококо и другихъ, служившихъ переходомъ отъ готизма къ истинной реставраціи древняго зодчества. Но готизмъ, тѣсно связанный съ католицизмомъ среднихъ вѣковъ, съ католицизмомъ Григорія VII, рыцарства и феодальныхъ учрежденій, не могъ удовлетворить вновь развившимся потребностямъ жизни. Новый міръ требовалъ иной плоти ; ему нужна была форма болѣе свѣтлая, не только *стремящаяся,* но и *наслаждающаяся,* не только подавляющая величіемъ, но и успокоивающая гармоніей. Обратились къ древнему міру ; къ

его искусству чувствовалась симпатія; хотѣли усвоить его зодчество, ясное, открытое какъ чело юноши, гармоничное, „какъ остывшая музыка.“ Но много было прожито послѣ Рима и Греціи, и опытъ, глубоко запавшій въ душу, говорилъ въ то же время, что ни периптеръ Грековъ, ни римская ротонда не выражаютъ всей идеи новаго вѣка. Тогда построили „Пантеонъ на Парѳенонѣ“*), и неопытные, боясь прямой линіи, исказили пилястрами, уступами и выступами античную простоту; переворотъ этотъ въ зодчествѣ былъ шагомъ назадъ искусства и шагомъ впередъ человѣчества. Своевременность его доказала вся Европа: всѣ богатые города построили свои храмы Петра. Готическія церкви оставили недостроенными для того, чтобъ воздвигать церкви въ стилѣ возстановленія. Одна Германія, по превосходству готическая, оставалась долѣе вѣрною своему зодчеству—но она мало воздвигала въ эту эпоху: глубокія раны и истощеніе не дозволяли ей много строить. Противъ такихъ всеобщихъ фактовъ возражать нечего; надо стараться ихъ понять; человѣчество грубо не ошибается цѣлыми эпохами. Храмъ новаго стиля свидѣтельствуетъ объ окончаніи среднихъ вѣковъ и ихъ воззрѣнія. Готическая архитектура сдѣлалась невозможною послѣ храма Петра: она сдѣлалась прошедшею, анахронизмомъ. Пластическія искусства освобождались въ свою очередь. Готическая церковь дѣлала иныя требованія на живопись, нежели храмъ Петра. Византизмъ выражаетъ одинъ изъ существенныхъ моментовъ готической живописи. Неестественность положенія и колорита, суровое величіе, отрѣшающее отъ земли и отъ

*) Выраженіе о музыкѣ принадлежитъ Шеллингу; „Пантеонъ на Парѳенонѣ“ сказалъ о храмѣ Петра В. Гюго.

земнаго, намѣренное пренебреженіе красотою и изяществомъ—составляетъ аскетическое отрицаніе земной красоты; образъ не картина: это слабый очеркъ, намекъ; но художественная натура итальянцевъ не могла долго удержаться въ предѣлахъ символическаго искусства и. развивая его далѣе и далѣе, ко времени Льва X, съ своей стороны вышло изъ преобразовательнаго искусства въ область чисто-художественную. Великіе, вѣчные типы dei divini maestri облекли во всю красоту земной плоти небесное, и идеалъ ихъ—идеалъ человѣка преображеннаго, но человѣка. Рафаэлевы мадонны представляютъ апотеозу дѣвственно-женской формы; но его мадонны не супра-натуральныя, отвлеченныя существа—это преображенныя дѣвы. Живопись, поднявшись до высочайшаго идеала, стала снова твердой ногой на землю, а не оставила ея. Византійская кисть отреклась отъ идеала земной человѣческой красоты древняго міра. Итальянская живопись, развивая византійскую, въ высшемъ моментѣ своего развитія отреклась отъ византизма и по видимому возвратилась къ тому же античному идеалу красоты; но шагъ былъ совершенъ огромный; въ очахъ новаго идеала свѣтилась иная глубина, иная мысль, нежели въ *открытыхъ глазахъ безъ зрѣнія* греческихъ статуй. Итальянская кисть, возвращая жизнь искусству, придала ему всю глубину духа, развитаго словомъ божіимъ. Въ поэзіи совершался свой переворотъ. Рыцарство въ поэзіи теряетъ свою созерцательную важность и феодальную гордость. Аріосто, играя, улыбаясь, разсказываетъ о своемъ Орландѣ; Сервантесъ со злой ироніей объявляетъ міру безсиліе и несвоевременность его; Бокачіо раскрываетъ жизнь католическаго монаха; Раблэ идетъ еще дальше, съ отважной дерзостью француза. Протестантскій міръ даетъ Шекспира. Шекспиръ—это

человѣкъ двухъ міровъ. Онъ затворяетъ романтическую эпоху искусства и растворяетъ новую. Геніальное раскрытіе субъективности человѣческой во всей глубинѣ, во всей полнотѣ, во всей страстности и безконечности, смѣлое преслѣдованіе жизни до заповѣднѣйшихъ тайниковъ ея и обличеніе найденнаго, не составляетъ романтизма, а *переходитъ его*. Главный характеръ романтизма выражается сердечнымъ стремленіемъ куда-то, непремѣнно грустнымъ, потому что „тамъ никогда не будетъ здѣсь.“ Онъ вѣчно стремится оставить грудь; ему нѣтъ примиренія въ ней. Для Шекспира грудь человѣка — вселенная, которой космологію онъ широко набрасываетъ мощной и геніальной кистью. Во Франціи и въ Италіи въ это время возрасталъ и усиливался ложный классицизмъ. Палладій, въ своемъ сочиненіи объ архитектурѣ, съ презрѣніемъ говоритъ о готизмѣ; слабыя и безцвѣтныя подражанія древнимъ писателямъ цѣнились выше исполненныхъ поэзіи и глубины пѣсней и легендъ среднихъ вѣковъ. Античное увлекало своею человѣчественностью, своимъ примиреніемъ въ жизни, въ красотѣ. Черезъ античное выработывалось новое. Въ наукѣ *), въ политикѣ даже проявляется тотъ же духъ. Между тѣмъ, борьба католицизма и протестантизма продолжалась. Католицизмъ обновился, поюнѣлъ въ этомъ бою, протестантизмъ мужалъ и окрѣпалъ; но новый міръ не принадлежалъ исключительно ни тому, ни другому. Въ началѣ этой перепутанной борьбы, былъ одинъ ученый, отказывавшійся прямо пристать къ той или другой сторонѣ. Онъ говорилъ, что, занимаясь *гума-*

*) О переворотѣ въ наукѣ предполагаемъ поговорить въ особой статьѣ, а потому не говоримъ здѣсь. Впрочемъ, достаточно назвать Бэкона, Декарта и Спинозу.

міромъ, не хочетъ мѣшаться въ войну папы съ Лютеромъ. Этотъ ученый гуманистъ былъ Эразмъ Ротердамскій, тотъ самый, который, улыбаясь, написалъ что-то такое de libero et servo arbitrio, отъ чего Лютеръ дрожа отъ гнѣва сказалъ: „если кто нибудь меня ранилъ въ самое сердце, такъ это Эразмъ, а не защитники папы.“ Съ легкой руки Эразма, мысль новаго гуманическаго міра то являлась въ мірѣ классическомъ, то въ романтическомъ: реформація принесла ей бездну силъ, но она при первомъ случаѣ перешла къ классикамъ. Изъ этого ясно можно было понять — однако не поняли — что для новой мысли опредѣленія классики, романтики, несвойственны, несущественны, что она ни то, ни другое, или лучше и то и другое, но не какъ механическая смѣсь, а какъ химическій продуктъ, уничтоживший въ себѣ свойства составныхъ частей, какъ результатъ уничтожаетъ причины, *одѣйствотворяя* ихъ, какъ силлогизмъ уничтожаетъ въ себѣ посылки. Кто не видалъ дѣтей чудно схожихъ на отца и на мать — вовсе непохожихъ другъ на друга? Такое дитя — былъ новый вѣкъ: въ немъ были и есть элементы романтической мечтательности и классическаго пластицизма; но они въ немъ не отдѣльны, а неразъемлемо слиты въ его организмѣ, въ его чертахъ.

Романтизмъ и классицизмъ должны были найти гробъ свой въ новомъ мірѣ, и не одинъ гробъ — въ немъ они должны были найти свое безсмертіе. Умираетъ только одностороннее, ложное, временное; но въ нихъ была и истина—вѣчная, всеобщечеловѣческая: она не можетъ умереть, она поступаетъ въ майоратъ старшимъ рода человѣческаго. Вѣчные элементы классическіе и романтическіе безъ всякихъ насильственныхъ средствъ живы; они принадлежатъ двумъ истиннымъ и необходимымъ

моментамъ развитія духа человѣческаго во времени; они составляютъ двѣ фазы, два воззрѣнія разнолѣтнія и относительно-истинныя. Каждый изъ насъ, сознательно или безсознательно, классикъ или романтикъ, по крайней мѣрѣ былъ тѣмъ или другимъ. Юношество, время первой любви, невѣдѣнія жизни, располагаютъ къ романтизму; романтизмъ благотворенъ въ это время: онъ очищаетъ, облагораживаетъ душу, выжигаетъ изъ нея животность и грубыя желанія; душа моется, расправляетъ крылья въ этомъ морѣ свѣтлыхъ и непорочныхъ мечтаній, въ этихъ возношеніяхъ себя въ міръ горній, поправшій въ себѣ случайное, временное, ежедневность. Люди, одаренные свѣтлымъ умомъ болѣе, нежели чувствительнымъ сердцемъ—классики по внутреннему строенію духа, такъ какъ люди созерцательные, нѣжные, томные болѣе нежели мыслящіе — скорѣе романтики нежели классики. Но отъ этого до существованія исключительныхъ школъ — безконечное разстояніе. Шиллеръ и Гёте представляютъ великій образъ, какъ должны быть пріемлемы романтическіе и классическіе элементы въ нашемъ вѣкѣ. Конечно, Шиллеръ болѣе Гёте имѣлъ симпатіи къ романтическому; но главная его симпатія была къ современности, и послѣднія, самыя зрѣлыя его произведенія чисто *гуманическія* (если допустите это названіе), а не романтическія. И развѣ для Шиллера было что нибудь чуждое въ классическомъ мірѣ — для него, переводившаго Расина, Софокла, Виргилія? А для Гёте развѣ было что нибудь недоступное въ глубочайшихъ тайникахъ романтизма? Въ этихъ гигантахъ борющіяся и противоположныя направленія соединились огнемъ генія—въ воззрѣніе изумляющей полноты. Но люди партій остались при своемъ. Человѣчество вошло въ такую эпоху совершеннолѣтія, что просто смѣшно сдѣ-

лалось притязаніе обратить его въ классицизмъ или романтизмъ. И между тѣмъ, мы были свидѣтелями, какъ послѣ Наполеона явилась сильная школа нео-романтизма. Явленіе это не было лишено причинъ достаточныхъ, чтобъ узаконить его. Направленіе германской науки и германскаго искусства становилось болѣе и болѣе всеобщимъ, космополитическимъ. Всеобщность эта покупалась цѣною жизненности. Вялая народность германцевъ не напоминала о себѣ до наполеоновской эпохи: — тутъ Германія воспрянула, одушевленная національными чувствами; всемірныя пѣсни Гёте худо согласовались съ огнемъ, горѣвшимъ въ крови. Что сдѣлалъ патріотизмъ въ Германіи, то совершила апатія во Франціи, и ихъ руками растворились обѣ половинки дверей романтизму. Удушающее чувство равнодушія и сомнѣнія и пылкое чувство народной гордости располагали особенно душу къ искусству полному вѣры и національныхъ сочувствій. Но такъ какъ чувства, вызвавшія нео-романтизмъ, были чисто-временныя, то судьбу его можно было легко предвидѣть, — стояло вглядѣться въ характеръ XIX вѣка, чтобъ понять невозможность продолжительнаго очарованія романтизмомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, самобытный характеръ XIX вѣка обозначился съ первыхъ лѣтъ его. Онъ начался полнымъ развитіемъ наполевновской эпохи; его встрѣтили пѣснопѣнія Гёте и Шиллера, могучая мысль Канта и Фихте. Полный памяти о событіяхъ десяти послѣднихъ лѣтъ, полный предчувствій и вопросовъ, онъ не могъ шутить какъ его предшественникъ. Шиллеръ въ колыбельной пѣсни ему напоминалъ трагическую судьбу его.

Das Jahrhundert ist in Sturm geschieden,
Und das neue œffnet sich mit Mord.

Окаменѣлыя зданія вѣковъ рушились; усомнились въ прочности былаго, въ дѣйствительности и незыблемости существующаго, глядя на поля Іены, Ваграма. Въ парижскомъ *Монитерѣ*, было однажды объявлено, что Германскій Союзъ пересталъ существовать. Гёте узналъ объ этомъ изъ французской газеты. Сколько скептическихъ мыслей, сколько критики навѣвали развалины храминъ, считавшихся вѣчными! И неужели весь этотъ remue-ménage имѣлъ цѣлью — возвратить къ романтизму? Нѣтъ!—Люди мысли присутствовали при великой драмѣ, переходя изъ одной эры въ другую; не даромъ они важно разошлись съ глубокой и торжественной думой: плодъ этой думы развился на деревѣ всего прошедшаго мышленія. Первое имя, загремѣвшее въ Европѣ, произносимое возлѣ имени Наполеона, было имя великаго мыслителя. Въ эпоху судорожнаго боя началъ, кровавой распри, дикаго расторженія, вдохновенный мыслитель провозгласилъ основою философіи примиреніе противоположностей; онъ не отталкивалъ враждующихъ: онъ въ борьбѣ ихъ постигнулъ процессъ жизни и развитія. Онъ въ борьбѣ видѣлъ высшее тождество, снимающее борьбу. Мысль эта, заключавшая въ себѣ глубокій смыслъ нашей эпохи, едва пришла въ сознаніе и высказалась поэтомъ-мыслителемъ, какъ уже развилась въ стройной, строгой, наукообразной формѣ спекулятивнымъ, діалектическимъ мыслителемъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1812 года, въ то время, какъ у Наполеона въ Дрезденѣ толпились короли и вѣнценосцы, печаталась въ какой-то нюрнбергской типографіи *Логика Гегеля;* на нее не обратили вниманія, потому что всѣ читали тогда же напечатанное „Объявленіе о второй польской войнѣ.“ Но она прозябала. Въ этихъ нѣсколькихъ печатныхъ листахъ, писанныхъ труднымъ языкомъ и назначенныхъ, кажется,

исключительно для школы, лежалъ плодъ всего прошедшаго мышленія, сѣмя огромнаго, могучаго дуба. Условія для его развитія не могли не найтись, стòяло понять и развернуть скобки — какъ говорятъ математики — и древо познанія и жизни развертывалось съ зелеными шумящими листами, съ прохладною тѣнью, съ плодами сочными и питательными. То, что носилось въ изящныхъ òбразахъ шиллеровыхъ драмъ, что прорывалось сквозь пѣснопѣнія Гёте, было понято, обличалось. Истина, будто изъ какого-то чувства цѣломудренности и стыда, задернулась мантіей схоластики и держалась въ одной отвлеченной сферѣ науки; но мантія эта, изношенная и протертая еще въ средніе вѣка, не можетъ нынѣче прикрывать; истина лучезарна: ей достаточно одной щели, чтобъ освѣтить цѣлое поле. Лучшіе умы сочувствовали новой наукѣ; но большинство не понимало ея, и псевдоромантизмъ, развиваясь, въ то же самое время заманивалъ въ ряды свои юношей и дилеттантовъ. Старикъ Гёте скорбѣлъ, глядя на отклонившееся поколѣніе. Онъ видѣлъ, какъ въ немъ цѣнятъ не то, что достойно, какъ въ немъ понимаютъ не то, что онъ говоритъ. Гёте былъ по превосходству реалистъ, какъ Наполеонъ, какъ вся наша эпоха; романтики не имѣютъ òргана понимать реальное. Байронъ осыпалъ ругательствами мнимыхъ товарищей. Но большинство было въ пользу романтизма: въ украшеніяхъ, въ одеждахъ воскресъ вкусъ среднихъ вѣковъ, столь діаметрально-противоположный положительному характеру нашей современности и ея требованіямъ. Рукава женскаго платья, прическа мужчинъ— все подверглось романтическому вліянію. Такъ какъ у классиковъ трагедія была не трагедія, если въ ней не было греческихъ или римскихъ героевъ, такъ какъ классики безпрестанно воспѣвали дрянное фалернское вино,

употребляя прекрасное бургонское,—такъ поэзія романтизма поставила необходимымъ условіемъ рыцарскую одежду, и нѣтъ у нихъ поэмы, гдѣ не льется кровь, гдѣ нѣтъ наивныхъ пажей и мечтательныхъ графинь, гдѣ нѣтъ череповъ и труповъ, восторженности и бреда. Мѣсто фалернскаго вина заняла платоническая любовь; поэты-романтики, любя реально, человѣчески, поютъ одну платоническую страсть. Германія и Франція наперерывъ дарили человѣчество романтическими произведеніями: Гюго и Вернеръ, — поэтъ, прикинувшійся безумнымъ и безумный, прикинувшійся поэтомъ, стоятъ на вершинѣ романтическаго Брокена, какъ два сильные представителя. Между ими являлись истинно-увлекательные таланты, какъ Новалисъ, Тикъ, Уландъ, и др., но ихъ побивала когорта послѣдователей. Эти портретисты такъ исказили черты романтической поэзіи, такъ напѣли о своемъ стремленіи и о своей любви, что и хорошихъ романтиковъ стало скучно и невозможно читать. Особенно примѣчательно, что одинъ изъ главныхъ распространителей романтизма вовсе не былъ романтикъ—я говорю о Вальтеръ-Скоттѣ; жизненно-практическій взоръ его родины есть его взоръ. Возсоздать жизнь эпохи—не значитъ принять односторонность ея. Такъ или иначе романтизъ торжествовалъ, воображая, что его станетъ на вѣка. Онъ гордо начиналъ переговаривать съ новой наукой, и она часто поддѣлывалась подъ его языкъ; романтизмъ, снисходя къ ней, начиналъ какую-то романтическую философію, но никогда не доходилъ до того, чтобъ съ ясностію изложить въ чемъ дѣло. Философы и романтики подъ одними и тѣми же словами разумѣли разное — и безпрестанно говорили! Комизмъ былъ совершеннѣйшій, когда послѣ долгихъ трудовъ догадались тѣ и другіе, что они не понимаютъ другъ друга. За этимъ невиннымъ

занятіемъ, за сочиненіемъ пѣсенъ на трубадурный ладъ, за откапываніемъ преданій и хроникъ о рыцаряхъ для балладъ, за томнымъ стремленіемъ, за мучительной любовью къ неизвѣстной дѣвѣ... шло время и прошло нѣсколько лѣтъ: Гёте умеръ, Байронъ умеръ, Гегель умеръ, Шеллингъ *состарѣлся*. Казалось бы, тутъ-то бы и царствовать романтизму. Вѣрный тактъ массъ рѣшилъ иначе: массы въ послѣднее пятнадцатилѣтіе перестали сочувствовать романтикамъ, и они остались, какъ Спартанцы съ Леонидомъ, обойденными и обрекли себя, по ихъ примѣру, на геройскую, но безполезную смерть. Что заняло общее вниманіе, что отвлекло отъ нихъ—это другой вопросъ, на который мы не имѣемъ намѣренія теперь отвѣчать. Ограничимся фактомъ. Кто нынѣче говоритъ о романтикахъ, кто занимается ими, кто знаетъ ихъ? Они поняли ужасный холодъ безучастья, и стоятъ теперь съ словами чернаго проклятья вѣку на устахъ—печальные и блѣдные, видятъ, какъ рушатся замки, гдѣ обитало ихъ милое воззрѣніе, видятъ, какъ новое поколѣніе попираетъ мимоходомъ эти развалины, какъ не обращаетъ вниманія на нихъ, проливающихъ слезы; слышутъ съ содроганіемъ веселую пѣсню жизни современной, которая стала не ихъ пѣснью, и съ скрежетомъ зубовъ смотрятъ на вѣкъ суетный, занимающійся матеріальными улучшеніями, общественными вопросами, наукой, и страшно подчасъ становится встрѣтить среди кипящей, благоухающей жизни—этихъ мертвецовъ укоряющихъ, озлобленныхъ и невѣдающихъ, что они умерли! Дай имъ Богъ покой могилы; не хорошо мертвымъ мѣшаться съ живыми.

Werden sie nicht schaden
So werden sie schrecken.

1842, мая 9.

III.

ДИЛЕТТАНТЫ И ЦЕХЪ УЧЕНЫХЪ

> Такихъ... welche alle Töne einer Musik mit durchgehört haben, an deren Sinn aber das Eine, die *Harmonie dieser Töne* nicht gekommen ist... какъ сказалъ Гегель. (Gesch. der Phil.).

Во всѣ времена долгой жизни человѣчества замѣтны два противоположныя движенія; развитіе одного обусловливаетъ возникновеніе другаго, съ тѣмъ вмѣстѣ борьбу и разрушеніе перваго. Въ какую обитель исторической жизни мы ни всмотримся—увидимъ этотъ процессъ, и притомъ повторяющійся рядомъ метапсихозъ. Вслѣдствіе одного начала, лица, имѣющія какую нибудь общую связь между собою, стремятся отойти въ сторону, стать въ исключительное положеніе, захватить монополію. Вслѣдствіе другаго начала, массы стремятся поглотить выгородившихъ себя, взять себѣ плодъ ихъ труда, растворить ихъ въ себѣ, уничтожить монополію. Въ каждой странѣ, въ каждой эпохѣ, въ каждой области борьба монополіи и массъ выражается иначе, но цехи и касты безпрерывно образуются, массы безпрерывно ихъ подрываютъ, и, что всего страннѣе, масса, судившая вчера цехъ, сегодня сама оказывается цехомъ, и завтра масса степенью общѣе поглотитъ и побьетъ ее въ свою очередь. Эта полярность одна изъ явленій жизненнаго развитія человѣчества, явленіе въ родѣ пульса, съ той разницей, что съ каждымъ біеніемъ пульса че-

ловѣчество дѣлаетъ шагъ впередъ. Отвлеченная мысль осуществляется въ цехѣ, группа людей, собравшихся около нея, во имя ея,—необходимый организмъ ея развитія; но какъ скоро она достигла своей возмужалости въ цехѣ, цехъ дѣлается ей вреденъ, ей надобно дохнуть воздухомъ и взглянуть на свѣтъ, какъ зародышу послѣ девяти-мѣсячнаго прозябанія въ матери; ей надобна среда болѣе широкая; между тѣмъ, и люди касты, столь полезные своей мысли при начальномъ развитіи ея, теряютъ свое значеніе, застываютъ, останавливаются, не идутъ впередъ, ревниво отталкиваютъ новое, страшатся упустить руно свое, хотятъ для себя, за собою удержать мысль. Это невозможно. Натура мысли лучезарна, всеобща; она жаждетъ обобщенія, она вырывается во всѣ щели, утекаетъ между пальцами. Истинное осуществленіе мысли не въ кастѣ, а въ человѣчествѣ; она не можетъ ограничиться тѣснымъ кругомъ цеха; мысль не знаетъ супружеской вѣрности — ея объятія вс ѣмъ; она только для того не существуетъ, кто хочетъ эгоистически владѣть ею. Цехъ падаетъ по мѣрѣ того, какъ массы постигаютъ мысль и симпатизируютъ съ нею; жалѣть нечего — онъ сдѣлалъ свое. Цѣль отторженія непремѣнно единеніе, общеніе. Люди выходятъ изъ дому, чтобъ возвратиться съ новыми пріобрѣтеніями; навсегда домъ оставляютъ одни бродяги. Таковъ путь кастъ. Можно предположить, что pour la bonne bouche цехъ человѣчества обниметъ всѣ прочіе. Это еще не скоро. Пока — человѣкъ готовъ принять всякое званіе, но къ званію человѣка не привыкъ.

Современная наука начинаетъ входить въ ту пору зрѣлости, въ которой обнаруженіе, отданіе себя всѣмъ становится потребностью. Ей скучно и тѣсно въ аудиторіяхъ и конференц-залахъ; она рвется на волю, она

хочетъ имѣть дѣйствительный голосъ въ дѣйствительныхъ областяхъ жизни. Не смотря на такое направленіе, наука остается при одномъ желаніи и не можетъ войти живымъ элементомъ въ стремительный потокъ практическихъ сферъ, пока она въ рукахъ касты ученыхъ; одни люди жизни могутъ внѣдрить ее въ жизнь. Великое дѣло началось; она идетъ тихо; наука дорабатываетъ кое-что въ области отвлеченностей, столь же необходимой для науки, какъ и выходъ изъ нея. Для массъ наука должна родиться не ребенкомъ, а въ полномъ вооруженіи, какъ Паллада. Прежде, нежели она предложитъ плодъ свой, она должна совершить въ себѣ и сознать, что совершила все, къ чему была призвана въ своей сферѣ: она близка къ этому. Но люди смотрятъ доселѣ на науку съ недовѣріемъ, и недовѣріе это прекрасно; вѣрное, но темное чувство убѣждаетъ ихъ, что въ ней должно быть разрѣшеніе величайшихъ вопросовъ, а между тѣмъ передъ ихъ глазами ученые по большей части занимаются мелочами, пустыми диспутами, вопросами, лишенными жизни, и отворачиваются отъ общечеловѣческихъ интересовъ; предчувствуютъ, что наука общее достояніе всѣхъ, и между тѣмъ видятъ, что къ ней приступа нѣтъ, что она говоритъ страннымъ и труднопонятнымъ языкомъ. Люди отворачиваются отъ науки, такъ какъ ученые отъ людей. Вина, конечно, не въ наукѣ и не въ людяхъ, а между ними. Лучъ науки, чтобъ достигнуть обыкновенныхъ людей, долженъ пройти сквозь такіе густые туманы и болотистыя испаренія, что достигаетъ ихъ подкрашенный, непохожій самъ на себя,—а по немъ-то и судятъ. Первый шагъ къ освобожденію науки есть сознаніе препятствій, обличеніе ложныхъ друзей, воображающихъ, что ее доселѣ можно пеленать схоластическимъ свивальникомъ

и что она, живая, будетъ лежать какъ египетская мумія. Туманная среда, окружающая науку, вся наполнена ея друзьями; но эти друзья ея опаснѣйшіе враги. Они живутъ какъ совы подъ кровомъ храма Паллады и выдаютъ себя за хозяевъ въ то время, какъ они работники или праздношатающіеся. Они заслужили всѣ нареканія, всѣ упреки, дѣлаемые наукѣ. Поверхностный дилеттантизмъ и ремесленническая спеціальность ученыхъ ex officio — два берега науки, удерживающіе этотъ Нилъ отъ плодоноснаго разлива. О дилеттантизмѣ мы недавно говорили но считаемъ не вовсе излишнимъ упомянуть объ немъ здѣсь, какъ о совершеннѣйшей противоположности спеціализму. Противоположность объясняетъ иногда лучше сходства.

Дилеттантизмъ — любовь къ наукѣ, сопряженная съ совершеннымъ отсутствіемъ пониманья ее; онъ расплывается въ своей любви по морю вѣдѣнія и не можетъ сосредоточиться; онъ доволенъ тѣмъ, что любитъ и не достигаетъ ничего, не печется ни о чемъ, ни даже о взаимной любви; это платоническая, романтическая страсть къ наукѣ, такая любовь къ ней, отъ которой дѣтей не бываетъ. Дилеттанты съ восторгомъ говорятъ о слабости и высотѣ науки, пренебрегаютъ иными рѣчами, предоставляя ихъ толпѣ, но смертельно боятся вопросовъ и измѣнически продаютъ науку, какъ только ихъ начнутъ тѣснить логикой. Дилеттанты — это люди предисловія, заглавнаго листа, — люди, ходящіе около горшка въ то время, какъ другіе ѣдятъ. Жарновикъ училъ, помнится, англійскаго короля играть на скрипкѣ. Король былъ дилеттантъ, т. е. любилъ музыку и не умѣлъ играть. Однажды онъ спросилъ Жарновика, къ какому разряду скрипачей онъ его относитъ — „ко второму,“ отвѣчалъ артистъ. „Кого же вы еще причисляете

къ этому разряду?“ — „Многихъ, государь; я вообще дѣлю родъ человѣческій относительно скрипичной игры на три разряда: первый, самый большой, люди неумѣющіе играть на скрипкѣ; второй, также довольно многочисленный, люди — не то, чтобъ умѣющіе играть, но любящіе безпрестанно играть на скрипкѣ; третій очень бѣденъ: къ нему причисляются нѣсколько человѣкъ, знающихъ музыку и иногда прекрасно играющихъ на скрипкѣ. Ваше величество, конечно, ужъ перешли изъ перваго разряда во второй.“ Не знаю, былъ ли доволенъ этимъ отвѣтомъ король, но лучше о дилеттантизмѣ ничего нельзя сказать, и Жарновикъ превосходно замѣтилъ, что именно второй разрядъ *безпрерывно* играетъ; у дилеттантовъ дѣлается болѣзнь, помѣшательство отъ избытка любовной страсти. Дилеттантизмъ дѣло не новое. Неронъ былъ дилеттантъ музыки, Генрихъ VIII — дилеттантъ теологіи. Дилеттанты принимаютъ наружный видъ своей эпохи. Въ XVIII вѣкѣ, они были веселы, шумѣли и назывались esprits forts; въ XIX вѣкѣ, дилеттантъ имѣетъ грустную и неразгаданную думу; онъ любитъ науку, но *знаетъ* ея коварность; онъ немного мистикъ и читаетъ Шведенборга, но также немного скептикъ и заглядываетъ въ Байрона; онъ часто говоритъ съ Гамлетомъ: „нѣтъ, другъ Гораціо, есть много вещей, которыхъ не понимаютъ ученые“ — а про себя думаетъ, что понимаетъ все на свѣтѣ. Наконецъ дилеттантъ безвреднѣйшій и безполезнѣйшій изъ смертныхъ; онъ кротко проводитъ жизнь свою въ бесѣдахъ съ мудрецами всѣхъ вѣковъ, пренебрегая матеріальными занятіями; о чемъ они бесѣдуютъ, кто ихъ знаетъ! самимъ дилеттантамъ это еще не ясно — но какъ-то хорошо въ своемъ полумракѣ.

Каста ученыхъ (die Fachgelehrten), ученыхъ по званію,

по диплому, по чувству собственнаго достоинства, составляетъ совершенную противоположность дилеттантовъ. Главнѣйшій недостатокъ этой касты состоитъ въ томъ, что она каста; второй недостатокъ—спеціализмъ, въ которомъ обыкновенно затеряны ученые. Чтобъ разомъ выразить отношеніе касты ученыхъ къ наукѣ, вспомнимъ, что она развилась болѣе нежели гдѣ нибудь въ Китаѣ. Китай считается многими очень благоденствующимъ патріархальнымъ царствомъ; это можетъ быть; ученыхъ тамъ бездна; преимущества ученыхъ въ службѣ у нихъ споконъ вѣка — но науки слѣда нѣтъ... „Да у нихъ своя наука!“ И противъ этого не будемъ спорить; но мы говоримъ о наукѣ, человѣчеству принадлежащей, а не Китаю, не Японіи и другимъ ученымъ государствамъ. У насъ мальчишекъ отдаютъ въ *науку* къ кузнецамъ, столярамъ: думать надобно, что и у нихъ есть *своя* наука. Впрочемъ, и для *истинной науки* былъ возрастъ, въ который каста ученыхъ какъ *каста* была необходима, въ періодъ неразвитости, когда наука была отринута, ея права непризнаны, она сама подчинена авторитетамъ. Но это время прошло. Такъ у касты ученыхъ, у людей знанія въ среднихъ вѣкахъ, даже до XVII столѣтія, окруженныхъ грубыми и дикими понятіями, хранилось и святое наслѣдіе древняго міра, и воспоминаніе прошедшихъ дѣяній, и мысль эпохи; они въ тиши работали, боясь гоненій, преслѣдованій, — и слава послѣ озарила скрытый трудъ ихъ. Ученые хранили тогда науку какъ тайну и говорили объ ней языкомъ недоступнымъ толпѣ, намѣренно скрывая свою мысль, боясь грубаго непониманья. Тогда было доблестно принадлежать къ левитамъ науки; тогда званіе ученаго чаще вело на костеръ, нежели въ академію. И они шли, вдохновенные истиной. Іордано Бруно былъ

ученый, и Галилей былъ ученый. Тогда ученые, какъ сословіе, были своевременны; тогда въ аудиторіяхъ обсуживались величайшіе вопросы того вѣка; кругъ занятій ихъ былъ пространенъ, и ученые озарялись первые восходящими лучами разума, какъ нагорные дубы — гордые и мощные. Съ тѣхъ поръ все перемѣнилось; науки никто не гонитъ, общественное сознаніе доросло до уваженія къ наукѣ, до желанія ея, и справедливо стало протестовать противъ монополіи ученыхъ; но ревнивая каста хочетъ удержать свѣтъ за собою, окружаетъ науку лѣсомъ схоластики, варварской терминологіи, тяжелымъ и отталкивающимъ яыкомъ. Такъ огородники сажаютъ около грядъ своихъ колючее растеніе — чтобъ дерзкій, намѣревающійся перелѣзть, сперва десять разъ укололся и изорвалъ платье въ клочки. Все тщетно! Время аристократіи знанія миновало. Изобрѣтеніе книгопечатанія, безъ всѣхъ остальныхъ содѣйствовавшихъ причинъ, должно было нанести рѣшительный ударъ спрятанности вѣдѣнія, пріобщая къ нему всѣхъ желающихъ. Наконецъ, послѣдняя возможность удержать науку въ цехѣ была основана на разработываніи чисто теоретическихъ сторонъ, не вездѣ недоступныхъ профанамъ. Но современная наука, сверхъ теоретическихъ отвлеченностей, имѣетъ иныя притязанія; она, будто забывая свое достоинство, хочетъ съ своего трона сойти въ жизнь. Ученымъ ее не удержать; это не подвержено сомнѣнію.

Каста ученыхъ нашего времени образовалась послѣ реформаціи и всего болѣе въ мірѣ реформаціонномъ. Объ ученыхъ корпораціяхъ въ среднихъ вѣкахъ и въ католическомъ мірѣ мы упомянули; ихъ не надо смѣшивать съ новой кастой ученыхъ, выросшей въ Германіи въ послѣдніе вѣка. Правда, старая каста ученыхъ

налагала на умы ярмо своего авторитета, но не надобно забывать, во первыхъ, состояніе умовъ того времени, во вторыхъ, что и ихъ шея была стерта отъ ярма, тяжело лежавшаго на ней. Во всемъ реформаціонномъ образованіи была какая-то недодѣлка; не доставало геройства идти до послѣдняго слѣдствія, не доставало геройства логики: часто ставили громогласно начало и робко отрекались отъ естественныхъ послѣдствій; часто разрушали зданіе и берегли мусоръ и битый кирпичъ; часто не умѣли ни благочестиво уважить существующее, ни смѣло отречься отъ него. Мысль реформаціи пришла въ дѣйствіе какъ-то преждевременно, и оттого она отстала и была обойдена. Каста ученыхъ, образовавшаяся въ мірѣ реформаціонномъ, никогда не имѣла силы ни составить точно замкнутую въ себѣ твердую и вѣдающую свои предѣлы корпорацію, ни распуститься въ массы. Она никогда не имѣла энергіи ни пристать къ положительному порядку дѣлъ, ни стать противъ него; оттого на нее со всѣхъ сторонъ стали смотрѣть косо, какъ на что-то постороннее; оттого она сама стала убѣгать живыхъ вопросовъ и сосредоточиваться на мертвыхъ. Нить, связующая касту съ обществомъ, должна была ослабнуть, а прямымъ слѣдствіемъ этого — взаимное непониманье, взаимное равнодушіе. Какое-то поэтическое провидѣніе указало на слово *гуманіора*, — слово прекрасное, пророческое; но въ гуманіорахъ ученыхъ не было ничего человѣческаго. Слово это было отнесено исключительно къ филологіи, какъ будто тутъ участвовала иронія, какъ будто они понимали, что древній міръ человѣчественнѣе ихъ. Педантизмъ, распаденіе съ жизнію, ничтожныя занятія, типъ которыхъ меледа—какой-то призрачный трудъ, трудъ занимающій, а въ сущности пустой; далѣе, искусственныя построенія, неприлагаемыя

теоріи, невѣдѣніе практики и надменное самодовольство —вотъ условія, подъ которыми развилось блѣднолистое дерево цеховой учености. Ученые принесли свою пользу наукѣ, которую не признать было бы неблагодарно; но совсѣмъ не потому, что они стремились составить касту: напротивъ, одни индивидуальные труды были истинно-полезны. Послѣ католической науки, новая наука, рожденная, среди отрицанья и борьбы, требовала иныхъ основаній, болѣе положительныхъ, фактическихъ; но не было у нея матеріаловъ, запасовъ, обслѣдованныхъ событій и наблюденій; войско фактовъ было недостаточно. Ученые разобрали по клочку поле науки и разсыпались по немъ; имъ досталась тягостная доля de défricher le terrain, ивъ этой-то работѣ, составляющей важнѣйшую услугу ихъ, они утратили широкій взглядъ и сдѣлались ремесленниками, оставаясь при мысли, что они пророки. На ихъ потѣ, на ихъ утомительномъ трудѣ цѣлыхъ поколѣній возрасла истинная наука — и работники, какъ всегда бываетъ, всего менѣе воспользовались результатомъ своего труда.

Противоположность романскаго характера и германскаго не могла не отразиться въ вновь образовавшемся сословіи ученыхъ. Французскіе ученые сдѣлались больше наблюдатели и матеріалисты, германскіе больше схоласты и формалисты; одни больше занимаются естествовѣдѣніемъ, прикладными частями, и притомъ они славные математики; вторые занимаются филологіей, всѣми неприлагаемыми отраслями науки, и притомъ они тонкіе теологи. Одни въ наукѣ видятъ практическую пользу, другіе поэтическую безполезность. Французы больше спеціалисты—но меньше каста; германцы наоборотъ. Ученые въ Германіи похожи на касту жрецовъ въ Египтѣ: они составляютъ особый народъ, въ рукахъ котораго

лежитъ дѣло общественнаго воспитанія, общественнаго мышленія, леченья, ученья и пр. Добрымъ германцамъ оставалось пить, ѣсть и subir леченье, ученье, мышленье имущихъ право на то по диплому. Во Франціи ученые не стоятъ на первомъ планѣ и, слѣдственно, не имѣютъ такого вліянія, какъ ученые въ Германіи. Во Франціи они всѣ болѣе или менѣе устремлены на практическія улучшенія—это огромный выходъ въ жизнь. Если ихъ по справедливости можно упрекнуть въ спеціальности больше, нежели германцевъ, то навѣрное нельзя упрекнуть въ безполезности. Франція именно стоитъ въ главѣ популяризаціи науки; какъ ловко она умѣла, вѣкъ тому назадъ, свое воззрѣніе (каково бы оно ни было) облечь въ современно-народную, всѣмъ доступную, проникнутую жизнію, форму! Французъ не можетъ удовлетвориться въ одной отвлеченной сферѣ; ему нужна и гостиная, и площадь, и пѣсня Беранже, и листъ газеты, за него нѣчего бояться, онъ долго въ кастѣ не останется. Совсѣмъ не таковы цеховые ученые германскіе. Главный, отличительный признакъ ихъ — быть валомъ отдѣлену отъ жизни; это отшельники среднихъ вѣковъ, имѣющіе свой міръ, свои интересы, свои обычаи. Теологія, древніе писатели, еврейскій языкъ, объясненія темныхъ фразъ какой нибудь рукописи, опыты безъ связи, наблюденія безъ общей цѣли—вотъ ихъ предметъ; когда же имъ случится имѣть дѣло съ дѣйствительностію, они хотятъ подчинить ее своимъ категоріямъ, и изъ этого выходятъ пресмѣшныя уродства. Академическій, ученый міръ въ Германіи составляетъ особое государство, которому дѣла нѣтъ до Германіи. По правдѣ, послѣ тридцати-лѣтней войны, немного можно было заимствовать школѣ изъ жизни. Вина обоюдная. Прозябая въ вѣчномъ занятіи схоластическими предметами, ученые приняли

слой, рѣзко отдѣляющій ихъ отъ прочихъ людей. Жизнь, медленно и скучно процвѣтавшая за стѣнами академіи, не манила къ себѣ; она въ своемъ филистерствѣ была столько же невыносимо скучна, какъ ученость въ своемъ. Не смотря на это распаденіе съ жизнію, ученые, памятуя, какой могучій голосъ имѣли университеты и доктора въ средніе вѣка, когда къ нимъ относились съ вопросами глубочайшей важности, захотѣли вершать безапелляціоннымъ судомъ всѣ сціентифическіе и художественные споры; они, подрывшіе во имя всеобщаго права изслѣдованія касту католическихъ духовныхъ пастырей, показывали поползновеніе составить свой цехъ пастырей свѣтскихъ. Не удалось имъ, лишеннымъ, съ одной стороны, энергіи католическихъ пропагандистовъ, съ другой—невѣжества массъ. Новая каста людопасовъ не состоялась; пасти людей стало труднѣе; люди смотрятъ на ученыхъ дѣлъ мастеровъ, какъ на равныхъ, какъ на людей, да еще какъ на людей, не дошедшихъ до полной жизни, а пробавляющихся одной обителью изъ многихъ. Наука открытый столъ для всѣхъ и каждаго, лишь бы былъ голодъ, лишь бы потребность манны небесной развилась. Стремленіе къ истинѣ, къ знанію, не исключаетъ никакимъ образомъ частнаго употребленія жизни; можно равно быть при этомъ химикомъ, медикомъ, артистомъ, купцомъ. Никакъ не можно думать, чтобъ спеціально-ученый имѣлъ бо̀льшія права на истину; онъ имѣетъ только бо̀льшія притязанія на нее. Отчего человѣку, проводящему жизнь въ монотонномъ и одностороннемъ занятіи какимъ нибудь исключительнымъ предметомъ, имѣть болѣе ясный взглядъ, болѣе глубокую мысль, нежели другому, искусившемуся самыми событіями, встрѣтившемуся въ тысячѣ разныхъ столкновеніяхъ съ людьми? Напротивъ, цеховой ученый

внѣ своего предмета за что ни пріймется, пріймется лѣвой рукой. Онъ не нуженъ во всякомъ живомъ вопросѣ. Онъ всѣхъ менѣе подозрѣваетъ великую важность науки; онъ ея не знаетъ изъ за своего частнаго предмета, онъ свой предметъ считаетъ наукой. Ученые, въ крайнемъ развитіи своемъ, заняли въ обществѣ мѣсто втораго желудка животныхъ, жующихъ жвачку; въ него никогда не попадаетъ свѣжая пища,— одна пережеванная, такая, которую жуютъ изъ удовольствія жевать. Массы дѣйствуютъ, проливаютъ кровь и потъ—а ученые являются послѣ разсуждать о происшествіи. Поэты, художники творятъ, массы восхищаются ихъ твореніями,—ученые пишутъ коментаріи, грамматическіе и всяческіе разборы. Все это имѣетъ свою пользу; но несправедливость въ томъ, что они себя считаютъ по праву головою выше насъ, жрецами Паллады, ея любовниками, хуже—мужьями ея. Съ другой стороны, было бы еще страннѣе, еслибъ мы сказали, что ученые не могутъ знать истины, что они внѣ ея. Духъ, стремящій человѣка къ истинѣ, не исключаетъ никого. Не всѣ ученые принадлежатъ къ *цеховымъ* ученымъ; многіе *истинно-ученые* дѣлаются, подавляя въ себѣ школьность, *образованными* *) людьми, выходятъ изъ цеха въ человѣчество. *Безнадежные* цеховые, это рѣшительные и отчаянные спеціалисты, и схоластики,—тѣ, на которыхъ намекалъ Жан-Поль, говоря: „скоро поваренное искусство разовьется до того, что жарящій форели не будетъ умѣть жарить карпа.“ Вотъ эти-то повара карповъ и форелей составляютъ массу ученой касты, въ которой творятся

*) Разумѣется, слово *образованный* принято въ истинномъ смыслѣ его, а не въ томъ, въ которомъ его употребляетъ, напримѣръ, жена городничаго въ „Ревизорѣ.“

всякаго рода лексиконы, таблицы, наблюденія и все то, что требуетъ долготерпѣнія и душу мертву. Ихъ въ людей развить трудно; они крайность односторонняго направленія учености; мало того, что они умрутъ въ своей односторонности: они бревнами лежатъ на дорогѣ всякаго великаго усовершенія, — не потому, чтобъ не хотѣли улучшенія науки, а потому что они только то усовершеніе признаютъ, которое вытекло съ соблюденіемъ ихъ ритуала и формы, или которое они сами обработали. У нихъ метода одна — анатомическая: для того, чтобъ понять организмъ, они дѣлаютъ аутопсію. Кто убилъ ученіе Лейбница и далъ ему труповой видъ школьности, какъ не ученые прозекторы? Кто изъ живаго, всеобъемлющаго ученія Гегеля стремился сдѣлать схоластическій, безжизненный, страшный скелетъ? — берлинскіе профессора.

Грецiя, умѣвшая развивать индивидуальности до какой-то художественной оконченности и высоко-человѣческой полноты, мало знала въ цвѣтущія времена свои ученыхъ въ нашемъ смыслѣ; ея мыслители, ея историки, ея поэты были прежде всего граждане, люди жизни, люди общественнаго совѣта, площади, военнаго стана: оттого это гармонически уравновѣшенное, прекрасное своимъ аккордомъ, многосторонное развитіе великихъ личностей ихъ науки и искусства — Сократа, Платона, Эсхила, Ксенофонта и другихъ. А наши ученые? Сколько профессоровъ въ Германіи спокойно читали свой схоластической бредъ во время наполеоновской драмы и спокойно справлялись на картѣ, гдѣ Ауэрштетъ, Ваграмъ, съ тѣмъ любознательнымъ бездушіемъ, съ которымъ на другой картѣ отмѣчали они путь Одиссея, читая Гомера! Одинъ Фихте, вдохновенный и глубокій, громко сказалъ, что отечество въ опасности, и бросилъ

на время книгу. А Гёте... прочтите его переписку того времени! Конечно, Гёте недосягаемо выше школьной односторонности: мы доселѣ стоимъ передъ его грозной и величественной тѣнью съ глубокимъ удивленіемъ, съ тѣмъ удивленіемъ, съ которымъ останавливаемся передъ лукзорскимъ обелискомъ—великимъ памятникомъ какой-то иной эпохи, великой, но прошлой *), не нашей! Ученый **) до такой степени разобщился съ современностью, до такой степени завялъ, вымеръ съ трехъ сторонъ, что надобно почти не человѣческія усилія, чтобъ ему войти живымъ звѣномъ въ живую цѣпь. Образованный человѣкъ не считаетъ ничего человѣческаго чуждымъ себѣ: онъ сочувствуетъ всему окружающему; для ученаго — наоборотъ: ему все человѣческое чуждо, кромѣ избраннаго имъ предмета, какъ бы этотъ предметъ самъ въ себѣ ни былъ ограниченъ. Образованный человѣкъ мыслитъ по свободному побужденію, по благородству человѣческой природы, и мысль его открыта, свободна: ученый мыслитъ по обязанности, по возложенному на себя обѣту, и оттого въ его мысли есть что-то ремесленническое, и она всегда подъ-авторитетна. Ученый имѣетъ часть и въ ней; онъ долженъ быть уменъ: образованный человѣкъ не имѣетъ право быть глупымъ ни въ чемъ. Образованный человѣкъ можетъ знать и не знать по латинѣ, ученый долженъ знать по латинѣ...

*) Не помню въ какой-то, недавно вышедшей въ Германіи брошюрѣ было сказано: „Въ 1832 году, въ томъ замѣчательномъ году, когда умеръ послѣдній Могиканинъ нашей великой литературы.“ — Да!

**) Считаю необходимымъ еще разъ сказать, что дѣло идетъ единственно и исключительно о *цеховыхъ ученыхъ*, и что все сказанное только справедливо въ антитетическомъ смыслѣ; *истинный* ученый всегда будетъ просто человѣкъ — и человѣчество всегда съ уваженіемъ поклонится ему.

Не смѣйтесь надъ этимъ замѣчаніемъ: я и здѣсь вижу слѣдъ окостенѣлаго духа касты. Есть великія поэмы, великія творенія, имѣющія всемірное значеніе,—вѣчныя пѣсни, завѣщаваемыя изъ вѣка въ вѣкъ; нѣтъ сколько нибудь образованнаго человѣка, который бы не зналъ ихъ, не читалъ ихъ, не прожилъ ихъ: цеховой ученый навѣрное не читалъ ихъ, если онѣ не относятся прямо къ его предмету. На что химику „Гамлетъ“? На что физику „Донъ-Хуанъ“? Есть еще болѣе странное явленіе, особенно часто встрѣчающееся между германскими учеными: нѣкоторые изъ нихъ все читали и все читаютъ, —но понимаютъ только по одной своей части; во всѣхъ же другихъ они изумляютъ сочетаніемъ огромныхъ свѣдѣній съ всесовершеннѣйшею тупостью, напоминающею иногда наивность ребяческаго возраста: „они прослушали всѣ звуки, но гармоніи не слыхали,“ какъ сказано въ эпиграфѣ. Степень цеховой учености опредѣляется рѣшительно памятью и трудолюбіемъ: кто помнитъ наибольшій запасъ вовсе ненужныхъ свѣдѣній объ одномъ предметѣ, у кого въ груди не бьется сердце, не кипятъ страсти, требующія не книжнаго удовлетворенія, а подѣйствительнѣе; кто имѣлъ терпѣніе лѣтъ двадцать твердить частности и случайности, относящіяся къ одному предмету—тотъ и ученѣе. Безъ сомнѣнія, господинъ, котораго привозили къ князю Потемкину, и который зналъ на память мѣсяцесловъ, былъ ученый—и еще болѣе, самъ изобрѣлъ *свою* науку. Ученые трудятся, пишутъ только для ученыхъ; для общества, для массъ пишутъ образованные люди; большая часть писателей, произведшихъ огромное вліяніе, потрясавшихъ, двигавшихъ массы, не принадлежатъ къ ученымъ:—Байронъ, Вальтеръ-Скотъ, Вольтеръ, Руссо. Если же изъ среды ученыхъ какой нибудь гигантъ пробьется и вырвется

въ жизнь, они отрекаются отъ него, какъ отъ блуднаго сына, какъ отъ ренегата. Копернику не могли простить геніальность, надъ Коломбомъ смѣялись, Гегеля обвиняли въ невѣжествѣ. Ученые пишутъ съ ужаснымъ трудомъ; одинъ трудъ только тягостнѣе и есть: это чтеніе ихъ doctes écrits *); впрочемъ, такого труда никто и не предпринимаетъ; ученыя общества, академіи, библіотеки покупаютъ ихъ фоліанты; иногда нуждающіеся въ нихъ справляются,—но никогда никто не читаетъ ихъ отъ доски до доски. Собраніе ученыхъ какой нибудь академіи было бы похоже на нашу роговую музыку, гдѣ каждый музыкантъ всю жизнь дудитъ одну и ту же ноту, еслибъ у нихъ былъ капельмейстеръ и ensemble (а въ ensemble и состоитъ наука). Они похожи на роговыхъ музыкантовъ, спорящихъ между собою каждый о превосходствѣ своей ноты и дудящій, для доказательства, во всю силу легкихъ. Имъ въ голову не приходитъ, что музыка будетъ только тогда, когда всѣ звуки поглотятся, уничтожатся въ одной ихъ объемлющей гармоніи.

Различіе ученыхъ съ дилеттантами весьма ярко. Дилеттанты любятъ науку — но не занимаются ею; они разсѣеваются по лазури, носящейся надъ наукой, которая точно такъ же ничего, какъ лазурь земной атмосферы. Для ученыхъ наука—барщина, на которой они призваны обработать указанную полосу; занимаясь кочками, мелочами, они рѣшительно не имѣютъ досуга бросить взглядъ на все поле. Дилеттанты смотрятъ въ телескопъ: оттого видятъ только тѣ предметы, которые по меньшей мѣрѣ далеки, какъ луна отъ земли,—

*) Гегель, говоря гдѣ-то объ гигантскомъ трудѣ читать какую-то ученую нѣмецкую книгу, присовокупилъ, что ее вѣрно было легче писать.

а земнаго и близкаго ничего не видятъ. Ученые смотрятъ въ микроскопъ, и потому не могутъ видѣть ничего большаго; для того, чтобъ быть ими замѣченнымъ, надобно быть незамѣтнымъ глазу человѣческому; для нихъ существуетъ не кристальный ручей — а капля, наполненная гомеопатическими гадами. Дилеттанты любуются наукой, такъ какъ мы любуемся Сатурномъ, на благородной дистанціи, и ограничиваясь знаніемъ, что онъ свѣтится и что на немъ обручь. Ученые такъ близко подошли къ храму науки, что не видятъ храма и ничего не видятъ кромѣ кирпича, къ которому пришелся ихъ носъ. Дилеттанты—туристы въ областяхъ науки и, какъ вообще туристы, знаютъ о странахъ, въ которыхъ они были, общія замѣчанія, да всякій вздоръ, газетную клевету, свѣтскія сплетни, придворныя интриги. Ученые — фабричные работники и, какъ вообще работники, лишены умственной развязности, что не мѣшаетъ имъ быть отличными мастерами своего дѣла, внѣ котораго они никуда негодны. Каждый дилеттантъ занимается всѣмъ scibile, да еще, сверхъ того, тѣмъ, чего знать нельзя, т. е. мистицизмомъ, магнетизмомъ, физіогномикой, гомеопатіей, гидропатіей и пр. Ученый, наоборотъ, посвящаетъ себя одной главѣ, отдѣльной вѣтви какой нибудь спеціальной науки и, кромѣ ея, ничего не знаетъ и знать не хочетъ. Такія занятія имѣютъ икогда свою пользу, доставляя факты для истинной науки. Отъ дилеттантовъ, само собою разумѣется, никому и ничему нѣтъ пользы. Многіе думаютъ, что самоотверженіе, съ которымъ ученые обрекаютъ себя на кабинетную жизнь, на скучную работу, однообразную и утомительную, для пользы своей науки, заслуживаетъ великой благодарности со стороны общества. Мнѣ кажется, награда всякому труду въ самомъ трудѣ, въ дѣятельности. Но, не поды-

маясь въ эту сферу, разскажу одинъ старый анекдотъ.

Какой-то добрый французъ сдѣлалъ модель парижскаго квартала изъ воска, съ удивительною отчетливостію. Окончивъ долголѣтній трудъ свой, онъ поднесъ его конвенту единой и нераздѣльной республики. Конвентъ, какъ извѣстно, былъ нрава крутаго и оригинальнаго. Сначала онъ промолчалъ: ему и безъ восковыхъ кварталиковъ было довольно дѣла — образовать нѣсколько армій, прокормить голодныхъ парижанъ, обороniться отъ коалицій..... Наконецъ онъ добрался до модели и рѣшилъ „гражданина такого-то, котораго произведенія нельзя не признать оконченно-выполненнымъ, посадить на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму за то, что онъ занимался безполезнымъ дѣломъ, когда отечество было въ опасности.“ Съ одной стороны, конвентъ правъ; но вся бѣда конвента состояла въ томъ, что онъ во всѣхъ дѣлахъ смотрѣлъ съ одной стороны, да и то не съ самой пріятной. Ему не пришло въ голову, что человѣкъ, который *могъ* съ охотой заниматься годы цѣлые лѣпленіемъ изъ воска, и притомъ такіе годы,— *не могъ* никуда быть иначе употребленъ. Мнѣ кажется, подобныхъ людей не слѣдуетъ ни наказывать, ни награждать. Спеціалисты науки находятся въ этомъ положеніи: имъ ни брани, ни похвалы; ихъ занятія, безъ сомнѣнія, не хуже, да и конечно не лучше всѣхъ будничныхъ занятій человѣческихъ. Странная несправедливость состоитъ въ томъ, что ученыхъ считаютъ повыше простыхъ гражданъ, освобождаютъ отъ всякихъ общественныхъ тягостей потому что они ученые,—а они рады сидѣть въ халатѣ и предоставлять другимъ всѣ заботы и труды. За то, что человѣкъ имѣетъ мономанію къ камнямъ или къ медалямъ, къ раковинамъ или къ греческому языку, за это его ставить въ исключительное положеніе — нѣтъ доста-

точной причины. Между тѣмъ, избалованные обществомъ ученые дошли было до троглодитовски дикаго состоянія. И теперь, всякій знаетъ, что нѣтъ ни одного дѣла, которое можно поручить ученому: это вѣчный недоросль между людьми; онъ только не смѣшонъ въ своей лабораторіи, музеумѣ. Ученый теряетъ даже первый признакъ, отличающій человѣка отъ животнаго—общественность: онъ конфузится, боится людей; онъ отвыкъ отъ живаго слова; онъ трепещетъ передъ опасностью; онъ не умѣетъ одѣться; въ немъ что-то жалкое и дикое. Ученый—это Готентотъ съ другой стороны, такъ какъ Хлестаковъ былъ генералъ съ другой стороны. Таково клеймо, которымъ отмѣчаетъ Немезида людей, думающихъ выйдти изъ человѣчества и не имѣющихъ на то права. А они требуютъ, чтобъ мы признали ихъ превосходство надъ нами; требуютъ какого-то спасиба отъ человѣчества, воображаютъ себя въ авангардѣ его! Никогда! Ученые—это чиновники, служащіе идеѣ, это бюрократія науки, ея писцы, столоначальники, регистраторы. Чиновники не принадлежатъ къ аристократіи, и ученые не могутъ считать себя въ передовой фалангѣ человѣчества, которая первая освѣщается восходящей идеей и первая побивается грозой. Въ этой фалангѣ можетъ быть и ученый, такъ какъ можетъ быть и воинъ, и артистъ, и женщина, и купецъ. Но они избираются не по званіямъ, а потому что на челѣ ихъ увидѣли слѣдъ божественной искры; они принадлежатъ не къ ученому сословію, а просто къ тому кругу образованныхъ людей, который развился до живаго уразумѣнія понятія человѣчества и современности. Этотъ кругъ, болѣе или менѣе просторный, смотря по степени просвѣщенія страны—есть живая, полная силъ среда, пышный цвѣтъ, въ который втекаютъ разными жилами всѣ

соки, трудно разработанные, и преображаются въ пышный вѣнчикъ. Въ немъ настоящее, переходя въ будущее, развертывается во всей красѣ и благоуханіи для того, чтобъ насладиться настоящимъ; но предупредимъ недоразумѣніе — эта аристократія далеко незамкнута: она, какъ Ѳивы, имѣетъ сто широкихъ вратъ, вѣчно открытыхъ, вѣчно зовущихъ.

Каждый можетъ войти въ ворота—но труднѣе въ нихъ пройти ученому, нежели всякому другому. Ученому мѣшаетъ его дипломъ: дипломъ — чрезвычайное препятствіе развитію; дипломъ свидѣтельствуетъ, что дѣло кончено, consomatum est; носитель его совершилъ въ себѣ науку, знаетъ ее. Жан-Поль говоритъ въ Леванѣ: „Когда ребенокъ сказалъ неправду, скажите ему, что онъ сдѣлалъ дурно, скажите, что онъ *солгалъ*, но не называйте *лгуномъ*; онъ наконецъ повѣритъ, что онъ лгунъ.“ Это замѣчаніе очень идетъ сюда: получивъ дипломъ, человѣкъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что онъ знаетъ науку, въ то время, когда дипломъ имѣетъ собственно одно гражданское значеніе; но носитель его чувствуетъ себя отдѣленнымъ отъ рода человѣческаго: онъ на людей безъ диплома смотритъ какъ на профановъ. Дипломъ, точно іудейское обрѣзаніе, дѣлитъ людей на два человѣчества. Юноша, получившій дипломъ, или принимаетъ его за актъ освобожденія отъ школы, за подорожную въ жизнь,—и тогда дипломъ не сдѣлаетъ ни вреда, ни пользы; или онъ въ гордомъ сознаніи отдѣляется отъ людей и принимаетъ дипломъ за право гражданства въ республикѣ litterarum, и идетъ подвизаться на схоластическомъ форумѣ ея. Республика ученыхъ — худшая республика изъ всѣхъ когда нибудь бывшихъ, не исключая Парагвайской во время управленія ею *ученымъ докторомъ* Франціа. Юношу вступив-

шаго, встрѣчаютъ нравы и обычаи окостенѣлые и наросшіе поколѣніями; его вталкиваютъ въ споры безконечные и совершенно безполезные; бѣдный истощаетъ свои силы, втягивается въ искусственную жизнь касты, и забываетъ мало по малу всѣ живые интересы, разстается съ людьми и съ современностью; съ тѣмъ вмѣстѣ начинаетъ чувствовать высоту жизни въ области схоластики, привыкаетъ говорить и писать напыщеннымъ и тяжелымъ языкомъ касты, считаетъ достойными вниманія только тѣ событія, которыя случились за 800 лѣтъ и были отвергаемы по латинѣ и признаваемы по гречески. Но это еще не все: это медовый мѣсяцъ; вскорѣ имъ овладѣваетъ односторонняя исключительность (въ родѣ idée fixe у поврежденныхъ). Онъ предается спеціальности, дѣлается ремесленникомъ; наука теряетъ для него свою торжественность; для слуги нѣтъ великаго человѣка,—и цеховой ученый готовъ!

Но можетъ ли существовать наука безъ спеціальныхъ занятій? Развѣ энциклопедическая поверхностность, за все хватающаяся, не есть именно недостатокъ дилетантизма? Конечно, не можетъ; но вотъ въ чемъ дѣло:

Наука — живой организмъ, которымъ развивается истина. Истинная метода одна: это собственно процессъ ея органической пластики; форма, система — предопредѣлены въ самой сущности ея понятія и развиваются по мѣрѣ стеченія условій и возможностей осуществленія ихъ. Полная система есть расчлененіе и развитіе *души* науки до того, чтобъ душа стала тѣломъ и тѣло стало душою. Единство ихъ одѣйствотворяется въ методѣ. Никакая сумма свѣдѣній не составитъ науки до тѣхъ поръ, пока сумма эта не обростетъ живымъ мясомъ, около одного живаго центра, то есть не дойдетъ до

пониманія себя тѣломъ его. Никакая блестящая всеобщность съ своей стороны не составитъ полнаго, наукообразнаго знанія, если, заключенная въ ледяную область отвлеченій, она не имѣетъ силы воплотиться, раскрыться изъ рода въ видъ, изъ всеобщаго въ *личное*, если необходимость индивидуализаціи, если переходъ въ міръ событій и дѣйствій не заключенъ во внутренней потребности ея, съ которой она не можетъ *совладѣть*. Все живое живо и истинно только какъ цѣлое, какъ внутреннее и внѣшнее, какъ всеобщее и единичное — сосуществующія. Жизнь связуетъ эти моменты; жизнь — процессъ ихъ вѣчнаго перехода другъ въ другѣ. Одностороннее пониманіе науки разрушаетъ неразрывное — то есть, убиваетъ живое. Дилеттантизмъ и формализмъ держатся въ отвлеченной всеобщности: оттого у нихъ нѣтъ дѣйствительныхъ знаній, а есть только тѣни. Они легко расплываются, оттого, что кругомъ пустота; они для легкости ноши хотѣли отдѣлить жизнь — отъ живущаго; ноша стала, въ самомъ дѣлѣ, легка, потому что такое отвлеченіе—*ничего*. А это ничего есть любимая среда дилеттантовъ всѣхъ степеней; они въ немъ видятъ безпредѣльный океанъ и довольны просторомъ для мечтаній и фантазій. Но если очевидно нѣчто безумное въ мысли отдѣлить жизнь отъ живаго организма и между тѣмъ сохранить ее, то ошибка спеціализма, конечно, не лучше. Онъ всеобщаго знать не хочетъ, онъ до него никогда не поднимается; онъ за самобытность принимаетъ всякую дробность и частность, удерживая ихъ самобытность: спеціализмъ можетъ дойти до каталога, до всякихъ субсумацій, но никогда не дойдетъ до ихъ внутренняго смысла, до ихъ понятія—до истины наконецъ; потому что въ ней надобно погубить всѣ частности; путь этотъ похожъ на опредѣленіе внутреннихъ

свойствъ человѣка по калошамъ и пуговицамъ. Все вниманіе спеціалиста обращено на частности; онъ съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе запутывается; частности дѣлаются дробнѣе, ничтожнѣе; дѣленіе не имѣетъ границъ; темный хаосъ случайностей стережетъ его возлѣ и увлекаетъ въ болотистую тину той *закраины* бытія, которую свѣтъ не объемлетъ: это *его* безконечное море въ противоположность дилеттантскому. Всеобщее, мысль, идея — начало, изъ котораго текутъ всѣ частности, единственная нить Аріадны, теряется у спеціалистовъ, упущена изъ вида за подробностями; они видятъ страшную опасность: факты, явленія, видоизмѣненія, случаи, давятъ со всѣхъ сторонъ; они чувствуютъ природный человѣку ужасъ заблудиться въ многоразличіи всякой всячины, ничѣмъ не сшитой; они такъ положительны, что не могутъ утѣшаться, какъ дилеттанты, какимъ нибудь общимъ мѣстомъ, и въ отчаяніи, теряя единую, великую цѣль науки, ставятъ границей стремленія Orientirung. *Лишь бы найдтися*, лишь бы не быть засыпану съ головой пескомъ фактовъ, сыплющихся отовсюду. Желаніе найдтися наводитъ на искусственныя системы и теоріи, на искусственныя классификаціи и всякія построенія, о которыхъ *впередъ знаютъ*, что они не истинны. Такія теоріи трудны для изученія, потому что онѣ противоестественны, и онѣ-то составляютъ непреоборимыя укрѣпленія, за стѣнами которыхъ сидятъ ученые себѣ на умѣ. Эти теоріи—наросты, бѣльмы на наукѣ; ихъ должно въ свое время срѣзать, чтобъ раскрыть зрѣніе; но они составляютъ гордость и славу ученыхъ. Въ послѣднее время, не было извѣстнаго медика, физика, химика, который не выдумалъ бы своей теоріи:—Бруссе и Гэ-Люссакъ, Тенаръ и Распайль, и tutti quanti. Но чѣмъ добросовѣстнѣе

ученый, тѣмъ меньше онъ самъ можетъ удовлетвориться подобными теоріями: лишь только онъ принялъ *какую нибудь*, чтобъ скрѣпить связку фактовъ, онъ наталкивается на фактъ, очевидно неидущій въ мѣру; надобно для него сдѣлать отдѣлъ, новое правило, новую гипотезу, а эта новая гипотеза противорѣчитъ старой—и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Ученый долженъ *по своей части* знать всѣ теоріи и при этомъ не забывать, что всѣ онѣ вздоръ (какъ оговариваются во всѣхъ французскихъ курсахъ физики и химіи). Посвящая время на полезныя изученія прошедшихъ ошибокъ, онъ не можетъ найти мгновеній, чтобъ заняться *не по своей части,* еще менѣе, чтобъ подняться въ сферу истинной науки, обнимающей всѣ частные предметы, какъ свои вѣтви. Впрочемъ, ученые не вѣрятъ въ нее; они на мыслителей посматриваютъ иронически улыбаясь, какъ Наполеонъ смотрѣлъ на идеологовъ. Они люди положительнаго опыта, наблюденія. А между тѣмъ, ни положительность, ни матеріализмъ не мѣшаютъ имъ быть по превосходству идеалистами. Искусственныя методы, системы, субъективныя теоріи развѣ не крайность идеализма? Какъ бы человѣкъ ни считалъ себя занимающимся одними фактами, внутренняя необходимость ума увлекаетъ его въ сферу мысли, къ идеѣ, къ всеобщему; спеціалисты выигрываютъ упорнымъ непослушаніемъ только то, что, вмѣсто правильнаго пути поднятія, они блуждаютъ въ странной средѣ, которой дно —факты безъ связи, а верхъ — теоретическія мечтанія безъ связи. Поднимаясь по своему во всеобщее, они не хотятъ упустить ни одной частности, а въ той сферѣ не принимается ничего точимаго молью: одно вѣчное, родовое, необходимое призвано въ науку и освѣщено ею. Міръ фактическій служитъ, безъ сомнѣнія, основой

науки; наука, опертая не на природѣ, не на фактахъ, есть именно туманная наука дилеттантовъ. Но съ другой стороны, факты in crudo, взятые во всей случайности бытія, несостоятельны противъ разума, свѣтящаго въ наукѣ. Въ наукѣ природа возстановляется, освобожденная отъ власти случайности и внѣшнихъ вліяній, которая притѣсняетъ ее въ бытіи; въ наукѣ природа просвѣтляется въ чистотѣ своей логической необходимости; подавляя случайность, наука примиряетъ бытіе съ идеей, возстановляетъ естественное во всей чистотѣ, понимаетъ недостатокъ существованія (des Daseins) и поправляетъ его, какъ власть имущая. Природа, такъ сказать, жаждала своего освобожденія отъ узъ случайнаго бытія, и разумъ совершилъ это въ наукѣ. Люди отвлеченной метафизики должны опуститься изъ своего поднебесья именно въ *физику* (въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова), и въ нее же должны подняться роющіеся въ землѣ спеціалисты. Въ наукѣ, принимаемой такимъ образомъ, нѣтъ ни теоретическихъ мечтаній, ни фактическихъ случайностей: въ ней — себя и природу созерцающій разумъ.

Главное, что дѣлаетъ науку *ученыхъ* трудною и запутанною, это—метафизическія бредни и тьма тьмущая спеціальностей, на изученіе которыхъ посвящается цѣлая жизнь и схоластическій видъ которыхъ отталкиваетъ многихъ. Но въ истинной наукѣ необходимо улетучивается то и другое, и остается стройный организмъ разумный и оттого *просто понятный*. Наука достигаетъ теперь, передъ нашими глазами, до понятія себя въ истинномъ значеніи. Еслибъ не было такъ, и намъ не пришло бы въ голову говорить объ этомъ. Всегда и вѣчно будетъ техническая часть отдѣльныхъ отраслей науки, которая очень справедливо останется въ рукахъ

спеціалистовъ,—но не въ ней дѣло. Наука въ высшемъ смыслѣ своемъ сдѣлается доступна людямъ, и тогда только она можетъ потребовать голоса во всѣхъ дѣлахъ жизни. Нѣтъ мысли, которую нельзя было бы высказать просто и ясно, особенно въ ея діалектическомъ развитіи. Буало правъ:

Tout ce que l'on conçoit bien s'annonce clairement
Et les mots pour le dire, arrive aisément.

Мы, улыбаясь, предвидимъ теперь смѣшное положеніе ученыхъ, когда они хорошенько поймутъ современную науку; ея истинные результаты до такой степени просты и ясны, что они будутъ скандализованы: „Какъ! неужели мы бились и мучились цѣлую жизнь, а ларчикъ такъ просто открывался“? Теперь еще они сколько нибудь могутъ уважать науку, потому что надобно имѣть нѣкоторую силу, чтобъ понять, какъ она *проста* и нѣкоторую сноровку, чтобъ узнавать ясную истину подъ плевою схоластическихъ выраженій, а они не догадываются объ ея простотѣ. Но если въ самомъ дѣлѣ истинная наука такъ проста, зачѣмъ же высшіе представители ея, напр. Гегель, говорили тоже труднымъ языкомъ? Гегель, не смотря на всю мощь и величіе своего генія, былъ тоже человѣкъ; онъ испыталъ паническій страхъ просто выговориться въ эпоху, выражавшуюся ломаннымъ языкомъ, такъ, какъ боялся идти до послѣдняго слѣдствія своихъ началъ; у него не достало геройства послѣдовательности, самоотверженія въ принятіи истины во всю ширину ея и чего бы она ни стоила. Величайшіе люди останавливались передъ очевиднымъ результатомъ своихъ началъ; иные, испугавшись, шли вспять, и, вмѣсто того, чтобъ искать ясности — затемняли себя. Гегель видѣлъ, что многимъ изъ

общепринятаго надобно пожертвовать: ему жаль было разить; но, съ другой стороны, онъ не могъ не высказать того, что̀ былъ призванъ высказать. Гегель часто, выведя начало, боится признаться во всѣхъ слѣдствіяхъ его и ищетъ *не простаго*, естественнаго, само собою вытекающаго результата, но еще, чтобъ онъ былъ въ ладу съ существующимъ; развитіе дѣлается сложнѣе, ясность затемняется. Присовокупимъ къ этому дурную привычку говорить языкомъ школы, которую онъ по неволѣ долженъ былъ пріобрѣсти, говоря всю жизнь съ нѣмецкими учеными. Но мощный геній его и тутъ прорывается во всемъ колоссальномъ своемъ величіи. Возлѣ запутанныхъ періодовъ, вдругъ одно слово, какъ молнія, освѣщаетъ безконечное пространство вокругъ, и душа ваша долго еще трепещетъ отъ громовыхъ раскатовъ этого слова и благоговѣетъ передъ высказавшимъ его. Нѣтъ укора отъ насъ великому мыслителю! Никто не можетъ стать на столько выше своего вѣка, чтобъ совершенно выйдти изъ него, и если современное поколѣніе начинаетъ проще говорить и рука его смѣлѣе открываетъ послѣднія завѣсы Изиды, то это именно потому, что гегелева точка зрѣнія у него впередъ шла, была побѣждена для него. Человѣкъ настоящаго времени стоитъ на горѣ и разомъ обнимаетъ обширный видъ; но проложившему дорогу на гору видъ этотъ раскрывался мало по малу. Когда Гегель взошелъ первый, ширина вида его подавила; онъ сталъ искать своей горы: ее не было видно на вершинѣ; онъ испугался; она слишкомъ тѣсно связалась со всѣми испытаніями его, со всѣми воспоминаніями, со всѣми судьбами, которыя онъ пережилъ; онъ хотѣлъ сохранить ее. Юное поколѣніе, легко взнесшее на мощныхъ раменахъ геніальнаго мыслителя, не имѣетъ уже къ горѣ

ни той любви, ни того уваженія: для него она *прошедшее.*

Когда юное возмужаетъ, когда оно привыкнетъ къ высотѣ, оглядится, почувствуетъ себя тамъ дома, перестанетъ дивиться широкому, безконечному виду и своей волѣ,—словомъ, сживется съ вершиной горы, тогда его истина, его наука выскажется просто, всякому доступно. *И это будетъ!*

1842. Ноябрь.

IV.

БУДДИЗМЪ ВЪ НАУКѢ

— Погубящій свою душу найдетъ ее.
— Вѣра безъ дѣлъ мертва.

Наука, сказали мы прежде, провозгласила всеобщее примиреніе въ сферѣ мышленія, и жаждавшіе примиренія раздвоились: одни отвергли примиреніе науки, не обсудивъ его, другіе приняли поверхностно и буквально; были и есть, само собою разумѣется, истинно понявшіе науку — они составляютъ македонскую фалангу ея, о которой мы не предположили себѣ говорить въ рядѣ этихъ статей. Потомъ, мы сдѣлали опытъ взгляуть на *непримиримыхъ* и видѣли, что по большей части имъ не позволяетъ больное и испорченное зрѣніе туда смотрѣть, куда слѣдуетъ, такъ видѣть какъ совершается, такъ понимать какъ сказано; личный недостатокъ въ органахъ зрѣнія переносится ими на зримое. Болѣзненность глаза не всегда свидѣтельствуетъ о слабости его;

иногда, съ нею вмѣстѣ соединяется чрезвычайная сила, но отклоненная отъ естественнаго отправленія своего. Теперь, обратимся къ *примиреннымъ*. Въ ихъ числѣ есть люди ненадежные, положившіе оружіе при первомъ выстрѣлѣ, принявшіе всѣ условія съ самоотверженіемъ, приводящимъ въ отчаяніе, съ подозрительною безпрекословностію. Мы ихъ назвали мухаммеданами въ наукѣ, но не оставимъ при нихъ этого названія, напоминающаго пестрыя и яркія картины Халифата и Алгамбры; ихъ несравненно вѣрнѣе можно назвать буддистами въ наукѣ *). Постараемся высказать нашу мысль о нихъ какъ можно яснѣе, безъ притязаній, простыми средствами разговорной рѣчи.

Наука не только провозгласила, но и сдержала слово; она дѣйствительно достигла примиренія *въ своей сферѣ*. Она явилась тѣмъ вѣчнымъ посредствомъ, которое сознаніемъ, мыслію снимаетъ противоположное, примиряетъ ихъ обличеніемъ ихъ единства, примиряетъ ихъ въ себѣ и собою, сознаніемъ себя правдой борющихся началъ. Требованіе было бы безумно, еслибъ вмѣнили ей въ обязанностъ совершить что нибудь внѣ своей сферы. Сфера науки—всеобщее, мысль, разумъ, *какъ самопознающій духъ*, и въ ней она исполнила главную часть своего призванія — за остальную можно поручиться. Она поняла, сознала, развила истину разума, какъ *предлежащей дѣйствительности;* она освободила мысль міра изъ событія міра, освободила все сущее отъ случайности,

*) Буддисты принимаютъ существованіе за истинное зло, ибо все существующее—призракъ. Верховное бытіе для нихъ — пустота безконечнаго пространства. Переходя изъ степени въ степень, они достигаютъ высшаго конечнаго блаженства несуществованія, въ которомъ находятъ полную свободу (Клапротъ). Какое родственное сходство!

распустила все твердое и неподвижное, прозрачнымъ сдѣлала темное, свѣтъ внесла въ мракъ, раскрыла вѣчное во временномъ, безконечное въ конечномъ и признала ихъ необходимое сосуществованіе; наконецъ, она разрушила китайскую стѣну, дѣлившую безусловное, истину отъ человѣка, и на развалинахъ ея водрузила знамя самозаконности разума. Останавливая человѣка на простомъ событіи чувственной достовѣрности, начавъ съ нимъ личныя умствованія, она развиваетъ въ немъ родовую идею, всеобщій разумъ, освобожденный отъ личности. Она требуетъ съ самаго начала жертвоприношенія личностію, закланія сердца — это ея conditio sine qua non. И какъ бы это ужасно ни казалось, она права; у науки одна сфера всеобщаго, мысли. Разумъ не знаетъ личности *этой;* онъ знаетъ одну необходимость личностей вообще; разумъ, какъ высшая справедливость, нелицепріятенъ. Оглашенный наукой долженъ пожертвовать своей личностью, долженъ ее понять не истиннымъ, а случайнымъ, и, свергая ее, со всѣми частными убѣжденіями взойти въ храмъ науки. Этотъ искусъ для однихъ слишкомъ труденъ, для другихъ слишкомъ легокъ. Мы видѣли, какъ дилеттантамъ наука недоступна, оттого, что между ими и наукой стоитъ ихъ личность; они ее удерживаютъ трепетной рукой и не подходятъ близко къ стремительному потоку ея, боясь, что быстрое движеніе волнъ унесетъ и утопитъ; а если и подходятъ, то забота самосохраненія не дозволяетъ ничего видѣть. Такимъ людямъ, наука не можетъ раскрыться, оттого, что они ей не раскрываются. Наука требуетъ всего человѣка, безъ заднихъ мыслей, съ готовностью все отдать и въ награду получить тяжелый крестъ *трезваго знанія.* Человѣкъ, который ничему не можетъ распахнуть груди своей, жалокъ; ему не одна

наука затворяетъ свою храмину; онъ не можетъ быть ни глубоко-религіознымъ, ни истиннымъ художникомъ, ни доблестнымъ гражданиномъ; ему не встрѣтить ни глубокой симпатіи друга, ни пламеннаго взгляда взаимной любви. Любовь и дружба — взаимное эхо; онѣ даютъ столько, сколько берутъ. Въ противоположность этимъ купцамъ и эгоистамъ нравственнаго міра, есть моты и расточители, не ставящіе ни во что ни себя, ни свое достояніе; радостно бѣгутъ они къ самоуничтоженію во всеобщемъ и при первомъ словѣ бросаютъ и убѣжденія свои и свою личность, какъ черное бѣлье. Но невѣста, которой они искали, своенравна; она потому не хочетъ брать душу этихъ людей, что они легко отдаютъ ее и не требуютъ назадъ,—напротивъ, довольны, что отдѣлались отъ нея. Она права: хороша личность, которую бросаютъ въ окошко! Но какъ же быть? погуби свою личность, а тамъ удерживай свою личность —логомахія новой кабалистики!

Личность погибла въ наукѣ; но неимѣетъ ли личность, сверхъ призванія въ сферу всеобщаго, инаго призванія, и если то призваніе лично, то оно не можетъ поглотиться наукой, именно потому, что она улетучиваетъ личное, обобщая его. Процессъ погубленія личности въ наукѣ есть процессъ становленія — въ сознательную, свободно-разумную личность изъ непосредственно-естественной; она пріостановлена для того, чтобъ вновь родиться. Вѣдь и парабола погибла въ уравненіи параболы, и цифра погибла въ формулѣ. Алгебра — логика математики; алгоритмъ ея представляетъ всеобщіе законы, результатъ и самое движеніе въ родовомъ, вѣчномъ, безличномъ видѣ. Но парабола только *притаилась* въ уравненіи, не умерла въ немъ, такъ какъ и цифра въ формулѣ. Для полученія дѣй-

ствительно сущаго результата, буква замѣняется цифрой, формула получаетъ живую особность, уносится въ міръ событій, изъ котораго вышла, движется и оканчивается практическимъ результатомъ, не уничтожая съ своей стороны формулу. Выкладка исполнила ее практическимъ одѣйствовореніемъ, и по прежнему, спокойная, царитъ въ сферѣ всеобщаго. Примѣры изъ формальной науки всегда способствуютъ къ уразумѣнію, если только мы не будемъ забывать, что спекулативная наука *не токмо* формальная, что ея формула исчерпываетъ и самое содержаніе. И такъ, личность, разрѣшающаяся въ наукѣ, не безвозвратно погибла: ей надобно пройдти чрезъ эту гибель, чтобъ убѣдиться въ невозможности ея. Личности надобно отречься отъ себя, для того, чтобъ сдѣлаться сосудомъ истины; забыть себя, чтобъ не стѣснять ея собою, принять истину со всѣми послѣдствіями и въ числѣ ихъ раскрыть непреложное право свое на возвращеніе самобытности. Умереть въ естественной непосредственности значитъ воскреснуть въ духѣ, а не погибнуть въ безконечномъ ничего, какъ погибаютъ буддисты. Эта побѣда надъ собою возможна и дѣйствительна, когда есть борьба; ростъ духа труденъ, какъ ростъ тѣла. То дѣлается нашимъ, что выстрадано, выработано; что даромъ свалилось, тому мы цѣны не знаемъ. Игроки бросаютъ деньги горстями. Стоило ли испытывать Авраама, еслибъ ему ничего не стоило убить Исаака? Здоровая, сильная личность не отдается наукѣ безъ боя; она даромъ не уступитъ шагу; ей ненавистно требованіе пожертвовать собою; но непреодолимая власть влечетъ ее къ истинѣ; съ каждымъ ударомъ человѣкъ чувствуетъ, что съ нимъ борется мощный, противъ котораго силъ не довлѣетъ: стеная, рыдая, отдаетъ онъ по клочку все свое, и сердце, и

душу. Такъ Одиссей, погибая въ волнахъ и цѣпляясь за скалы, прежде нежели спасся, орумянилъ ихъ своею кровью и оставилъ на нихъ куски своего мяса. Побѣдитель безпощаденъ, требуетъ всего — и побѣжденный отдаетъ все; но побѣдитель въ самомъ дѣлѣ не возьметъ: на что ему человѣческое? человѣку нужно было отдать, а не ему взять. Формалистамъ, вѣчно находящимся въ мірѣ отвлеченномъ, уступка личностью ничего не значитъ, и потому они черезъ такую уступку ничего не пріобрѣтаютъ; они забываютъ жизнь и дѣятельность: лиризмъ и страстность ихъ удовлетворяются отвлеченнымъ пониманіемъ, оттого имъ не стоитъ ни труда, ни страданій пожертвовать личнымъ благомъ своимъ. Имъ убить Исаака ничего не стоитъ. Формалисты науку *изучаютъ*, какъ нѣчто внѣшнее; до нѣкоторой степени они могутъ усвоивать себѣ ея остовъ, ея выраженія, полагая, что они приняли въ себя ея животворящую душу. Науку надобно прожить, чтобъ не формально усвоить ее себѣ. Переломившій ногу полнѣе и тверже всякаго врача знаетъ, какая именно боль при переломѣ. Пострадать феноменологію духа, исходить горячею кровью сердца, горькими слезами очей, худѣть отъ скептицизма, жалѣть, любить многое, много любить и все отдать истинѣ,—такова лирическая поэма воспитанія въ науку. Наука дѣлается страшнымъ вампиромъ, духомъ, котораго нельзя прогнать никакимъ заклинаніемъ, потому что человѣкъ вызвалъ его изъ собственной груди и ему *некуда* скрыться. Тутъ надобно оставить пріятную мысль благоразумно заниматься въ извѣстный часъ дня бесѣдой съ философами для образованія ума и украшенія памяти. Вопросы страшные безотходны: куда ни отвернется несчастный, они передъ нимъ, писанные огненными буквами Даніила, и тянутъ куда-то въ глубь.

и силъ нѣтъ противостоять чарующей силѣ пропасти, которая влечетъ къ себѣ человѣка загадочной опасностью своей. Змѣя мечетъ банкъ; игра, холодно начинающаяся съ логическихъ общихъ мѣстъ, быстро развертывается въ отчаянное состязаніе; всѣ заповѣдныя мечты, святыя, нѣжныя упованія, Олимпъ и Аидъ, надежда на будущее, довѣріе настоящему, благословеніе прошедшему, все послѣдовательно является на картѣ, и она, медленно вскрывая, безъ улыбки, безъ ироніи и участія, повторяетъ холодными устами: „убита.“ Что еще поставить? все проиграно; остается поставить себя; понтёръ ставитъ, и съ той минуты игра мѣняется. Горе тому, кто не доигрался до послѣдней таліи, кто остановился на проигрышѣ: или онъ падаетъ подъ тяжестію мучительнаго сомнѣнія, снѣдаемый алканіемъ горячей вѣры, или пріймет проигрышъ за выигрышъ и самодовольно примирится съ своимъ увѣчьемъ: первое —путь къ нравственному самоубійству, второе — къ бездушному атеизму. Личность, имѣвшая энергію себя поставить на карту, отдается наукѣ безусловно; но наука не можетъ уже поглотить такой личности, да и она сама по себѣ не можетъ уничтожиться во всеобщемъ — слишкомъ просторно. Погубящій душу *найдетъ ее.* Кто такъ дострадался до науки, тотъ усвоилъ ее себѣ не токмо какъ остовъ истины, но какъ живую истину, раскрывающуюся въ живомъ организмѣ своемъ; онъ дома въ ней, не дивится болѣе ни своей свободѣ, ни ея свѣту; но ему становится мало ея примиренія; ему мало блаженства спокойнаго созерцанія и видѣнія; ему хочется полноты упоенія и страданій жизни; ему хочется *дѣйствованія*, ибо одно дѣйствованіе можетъ вполнѣ удовлетворить человѣка. Дѣйствованіе сама личность. Когда Данте вступилъ въ свѣтлую область, въ которой

нѣтъ ни плача, ни воздыханія; когда онъ увидѣлъ безплотныхъ жителей рая, ему стало стыдно тѣни, брошаемой его тѣломъ. Ему, земному, не товарищи были эти свѣтлые, эѳирные, и онъ пошелъ опять въ нашу юдоль, опираясь на свой посохъ бездомнаго изгнанника: но теперь ужъ онъ не потеряетъ тропинки, не упадетъ середь дороги отъ устали и изнеможенія. Онъ пережилъ свое становленіе, выстрадалъ его; онъ блуждалъ по жизни и прошелъ мученіями ада; онъ лишался чувствъ отъ вопля и стона и раскрывалъ мутный, испуганный взоръ, вымаливая каплю утѣшенія, вмѣсто котораго снова стоны, e nuovi tormenti, e nuovi tormentati. Но онъ *дошелъ* до Люцифера, и тогда поднялся черезъ свѣтлое чистилище въ сферу вѣчнаго блаженства безплотной жизни, узналъ, что есть міръ, въ которомъ человѣкъ счастливъ, отрѣшенный отъ земли,— и воротился въ жизнь и понесъ ея крестъ.

Буддисты науки, такъ или сякъ поднявшись въ сферу всеобщаго—изъ нея не выходятъ. Ихъ калачомъ не заманишь въ міръ дѣйствительности и жизни. Кто имъ велитъ промѣнять обширную храмину, въ которой дѣлать нѣчего, а почетно,—на нашу жизнь съ ея бушующими страстями, гдѣ надобно работать, а иногда погибнуть. Одни тѣла, имѣющія удѣльный вѣсъ, тяжеле воды и тонутъ; щепы и солома важно плаваютъ по поверхности. Формалисты нашли примиреніе въ наукѣ, но примиреніе ложное; они больше примирились, нежели наука могла примирить; они не поняли *какъ* совершено примиреніе въ наукѣ; вошедши съ слабымъ зрѣніемъ, съ бѣдными желаніями, они были поражены свѣтомъ и богатствомъ удовлетворенія. Имъ понравилась наука такъ же неосновательно, какъ дилеттантамъ не понравилась. Они вообразили, что достаточно *знать* прими-

реніе, а одѣйствоворять его не нужно. Отступивъ отъ міра и разсматривая его съ отрицательной точки, имъ не захотѣлось снова взойдти въ міръ; имъ показалось достаточно знать, что хина лечитъ отъ лихорадки, для того, чтобъ вылечиться; имъ не пришло въ голову, что для человѣка наука — моментъ, по обѣимъ сторонамъ котораго жизнь: съ одной стороны стремящаяся къ нему —естественно-непосредственная, съ другой вытекающая изъ него — сознательно-свободная; они не поняли, что наука сердце, въ которое втекаетъ темная венозная кровь не для того, чтобъ остаться въ немъ, а чтобъ, сочетавшись съ огненнымъ началомъ воздуха, разлиться алой артеріальной кровью. Формалисты подумали, что пріѣхали въ пристань, въ то время, какъ въ самомъ дѣлѣ имъ слѣдовало отчаливать; они сложили руки, узнавъ въ чемъ дѣло, т. е. когда послѣдовательность заставляла ихъ раскрыть руки. Для нихъ, знаніе заплатило за жизнь и имъ ея больше не нужно: они узнали, что наука цѣль самой себѣ и вообразили, что наука исключительная цѣль человѣка. Примиреніе науки — снова начатая борьба, достигающая примиренія въ практическихъ областяхъ; примиреніе науки въ мышленіи, но „человѣкъ не токмо мыслящее, но и дѣйствующее существо“ *). Примиреніе науки всеобщее и отрицательное — оттого ей личность не нужна; положительное примиреніе можетъ только быть въ дѣяніи свободномъ, разумномъ, сознательномъ. Въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ личность сохранила необходимость проявленія ея въ дѣяніяхъ очевидца, въ религіи, напримѣръ, не одно

*) Это сказалъ Гёте; Гегель въ Пропедевтикѣ (томъ XVIII, § 63) говоритъ „слово не есть еще *дѣяніе*, которое *выше рѣчи*.“ И германцы стало понимали это.

возношеніе лицъ, но и нисхожденіе къ лицамъ, сохраненіе ихъ; въ ней вѣра признана мертвою безъ дѣлъ, любовь поставлена выше всего. Отвлеченная мысль есть безпрерывное произношеніе смертнаго приговора всему временному, казнь неправаго, вѣтхаго во имя вѣчнаго и непреходящаго; оттого, наука ежеминутно отрицаетъ воображаемую незыблемость существующаго. Дѣяніе сознательной любви творчески создательно. Любовь есть всеобщее прощеніе, снисходительное, прижимающее къ груди своей самое временное за слѣдъ вѣчнаго отпечатлѣннаго на немъ. Но чистыя отвлеченія не имѣютъ возможности существовать, противоположное находитъ мѣсто, вкрадывается и развивается въ домѣ врага своего; отрицаніе науки чревато съ перваго появленія положительнымъ. Эта скрытая положительность освобождается любовью, струится во всѣ стороны какъ теплотворъ, безпрерывно стремясь, найти условія осуществленія и выхода изъ области всеобщаго отрицанія въ область свободнаго дѣянія; когда наука достигаетъ высшей точки, она естественно переходитъ самое себя. Въ наукѣ, мышленіе и бытіе примирены; но условія мира дѣланы мыслію—полный миръ въ дѣяніи. „Дѣяніе есть живое единство теоріи и практики“ сказалъ слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ величайшій мыслитель древняго міра *). Въ дѣяніи, разумъ и сердце поглотились одѣйствовореніемъ, исполнили въ мірѣ событій находившееся въ возможности. Мірозданіе, исторія не вѣчные ли дѣянія? Дѣяніе отвлеченнаго разума — мышленіе уничтожающее личность; человѣкъ безконеченъ въ немъ, но теряетъ себя; онъ вѣченъ въ мысли—*но онъ не онъ;* дѣяніе отвлеченнаго сердца, частный поступокъ, не имѣ-

*) Аристотель.

ющій возможности раскрыться во всеобщее; въ сердцѣ человѣкъ у себя—но преходящь. Въ разумномъ, нравственно-свободномъ и страстно-энергическомъ дѣяніи, человѣкъ достигаетъ дѣйствительности своей личности и увѣковѣчиваетъ себя въ мірѣ событій. Въ такомъ дѣяніи, человѣкъ вѣченъ во временности, безконеченъ въ конечности, представитель рода и самого себя, *) живой и сознательный органъ своей эпохи.

Истина, высказанная нами, далека отъ того, чтобъ быть сознанною. Могущественнѣйшіе и величайшіе представители современнаго человѣчества поняли мысль и дѣяніе разно и односторонно. Степенная, глубоко чувствующая и созерцающая Германія опредѣлила себѣ человѣка какъ мышленіе, науку признала цѣлью и нравственную свободу поняла только какъ внутренное начало. Она никогда не имѣла вполнѣ развитаго смысла практической дѣятельности; обобщая каждый вопросъ, она выходила изъ жизни въ отвлеченія и оканчивала одностороннимъ разрѣшеніемъ. Саванарола, слѣдуя инстинкту жизни романскихъ народовъ, сдѣлался главою политической партіи **). Германскіе реформаторы, уничтоживъ въ половинѣ Германіи католицизмъ, не выступили изъ области теологіи и схоластическихъ споровъ; фазы новой французской исторіи повторялись въ Германіи въ области науки и отчасти искусства. Германи-

*) Надъ этими выраженіями посмѣются наши люстихи; не будемъ такъ робки, пусть люстихи посмѣются, на то они люстихи. Смѣхъ для нихъ вознагражденіе непониманью; изъ человѣколюбія надобно имъ предоставить такой дешевый *реваншъ*.

**) „Романскіе народы имѣютъ характеристику рѣзче германцевъ, они опредѣленныя цѣли свои исполняютъ съ чрезвычайной твердостью, обдуманностью и ловкостью.“

Philosophie der Geschichte. p. 422. tome IX.

ческій міръ имѣетъ самъ въ себѣ и противоположное направленіе, также отвлеченное и односторонное. Англія одарена величайшимъ смысломъ жизни и дѣятельности: но всякое дѣяніе ея есть частное; общечеловѣческое у Британца превращается въ національное; всеобъемлющій вопросъ сводится на мѣстный. Англія моремъ отдѣлена отъ человѣчества и, гордая своей замкнутостью. не раскрываетъ своей груди интересамъ материка; Британецъ никогда не отступится отъ своей личности; онъ знаетъ великую заслугу свою, то неприкосновенное величіе, тотъ нимбъ уваженія, которымъ онъ окружилъ именно идею личности. Заснувшіе народы Италіи и вновь выступающіе испанцы не заявили никакихъ правъ на поприще, о которомъ мы говоримъ. Остаются два народа, на которые невольно обращается взглядъ. Съ одной стороны, Франція—самымъ счастливымъ образомъ поставленная относительно европейскаго міра, сбѣгающагося въ ней, опираясь на край романизма, и соприкасающаяся со всѣми видами германизма отъ Англіи, Бельгіи до странъ, прилегающихъ Рейну; романо-германская сама, она какъ будто призвана примирить отвлеченную практичность средиземныхъ народовъ съ отвлеченной умозрительностью за-рейнской, поэтическую нѣгу солнечной Италіи съ индустріальной хлопотливостью туманнаго острова. Доселѣ, Франція и Германія не понимали другъ друга вполнѣ; разное волновало ихъ, разное влекло ихъ, одни и тѣ же предметы выражались иными языками; весьма недавно, они узнали другъ друга: ихъ познакомилъ Наполеонъ и, послѣ взаимныхъ посѣщеній, когда улеглись страсти вмѣстѣ съ пороховымъ дымомъ, онѣ съ уваженіемъ склонились другъ передъ другомъ и признали другъ друга. Но истиннаго единенія нѣтъ. Наука Германіи упорно не переплываетъ

Рейна; бѣглый умъ француза предупреждаетъ діалектическое развитіе, хватаетъ изъ середины какую нибудь мысль и торопится осуществить ее. Грядущему предлежитъ разрѣшить: на сколько Франція можетъ быть органомъ примиренія науки и жизни; впрочемъ, не надобно ошибаться, принимая слишкомъ рѣзко противоположность Франціи и Германіи; она часто совершенно внѣшняя. Франція своимъ путемъ дошла до заключеній очень близкихъ къ заключеніямъ науки германской, но не умѣетъ перенести ихъ на всеобщій языкъ науки; такъ какъ Германія не умѣетъ языкомъ жизни повторить логику. И сверхъ того, наука германская искони пользовалась Франціей. Не говоря о Декартѣ, вліяніе энциклопедистовъ было очень сильно; ей никогда не достигнуть бы своей зрѣлости безъ фактическаго обилія разработаннаго по всѣмъ отраслямъ во Франціи. Съ другой стороны, можетъ, тутъ раскроется великое призваніе бросить нашу сѣверную гривну въ хранилищницу человѣческаго разумѣнія; можетъ, мы, маложившіе въ быломъ, явимся представителями дѣйствительнаго единства науки и жизни, слова и дѣла. Въ исторіи, поздно приходящимъ не кости а сочные плоды. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ характерѣ есть нѣчто, соединяющее лучшую сторону французовъ съ лучшей стороной германцевъ. Мы несравненно способнѣе къ наукообразному мышленію, нежели французы и намъ рѣшительно невозможна мѣщански-филистерская жизнь нѣмцевъ; въ насъ есть что-то gentlemanlike, чего именно нѣтъ у нѣмцевъ, и на челѣ нашемъ проступаетъ слѣдъ величавой мысли, какъ-то не сосредоточивающейся на челѣ француза.

Но не будемъ забѣгать въ будущее и возвратимся. Философы Германіи какъ-то провидѣли, что дѣяніе а не наука, цѣль человѣка. Это была часто геніальная

пророческая непослѣдовательность, насильно врывавшаяся въ безстрастныя и суровыя логическія построенія. Самъ Гегель болѣе намекнулъ, нежели развилъ мысль о дѣяніи. Это дѣло не его эпохи, — дѣло эпохи имъ порожденной. Гегель, раскрывая области духа, говоритъ о искусствѣ, наукѣ, и забываетъ практическую дѣятельность, вплетенную во всѣ событія исторіи. Но рядъ мыслителей Германіи, замыкающійся Гегелемъ, не должно ставить на одну доску съ настоящими формалистами. Они не имѣли иныхъ требованій, кромѣ потребности вѣденія, но это было своевременно; они труженически разработали для человѣчества путь науки; для нихъ примиреніе въ наукѣ было наградой; они имѣли право, по историческому мѣсту своему, удовлетвориться во всеобщемъ; они были призваны свидѣтельствовать міру о совершившемся самопознаніи и указать путь къ нему: въ этомъ состояло *ихъ дѣяніе*. Мы совсѣмъ не въ томъ положеніи; для насъ жизнь въ отвлеченно-всеобщихъ сферахъ несвоевременность, личная охота. Всякая восходящая сфера имѣетъ притязаніе на исключительное господство и безусловное значеніе; вѣра въ него — главнѣйшее условіе успѣха, но дальнѣйшее развитіе во времени необходимо переходитъ мнимо-безусловную сферу и эта необходимость перехода гораздо съ большей справедливостью можетъ казаться безусловной. Гегель чрезвычайно-глубокомысленно сказалъ: „понять *то, что есть*—задача философіи, ибо *то, что есть*—разумъ. Какъ всякая личность *произведеніе своего времени*, такъ философія есть въ *мысляхъ схваченная эпоха;* нелѣпо предположить, что какая нибудь философія переходила свой современный міръ“ *). Задача

*) Philosophie des Rechts, Vorrede. Курсивомъ напечатанное, подчеркнуто въ текстѣ.

реформаціоннаго міра была понять, но понятіемъ не замыкается воля. Философы забыли о положительной дѣятельности. Бѣды въ этомъ не было. Практическія сферы вовсе не лишены языка; онѣ заявили свой голосъ, когда время пришло. Оно пришло быстро; человѣчество несется теперь какъ по желѣзной дорогѣ. Годы вѣка. Едва прошло десять лѣтъ послѣ смерти Гёте и Гегеля, величайшихъ представителей искусства и науки, какъ самый Шеллингъ, увлеченный новымъ направленіемъ, сталъ дѣлать совершенно иныя требованія, нежели съ которыми явился проповѣдывать науку въ началѣ XIX вѣка. Ренегатство Шеллинга во всякомъ случаѣ событіе важное и многозначительное. Шеллингъ болѣе обладаетъ поэтическимъ созерцаніемъ, чѣмъ діалектикой, и именно какъ Vates онъ испугался океана всеобщаго, готовившагося поглотить весь потокъ умственной дѣятельности; онъ поспѣлъ вспять, не сладивши съ послѣдствіями своихъ началъ, и вышелъ изъ современности, указывая на больное мѣсто. Во всей германской атмосферѣ, носятся новые вопросы о жизни и наукѣ — это очевидный фактъ въ журналистикѣ, въ изящныхъ произведеніяхъ, въ книгахъ. Забытая въ наукѣ личность потребовала своихъ правъ, потребовала жизни, трепещущей страстями и удовлетворяющейся однимъ творческимъ, свободнымъ дѣяніемъ. Послѣ отрицанія, совершеннаго въ сферѣ мышленія, она захотѣла отрицаній въ другихъ сферахъ: необходимость личности обличилась. Человѣкъ требуетъ ее, а наука, взявшая все, признаетъ это право; она не удерживаетъ, она благословляетъ въ жизнь личную, въ жизнь свободнаго дѣянія во имя абсолютной безличности.

Да, наука есть царство безличности, успокоенное отъ страстей, почившее въ величайшемъ самопознаніи,

озаренное всепроникающимъ свѣтомъ разума — царство идеи. Не мертвое, не остылое какъ трупъ, но покойное въ самомъ движеніи своемъ какъ океанъ. Въ наукѣ, сонмъ Олимпійцевъ, а не люди; *матери,* къ которымъ ходилъ Фаустъ. Въ наукѣ, истина облеченная не въ вещественное тѣло, а въ логическій организмъ, живая архитектоникой діалектическаго развитія, а не эпопеей временнаго бытія; въ ней законъ — мысль исторгнутая, спасенная отъ бурь существованія, отъ возмущеній внѣшнихъ и случайныхъ; въ ней раздается симфонія сферъ небесныхъ и каждый звукъ ея имѣетъ въ себѣ вѣчность, потому что въ немъ была необходимость, потому что случайный стонъ временнаго не достигаетъ такъ высоко. Мы согласны съ формалистами, наука *выше* жизни, но въ этой высотѣ свидѣтельство ея односторонности; конкретно истинное не можетъ быть ни выше, ни ниже жизни, оно должно быть въ самомъ средоточіи ея, какъ сердце въ срединѣ организма. Отъ того, что наука выше жизни, ея область отвлеченна, *ея полнота не полна.* Живая цѣлость состоитъ не изъ всеобщаго, снявшаго частное, но изъ всеобщаго и частнаго взаимно другъ въ друга стремящихся и другъ отъ друга отторгающихся; ея нѣтъ ни въ какомъ моментѣ, ибо всѣ моменты ея; какъ бы ни казались самобытны и исчерпывающи иныя опредѣленія, они таютъ отъ огня жизни и вливаются, теряя односторонность свою въ широкій, всепоглащающій потокъ... Разумъ сущій прояснилъ для себя въ наукѣ, свелъ свои счеты съ прошедшимъ и настоящимъ,— но осуществиться будущему надобно не въ одной всеобщей сферѣ. Въ ней будущности собственно нѣтъ, потому что она предузнана, какъ неминуемое логическое послѣдствіе, но такое осуществленіе бѣдно своей отвлеченностью; мысль должна принять плоть,

сойти на торжищѣ жизни, раскрыться со всею роскошью и красотой временнаго бытія, безъ котораго нѣтъ животрепещущаго, страстнаго, увлекательнаго дѣянія.

Warum bin ich vergänglich, o Zeus? so fragte die Schönheit.
Macht ich doch, sagte der Gott, nur das Vergängliche shön.
GOETHE.

Наука не только сознала свою самозаконность, но себя сознала закономъ міра; переводя его въ мысль, она отреклась отъ него какъ отъ сущаго, улетучила его своимъ отрицаніемъ, противъ дыханія котораго ничто фактическое несостоятельно. Наука разрушаетъ въ области положительно-сущаго и созидаетъ въ области логики — таково ея призваніе. Но человѣкъ призванъ не въ одну логику — а еще въ міръ соціально-историческій, нравственно-свободный и положительно-дѣятельный; у него не одна способность отрѣшающагося пониманья, но и воля, которую можно назвать разумомъ положительнымъ, разумомъ творящимъ; человѣкъ не можетъ отказаться отъ участія въ человѣческомъ дѣяніи, совершающемся около него; онъ долженъ дѣйствовать въ своемъ мѣстѣ, въ своемъ времени — въ этомъ его всемірное призваніе, это *его* conditio sine qua non. Личность, выходящая изъ науки, не принадлежитъ болѣе ни частной жизни исключительно, ни исключительно всеобщимъ сферамъ; въ ней сочетались частное и общее въ единичности гражданскаго лица. Примирившись въ наукѣ — онъ жаждетъ примиренія въ жизни; но для этого надобно творчески одѣйствоворить нравственную волю во всѣхъ практическихъ сферахъ.

Вина буддистовъ состоитъ въ томъ, что они не чувствуютъ потребности этого выхода въ жизнь — дѣйстви-

тельнаго осуществленія идеи. Они примиреніе науки принимаютъ *за всяческое* примиреніе; не за поводъ къ дѣйствованію, а за совершенное, замкнутое удовлетвореніе. А тамъ хоть трава не рости за переплетомъ книги. Они все снесутъ за пустоту всеобщности. Буддисты индійскіе стремятся *цѣлью бытія* купить свободу въ Буддѣ. Будда для нихъ именно отвлеченная безконечность, ничего. Наука покорила человѣку міръ, больше — покорила исторію не для того, чтобъ онъ могъ отдыхать. Всеобщность, удерживаемая въ своей отвлеченности, всегда ведетъ къ сонному уничтоженію дѣятельности, таковъ индійскій квіэтизмъ. Гранитный міръ событій, подвергаясь огненной струѣ отрицанія, не имѣетъ силы противостоять и низвергается растопленной каскадой въ океанъ науки. Но человѣкъ долженъ переплыть океанъ для того, чтобъ снова начать дѣйствованіе въ иномъ свѣтѣ, въ обѣтованной Атлантидѣ. Начать не инстинктомъ, не по внѣшнимъ наталкиваніямъ, не съ скорбнымъ метаньемъ во всѣ стороны, не съ темнымъ предчувствіемъ, а съ полной нравственной свободой. Человѣкъ не можетъ примириться, пока все окружающее не приведено въ согласіе съ нимъ. Формалисты довольствуются тѣмъ, что выплыли въ море-качаются на поверхности его, не плывутъ ни куда и оканчиваютъ тѣмъ, что обхватываются льдомъ, не замѣчая того; наружно для нихъ тѣ же стремящіяся прозрачныя волны — но въ самомъ дѣлѣ это мертвый ледъ, укравшій очертанія движенія, живая струна замерла сталактитомъ, все окоченѣло. Формалисты сами приняли характеръ льда и нанесли ужасный вредъ наукѣ, говоря ея языкомъ и высказывая безжалостные приговоры свои, отъ которыхъ вѣетъ полярной стужей; весь блескъ ихъ рѣчи—блескъ льда, водяной, мертвой,

по которому лучъ солнца скользитъ, но не грѣетъ, который скорѣе уничтожится, нежели пріймет теплоту. Слушавшіе содрогнулись, замѣтивъ отсутствіе любви у большой части берлинскихъ и иныхъ корифеевъ формализма, этихъ *талмудистовъ* новой науки. Взявъ однѣ буквы, одни слова, они ими заглушили всякое состраданіе, всякое теплое сочувствіе. Они намѣренно, съ усиліями поднялись на точку равнодушія ко всему человѣческому, считая ее за истинную высоту: имъ не всегда надобно вѣрить, что они безъ сердца — они часто прикидываются такими (новаго рода captatio benevolentiæ). Формальныя разрѣшенія принимаются ими всегда и вездѣ за дѣйствительныя. Имъ казалось, что личность дурная привычка, отъ которой пора отстать; они проповѣдывали примиреніе со всей темной стороной современной жизни, называя все случайное, ежедневное, отжившее, словомъ все, что ни встрѣтится на улицѣ, *дѣйствительнымъ* и слѣдственно имѣющимъ право на признаніе; такъ поняли они великую мысль, „что все дѣйствительное разумно“; они всякій благородный порывъ клеймили названіемъ Schönseeligkeit, не усвоивъ себѣ смысла, въ которомъ слово это употреблено ихъ учителемъ *). Если присовокупимъ къ этимъ результатамъ напыщенный и нелѣпый языкъ, надменность ограниченности, то отдадимъ справедливость вѣрному такту общества, смотрѣвшаго съ недовѣріемъ на этихъ фигляровъ науки. Гегель гдѣ только могъ просилъ, умолялъ опасаться формализма**), доказывалъ, что самое истин-

*) „Есть болѣе полный миръ съ дѣйствительностію, доставляемый познаніемъ ея, нежели отчаянное сознаніе, что временное дурно или неудовлетворительно, но что съ нимъ слѣдуетъ примириться, потому что оно лучше не можетъ быть.“ Philosophie des Rechts.

**) Напримѣръ, во всемъ предисловіи въ Феноменологіи.

ное опредѣленіе, взятое въ его завинченности, буквальности, доведетъ до бѣдъ, бранился наконецъ — ничего не помогало. Они его-то фразы и свинтили, его-то и поняли буквально. Они не могутъ привыкнуть къ вѣчному движенію истины, не могутъ разъ на всегда признать, что всякое положеніе отрицается въ пользу высшаго, и что только въ преемственной послѣдовательности этихъ положеній, бореній и снятій проторгается живая истина, что это ея змѣиныя шкуры, изъ которыхъ она выходитъ свободнѣе и свободнѣе. Они (не смотря на то, что толкуютъ о чемъ-то подобномъ) не могутъ привыкнуть, что въ развитіи науки нѣ на что опереться, что одно спасеніе въ быстромъ, стремительномъ движеніи. Они цѣпляются за каждый моментъ, какъ за истину; какое нибудь односторонное опредѣленіе принимаютъ за всѣ опредѣленія предмета, имъ надобно сентенціи, готовыя правила, пробравшись до станціи они—смѣшно-довѣрчивые—полагаютъ всякій разъ, что достигли абсолютной цѣли и располагаются отдыхать. Они строго держатся текста — и оттого не могутъ усвоить себѣ его. Мало понимать то, что сказано, что написано; надобно понимать то, что свѣтится въ глазахъ, что вѣетъ между строкъ, надобно такъ усвоить себѣ книгу, чтобъ выйти изъ нея. Такъ понимаетъ *живущій* науку; пониманье есть обличеніе однородности, которая предсуществуетъ. Наука живому передается жизненно, формалисту—формально. Посмотрите на Фауста и его фамулуса: Фаусту наука жизненный вопросъ „быть или не быть“; онъ можетъ глубоко падать, унывать, впадать въ ошибки, искать всякихъ наслажденій, но его натура глубоко проникаетъ за кору внѣшности, его ложь имѣетъ болѣе истины въ себѣ нежели плоская, непогрѣшительная правда Вагнера. Трудное Фаусту лег-

ко Вагнеру. Вагнеръ удивляется какъ Фаустъ не понимаетъ простыхъ вещей. Надо имѣть много ума, чтобъ не понять инаго. Вагнера наука не мучитъ, напротивъ утѣшаетъ, успокоиваетъ, отраду въ скорби подаетъ. Онъ покой свой купилъ на мѣдные гроши, оттого, что онъ не безпокоился собственно никогда. Гдѣ онъ видѣлъ единство, примиреніе, разрѣшеніе и улыбался, тамъ Фаустъ видѣлъ расторженіе, ненависть, усложнившійся вопросъ — и страдалъ.

Каждый занимающійся *проходитъ* черезъ формализмъ, это одинъ изъ моментовъ становленья; но имѣющій живую душу проходитъ, а формалистъ остается; для одного формализмъ ступень, для другаго цѣль. Такъ природа, достигая совершенія своего въ человѣкѣ, останавливается на каждой попыткѣ, увѣковѣчивая ее родомъ, вѣчно свидѣтельствующимъ о пройденномъ моментѣ, который для него высшая, единая форма бытія. Но ни природа, ни наука не могли удовлетвориться, не дойдя до послѣднихъ слѣдствій, заключенныхъ въ ихъ понятіи. Природа перешла себя въ человѣкѣ, или наступила себѣ на грудь. Наука нынѣче представляетъ то же зрѣлище: она достигла высшаго призванія своего; она явилась солнцемъ всеосвѣщающимъ, разумомъ факта и слѣдственно оправданіемъ его; но она не остановилась, не сѣла отдыхать на тронѣ своего величія; она перешла свою высшую точку и указываетъ путь изъ себя въ жизнь практическую, сознаваясь, что въ ней не весь духъ человѣческій исчерпанъ, хотя и весь понятъ. Она этимъ погруженіемъ въ жизнь не потеряетъ своего трона; однажды побѣжденное въ этихъ сферахъ—побѣждено на вѣки; но и человѣкъ не потеряетъ въ ней остальныхъ обителей жизни. Правовѣрные буддисты больше самой науки за науку, они рѣ-

шились умереть, защищая единодержавное владычество ея надъ жизнію. „Наука есть наука и единый путь ея абстракція“ это стихъ ихъ Корана. Они на все отвѣчаютъ громкими словами и вмѣсто того, чтобъ наполнить въ самомъ дѣлѣ пропасти, дѣлящія сферы отвлеченныя отъ дѣйствительныхъ, противорѣчія въ жизни и мышленіи прикрываютъ ихъ легкими тканями искусственной діалектической *фіоритуры*. Растягивать все сущее на одръ формализма не трудно для тѣхъ, кто не внемлетъ никакому протесту со стороны сущаго. Профаны дивятся иногда какъ самые странные факты, чрезвычайныя явленія легко покоряются у формалистовъ общимъ законамъ, дивятся — а между тѣмъ чувствуютъ, что при этомъ сдѣланъ какой-то фокусъ — изумительный, но непріятный для того, кто ищетъ добросовѣстнаго и дѣльнаго отвѣта. Формалистовъ, съ грѣхомъ пополамъ, можно оправдать только тѣмъ, что они себя первыхъ обманываютъ своими фокусами. Вольтеръ разсказываетъ, какъ докторъ увѣрялъ зрячаго, что онъ слѣпъ, доказывая ему, что неразумный фактъ его зрѣнія нисколько не противорѣчитъ его выводу, и что онъ все таки принимаетъ его за слѣпаго. Такъ новые буддисты разговаривали съ Германцами до тѣхъ поръ, пока, не смотря на всю тихую и добрую натуру свою, нѣмцы догадались въ чемъ дѣло. А дѣло въ томъ, что факты имъ и не покоряются вовсе. Они, какъ китайскій императоръ, считаютъ себя владѣтелями всего земнаго шара, что однакожь не мѣшаетъ всему земному шару за исключеніемъ Китая, вовсе не зависѣть отъ него.

Дилеттанты, находящіеся внѣ науки, могутъ иногда образумиться и въ самомъ дѣлѣ заняться наукой, по крайней мѣрѣ могутъ *оставаться въ подозрѣніи*, что съ

ними случится такой переворотъ. Формалистовъ въ этомъ никакъ заподозрить нельзя, они удовлетворились, покойны, дальше идти не могутъ; они не знаютъ и не могутъ себѣ представить, что есть дальше. Неизлѣчимо отчаянное положеніе ихъ состоитъ въ этомъ чрезвычайномъ довольствѣ; они совсѣмъ примирились; ихъ взглядъ выражаетъ спокойствіе, немного стеклянное, но невозмущаемое изнутри; имъ осталось почивать и наслаждаться, прочее все сдѣлано или сдѣлается само собою. Имъ удивительно, о чемъ люди хлопочутъ, когда все объяснено, сознано и человѣчество достигло *абсолютной* формы бытія*)—что доказано ясно тѣмъ, что современная философія есть абсолютная философія, а наука всегда является тожественною эпохѣ — но какъ ея результатъ, т. е. по совершеніи въ бытіи. Для нихъ такое доказательство неопровержимо. Фактами ихъ не смутишь — они пренебрегаютъ ими. Спросите ихъ, отчего при этой абсолютной формѣ бытія въ Манчестерѣ и Бирмингамѣ работники мрутъ съ голоду или прокармливаются на столько, на сколько нужно, чтобъ они не потеряли силъ. Они скажутъ, что это случайность. Спросите ихъ, какъ они слово абсолютное привязываютъ къ развивающимся событіямъ, къ сферамъ, которыя своимъ движеніемъ впередъ доказываютъ свою неабсолютность. „Да такъ сказано въ такомъ-то и такомъ то параграфѣ.“ Для нихъ и это доказательство, а въ какомъ смыслѣ принято слово въ этихъ параграфахъ —объ этомъ нѣчего и хлопотать. Раскрыть глаза формалистовъ трудно; они рѣшительно, какъ буддисты,

*) Это не выдумка, а сказано въ байергоферовой „Исторіи Философіи. (Die Idee und Geschichte der Philosophie, von Bayerhoffer. Leipzig. 1838. Послѣдняя глава).

мертвое уничтоженіе въ безконечномъ считаютъ свободой и цѣлью — и чѣмъ выше поднимаются въ морозныя сферы отвлеченій, отрываясь отъ всего живаго, тѣмъ покойнѣе себя чувствуютъ. Такъ эгоисты доставляютъ себѣ своего рода спокойное счастіе, заглушая всѣ человѣческія чувства, удаляя отъ себя все непріятное, огорчительное. Но для эгоизма, какъ для формализма, надобно родиться. Всякій можетъ отвернуться отъ картины страданій, но не всякій перестаетъ стонать отъ этого. Гегель (подъ фирмою котораго идутъ всѣ нелѣпости формалистовъ нашего времени, такъ какъ подъ фирмой Фарина продается одеколонь, дѣлаемый на всѣхъ точкахъ нашей планеты) вотъ какъ говоритъ о формализмѣ:*) „Нынѣче главный трудъ состоитъ не въ томъ, чтобъ очистить отъ чувственной непосредственности лицо и развить его въ мыслящую сущность, но болѣе въ противоположномъ, въ одѣйствовореніи всеобщаго чрезъ снятіе отвердѣлыхъ, опредѣленныхъ мыслей. Но гораздо труднѣе сдѣлать текучими твердыя мысли, нежели чувственную вещественность.....“ Формализмъ принимаетъ отвлеченную всеобщность за безусловное; онъ увѣряетъ, что быть не удовлетвореннымъ ею, доказываетъ неспособность подняться на безусловную точку зрѣнія и держаться на высотѣ ея. Онъ все приписываетъ всеобщей идеѣ въ ея недѣйствительной формѣ и принимаетъ за спекулативность бросанье и низверженье всего въ пропасть этой страшной пустоты. Разсматриваніе чего либо сущаго въ безусловномъ сводится на то, что въ немъ все одинаково, и безусловное дѣлается такимъ образомъ ночью, въ которой всѣ коровы черныя. Если нѣкогда людямъ показалось возмутительно принять без-

*) Phenomenloogie. Vorrede.

условное за субстанцію, то долею основа этого отвращенія лежала въ инстинктуальномъ прозрѣніи, что самопознаніе потеряно, а не сохранено въ субстанціи; обратное воззрѣніе, останавливающее мышленіе, какъ мышленіе, всеобщее какъ таковое, есть опять безразличная, неподвижная субстанціальность. Даже, если мышленіе соединяетъ бытіе субстанціи съ собою и непосредственное воззрѣніе (das Anschauen) постигаетъ, какъ мышленіе, то и тутъ все зависитъ отъ того, не впадаетъ ли это умозрѣніе въ лѣнивое однообразіе, и не представится ли дѣйствительность не дѣйствительнымъ образомъ. Въ Философіи Права Гегель говоритъ: „между самопознаніемъ и дѣйствительностію всего чаще становится отвлеченность, не освободившаяся въ понятіе.“ Читая эти и подобныя мѣста, съ изумленіемъ спрашиваешь, какъ добрые люди всю жизнь читаютъ Гегеля и не понимаютъ. Человѣкъ читаетъ книгу, но понимаетъ собственно то, что въ его головѣ. Это зналъ тотъ китайскій императоръ, который учившись у миссіонера математикѣ, послѣ всякаго урока благодарилъ, что онъ *напомнилъ* ему забытыя истины, которыя онъ не могъ не знать, будучи par métier всезнающимъ сыномъ неба. Въ самомъ дѣлѣ такъ. Читая Гегеля, только то понимаютъ, что онъ напоминаетъ, то, что неразвито предсуществовало чтенію. Дѣло книги собственно акушерское дѣло — способствовать, облегчить рожденіе, но что родится, за это акушеръ не отвѣчаетъ. Не надобно, впрочемъ, думать, чтобъ Гегель самъ не впадалъ много разъ въ *нѣмецкую* болѣзнь, состоящую въ признаніи вѣдѣнія послѣдней цѣлью всемірной исторіи. Онъ это гдѣ-то прямо сказалъ*). Мы говорили въ третьей статьѣ о

*) Помнится въ „Исторіи Философіи.“

томъ, что Гегель часто непослѣдователенъ своимъ началамъ. Никто не можетъ стать выше своего времени. Въ немъ наука имѣла величайшаго представителя; доведя ее до крайней точки—онъ нанесъ ея могуществу какъ исключительному, можетъ нѣхотя, сильный ударъ, ибо каждый шагъ впередъ долженствовалъ быть шагомъ въ практическія сферы. Ему лично довлѣло знаніе и потому онъ не сдѣлалъ этого шага. Наука была для германо-реформаціоннаго міра то, что искусство для эллинскаго. Но ни искусство, ни наука въ своей исключительности не могли служить полнымъ успокоеніемъ и отвѣтомъ на всѣ требованія. Искусство представило, наука поняла. Новый вѣкъ требуетъ совершить понятое въ дѣйствительномъ мірѣ событій. Геніальная натура Гегеля безпрерывно порывала путы, накладываемыя духомъ времени, воспитаніемъ, привычкой, образомъ жизни, званіемъ професссора. Посмотрите, какъ торжественно развертывается у него философія права; не фразу, не выраженіе намѣрены мы указать, а внутреннюю настоящую мысль, душу книги. Области отвлеченнаго права разрѣшаются, снимаются міромъ нравственности, царствомъ нормъ, правомъ просвѣтленнымъ для себя. Но Гегель этимъ не оканчиваетъ, а устремляется съ высоты идеи права въ потокъ всемірной исторіи, въ океанъ исторіи. Наука права совершается, вѣнчается, выходитъ изъ себя. Процессъ развитія личности тотъ же самый. Мутныя индивидуальности, вырабатываясь изъ естественной непосредственности, туманомъ поднимаются въ сферу всеобщаго и просвѣтленныя солнцемъ идеи разрѣшаются въ безконечной лазури всеобщаго; но они не уничтожаются въ ней, принявъ въ себя всеобщее, они низвергаются благодатнымъ дождемъ, чистыми кристальными каплями на прежнюю землю. Все

величіе возвращенной личности состоитъ въ томъ, что она сохранила оба міра, что она родъ и недѣлимое вмѣстѣ, что она *стала* тѣмъ, чѣмъ родилась или лучше, къ чему родилась—сознательною связью обоихъ міровъ; что она постигла свою всеобщность и сохранила единичность. Развитая такимъ образомъ личность, самое вѣдѣніе принимаетъ за непосредственность *высшаго порядка,* а не за совершеніе судебъ. Возвращеніе есть діалектическое движеніе столь же необходимое, какъ восхожденіе. Пребываніе во всеобщемъ—покой, то есть смерть; жизнь идеи есть „вакхическое опьянѣніе, въ которое все увлечено, безпрерывное возникновеніе и уничтоженіе никогда не останавливающееся и спокойное только въ этомъ движеніи.“ Еще разъ, всеобщее не есть полная истина, а одна фаза ея, въ которой частное распустилось, а процессъ перехода уже совершился. Всеобщее представляетъ довременный или послѣвременный покой, но идея не можетъ пребывать въ покоѣ, она сама собою выходитъ изъ области всеобщаго въ жизнь.

Полное trio, согласное и величественное, звучитъ только во всемірной исторіи, только въ ней живетъ идея полнотою жизни—внѣ ея отвлеченности, стремящіяся къ полнотѣ, алкающія другъ друга. Непосредственность и мысль, два отрицанія, разрѣшающіяся въ дѣяніи исторіи. Единое для того расторгнулось въ противоположное, чтобъ соединиться въ исторіи. Природа и логика сняты и осуществлены ею. Въ природѣ все частно, индивидуально, врозь суще, едва обнято вещественною связью; въ природѣ идея существуетъ тѣлесно, безсознательно, подчиненная закону необходимости и влеченіямъ темнымъ, не снятымъ свободнымъ разумѣніемъ. Въ наукѣ, совсѣмъ напротивъ; идея существуетъ

въ логическомъ организмѣ, все частное заморено, все проникнуто свѣтомъ сознанія, *скрытая* мысль, волнующая и приводящая въ движеніе природу, освобождаясь отъ физическаго бытія развитіемъ его, становится *открытой* мыслію науки. Какъ бы полна ни была наука, ея полнота отвлеченна, ея положеніе относительно природы отрицательно; она это знала со временъ Декарта, ясно противопоставившаго мышленіе факту, духъ—природѣ. Природа и наука, два выгнутыя зеркала, вѣчно отражающія другъ друга; фокусъ, точку пересѣченія и сосредоточенности между оконченными мірами природы и логики, составляетъ личность человѣка. Природа, собираясь на каждой точкѣ, углубляясь болѣе и болѣе, оканчиваетъ человѣческимъ *я;* въ немъ она достигла своей цѣли. Личность человѣка, противопоставляя себя природѣ, борясь съ естественною непосредственностью, развертываетъ въ себѣ родовое, вѣчное, всеобщее, разумъ. Совершеніе этого развитія—цѣль науки. Вся прошедшая жизнь человѣчества, сознательно и безсознательно, имѣла идеаломъ стремленіе достигнуть разумнаго самопознанія и поднятія воли человѣческой къ волѣ божественной; во всѣ времена, человѣчество стремилось къ нравственно-благому, свободному дѣянію. Такого дѣянія въ исторіи не было и не могло быть. Ему должна была предшествовать наука; безъ вѣдѣнія, безъ полнаго сознанія нѣтъ истинно-свободнаго дѣянія; но полнаго сознанія въ прошедшей жизни человѣческой не было. Наука, приводя къ нему, оправдываетъ исторію и съ тѣмъ вмѣстѣ отрекается отъ нея; истинное дѣяніе не требуетъ для своего оправданія предъидущаго событія, исторія для него почва, непосредственность; все предшествующее необходимо въ генезическомъ смыслѣ, но самобытность и самоозаконеніе грядущее столь-

ко же будетъ имѣть въ себѣ, какъ въ исторіи. Грядущее отнесется къ былому, какъ совершеннолѣтній сынъ къ отцу; для того, чтобъ родиться, для того, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ, ему нуженъ воспитатель, ему нуженъ отецъ; но ставши человѣкомъ, связь съ отцомъ мѣняется — дѣлается выше, полнѣе любовью, свободнѣе. Лессингъ назвалъ развитіе человѣчества воспитаніемъ — выраженіе невѣрное, если взять его безусловно, но въ извѣстныхъ предѣлахъ оно удачно. Въ самомъ дѣлѣ, человѣчество доселѣ имѣетъ ясные признаки несовершеннолѣтія; оно мало по малу воспитывается въ сознаніе. Единство этой педагогіи теряется для не глубокаго взгляда за пышностію и многообразіемъ, за роскошью творчества, за преизбыткомъ формъ и силъ, по видимому, не нужныхъ и противоборствующихъ. Но таковъ инстинктуальный путь развитія естественнаго, безсознательнаго къ сознанію, къ себяобладанію; обратимся къ природѣ: не ясная для себя, мучимая и томимая этой неясностью, стремясь къ цѣли ей неизвѣстной—но которая, съ тѣмъ вмѣстѣ, есть причина ея волненія—она тысячью формами домогается до сознанія, одѣйствоворяетъ всѣ возможности, бросается во всѣ стороны, толкается во всѣ ворота, творя безчисленныя варіаціи на одну тему. Въ этомъ поэзія жизни, въ этомъ свидѣтельство внутренняго богатсва. Каждая степень развитія въ природѣ есть вмѣстѣ и цѣль, относительная истина; она звено въ цѣпи, но кольцо для себя. Влекомая непонятной, великой тоской, природа возвышается отъ формы въ форму; но переходя въ высшее, она упорно держится въ прежней формѣ и развиваетъ ее до послѣдней крайности, какъ будто все спасеніе въ этой формѣ. И въ самомъ дѣлѣ, достигнутая форма великая побѣда, торжество и радость; она всякій разъ высшее,

что есть. Природа выступаетъ изъ нея во всѣ стороны *). Оттого такъ тщетно искали вытянуть всѣ произведенія ея въ мертвую прямолинейность; у ней нѣтъ правильной табели о рангахъ. Произведенія природы не составляютъ одну лѣстницу; нѣтъ — они представляютъ лѣстницу и то, что идетъ по лѣстницѣ; каждая ступень вмѣстѣ и средство, и цѣль, и причина. Idemque rerum naturæ *opus* et rerum ipsa *natura,* какъ сказалъ Плиній. Исторія человѣчества продолженіе исторіи природы; многообразіе, разнородность, встрѣчаемыя въ исторіи, поразительны: область стала шире, вопросъ выше, средства богаче, задняя мысль яснѣе — какъ же не усложниться путямъ? Развитіе съ каждымъ шагомъ становится глубже и съ тѣмъ вмѣстѣ сложнѣе; всего проще камень, спокойно отдыхающій на начальныхъ ступеняхъ. Гдѣ начинается сознаніе, тамъ начинается нравственная свобода; каждая личность одѣйстворяетъ *по-своему* призваніе, оставляя печать своей индивидуальности на событіяхъ. Народы — эти колоссальныя дѣйствующія лица всемірной драмы — исполняютъ дѣло всего человѣчества, какъ *свое дѣло,* придавая тѣмъ художническую оконченность и жизненную полноту дѣяніямъ. Народы представляли бы нѣчто жалкое, еслибъ они свою жизнь считали только одной ступенью неизвѣстному будущему; они были бы похожи на носильщиковъ, которымъ одна тяжесть ноши и трудъ пути а руно несомое другимъ. Природа не поступаетъ такъ съ своими безсознательными дѣтьми—какъ мы замѣтили; тѣмъ болѣе въ мірѣ сознанія не можетъ быть степени, которая не имѣла бы собственнаго удовлетворенія. Но духъ человѣчества, нося

*) Великая мысль Бюффона: « La nature ne fait jamais un pas qui ne soit en tout sens. »

въ глубинѣ своей непреложную цѣль, вѣчное домогательство полнаго развитія, не могъ успокоиться ни въ одной изъ былыхъ формъ; въ этомъ тайна его трансценденціи, его перехватывающей личности (übergreifende Subjectivität). Не забудемъ однако, что каждая изъ былыхъ формъ имѣла содержаніемъ его, и не было духу иной формы, какъ той, за грани которой онъ перешелъ, только потому, что онъ доросъ до нея, былъ ею и переросъ ее. Исторія дѣянія духа, такъ сказать, личность его, ибо „онъ есть то, что дѣлаетъ“ *)—стремленіе безусловнаго примиренія, осуществленіе всего, что есть за душою, освобожденіе отъ естественныхъ и искусственныхъ путъ. Каждый шагъ въ исторіи, поглощая и осуществляя *весь* духъ своего времени, имѣетъ свою полноту — однимъ словомъ—личность кипящую жизнію. Народы, ощущая призваніе выступить на всемірно-историческое поприще, услышавъ гласъ, возвѣщавшій, что часъ ихъ насталъ, проникались огнемъ вдохновенія, оживали двойною жизнію, являли силы, которыя никто не смѣлъ бы предполагать въ нихъ, и которыя они сами не подозрѣвали; степи и лѣса обстроивались весями, науки и художества расцвѣтали, гигантскіе труды совершались для того, чтобъ приготовить караван-сарай грядущей идеѣ, а она— величественный потокъ — текла далѣе и далѣе, захватывая болѣе и болѣе пространства. Но эти караван-сараи не внѣшнія гостинницы идеи, а ея плоть, безъ которой она не могла бы осуществиться, — чрево матери, принявшее прошедшее для будущаго, но и живое своею жизнію; каждая фаза историческаго развитія имѣла сама въ себѣ цѣль и, слѣдственно, награду и удовлетвореніе. Для греческаго міра, его призваніе было

*) Philosophie des Rechts.

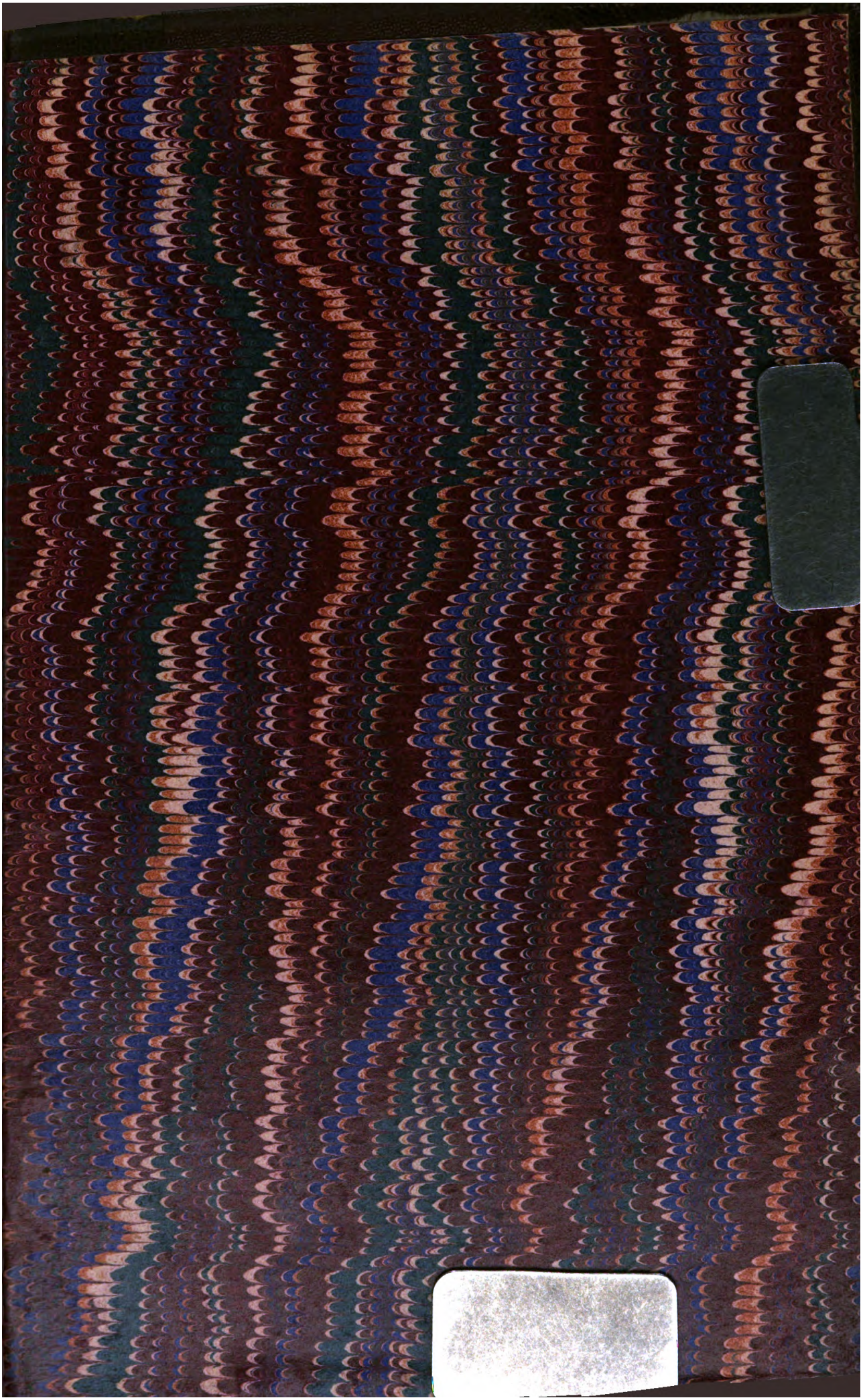
безусловно; за предѣлами своего міра, онъ ничего не видалъ и не могъ видѣть, ибо тогда *не было* еще будущаго. Будущее возможность, а не дѣйствительность: его собственно нѣтъ. Идеалъ для всякой эпохи — она сама, очищенная отъ случайности, преображенное созерцаніе настоящаго. Разумѣется, чѣмъ всеобъемлемѣе и полнѣе настоящее, тѣмъ всемірнѣе и истиннѣе его идеалъ. Такова наша эпоха. Народы, грядя на совершеніе судебъ человѣчества, не знали аккорда, связывавшаго ихъ звуки въ единую симфонію; Августинъ на развалинахъ древняго міра возвѣстилъ высокую мысль о веси Господней, къ построенію которой идетъ человѣчество, и указалъ вдали торжественную субботу успокоенія. Это было поэтико-религіозное начало философіи исторіи; оно очевидно лежало въ христіанствѣ, но долго не понимали его; не болѣе, какъ вѣкъ тому назадъ, человѣчество подумало и въ самомъ дѣлѣ стало спрашивать отчета въ своей жизни, провидя, что оно не даромъ идетъ, и что біографія его имѣетъ глубокій и единый всесвязывающій смыслъ. Этимъ совершеннолѣтнимъ вопросомъ, оно указало, что воспитаніе оканчивается. Наука взялась отвѣчать на него; едва она высказала отвѣтъ, явилась у людей потребность выхода изъ науки—второй признакъ совершеннолѣтія. Но для того, чтобъ своими руками растворить двери, наука должна совершить во всей полнотѣ свое призваніе; пока хоть одна твердая точка остается непокоренною самопознаніемъ—внѣшнее будетъ противодѣйствовать. Число неподвижныхъ звѣздъ становится менѣе и менѣе, но онѣ еще есть. Воспитаніе предполагаетъ внѣ сущую, готовую истину; съ того мгновенія, какъ человѣкъ пойметъ истину, она будетъ у него въ груди, и тогда дѣло воспитанія исчерпано—дѣло сознательнаго дѣянія начнется.

Изъ вратъ храма науки, человѣчество выйдетъ съ гордымъ и поднятымъ челомъ, вдохновенное сознаніемъ: omnia sua secum portans — на творческое созданіе веси Божіей. Примиреніе науки вѣдѣніемъ сняло противорѣчія. Примиреніе въ жизни сниметъ ихъ блаженствомъ *). Примиреніе въ жизни, есть плодъ другаго древа эдемскаго, его надобно было заслужить Адаму въ кровавомъ потѣ, въ тяжкихъ трудахъ — и онъ заслужилъ его.

Но *какъ* будетъ это? *Какъ* именно принадлежитъ будущему. Мы можемъ предузнавать будущее, потому что мы посылки, на которыхъ оснуется его силлогизмъ—но только общимъ, отвлеченнымъ образомъ. Когда настанетъ время, молнія событій раздеретъ тучи, сожжетъ препятствія и будущее, какъ Паллада, родится въ полномъ вооруженіи. Но вѣра въ будущее наше благороднѣйшее право, наше неотъемлемое благо; вѣруя въ него, мы полны любви къ настоящему.

И эта вѣра въ будущее спасетъ насъ въ тяжкія минуты отъ отчаянія; и эта любовь къ настоящему будетъ жива благими дѣяніями.

23 марта, 1843.

*) При этомъ невольно вспомнилась великая мысль Спинозы: « Beatitudo non est virtutis præmium, sed ipsa *virtus*. »

971030